

Я. А. ЛЕНЦМАН

РАБСТВО
В МИКЕНСКОЙ
И ГОМЕРОВСКОЙ
ГРЕЦИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РАБСТВА В АНТИЧНОМ МИРЕ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
*К. К. Зельин, Я. А. Ленцман,
А. И. Павловская, С. Л. Утченко,
Е. М. Штаерман*

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1963

Я. А. ЛЕНЦМАН

РАБСТВО
В МИКЕНСКОЙ
И ГОМЕРОВСКОЙ
ГРЕЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1963

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
С. Л. УТЧЕНКО

От редколлегии

Предлагаемая книга — первая монография серии исследований по истории рабства в античном мире, задуманной Сектором древней истории Института истории АН СССР. Проблема рабства, его значение, размеры, воздействие на социально-экономическую структуру античных обществ, влияние на их идеологию, характер и формы классовой борьбы рабов — все перечисленные и многие другие связанные с этой центральной проблемой вопросы имеют важнейшее, можно сказать определяющее, значение для марксистской историографии античности.

В настоящее время эта проблема приобрела особо актуальное политическое звучание, так как вопрос, были ли общества древности рабовладельческими, ныне является главным в борьбе между марксистскими и буржуазными историками. Последние, как правило, отрицают рабовладельческий характер древних, в частности античных, обществ, преуменьшают численность рабов, степень распространения рабского труда в производстве, идеализируют отношения между рабами и рабовладельцами, отстаивая фальшивый тезис о социальном мире в древности. Ведь не случайно среди докладов, вынесенных на пленарные заседания XI Всемирного конгресса историков в Стокгольме (1960 г.), был представлен антимарксистский доклад западногерманского историка С. Лауффера об античном рабстве.

Подготавливаемые Сектором древней истории исследования должны развернуть перед читателем широкую картину возникновения, развития и упадка античного рабства. Советские историки должны пересмотреть и марксистски осмыслить как давно известные, так и, в особенности, многочисленные новые эпиграфические, археологические и другие источники по социально-экономической истории античного мира. Античное рабство должно

быть изучено нашей наукой во всех его многообразных конкретно-исторических формах, опосредствованиях и связях, на материале истории всех стран античной культуры — от зарождения до падения рабовладельческого строя.

В монографии Я. А. Ленцмана исследуются древнейшие формы рабства в Греции, но в обширном историографическом разделе дан развернутый очерк борьбы взглядов в новой и новейшей историографии на проблему древнегреческого рабства в целом. Этот очерк должен служить как бы общим введением не только к данной книге, но и к другим исследованиям, посвященным рабству в доклассической и классической Элладе.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемой вниманию читателя книге исследуется круг вопросов, связанных с возникновением и ранними стадиями развития рабства в древней Греции. И выбор темы, и структура книги, и хронологические рамки исследования требуют нескольких предварительных замечаний.

Первоначально, более десяти лет назад, автор намеревался написать историю рабства в античной Элладе. Тема эта казалась ему исключительно важной, так как, несмотря на то, что значение древнегреческого рабства в марксистской литературе общепризнано, о нем до сих пор нет еще монографического исследования, которое было бы написано с позиций марксизма. В буржуазной же литературе тех лет безраздельно господствовала концепция Мейера — Уэстермана, приверженцы которой предельно преуменьшали удельный вес и социальную значимость античного рабства и явно идеализировали положение рабов в древности.

Первым шагом автора в этой области была статья о древнегреческих терминах, обозначавших рабов (ВДИ, 1951, № 2). Уже этот опыт показал всю сложность терминологического анализа, когда, стремясь показать различие в содержании тех или иных «рабских» терминов, автор вынужден был оперировать свидетельствами, отделенными друг от друга многими веками. Для любых положительных выводов в области «рабской» терминологии требовалось комплексное изучение всего материала источников по периодам и областям распространения греческой письменности.

Систематическое изучение письменных свидетельств естественно было начать с «Илиады» и «Одиссеи». Выводы автора о гомеровском рабстве были опубликованы в ВДИ, 1952, № 2. Серьезный разрыв в степени распространения рабства между свидетельствами гомеровского эпоса и данными источников VII—VI вв. до н. э. наводил на мысль, что сообщения «Одиссеи» об использовании рабского труда во дворцах басилеев, видимо, относятся не ко времени составления гомеровских поэм, а к значительно более раннему, предположительно микенскому, времени.

В 1952 г. наука не располагала еще прямыми данными об уровне развития рабовладельческих отношений в микенской Греции.

Обилие богатых археологических памятников позволяло с полной уверенностью определить микенские общества как классовые, но источники почти ничего не сообщали о рабах. Поэтому выводы статьи 1952 г. не могли быть проверены до расшифровки линейного письма Б. М. Вентрисом и Дж. Чадвиком. Лишь после опубликования их расшифровки (1953 г.) появилась возможность изучать микенское рабство по письменным источникам.

Все эти обстоятельства заставили обратиться к данным о царском дворце песчаного Пилоса. Таблички дворцового архива неоспоримо показали, что и число рабов, находившихся в ведении дворца, и степень применения рабского труда значительно превосходят все, что нам было известно из эпоса. Это заставило в свою очередь привлечь археологические данные микенского времени и сопоставить с ними памятники XI—VIII вв. до н. э.

Так, сама тема исследования и появление все новых важных источников заставляли отодвигать все дальше в глубь веков хронологические рамки этой книги.

Что касается структуры данной книги, выделение в отдельные части глав, посвященных микенской и собственно гомеровской Греции, вряд ли требует каких-либо особых пояснений. Иначе обстоит дело с первой частью, посвященной обзору эволюции взглядов на древнегреческое рабство в историографии прошлого и текущего столетий. Этот историографический обзор, занимающий около трети всей книги, мыслится автором в качестве введения в проблематику истории древнегреческого рабства в целом. Ввиду того, что Сектор древней истории Института истории АН СССР готовит ряд работ об античном рабстве, в том числе несколько исследований, посвященных рабству в древней Греции, автору этих строк казалось целесообразным дать историографический обзор всей проблемы в первой из выходящих в свет монографий.

Наконец, еще одно замечание. Ввиду того, что в нашей исторической литературе явно недостаточно освещены новые археологические открытия на территории Эллады, автор — хотя и не обладающий достаточной археологической подготовкой — оказался вынужденным уделить, пожалуй, чересчур много места итогам раскопок эллинских поселений начала I тысячелетия до н. э. Без учета свидетельств археологических памятников невозможно дать реальную картину социально-экономических отношений Эллады не только микенского времени, но и последующих столетий.

Хронологической гранью, на которой заканчивается исследование, является начало Великой колонизации. Правда, большая цезура в истории Эллады связана с крушением микенской культуры. Однако характер гомеровских поэм заставил автора объединить в рамках одной книги и микенский, и последующий периоды истории Эллады.

ЧАСТЬ

I

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЕ РАБСТВО
В НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ
ЛИТЕРАТУРЕ

Глава I.

ИСТОРИОГРАФИЯ XIX в.

Для марксистской историографии античности вряд ли существует более важная и сложная проблема, чем проблема рабства. Рабство обусловило первое в истории человечества классовое деление общества; рабовладельческие государства были наиболее ранней формой государства вообще. Рабство создало материальную базу существовавших античных обществ, а классовая борьба между рабами и рабовладельцами как в открытых, так и в латентных формах, во многом определяла ход исторического развития ведущих обществ античности.

Исследование процесса возникновения первых в истории классовых обществ и государств приобретает особый интерес именно в наши дни, в период перехода от капитализма к социализму и коммунизму. В этих условиях изучение процесса зарождения, становления и развития античного рабства, в первую очередь древнегреческого, важно не только в конкретно-историческом, но и в, так сказать, историко-философском плане¹.

Классическими примерами и непревзойденными образцами для исследователей-марксистов являются в данном отношении книга Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и лекция В. И. Ленина «О государстве». И в первом, и во втором произведении материал античности служит отправной точкой для широких историко-философских обобщений.

Несмотря на столь большое значение рабства для всего процесса исторического развития в древности, оно не исследовалось

---

¹ Широкий, выходящий далеко за рамки одной античности характер проблем, возникающих при изучении различных вопросов истории ранней Греции, отмечен и в труде чешского ученого П. Оливки, который счел необходимым дать своей книге о ранней греческой тирании показательный подзаголовок «Изучение вопроса о возникновении государства» (P. O l i v a. Raná řecká tyranie. Studie k otázce vzniku státu. Praha, 1954). Ряд общих методологических вопросов, далеко выходящих за рамки античности, затрагивает в своих работах и английский марксист Дж. Томсон (см. его «Письмо в редакцию», ВДИ, 1953, № 4, стр. 107—113).

мало-мальски систематически в марксистской литературе. Недооценка исследовательской работы в этой области тем опаснее, что в современной буржуазной историографии господствует тенденция ко всяческому преуменьшению роли античного рабства, к объявлению его чем-то случайным и привходящим в истории Греции и Рима. Ныне многие буржуазные историки, ссылаясь на большое количество новых источников, улучшение исследовательской техники и на другие соображения, категорически отрицают определяющую роль рабства в древности и всячески идеализируют положение античных рабов, отказываясь тем самым от основных положений, твердо установленных буржуазными же исследователями прошлого столетия. Эволюция взглядов крупных западных специалистов на рабство в течение последних двух столетий представляет собой исключительно поучительную картину, наглядно показывая, что их концепции во множестве случаев определялись не столько научными соображениями, сколько прежде всего комплексом их политических и философских взглядов.

Развернутый критический анализ трактовки античного рабства в трудах буржуазных историков выходит далеко за рамки задачи, стоящей перед автором этих строк. Здесь представляется особенно важным проследить лишь *эволюцию* их взглядов, указать, как и почему изменялось понимание роли рабства в историографии прошлого и текущего столетий.

В этом плане прежде всего показательны различного рода попытки определить численность рабов в Афинах классического времени. В данной главе, да и вообще в этой книге, такая задача может быть только поставлена; какие-либо попытки дать ее решение уместно предпринять лишь в исследовании, посвященном рабству в Аттике V—IV вв. до н. э. Тем не менее кажется целесообразным проследить в историографическом очерке исключительно показательную эволюцию взглядов на численность афинских рабов в литературе XIX и XX вв.

Эта эволюция особенно отчетливо видна на примере отношения ученых различных поколений к известному сообщению Афиней (VI, 272 b, c), который, ссылаясь на Тимея, передает, что «полис коринфян процветал, обладая 460 тыс. рабов», вследствие чего Пифия назвала коринфян хойникометрами². Здесь же сказано, что, согласно Ктесиклу, перепись населения в Аттике при Деметрии Фалерском дала такие цифры: 21 тыс. афинян, 10 тыс. метеков и 400 тыс. рабов. Наконец, Афиней там же, ссылаясь на

---

² Хойник (1,094 литра) зерна представлял, по-видимому, дневной продовольственный паек взрослого мужчины-раба; см. Th u c., IV, 16, 1. Продовольственный паек рабынь равнялся половине пайка рабов; см. A. J a r d é. Les céréales dans l'antiquité grecque. Paris, 1925, стр. 132; A. W. G o m m e. A Historical Commentary on Thucydides. Oxford, 1956, т. III, стр. 453.

«Эгинскую политику» Аристотеля, добавляет, что на Эгине имелось 470 тыс. рабов.

Это свидетельство Афинейя было объектом поистине бесчисленных исследований многих крупнейших специалистов. При этом накал страстей вокруг приведенного сообщения почти не ослабевает с течением времени. Вот как, например, пишет о нем У. Л. Уэстерман³: «Без этой праздной, антикварной болтовни клуба афинских профессоров, пирующих за обеденным столом, мы имели бы дело главным образом с доступными пониманию и возможными количествами рабов, с полусотнями, сотнями и тысячами вместо тысяч, десятков и сотен тысяч» (стр. 453). Уэстерман приходит к выводу: «Отрывок Афинейя... должен быть отвергнут *in toto*..., свидетельства о большом числе частновладельческих рабов у Никия, Гишпоппика и Филемонида также лишены, по моему мнению, исторической ценности... 150 тыс. рабов из рудников Аттики, о которых предположительно сообщил Гиперид, тоже отпадают. Этими цифрами исчерпываются все свидетельства источников, дающие основание для вывода, что греческое общество V и IV вв., в частности афинское, было преимущественно рабовладельческим» (стр. 463).

На протяжении двух веков делалось множество попыток отстоять, опровергнуть или исправить приводимые Афинеем свидетельства его предшественников. Ввиду важной роли этих свидетельств, стоит хотя бы бегло рассмотреть доводы различных исследователей за или против их достоверности⁴.

Прежде всего возникает вопрос о том, имела ли место какая-нибудь ошибка переписчика и, следовательно, насколько оправданы попытки исправления текста рукописи. Думается, что такая возможность мало вероятна.

Данное место, поскольку речь идет о количестве рабов, сохранилось вполне удовлетворительно. В подтверждение этого можно привести следующие соображения: 1) Афиней посвятил значительную часть VI книги своей хрестоматии (262b—268d и 271b—273d) обстоятельной подборке данных о рабстве, пожалуй, единственной во всей дошедшей до нас античной литературе. Уже проявленный им интерес к этой тематике свидетельствует о значении, приписываемом им рабству; 2) имеющиеся в подборке цитаты из трудов

³ W. L. Westerman. Athenaeus and the Slaves of Athens.— «Athenian Studies Presented to William Scott Ferguson. Harvard studies in Classical Philology», Suppl. vol. I. Cambridge (Mass.), 1940, стр. 451—470. Это—последняя, насколько мне известно, специально посвященная свидетельству Афинейя, работа.

⁴ Обстоятельный и интересный, хотя далеко не объективный обзор историографии вопроса о численности рабского населения Афин см. в кн.: R. L. Sargent. The Size of the Slave Population at Athens during the Fifth and Fourth Centuries B. C.— «University of Illinois Studies in the Social Sciences», XII, № 3. Urbana, 1924, стр. 9—43.

авторов классического времени, например Ксенофонта и Геродота⁵, подтверждаются дошедшими до нас рукописями сочинений этих писателей; 3) что касается конкретно этого отрывка, то свидетельство о 470 тыс. рабов на Эгине приводится также схолиастом Пиндара (к Олимп., VIII, 30), притом со ссылкой на того же Аристотеля; 4) наконец, весь контекст у Афиней указывает на громадные количества рабов в разных городах. Собеседники, приводя свидетельства тех или иных авторов, постоянно подчеркивают исключительное обилие рабов в греческих полисах классического времени. Все эти соображения не оставляют места для сомнений: Афиней действительно считал, что в Коринфе, Аттике и на Эгине было по несколько сот тысяч рабов. Это косвенным образом признает и Уэстерман, настаивающий, как мы видели, на необходимости отвергнуть все свидетельства Афиней в целом.

Другое дело, насколько мнение Афиней, писателя конца II — начала III в. н. э., соответствует истине. Он отделен от времени, о котором пишет, пятью веками, а приведенные им громадные числа не находят весомого подтверждения в других источниках. Все это заставляло различных исследователей на протяжении вот уже двух столетий высказывать сомнения в достоверности его сообщения.

Еще в 1752 г. английский философ Д. Юм выдвинул знаменитые десять аргументов против достоверности свидетельства Ксенокла о численности рабов в Аттике⁶. На эти возражения ссылаются и ныне без малейшей оговорки даже такие крупнейшие буржуазные исследователи рабства, как Уэстерман⁷; поэтому полезно перечислить все эти аргументы.

1) «Число 1 720 000 человек [(21 000 граждан + 10 000 мектеков + 400 000 рабов) × 4]⁸ делает Афины более населенными, чем Лондон и Париж (времени Юма. — *Я. Л.*) вместе взятые».

2) Ксенофонт (Мем., III, 6, 14) говорит о 10 тысячах οἰκία: в Афинах.

3) Хотя Фукидид (II, 13, 7) указывает на большую протяженность оборонительных стен города, однако Ксенофонт (Vect., II, 6) свидетельствует о наличии многих пустырей в Афинах.

4) В источниках не говорится ни о какой угрозе восстаний рабов в Афинах до конца II в. до н. э.

---

⁵ Ср., например, Athen., VI, 272c и Xen., Vect., IV, 14; Athen., VI, 266 e и Heg., VIII, 105.

⁶ D. Hume. Essays Moral, Political and Literary, t. I. London, 1912, стр. 419—422.

⁷ W. L. Westermann. The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity. Philadelphia, 1955, стр. 7.

⁸ Юм считал, что число взрослых мужчин составляет четверть всего населения, так как семья в среднем должна состоять из мужа, жены и двоих детей. То же соотношение он произвольно принимал и для рабов.

5) Отношение к рабам в Афинах было «исключительно мягким и снисходительным».

6) Многие богатые афиняне (Тимарх у Эскина, Лисий и его брат, Демосфен) имели всего лишь от 10 до 60 рабов.

7) 20 тыс. рабов, бежавших, согласно Фукидиду (VII, 27,5), в Декелею, составили бы только 5% числа рабов, указанного Ктесиклом.

8) План покупки государством 10 тыс. рабов для рудников Лавриона (Хен., Vest., IV, 24) излагается в таких словах, что приведенные у Афинейя цифры представляются абсолютно нереальными.

9) Учитываемое по цензу имущество Афин составляло менее 6 тыс. талантов. Исходя из нормы прибыли от раба по оболу в день, чистый доход от 400 тыс. рабов составил бы за четыре года более 12 тыс. талантов, не говоря уже о стоимости самих рабов.

10) Согласно Фукидиду (VIII, 40,2), в Элладе больше всего рабов было в Спарте, а затем на Хиосе. Исходя из пропорций, постулируемых для Афин, в Спарте должно было бы насчитываться более 3 млн. рабов. Это невозможно.

Соображения, выдвинутые Юмом, представляются в своей совокупности, конечно, весовыми. Все же необходимо учитывать три существенных момента в его суждениях. Во-первых, Юм полагал, что, так как цифровые данные о гражданах и метеках относятся только ко взрослым мужчинам, то, и говоря о рабах, Афиней вслед за Ктесиклом подразумевал наличие в Аттике 400 тыс. взрослых мужчин-рабов. Поэтому Юм отрицал возможность существования не 400 тыс., а 1 600 тыс. рабов в Афинах конца IV в. Во-вторых, сам Юм считал для Аттики вполне реальным число 160 тыс. лиц рабского состояния, включая сюда 40 тыс. взрослых рабов-мужчин⁹. Об этом, между прочим, умалчивают и Сарджент, и Уэстерман. В-третьих, Юм, по крайней мере в некоторых из своих возражений, имел в виду не всю Аттику, а лишь сам город Афины.

В 1817 г. знаменитый немецкий историк и эпиграфист А. Бёк в классическом труде о государственном бюджете афинян¹⁰ выступил в защиту сообщения Афинейя, указывая, что во время переписи населения при Деметрии Фалерском рабы подлежали учету как вид имущества, и поэтому афинеево число «40 мириад» следует отнести ко всем вообще рабам, а не только ко взрослым рабам-мужчинам. Бёк впервые привлек свидетельство Гиперида (Suid., s. v. ἀπεφφίσατο) к исследованию вопроса о численности рабов. Общее число рабов в Афинах, согласно подсчетам Бёка, равнялось примерно 365 тыс. при населении Аттики, равном полумил-

⁹ D. H u m e. Op. cit., стр. 419 сл.

¹⁰ A. B o e c k h. Die Staatshaushaltung der Athener³, т. I. Berlin, 1886, стр. 47—49.

лиону. Ввиду того, что даже самые бедные граждане, как правило, имели домашнего раба-слугу (Хремил в «Плутосе» Аристофана), а среднезажиточные философы располагали в среднем по десятку рабов каждый, количество же рабов у богатых афинян колебалось от 50 до 1000 (у Никия) человек, вполне вероятно предположить, что на каждого свободного жителя приходилось в среднем по 4 раба.

В отличие от Юма, который стремился только проверить, правильно ли свидетельство Ктесикла, Бёк исследовал численность рабов в Аттике на широком фоне экономики Афин. Это позволило ему создать более широкую и цельную картину экономической жизни главного полиса Эллады. Ни Бёк, ни, тем паче, Юм не ставили перед собой задачу исследовать роль рабства как фактора общественной жизни; они не стремились анализировать историческое значение рабства в древней Греции.

В 1832 г. французский исследователь Ж.-Ф. Летронн вновь подверг критическому исследованию указанное место у Афиней и пришел к выводу о его абсолютной недостоверности. По мнению Летронна, в Аттике в IV в. вряд ли могло насчитываться более 100—120 тыс. рабов. Несколько позже А. Валлон, соглашаясь с Летронном в критическом отношении к свидетельству Афиней, считал все же, что численность рабов в Аттике колебалась в границах от 188 до 203 тыс. человек¹¹.

Валлон впервые выдвинул и постарался решить важнейшую проблему исторического значения античного рабства. Его большой труд — «История рабства в античном мире» — вышел двумя изданиями: в 1847 и 1879 гг. В качестве «совершенно исключительной по своей полноте, систематизированной сводки конкретного исторического материала о рабстве в древности»¹² труд Валлона не потерял своего значения и в наше время. Охват литературных источников в старом труде Валлона значительно шире, чем в последней книге Уэстермана. Притом это относится не только к примитивным формам рабовладения (как, например, илотия в Спарте), которые Уэстерман не включает в рамки своего исследования, но и к рабству в Афинах.

Политические взгляды Валлона вряд ли можно назвать прогрессивными даже для его времени. Автор статьи о Валлоне в Большом словаре Ларусса едко замечает, что он благодаря своевременному выходу в свет первого издания книги о рабстве получил пост министра в правительстве Французской республики после революции 1848 г. После падения Парижской коммуны Валлон был председателем комиссии по разработке проекта конституции

¹¹ На той же позиции Валлон остался и во втором издании его книги (1879 г.). См. А. В а л л о н. История рабства в античном мире. М., 1911, стр. 118.

¹² А. В. Мишулин. Анри Валлон в историографии по античности. Вводная статья к русскому переводу: А. В а л л о н. Указ. соч., стр. 3.

Третьей республики. Монархист и клерикал, Валлон в 1875 г. мотивировал необходимость принять республиканскую конституцию лишь тем, что орлеанистско-легитимистское большинство в Национальном собрании не могло сговориться относительно единой кандидатуры на французский престол. Будучи сенатором, ояяростно защищал интересы католической церкви. Все указанные обстоятельства достаточно убедительно характеризуют политическое лицо Валлона как реакционера¹³.

Тем не менее читатель книги Валлона, особенно если он сопоставит ее с работами современных нам буржуазных исследователей рабства, невольно почувствует симпатию к концепции французского историка. Это объясняется двумя моментами: во-первых, более прогрессивным взглядом Валлона на рабство, особенно по сравнению с концепциями последующих буржуазных историков; во-вторых, тем, что сочинение Валлона представляло собой непосредственный отзвук сильного в середине прошлого столетия аболиционистского движения. Это мощное движение, выступавшее за отмену рабства негров в США, пользовалось широкой поддержкой и во Франции. Здесь к аболиционистскому движению примыкали многие представители католической буржуазии и аристократии. Аболиционистские тенденции объясняют очень многое во взглядах французского историка на античное рабство. С одной стороны, он не замечает исторической необходимости рабства в древности. С другой, Валлон связывает отмену рабства прежде всего с распространением «гуманных идей» христианства. Рабство для Валлона — абсолютное зло. Он образно уподобляет институт рабства Сатурну, который пожирал собственных детей¹⁴. С аболиционизмом тесно связан и так называемый сентиментализм Валлона, против которого столь резко выступали в последнее время Уэстерман¹⁵ и его последователи.

Валлон ярко показывает разлагающее воздействие рабства не только на рабов, но — не в меньшей мере — и на свободных. Таким образом, Валлона никак нельзя упрекнуть в недооценке размеров рабства и его исторического значения. Однако, подчеркивая отрицательные стороны рабства в древности, Валлон стремится навести читателя на мысль о совершенстве капиталистических порядков. Для того чтобы показать всю ограниченность концепции Валлона, достаточно напомнить, что «Анти-Дюринг» Энгельса, в котором дана предельно четкая характеристика античного рабства как исторического явления, появился в 1878 г., следовательно, за год до второго издания работы Валлона.

¹³ Поэтому вряд ли можно признать правильной оценку А. В. Мишулиным политических взглядов Валлона как «отзвук либеральных идей буржуазной Франции» (там же).

¹⁴ А. В а л л о н. Указ. соч., стр. 15.

¹⁵ W. L. Westerman. The Slave Systems..., стр. X.

В 1869 г. вышла капитальная работа Б. Бюксеншютца об экономических отношениях в Греции¹⁶. Третья глава его исследования (стр. 104—207) полностью посвящена рабству. Рассматривая вопрос о количестве рабов в Аттике, Бюксеншютц¹⁷ в общем и целом присоединялся к Бёку. Он не привлекал новых источников, но, анализируя собранные Афицеем свидетельства на фоне комплекса сообщений древних писателей о рабах, считал их не выходящими за рамки возможного. Бюксеншютц со всей силой подчеркивал, что «рабы составляли ту часть имущества, которая имела величайшее значение на протяжении всей древности и оказывала решающее воздействие в особенности на социальные отношения» (стр. 104). Анализ античного рабства в книге Бюксеншютца сохранил значение вплоть до наших дней. Его взгляд на рабство в исторической литературе прошлого века пользовался таким же успехом, как концепция Мейера — Уэстермана в первой половине нашего столетия.

Важным вкладом в разработку проблемы древнегреческого рабства было исследование М. С. Куторги. Его капитальная работа «Общественное положение рабов и вольноотпущенных в Афинской республике», написанная в 1884 г., увидела свет лишь десять лет спустя¹⁸, но, к величайшему сожалению, прошла совершенно незамеченной не только в западноевропейской, но и в нашей историографии. Лишь в последнее время советские исследователи стали обращать внимание на труды этого крупного русского ученого прошлого века¹⁹.

Общее мировоззрение М. С. Куторги, его политические взгляды и концепция исторического развития достаточно обстоятельно проанализированы в статье М. А. Алпатова, что позволяет здесь обратить внимание в основном только на два важных для нашего исследования и тесно связанных друг с другом момента: взгляд Куторги на древнегреческое рабство и его концепцию афинской демократии.

Объем исследования Куторги почти вдвое превосходит размеры соответствующих глав книги Валлона. Основную ценность работы русского ученого представляет прежде всего его метод исследования. Несмотря на господствовавшее уже в его время поветрие гиперкритицизма, он бережно относился к свидетельствам традиции, всегда стремясь не изменять, а понять текст рукописи в дошедшем до нас виде. Куторга обильно привлекал сведения, сохранившиеся у позднеантичных и византийских лек-

¹⁶ В. В ü c h s e n s c h ü t z. Besitz und Erwerb im griechischen Alterthume. Halle, 1869.

¹⁷ Ibid., стр. 141 сл.

¹⁸ М. С. К у т о р г а. Собр. соч., т. I. СПб., 1894, стр. 153—560.

¹⁹ М. А. А л п а т о в. Мировоззрение М. С. Куторги и его концепция истории древней Греции.—ВДИ, 1955, № 3, стр. 179—191. См. также: Э. Л. К а з а к е в и ч. Были ли рабами οἱ χερσὶς οἰκούντες. — ВДИ, 1960, № 3, стр. 25, 34 слл.

сикографов; в этом отношении его работа не имеет себе равных в мировой литературе.

М. С. Куторга настойчиво отстаивал достоверность указания Афинейя²⁰. В отличие от Валлона, он не занимался подсчетом количества рабов в отдельных отраслях производства и не оперировал различными статистическими выкладками, но главным образом стремился доказать существование в древней Элладе систематических переписей населения, или, как он их называл, «сонмовых списков».

Он уделил очень много внимания анализу различных терминов, обозначающих рабов или связанных с рабством. В отличие не только от своих предшественников, но и от многих последующих исследователей, которые ограничивались кратким перечислением соответствующих терминов, Куторга стремился определить различия в их содержании и таким путем выявить реально существовавшие подразделения среди рабского населения Афин. Несмотря на несостоятельность многих его положений в этой области, терминологические штудии Куторги все-таки до сих пор еще не утратили своего значения.

М. С. Куторга всегда рассматривал рабство на широком социальном фоне. Его внимание привлекали в равной мере как частные, так и государственные (в его своеобразной терминологии — общинные) рабы. Он постоянно указывал на многочисленные связи между рабами и вольноотпущенниками и даже метеками. Рабство, по его мнению, пропитывало собой всю общественную и частную жизнь афинян.

Очень резко Куторга выступал против модернизации античности; он писал в одной из более ранних работ, что различие между политическим устройством греческих республик и строем современных государств «обязует исследователя рассматривать дела древних не в сравнении с современными представительными учреждениями, а по воззрениям и образу мыслей самих эллинов, не увлекаясь ни предположениями, ни собственными политическими мнениями»²¹.

Если некоторые выводы М. С. Куторги, в частности относительно необходимости учитывать наличие различных прослоек среди афинских рабов, заслуживают всяческого внимания, то его концепция роли рабства в целом вызывает возражения, несмотря на сочувственное отношение ученого к угнетенным и эксплуатируемым слоям афинского общества. В своих выводах он постоянно подчеркивал отсутствие в Афинах классического времени какой-либо четкой грани между рабами и свободной беднотой, явно преувеличивал возможности перехода рабов в свободное состояние и безосновательно утверждал, что афинские граждане

²⁰ М. С. К у т о р г а. Указ. соч., стр. 262 сл. и 294—300.

²¹ Там же, стр. 91.

постоянно пополняли свой состав из числа рабов. Даже о времени Солона он писал: «В эту именно эпоху началось в Афинах добровольное освобождение всякого рода рабов» (стр. 500).

Столь же безосновательно Куторга заявлял, что метеки могли только нанимать рабов, но ни в каком случае не владеть ими (стр. 404).

Ближайшие аналогии к статусу афинских рабов он искал в русском дореформенном обществе. Именно поэтому он находил в Аттике и крепостных и дворовых и даже «оброчных особников».

Эти аналогии завели Куторгу слишком далеко и привели, в конце концов, к серьезному искажению исторической перспективы, заставив его совершить ту же методологическую ошибку, от которой, он, как было указано выше, сам предостерегал других исследователей.

Нельзя признать правильным и главный вывод М. С. Куторги: «Закон истории гласит: чем разнообразнее притоки в основное родовое начало общества (в новейшее время народа), тем даровитее само общество и тем производительнее его умственная деятельность» (стр. 506; подчеркнуто Куторгой). По его мнению, применительно к Афинам из этого закона следует, что историческое величие передового эллинского полиса было обусловлено постоянным широким пополнением афинской гражданской общины за счет рабов и метеков. Здесь он игнорирует одну из основных черт, присущих структуре всех древнеэллинских полисов, — их замкнутость. Переход из рабского состояния в свободное и не в меньшей степени приобретение гражданских прав были обусловлены в Афинах весьма суровыми ограничениями, что и явилось одной из причин их относительно быстрого упадка в конце IV в.

Как и книга Валлона, труд М. С. Куторги почти ничего не дает для изучаемой в этой книге темы — микенского и гомеровского рабства. Его исследование посвящено анализу положения рабов в Афинах классического времени.

Почти одновременно с трудом Куторги была написана книга В. Рихтера²². Немецкий ученый дает систематический обзор истории рабства в Элладе с гомеровского времени, вплоть до конца классической эпохи. После суммарного обозрения данных о рабах в гомеровский век (разд. I, стр. 10—23) и сведений о «крепостной зависимости» (разд. II, стр. 24—35) он подробно рассматривает рабство классического времени (гл. 1—7, стр. 36—191), останавливаясь при этом на следующих вопросах: источники рабства, занятия рабов, их численность, цены рабов и производительность их труда, положение рабов по отношению к хозяевам, юридическое положение рабов в Афинах, манумиссии.

Как видно хотя бы из этого перечня, структура книги Рихтера почти не отличается от построения работы Валлона. Притом

²² W. Richter. Die Sklaverei im griechischen Altertume. Breslau, 1886.

зависимость от Валлона не ограничивается только внешним сходством, но достаточно ясно проявляется и в концепции немецкого ученого. Подобно Валлону, Рихтер находился под сильным воздействием аболиционизма. Он часто сравнивал античное рабство не только с рабством негров в южных штатах США, но иногда даже с крепостничеством в России до реформы 1861 г., не замечая никакого различия между всеми этими исторически столь далекими друг от друга явлениями. Рихтер полностью согласен с Валлоном в том, что именно рабство было «основой, на которую опиралась вся социальная и политическая жизнь греков» (стр. 162), но, как и его предшественник, не видит исторической обусловленности рабства в древности, считая его предпосылкой — не достижение определенного уровня социально-экономического развития, а «борьбу за существование в области труда и потребности людей как древнейшего, так и более позднего времени» (стр. 6).

Преимущества книги Рихтера, в сравнении с работой Валлона — это: 1) значительно более широкое использование эпиграфического материала (особенно в главе о манумиссиях); 2) несколько больший охват литературных источников и 3) учет своеобразного переплетения античных и патриархальных форм рабства даже в передовых эллинских полисах. Наиболее существенное расхождение между взглядами Рихтера и Валлона состоит, пожалуй, в оценке роли раннего христианства. Если для католика Валлона христианская мораль положила конец античному рабству, то лютеранин Рихтер более трезво отмечает, что «ни апостолы, ни отцы церкви не требовали отмены рабства» (стр. 166).

В отличие от Валлона, Рихтер считал свидетельство Ктесикла вполне достоверным. Однако выкладки Рихтера не вызывают доверия, так как он во многих случаях оперировал безосновательно громадными числами, говоря о десятках тысяч рабов. Сарджент правильно отмечает, что Рихтер без основания считал число государственных рабов в Афинах — «демосиев и прочих» — равным 50 тыс.²³

Несмотря на иногда достаточно существенные расхождения по тем или иным аспектам анализируемой проблемы, все перечисленные ученые прошлого века твердо признавали определяющую роль рабства в античности. Это выражалось не только в признании подавляющего численного превосходства рабов над свободными, но прежде всего в осознании того факта, что на труд рабов опиралось все величественное здание античной культуры, что античная идеология во всех ее разновидностях во многом определялась самим существованием рабства. Для подавляющего большинства ученых прошлого века характерен отказ от стремления *per fas et nefas* идеализировать положение рабов в древней Греции. В отличие от современных буржуазных исследова-

²³ R. L. Sargent. Op. cit., стр. 30.

телей, они не приукрашивали античное рабство, но вполне четко указывали как на невыносимо тяжкие условия быта и труда рабов, так и, в особенности, на разлагающее воздействие института рабства и на рабов, и на свободных. Взгляды этих ученых, как правило, проникнуты горячей симпатией к рабам. Даже Куторга, который подчас проявлял особенную склонность идеализировать участь рабов в Афинах, относился с величайшим сочувствием к труженикам, чьими руками было создано материальное благосостояние ведущего полиса древней Эллады. Наконец, величайшей заслугой всех этих ученых было накопление громадного количества данных о рабстве, разбросанных по крупицам в сочинениях античных писателей и византийских лексикографов.

В современной литературе принято объяснять сочувствие Валлона и других исследователей прошлого века к рабам только влиянием аболиционизма. Но ведь для характеристики жестокого отношения античных рабовладельцев к рабам имеется вполне достаточно материалов у древних авторов, и для этого не было необходимости обращаться к практике рабовладельцев в южных штатах США. Лучшей иллюстрацией в этом плане может послужить то обстоятельство, что именно у наиболее далекого от аболиционизма М. С. Куторги немало страниц посвящено описанию наказаний, которым подвергались древнегреческие рабы²⁴.

Отрицательное воздействие аболиционизма на исследователей античного рабства выразилось вовсе не в сентиментализме и не в преувеличении отрицательных сторон этого рабства, а прежде всего в неисторическом подходе к проблеме. Все перечисленные ученые прошлого столетия, за исключением Бюксеншютца, видели в рабстве извечную категорию. Никто из них не задумывался над коренным отличием античного рабства от рабства при феодализме или при капитализме. Они не смогли определить подлинные предпосылки возникновения и существования рабства в древности и поэтому не поняли причин его падения. Отсюда вытекало и то, что ни один из них так и не смог понять коренной непримиримости интересов рабов и рабовладельцев в древности. Их сочувствие рабам было вызвано лишь моральными соображениями, а не пониманием прогрессивности борьбы рабов против угнетателей.

О том, что отношение буржуазных ученых прошлого столетия к античному рабству вовсе не определялось влиянием одного аболиционизма, пожалуй, лучше всего свидетельствует концепция К. Бюхера. Система его экономических взглядов общезвестна²⁵. В дашой связи стоит остановиться лишь на его отношении к античному рабству. Суждения Бюхера по этому вопросу были общим

²⁴ М. С. К у т о р г а. Указ. соч., стр. 187—193.

²⁵ Наиболее обстоятельный анализ его концепции в целом дан в статье-послесловии акад. А. И. Тюменева «О книге Бюхера». См. К. Б ю х е р. Возникновение народного хозяйства. Пг., 1923.

местом в историографии прошлого века, а для самого Бюхера они являлись только иллюстрацией его теории «ойкосного хозяйства».

Вопросов, связанных с античным рабством, Бюхер касался в двух книгах²⁶. В первой из них автор обращал внимание главным образом на сицилийские восстания рабов, а не на рабство в классической Греции. В этой ранней работе еще не чувствуется известная концепция ступеней народнохозяйственного развития, сформулированная им в развернутом виде лишь двумя десятилетиями позже. Что касается рабства в Греции, то Бюхер вполне правильно заключал: «Можно с полной определенностью утверждать, что рабовладельческое хозяйство и построенная на нем социально-политическая система были основной причиной гибели Эллады» (стр. 104).

Равным образом и во второй из указанных работ (стр. 22) Бюхер не был склонен недооценивать значение рабства для античности. Так, явно преувеличивая, он заявляет: «В рабстве найдено было средство уберечь замкнутое домашнее хозяйство с его обычным разделением труда от разрушения». Страницей дальше он склонен даже объяснить «хозяйственной автономией, покоящейся на рабстве внутри дома... всю социальную и значительную часть политической истории древнего Рима». В более поздней работе он категорически заявлял: «Главнейшим товаром древности был человек, и можно показать, что Аттика была крупным потребителем этого товара»²⁷. Таким образом, Бюхер, как и Валлон, несомненно, считал классическую Грецию и Рим рабовладельческими обществами. Однако, в отличие от Валлона, Бюхер ясно осознавал историческую обусловленность и роль рабства. В этом, несомненно, его большая заслуга.

Все же концепция рабства у Бюхера далеко не так безупречна, как это могло бы показаться на первый взгляд. Уже в последних приведенных его высказываниях роль рабства явно преувеличена. Мы прекрасно знаем, что рабство так и не смогло уберечь ойкосное хозяйство от распада. Еще К. Маркс правильно отмечал, что развитие купеческого капитала в древности приводит «к превращению патриархальной системы рабства, направленной на производство непосредственных средств существования, в рабовладельческую систему, направленную на производство прибавочной стоимости»²⁸. «Замкнутое домашнее хозяйство» Бюхера могло бы в лучшем случае соответствовать «патриархальной системе

---

²⁶ К. В ü c h e r. Die Aufstände der unfreien Arbeiter. Frankfurt a/M., 1874. Цит. по русскому переводу: «Восстания рабов 143—129 гг. до Р. X.» Л., 1924 (сам Бюхер в те годы не случайно употребил расплывчатое unfreie Arbeiter вместо обычного Sklaven); е г о ж е. Die Entstehung der Volkswirtschaft. Tübingen, 1893.

²⁷ К. Б ю х е р. Очерки экономической истории Греции. Л., 1924, стр. 43 сл.

²⁸ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 25, ч. I, стр. 364—365.

рабства» в приведенной цитате у Маркса. Однако вряд ли можно найти что-либо общее между натуральным ойкосным хозяйством в понимании Бюхера и «рабовладельческой системой, направленной на производство прибавочной стоимости», которая является высшей ступенью развития рабовладельческого строя. Рабство в изображении Бюхера выглядит, поскольку речь идет о древности, столь же статичным, как в изложении Валлона; с его точки зрения, нет никаких существенных различий между ойкосом Одисея в гомеровскую эпоху и хозяйством, скажем, Никия в конце V в. до н. э.

Таким образом, при всем разнообразии взглядов историков прошлого века на античное рабство, на его размеры и значение, несмотря на различия в их подходе к этой проблеме, все они сходились в основном — в признании рабовладельческого характера античных обществ.

Отметив это важное обстоятельство, мы можем теперь вернуться к оценке свидетельства Ктесикла у Афиней. Прежде всего несколько замечаний по поводу изложенных выше десяти положений Юма (см. выше, стр. 14 сл.). Комплекс приводимых им аргументов представляется убедительным, особенно если учесть, что Юм возражал против числа 1 600 тыс. рабов в городе Афины. Тезис этот, как показали последующие исследования (в частности, Бёка), был основан на явном недоразумении. Согласно Ктесиклу, число 400 тыс. рабов относилось ко всей Аттике и к общему количеству всех рабов вне зависимости от пола и возраста. Отсюда следует, что первый и третий, а частично и второй из аргументов Юма фактически отпадают. Зато прочие выдвинутые им соображения сохраняют всю свою силу. Действительно, у нас нет никаких свидетельств о восстаниях рабов в Аттике, вплоть до второй половины II в. до н. э., отношение к рабам в Афинах было мягче, чем в Спарте к илотам, а это вряд ли может быть согласовано со столь подавляющим количественным преобладанием рабов над свободными, как постулирует свидетельство Ктесикла. Что касается второй половины аргументов Юма, то и они, несмотря на сомнительность некоторых из них (например, девятого), звучат достаточно убедительно для того, чтобы считать приводимые Афинеем числа нереальными.

Привлеченный Бёком фрагмент Гиперида из Свида дошел до нас лишь в весьма отрывочном состоянии, в тексте его даже не названы рабы. Лишь из контекста можно полагать, что речь идет действительно о «более чем 15 мириадах [рабов] из серебряных рудников и прочей хоры». Остается также неясным, подразумевается ли под «прочей хорой» только сельская местность или вся территория Аттики с Афинами включительно, кроме Лавриона. Наличие некоторого соответствия между свидетельством Ктесикла о 400 тыс. рабов для всей территории Афинского государства и сообщением Гиперида о 150 тыс. рабов-мужчин для Лавриона и

сельских местностей Аттики, если признать правильной интерпретацию последнего фрагмента Бёком, взаимно подкрепляет эти свидетельства. Однако остается противоречие между ними и прочими данными античных источников. Все это заставляет признать правильной критику сообщения Ктесикла в сочинениях исследователей прошлого столетия.

Большую роль в подсчетах возможного для Афин количества рабов сыграли данные о хлебном балансе. Из свидетельства Демосфена (XX, 31 сл.) следует, что в Афины привозилось тогда 400 тыс. медимнов хлеба из Понта и столько же ввозилось из всех других стран. Таким образом, если свидетельство Демосфена соответствует истине, Афины ежегодно ввозили 800 тыс. медимнов, что, исходя из расчета по хойнику в день, было достаточно для прокормления около 107 тыс. взрослых мужчин в год.

Данные о собственно аттическом производстве зерновых культур пытались определить из свидетельства Демосфена об урожайности имения Файниппа. Это имение имело периметр в 40 стадиев (XLII, 5) и продавало более 1000 медимнов хлеба (там же, 20). На основании этих, вряд ли достаточных, данных разные ученые подсчитывали урожай всей Аттики. Колебания в подсчетах, в зависимости от принимаемой площади Аттики, количества обрабатываемых земель и от других моментов, были весьма значительны. В оптимальном случае они дают 655 тыс. медимнов зерна на продажу²⁹, следовательно, продовольствие еще для приблизительно 88 тыс. взрослых мужчин. Таким образом, продовольствия во всей Аттике было бы достаточно не более, чем для 200 тыс. взрослых мужчин. Учитывая, что женщины и дети получали значительно меньше хлеба, общая численность населения Аттики, при меньшем количестве мужчин, могла бы составить максимум 300 тыс. человек, что, разумеется, не оставляет места для 400 тыс. ктесикловых рабов.

Забегая несколько вперед, здесь стоит указать на еще один важный источник, относящийся к хлебному балансу Аттики. В 1883 г. Цунда издал надпись из Элевсина, датируемую 329/28 г. до н. э. (IG, II², 1672). Строки 263—303 этой надписи занимают отчет о получении и расходовании первых плодов урожая ячменя и пшеницы, поступивших в храм Деметры и Персефоны от аттических фил и других территорий, подчиненных Афинам. Принимается, что в этом году пожертвовано богиням $\frac{1}{600}$ часть урожая ячменя и $\frac{1}{1200}$ часть урожая пшеницы. В таком случае весь урожай 329/28 г. составил бы около 150 тыс. медимнов пшеницы и 550 тыс. медимнов ячменя³⁰. Из этих чисел необходимо вычесть примерно $\frac{1}{7}$ на посевное зерно и довольно большое

²⁹ Подробный анализ соответствующих данных см.: A. J a r d é. Op. cit., стр. 48 слл.

³⁰ Статистические выкладки см. там же.

количество ячменя на прокорм скота. Во всяком случае количество товарного хлеба оказывается значительно меньшим, чем получаемое обычно на основании подсчетов, отправляющихся от данных об имении Файниппа. Возможно, что в 329/28 г. в Аттике был недород или что пожертвования не соответствовали величине собранного урожая. Как бы то ни было, данные элевсинской надписи заставляют еще более снизить предположительную численность населения Аттики, по всей видимости, ниже постулируемых 300 тыс. человек.

Все эти и аналогичные подсчеты основываются на скудных данных со многими неизвестными. Поэтому любые выводы всегда стоят под вопросом. Все же они, взятые даже в максимальных вариантах, не позволяют считать достоверным свидетельство Ктесикла.

Однако не менее важно отметить другое: почти для всех исследователей прошлого века вне зависимости от того, принимали ли они данные Ктесикла или отвергали, не подлежало сомнению, что число рабов, например в Аттике, значительно превосходило число свободных ее обитателей. Лучшей иллюстрацией в этом отношении может служить книга Валлона, который считал необходимым вдвое уменьшить цифры Афинейя. Тем не менее вряд ли кто-либо мог бы его упрескнуть в недооценке рабовладельческого характера афинского общества.

Французский ученый указывал, что от определения той или иной численности рабов в Аттике зависит оценка их удельного веса в труде, места в законодательстве, воздействия рабства на свободных и решение ряда других важнейших для характеристики афинского общества вопросов. Он писал: «Для того чтобы ответить на все эти вопросы, касающиеся общества, состоящего из свободных и рабов, выяснить все проблемы, которые могут возникнуть по поводу его конституции, характера и духа, — для этого нужно прежде всего, чтобы было установлено, в каком соотношении участвуют оба эти элемента в его формировании. Таким образом, простой, казалось бы, вопрос о цифрах поднимается на высоту вопроса социального. Этот вопрос является одним из основных вопросов истории рабства»³¹.

Валлон прав, обращая внимание на необходимость определения численности афинских рабов. Однако он смешивает два родственных, но все же различных вопроса: количество рабов и их численное отношение к свободному населению. Для того чтобы прийти к каким-то однозначным выводам относительно социального характера афинского общества, важно не столько определить, было ли в Аттике 400, 150, 100 или даже 60 тыс. рабов, сколько уточнить, какой они составляли процент населения. В этом плане

---

³¹ А. Валлон. Указ. соч., стр. 91.

особенно важны два момента: прежде всего, было ли их больше, чем свободных, и затем, какова была их роль в производстве.

Об этом элементарном требовании не стоило бы говорить столь подробно, если бы о нем не забывали подчас весьма и весьма многие буржуазные исследователи нашего времени. Так, например, Уэстерман, который уделил в своем последнем труде немало внимания вопросу о численности рабов в Афинах, нигде не говорит ни слова о том, какую часть населения они составляли. Не обращает на это должного внимания и Сарджент. Да и Валлон, который правильно указал на громадное социальное значение рабства, не чувствовал, что для ответа на поставленные им вопросы важно знать прежде всего не количество рабов в Аттике, а численное соотношение между рабами и свободными.

Между тем несмотря на исреальность приводимых у Афиней цифровых данных, общий контекст его свидетельств, взятых как целое, на наш взгляд, не оставляет ни малейшего сомнения в том, что, по мнению древних авторов, число рабов и в Афинах, и на Эгине, и в Коринфе значительно превосходило число свободных. Коль скоро мы признаем, что рукописный текст в данном месте не оказался безнадежно испорченным, — а выше уже приводились соображения, говорящие в пользу его сохранности, — ответ на основной вопрос становится несомненным. Число рабов в указанных эллинских полисах должно было значительно превосходить численность свободного населения.

Со свидетельствами, собранными в подборке Афиней о рабах, произошло примерно то же, что с сообщением Геродота об армии Ксеркса. Впечатление от нависшей над Элладой страшной угрозы заставило «отца истории» непомерно преувеличить численность персидских полчищ. И тем не менее этого не было бы, если б войска Ксеркса не превосходили во много раз обычных для эллинов того времени военных контингентов. Сотни тысяч афинеевых рабов — также преувеличение. Однако в его основе лежит убеждение в значительном численном превосходстве рабов над свободным населением в ведущих полисах античной Греции. Именно такого мнения придерживались все без исключения крупные исследователи прошлого века.

Глава 2.

ОТ МЕЙЕРА ДО УЭСТЕРМАНА

Следующий период в историографии античного рабства начинается с известного доклада Эд. Мейера «Рабство в древности» (1898 г.)¹. В сочетании с несколько более ранним (1895 г.) докладом того же автора «Экономическое развитие древнего мира» данная работа излагает в наиболее четкой форме кредо так называемого модернизаторского направления, которое с тех пор на протяжении более трех десятилетий почти безраздельно господствовало в зарубежной историографии античности. Исходя из своей концепции циклического развития², по крайней мере европейских народов, Эд. Мейер выдвинул в упомянутом докладе совершенно новый взгляд на значение рабства в древности вообще и в древней Греции в частности. Система воззрений Эд. Мейера на античное рабство стоит в резком противоречии с выводами всех предшествовавших ему исследователей этой проблемы. Хотя после работ И. Хазебрэка³ влияние циклизма в целом сильно пошло на убыль и в настоящее время ни в западноевропейской, ни в американской литературе мы не найдем столь яростных защитников тезиса о существовании капитализма в древней Греции, какими были, например, Р. Пельман, Э. Цибарт и К. Ю. Белох, но в отношении взглядов на рабство дело обстоит по-иному. Мейеровская концепция исторической роли рабства в древности, представляющая собой идейную основу работ Уэстермана, была полностью принята вплоть до самого последнего времени в общих курсах и

¹ Указанный доклад неоднократно переводился на многие европейские языки, в том числе и на русский. Ссылки на эту работу здесь и ниже — по изданию: Ed. Meyer. Kleine Schriften. Halle a. S., 1910.

² Здесь не место рассматривать концепцию модернизаторского, или точнее говоря, циклистского, течения в целом. Критике его уделялось достаточное внимание в трудах советских историков 20-х и 30-х годов. Наиболее обстоятельный разбор и критику этой концепции см. в книге акад. А. И. Тюменева «Существовал ли капитализм в древней Греции?» (Пг., 1923).

³ J. Hasebroek. Staat und Handel im alten Griechenland. Tübingen, 1928; его же. Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte bis zur Perserzeit. Tübingen, 1931.

справочниках по истории античности. Это заставляет нас остановиться на ней несколько подробнее.

Указав, что: 1) социально-экономические отношения германских племен в первые века нашей эры немногим отличались от соответствующих отношений, например, эллинских племен гомеровского времени и 2) Эллада и Рим в период их расцвета были окружены морем варварских народов, стоявших на значительно более низком уровне развития, Эд. Мейер, отправляясь от этих в общем правильных наблюдений, сделал в корне ложный вывод, что рабство только изредка, да и то лишь на краткий промежуток времени, могло «представлять собой определяющий или вообще господствующий фактор в экономической жизни того или иного народа» (стр. 178). Кроме Греции V и IV вв. и Римской республики последних двух столетий до н. э., он признает значительное развитие рабства лишь для Вавилона времени Хаммурапи (стр. 190, прим. 1). Но даже для указанного периода расцвета классической Греции Мейер считает, что не может быть речи о преобладании рабского труда в какой-либо отрасли производства, за исключением ремесла и горного дела. По его мнению (стр. 200), и в Греции, и в Риме «рабовладельцы были всегда в меньшинстве (среди свободного населения — Я. Л.)». Наемный труд и рабство всегда уживались друг с другом, несмотря на взаимную конкуренцию.

В поисках расхождений между античностью и средневековьем, аналогий между той же античностью и капитализмом Мейер доходит, наконец, до заявления, что, в отличие от колоннов или крепостных, «античный раб при благоприятных условиях мог, так же как современный индустриальный рабочий, добиться благосостояния и богатства» (стр. 211).

Такова общая концепция античного рабства в докладе Мейера. Что касается рабства в самой Греции, Мейер в своем докладе отрицает за ним полностью какое-либо значение для времени, как он говорит, «греческого средневековья» (стр. 188). По его словам, в эпоху господства аристократии в рабском состоянии находились почти исключительно женщины, которые были главным образом наложницами своих господ (стр. 183). Предпосылками перехода к использованию рабского труда в производстве он считает «создание правового государства, отмену сословных привилегий..., полное осуществление политической свободы и равенства перед законом» (стр. 192 сл.). Но даже после осуществления всей этой программы, удивительным образом напоминающей в его изложении не столько реформы Солона и Клисфена, сколько лозунги Французской буржуазной революции, в Афинах классического времени рабы использовались главным образом в ремесле и рудниках. В сельском хозяйстве Аттики их труд был впервые применен только «крупными капиталистами» (стр. 198), но и здесь он был скорее исключением.

Таким образом, концепцию рабства в докладе Эд. Мейера можно свести к нескольким положениям: 1) рабство в древности нигде не играло определяющей роли, кроме, возможно, Греции и Рима, да и то лишь в период максимального расцвета там отношений, соответствующих, по его мнению, капитализму; 2) даже в Греции оно не вытеснило наемного труда ни в одной отрасли хозяйства, кроме горного дела и частично ремесла; 3) в сельском хозяйстве Греции рабы использовались только спорадически; 4) переход к массовому применению рабского труда был связан с установлением «правового государства»; 5) перед рабами, как перед рабочими эпохи капитализма, был широко открыт путь к благосостоянию.

Справедливости ради, здесь необходимо указать, что в капитальном труде Эд. Мейера «Geschichte des Altertums»⁴ древнегреческое рабство характеризуется с несколько иных позиций, чем в указанном докладе. В III томе GdA говорится, что уже в VII — VI вв. хиосцы «привозили массы рабов, а Коринф, Эгина, Милет, Халкида и прочие фабричные города также не могли без них обойтись; число рабов постоянно растет, часто значительно превосходя численность свободного населения» (стр. 505). Для Афин времени Перикла Эд. Мейер считает необходимым отметить «громадные размеры рабства»⁵. Страницей дальше он отмечает достоверность сообщений Ксенофонта (Vect., IV, 14) о тысяче рабов у Никсия. Анализируя состав населения Аттики, Эд. Мейер приходит к выводу (стр. 705), что накануне Пелопоннесской войны 170 тыс. гражданского населения (включая женщин и детей) противостояло, вероятно, 150 тыс. рабов, преимущественно мужчин, причем «подавляющее большинство последних было занято в промышленности и ремесле (Industrie und Manufaktur)».

Во II томе «Forschungen...» Мейер посвящает несколько страниц⁶ вопросу о численности рабов в Аттике. Указав на ошибочность чисел, приводимых у Афинейя, он выступает против тенденции преувеличивать количество афинских рабов. Для V века он отмечает наличие многих тысяч — но «ни в коем случае не многих десятков тысяч» — рабов в Лаврионе при относительно небольшом числе «фабричных» рабов. В следующем столетии число рабов первой категории уменьшилось, а второй возросло. Здесь же он повторяет свой вывод о 150 тыс. афинских рабов ко времени декелейских событий.

Расхождение в оценке размеров и значения рабства между докладом Эд. Мейера и его же «Историей древнего мира» и «Forschungen...» тем более поразительно, что все эти работы принад-

⁴ Далее — GdA; цитаты даются по изданию: Ed. Meyer, *Geschichte des Altertums* 3. Stuttgart, 1954.

⁵ GdA, IV, 1, стр. 518.

⁶ Ed. Meyer, *Forschungen zur alten Geschichte*, т. II. Halle a. S., 1899. стр. 185—189.

лежат примерно к одному и тому же периоду творчества крупнейшего немецкого историка ⁷. Возможно, что это противоречие было вызвано намеренной резкостью полемического доклада, специально посвященного проблеме рабства.

Как бы то ни было, не GdA, а именно оба упомянутых доклада Эд. Мейера — небольшие брошюры без научного аппарата, весьма далекие от столь излюбленных в немецкой историографии трудов геллертерского типа, — оказали поистине исключительное влияние на буржуазную историографию. Достаточно напомнить, что крупнейший современный специалист по рабству У. Л. Уэстерман начал свою статью в RE со слов: «Основу наших современных знаний о рабстве в истории Греции и Рима заложил Эд. Мейер» ⁸.

Какими же причинами было вызвано возникновение новой концепции рабства и, главное, ее быстрый успех и последующее длительное господство в историографии? Сыграло ли здесь определяющую роль появление значительного количества новых источников, усовершенствование методов исследования, или же основную причину всеобщего одобрения мейеровской концепции следует искать где-то в иной области?

На протяжении всей второй половины прошлого столетия значительно расширился объем сведений о многих странах древнего Востока и о периферии собственно античного мира. В глазах исследователей древности Эллада и Рим вышли из состояния изоляции по отношению к своим ближайшим и более далеким соседям. История древнего мира все более становилась фактически всемирной историей, разумеется, в масштабах того времени. Не даром крупнейшей заслугой самого Мейера было написание, пожалуй впервые в историографии нового времени, синхронной истории древнего мира. Поэтому сама попытка определить размеры и роль развитых форм рабства в масштабах всей ойкумены была вполне оправдана и закономерна. Однако Мейер, заметив, что классические, развитые формы рабства достигли господства только в Греции, Риме и, возможно, в некоторых других странах, просто отбросил как несущественное множество примитивных разновидностей рабства. Между тем историческое развитие древнего мира характеризуется сосуществованием самых различных видов рабства, и историк должен не отбрасывать важные исторические явления, кажущиеся ему примитивными, а исследовать их во всех опосредствованиях. В конце концов, даже если ограничиться Афинами и Римом, то и здесь конкретно-исторические формы рабства достаточно резко отличались друг от друга. Да и в самих Афинах была целая пропасть между статусом демосиев и частновладельческих рабов.

Что касается собственно Греции, то ни открытие микенской культуры, ни находка «Афинской политики», ни, наконец, публи-

⁷ III том GdA впервые вышел в свет в 1893, доклад о рабстве — в 1898, II том «Forschungen...» — в 1899, а IV том GdA — в 1900 г.

⁸ RE, Supplb. VI (1935), стлб. 894.

кация множества надписей не давали основания к пересмотру той оценки исторического значения древнегреческого рабства, какая сложилась в трудах предшественников Мейера. Его выводы в этом плане не подтверждались ни новыми источниками, ни прогрессом техники исследования. Единственная группа эпиграфических памятников, которые он приводит в подкрепление своих выводов, это надписи о строительстве афинских храмов. Но данные этих надписей свидетельствуют как раз об относительно широком использовании рабского труда даже в критические моменты истории Афин⁹.

Следовательно, корни успеха концепции Эд. Мейера надо искать в чем-то ином. Советские историки видят их прежде всего в соответствии теории циклизма политическим интересам империалистической буржуазии. Теория, отрицающая прогрессивность исторического развития, «опровергающая» неизбежность победы социализма и к тому же смазывающая остроту классово-вой борьбы в древности, должна была еще раз «опровергнуть» марксизм.

И все-таки взгляды Эд. Мейера, провозглашенные им в конце 90-х годов, не сразу завоевали полное признание даже в немецкой историографии. Приверженцы модернизаторской школы расходились в подходе к античному рабству. Некоторые из них ограничивали рамки античного капитализма Афинами и Римом в периоды их наибольшего развития. Другие, отождествляя античность с капитализмом, находили в древности мощное развитие не только ремесла, но и крупной промышленности, большие массы промышленных рабочих, острые классовые противоречия и даже социалистическое и коммунистическое движения. Наиболее ярким выразителем последней точки зрения был Р. Пельман. Хотя в результате критических замечаний он во втором издании изменил название своей книги¹⁰, тем не менее он и здесь с неприкрытой ненавистью выступает против современного ему марксизма. Своей книгой Пельман, по его же словам, хотел «показать, что обозначает античность для нашей современности: фазу развития культурного человечества..., которая заключает в себе множество напоминаний, предостережений и поучений для всех последующих поколений. Здесь перед нами законченный про-

⁹ Единственный новый в то время источник, который мог поколебать представление о наличии громадного количества рабов в Аттике V — IV вв., — это упомянутая нами выше надпись IG, II², 1672. Однако публикация этой надписи, как мы видели, не повлияла на мейеровский подсчет численности населения Аттики.

¹⁰ Книга Р. Пельмана в первом издании называлась «История античного коммунизма и социализма»; следующие два издания носят название «История социального вопроса и социализма в античном мире». Мотивировку см. в предисловии автора ко второму изданию (1912 г.). Ссылки здесь и в дальнейшем даются по третьему изданию: R. von Pöhlmann. Geschichte der sozialen Frage und des Sozialismus in der antiken Welt, т. I—II. München, 1925.

цесс, в результате которого в античном государстве равного избирательного права (*ισόψηρος πόλις*) дело дошло не только до преодоления антигосударственного аристократизма и плутократизма, но часто даже до систематического угнетения, до полного политического подавления (*Mundtotmachung*) и прогрессирующего насилия со стороны масс (*Massenmehrheit*) над меньшинством, вплоть до экспроприации имущих»¹¹. Вот почему Пельман находит в античности современную социал-демократию, интернационал и даже... осуществление Готской программы немецкой социал-демократии¹² (в утопии Ямбула¹³).

Исходя из таких предпосылок, Пельман повсеместно в древности находит капиталистические отношения, банковский капитал, безудержную пауперизацию средних слоев и высокосоциальное социалистическое течение. Социализм в Элладе появляется у него уже в VI в., а с IV в. до н. э. превращается в центральную проблему дня¹⁴.

Поэтому Пельман несколько не склонен преуменьшать численность рабского населения. Рабство проникло решающим образом в самые различные отрасли производства¹⁵; число рабов в Аттике было весьма велико не только в ремесле и горном деле, но и в сельском хозяйстве. Притом по численности рабов некоторые другие эллинские полисы во всяком случае не уступали Аттике¹⁶. Положение рабов Пельман, исходя из своей концепции, тоже рисует в достаточно резких тонах.

Третий корифей немецкой модернизаторской школы К. Ю. Белох, при всем своем гиперкритицизме¹⁷ и недоверии к античной традиции, подобно Пельману, считал, что в VII—VI вв. рабство в Элладе достигло уже весьма значительного развития¹⁸, а в V в. рабское население Афин и некоторых других полисов было примерно равно свободному¹⁹.

Таким образом, представители модернизаторского направления в немецкой историографии не придерживались единого взгляда на античное рабство. При общей антимарксистской направлен-

¹¹ R. von Pöhlmann. Op. cit., т. I, стр. VII.

¹² Ibid., т. II, стр. 309 сл.

¹³ См. В. П. Волгина. Очерки по истории социализма³. М.—Л., 1926. стр. 27, прим. 25.

¹⁴ R. von Pöhlmann. Op. cit., г. II, стр. 511.

¹⁵ Ibid., т. I, стр. 174 и прим. 4.

¹⁶ Ibid., т. I, стр. 187 и прим. 1.

¹⁷ Об этой стороне творчества Белоха очень хорошо сказал А. Р. Берн (A. R. Burn. The World of Hesiod. London, 1936, стр. XIII): «Среди живых историков Греции нет никого, чье имя стояло бы выше, чем Белоха; его критический блеск и скептицизм часто являются якорем спасения; однако временами хочется сказать, что во всей греческой истории Белох верит только тому, что он сам исследовал».

¹⁸ K. J. Beloch. Griechische Geschichte, т. I, ч. 1. Berlin — Leipzig, 1924, стр. 269.

¹⁹ Ibid., т. II, ч. 1, стр. 79 и 84, прим. 1.

ности их концепций многие из них все же признавали широкую степень применения рабского труда в Элладе и, по крайней мере частично, не считали рабство каким-то исключительным и эфемерным явлением в античном мире.

Здесь нет возможности проследить эволюцию взглядов на рабство в историографии других западноевропейских стран. В общем и целом тенденция к модернизации античности пробивала там себе путь с большим трудом, чем в Германии. В частности, во Франции Г. Глотц не был склонен недооценивать роль рабства в Греции.

Яркой иллюстрацией разброда в оценке характера и значения античного рабства может служить статья «*Servi*» в известном словаре Дарамбера и Сальо. Хотя ее значение не сравнимо с более поздним исследованием Уэстермана, все содержание ее именно как справочной по своему замыслу статьи наглядно свидетельствует о конфликте между старой и новой концепциями античного рабства. Эта статья, вышедшая в свет в 1910 г., состоит из двух самостоятельных работ, авторы которых занимали диаметрально противоположные позиции по ряду важных вопросов. Крупный историк права Л. Боше — автор раздела, посвященного анализу юридического положения античных рабов, — стоял на, так сказать, «домейеровской» точке зрения. В полном согласии с источниками он подчеркивал выдающуюся роль рабского труда, четко разграничивал рабов и свободных и пришел к следующему выводу: «Раб в отношении к своему господину рассматривался как вещь, находящаяся в чем-то владении, как тело (*σῶμα*). В принципе государство не может вмешиваться в отношения между господином и рабом: первый имеет такое же право пользоваться, извлекать доход и злоупотреблять рабом, как всяким иным принадлежащим ему предметом. Господин может прежде всего регулировать по своему усмотрению труд различных своих рабов... Взамен за разные работы, исполнения которых господин требует от своего раба, он дает ему пищу и одежду — все по своему усмотрению, соответственно своей заинтересованности в благосостоянии и сохранении раба, являющегося его имуществом и представляющего определенную ценность... Власть, которой располагает господин над рабом, дает ему неограниченное право наказаний»²⁰.

В отличие от Боше автор второго раздела той же статьи, В. Шапо, анализирувавший «положение и функции рабов», стоял в основном на модернизаторских позициях. Он всячески пытался стереть грань, которая существовала между рабским и свободным трудом. Умалчивая о текстах, которые отмечают тяжелое положение рабов как определенной социальной группы, Шапо без

²⁰ Ch. Darémberg et E. Saglio. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines..., s. v. *Servi*, стр. 1262.

каких-либо оснований пытался придать всеобъемлющее значение единичным случаям относительно мягкого обращения господ с их рабами. В этой связи он особенно подробно описывал положение государственных и храмовых рабов (стр. 1272). О научном уровне его рассуждений свидетельствует то, что наличие государственных рабов он назвал не более не менее, как «формой государственного социализма», добавив при этом, видимо для успокоения своих читателей, что эта форма была очень мало распространена в Греции (там же).

Основная линия всего последующего изучения античного, в частности древнегреческого, рабства в буржуазной историографии шла в том направлении, которое намстил Эд. Мейер. Влияние его концепции проявилось наиболее отчетливо сначала в недооценке, а затем и в игнорировании роли рабства в древности. На протяжении почти четырех десятилетий между появлением доклада Мейера и выходом в свет статьи Уэстермана в RE заметно падение интереса западных исследователей к проблематике эллинского рабства. Взгляды Мейера на рабство оказались воспринятыми почти всеми учеными, а позже доведены до логического предела Уэстерманом и его последователями.

Из работ этих четырех десятилетий, на мой взгляд, наиболее важна упомянутая монография Р. Л. Сарджент²¹.

В отличие от своих предшественников, Сарджент поставила перед собой задачу изучить только одну, правда исключительно важную, сторону проблемы — вопрос о численности рабского населения Афин классического периода. После развернутого историографического обзора (стр. 9—43) она в трех главах определяет количество рабов, используемых в домашнем обслуживании, сельском хозяйстве и ремесле. Две небольшие последние главы посвящены ориентировочному подсчету численности демосиев и детей-рабов. В качестве отправного пункта Сарджент подразделяет граждан и метеков на три группы, в зависимости от их имущественного состояния (богатые, среднесажиточные и бедные). Затем она, по мере возможности, группирует все свидетельства источников о количестве рабов в отдельности у представителей каждой из указанных трех групп и выводит отсюда среднее число рабов на одну богатую, среднесажиточную и бедную семью. На основании полученных выкладок затем подсчитывается, какое примерно число рабов могло быть занято в отдельных отраслях хозяйства Афин. При этом Сарджент все время рассматривает отдельно источники V и IV веков.

В результате Сарджент приходит к выводу, что накануне Пелопоннесской войны в домашнем обслуживании могло быть

---

²¹ R. L. Sargent. The Size of the Slave Population at Athens during the Fifth and Fourth Centuries B.C.—«University of Illinois Studies in the Social Sciences», XII, № 3. Urbana, 1924, стр. 7.—136.

занято 30 тыс. рабов (стр. 65), в сельском хозяйстве — не более 10—12 тыс., не считая рабов, учтенных в предыдущей группе (стр. 82), в Лаврионе — до 20 тыс. (стр. 90), в ремесле — не более 30 тыс. (стр. 107). Что касается демосиев, то их число вряд ли превосходило 1000 человек, а количество детей-рабов до девятилетнего возраста при Перикле могло достигать 9—10 тыс. (стр. 125). Подводя итог, Сарджент заявляет, что при Перикле рабы в Афинах составляли треть населения, т. е. от 73 до 97 тыс., в зависимости от принимаемой численности свободных (стр. 126). В середине IV в. их число снизилось до 60—70 тыс. человек²².

Методика подсчетов Сарджент имеет много неоспоримых преимуществ по сравнению со статистическими выкладками Валлона, Куторги и Рихтера. Важно прежде всего то, что она отправляется не от отдельных скудных цитат из произведений тех или иных древних авторов, где говорится об общей численности рабов в Аттике, но стремится комплексно анализировать все свидетельства источников, рассматривая их в широком контексте. Весьма ценна и плодотворна мысль о необходимости определять в отдельности численность рабов, находившихся во владении богачей и среднезажиточных рабовладельцев. Все же источников, которые говорили бы о численности афинских рабов, притом дифференцированно для V и IV вв., слишком мало для того, чтобы можно было бы с уверенностью определять средние количества рабов для отдельных семейств и отраслей производства.

Частные выводы Сарджент, очевидно, не находят достаточно-го подтверждения в источниках и чересчур гипотетичны. Такова, например, ее аргументация о наличии 9—10 тыс. детей-рабов или о 10—12 тыс. рабов в сельском хозяйстве, где она исходит из сомнительных сведений о площади обрабатываемой земли в Аттике.

Произвольность выкладок Сарджент наглядно выступает в подсчете числа ремесленных рабов (стр. 94 сл.). В наиболее богатую группу рабовладельцев она включает персонально 12 человек (стр. 102, прим. 79), владеющих в общей сложности 267 ремесленными рабами, что дает в среднем 22 раба на одно хозяйство. Среднезажиточным рабовладельцам она уделяет по одному рабу, приносящему доход, а остальные свободные вообще не имели, по ее мнению, ни одного такого раба. Вряд ли можно считать правильным включение в первую группу наряду с Кефалом, владевшим 120 рабами, Пасионом (около 60 рабов) и отцом Демосфена (53 раба), пяти лиц, вообще не имевших ни одного

---

²² Как уже указывалось, отправным пунктом всех подсчетов Сарджент является определение количества рабов, приходящихся на одну семью в каждой из имущественных групп свободного населения Афин. Ввиду того, что подсчеты числа семей в Афинах у Эд. Мейера и К. Ю. Белоха довольно значительно расходятся между собой, Сарджент, определяя количество рабов, дает две цифры: большую, отправляясь от выкладок Мейера, и меньшую, на основании подсчетов Белоха.

раба-ремесленника, и двух лиц, владевших соответственно четырьмя и тремя рабами. Что касается численности каждой из трех групп рабовладельцев, Сарджент причисляет к первой из них 1200 граждан, обязанных выполнять литургии, ко второй группе — остальных гоплитов (7800 человек), оставляя в третьей 12 тыс. граждан. Между тем все данные, относящиеся к имущественному делению граждан, датируются серединой и второй половиной IV в.; делать на этом основании какие-либо выводы о положении афинян накануне Пелопоннесской войны более чем рискованно. Число граждан в начале этой войны было значительно больше, чем в IV в. К тому же Сарджент никак не учитывает важного в этом плане эпиграфического материала, относящегося к строительству Эрехтейона. Поэтому думается, что число ремесленных рабов в Афинах времени Перикла было намного больше тех 30 тыс., которые как максимум допускает Сарджент.

Аналогично обстоит дело и с «максимальным» количеством (20 тыс.) рабов в Лаврионе. Достаточно указать, что, по мнению новейшего исследователя этого вопроса, число рабов в аттических рудниках колебалось от 25 тыс. в V в. до 35 тыс. около 340 г.²³ Поставив перед собой задачу определить численность рабского населения Афин, Сарджент оказалась вынужденной в ряде случаев прибегать к сомнительным подсчетам, чтобы получить общий итог.

В данной связи, однако, наиболее важно другое. Сарджент очень резко выступает против положения о рабовладельческом характере афинского общества. Между тем, даже принимая ее цифры для отдельных отраслей производства, мы легко убедимся, что и домашнее обслуживание, и горное дело окажутся областями полного господства рабского труда; труд рабов, несомненно, будет преобладать также в ремесле, особенно в крупном. Только в сельском хозяйстве соотношение будет иным; однако и здесь рабы будут количественно преобладать над наемными рабочими. К сожалению, Сарджент не касается вопроса об участии рабов в розничной торговле, о чем имеются некоторые свидетельства в источниках. Таким образом, даже ее осторожные подсчеты приводят к выводу, что рабство, несомненно, было господствующим фактором в производственной жизни ведущего полиса древней Эллады.

Сколь занижены числа, предлагаемые Сарджент, наглядно свидетельствуют несколько более поздние подсчеты А. У. Гомма²⁴. Этот автор изучал общую численность населения афинского государства и, естественно, не мог обойти вопроса о количестве

²³ S. Lauffer. Die Bergwerkssklaven von Laureion, т. II. Wiesbaden, 1956, стр. 161.

²⁴ A. W. Gomme. The Population of Athens in the Fifth and Fourth Centuries B. C. Oxford, 1933.

рабов в Аттике. Гомм с основанием подчеркивает, что мы располагаем лишь весьма скудным количеством надежных источников о числе афинских рабов. Однако, исходя из комплексного анализа всех имеющихся источников, в том числе и надписей, он полагает (стр. 26), что в 431 г. в Аттике насчитывалось около 115 тыс., в 425 г. — 81 тыс., в 323 г. — 104 тыс. рабов. В эти годы число рабов составляло соответственно 57, 59 и 66% от общего (с женщинами и детьми) числа свободных. Учитывая, что все рабы работали, а половину свободного населения составляли дети, мы неизбежно должны будем прийти к выводу, что рабский труд господствовал в производстве.

Многочисленные труды У. Л. Уэстермана, несомненно, представляют собой вершину буржуазной историографии античного рабства. Начав с солидной монографии о рабстве в птолемеевском Египте (1929 г.), Уэстерман затем на протяжении четверти века занимался различными вопросами истории античного рабства. Среди различных аспектов этой проблемы его особенно интересовали вопросы, связанные с вольноотпущенничеством, с возможностями перехода из рабского состояния в свободное, с численностью рабов, с рабскими восстаниями. Здесь не место рассматривать его отдельные статьи, так как, во-первых, они лишь отчасти относятся к классической Греции, и, во-вторых, выводы частных исследований в значительной степени учтены автором в его последнем труде «Системы рабства в греческой и римской античности»²⁵.

Труд Уэстермана отличается подбором громадного количества литературных, эпиграфических и особенно папирусных источников. Все эти данные рассматриваются в сравнении друг с другом и на широком историческом фоне. Концепция автора сформулирована, можно сказать, с предельной четкостью. Эти обстоятельства заставляют нас обратить самое пристальное внимание на сочинение Уэстермана и рассмотреть его более обстоятельно, чем труды его предшественников.

Выше отмечалось уже, что господство системы взглядов Мейера неизбежно предопределяло падение интереса к проблеме рабства как исторического явления. Несмотря на поистине необъятное море исследований по всевозможным вопросам истории античного мира, на протяжении всей первой половины XX века не появилось ни одной монографии, которая была бы посвящена изучению рабства в античности, взятого как целое. Единственным трудом, приближающимся к такого рода исследованию, является только упомянутая справочная статья того же Уэстермана в RE²⁶.

---

²⁵ W. L. Westermann. The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity. Philadelphia, 1955.

²⁶ RE, Supplb. VI, s. v. *Sklaveri*, стлб. 894—1068.

Хотя подборка свидетельств о рабах здесь далека от желательной полноты, все же, в сравнении, например, с книгой Валлона, она, несомненно, отличается более широким использованием эпиграфических и папирусных источников. В статье учтено и весьма большое количество новых для того времени специальных, представляющих большой интерес исследований.

В последующие два десятилетия интерес к проблеме античного рабства в буржуазной литературе продолжал падать. Статья Уэстермана в РЕ сыграла здесь немаловажную роль. Опираясь на высказанное в ней «последнее слово науки», авторы различных курсов по истории древней Греции с возрастающим пренебрежением характеризовали роль рабства даже в таких полисах, как Афины, а ныне считают возможным вообще умалчивать о наличии рабов. Так, автор раздела, посвященного истории древней Греции во II томе «*Historia Mundi*», серьезный ученый Ф. Шахермейр вообще не замечает рабов в Элладе. В рецензиях на труды советских и зарубежных марксистских ученых основной упрек рецензентов сводится к тому, что античники-марксисты преувеличивают роль рабства, которое мол не играло мало-мальски существенной роли ни в Греции, ни даже в Риме. Те немногочисленные исследования советских историков, с которыми познакомился Уэстерман (работы А. Д. Дмитриева и С. Т. Еремяна), отбрасываются им без деловой аргументации как ненаучные (стр. 130 и 137 сл.).

Таким образом, на протяжении двух десятилетий Уэстерман был единственным крупным буржуазным ученым, который занимался проблемой античного рабства в широком плане, и его концепция долгое время определяла собой точку зрения западной историографии по данному вопросу.

Книга Уэстермана вышла в свет уже после смерти автора²⁷. Значительная часть ее перепечатана лишь с редакционными изменениями из той же статьи в РЕ, что свидетельствует о неизменности взглядов автора на протяжении двух десятилетий²⁸.

В «Вводных замечаниях» (стр. X) Уэстерман подчеркивает, что сознательно избегал «эмоциональных» терминов, таких, как «ужасы рабства..., *bestia servilis*..., человеческий товар», поскольку ему «казалось, что они нарушают картину рабского труда и его практики в античности». Очевидно, дело вовсе не в личной антипатии автора к «эмоциональности» изложения. Как легко заметит читатель, знакомый с предыдущей главой данной книги, Уэстерман полемизирует здесь с аболиционистским подходом к

---

²⁷ Развернутую рецензию см.: ВДИ, 1958, № 4, стр. 136—158. Ниже следующий обзор представляет собой изложение замечаний автора этих строк о соответствующих главах книги Уэстермана.

²⁸ Во «Вводных замечаниях» (стр. IX) Уэстерман предупредил, что текст глав о Греции лишь «немногим отличается» от соответствующих разделов статьи в энциклопедии Паули.

рабству, характерным для многих историков прошлого века, в частности Валлона. Подчеркиваемый отказ от эмоциональности на деле сводится к последовательной идеализации не только греческого, но даже римского рабства. Дальше Уэстерман заявлял (стр. 3), что по образцу гомеровской «мягкая форма использования рабов в земледелии и домашнем хозяйстве... сохранялась до II в. до н. э. в тех областях греческого мира, где не развивалось ремесленное производство». Настаивая на необходимости резкого разграничения между подлинным рабством и крепостной зависимостью, он определял последнюю (стр. 1) как «прикрепление к месту, а не к человеку» и поэтому отказался от анализа положения илотов и пенестов.

Разумеется, каждый исследователь вправе ограничивать рамки своего труда. Однако, поскольку темой анализируемой книги являются «системы рабства», которые Уэстерман брал в весьма широком плане²⁹, ему следовало бы либо отказаться от анализа данных о войкеях и демосиях, так как ни те, ни другие не были частновладельческими рабами, либо же включить в рамки исследования илотию. Ведь сам он одним из первых подчеркнул обилие разнообразных переходных форм и оттенков в юридическом статусе и реальном положении античных рабов. Его непоследовательность обусловлена, думается, стремлением уклониться от анализа тех свидетельств античных авторов, которые ставят под угрозу всю его концепцию в целом.

Общая концепция Уэстермана может быть сведена к следующим положениям: 1) число рабов в античных обществах было, как правило, незначительным. Исключение представляли Афины V—IV вв. и Рим на рубеже II и I вв. до н. э. Однако и здесь численность рабов сильно преувеличивалась и древними, и современными авторами; 2) рабский труд не играл решающей роли в производстве. В Аттике рабы преобладали только в Лавроне; 3) положение рабов было вполне терпимым. Отсутствовала четкая грань между рабами и свободными. Государственные и храмовые рабы фактически были свободны и могли получать гражданские права. Распространение вольноотпущенничества и в Риме, и в Афинах доказывает отсутствие трудностей при переходе из рабского статуса в свободный; 4) волна восстаний рабов во II—I вв. была вызвана в конечном итоге случайными причинами; ее обусловили обстоятельства перехода от земледелия к ремесленному производству. Других восстаний рабов в античности не было.

Вполне очевидно, что если бы Уэстерман не декларировал резкого разграничения между «рабством» и «крепостничеством», вся его концепция сразу бы рухнула. Рабство в Аттике не было бы явлением исключительным, число рабов оказалось бы весьма

²⁹ Ср. его же статью в сборнике в честь Р. Таубеншлага («Еос», XLVIII, 1956, вып. 1, стр. 19 сл.).

значительным; нельзя было бы постулировать отсутствие восстаний рабов в Элладе. Однако, даже оставаясь в рамках его определения рабства, нетрудно убедиться, что выводы Уэстермана резко противоречат свидетельствам древних.

Раннегреческих форм рабства Уэстерман касается лишь мельком в первой главе книги. Принимаемое им в качестве эталона гомеровское рабство, как оно предстает перед нами в поэмах, было исключительно сложным явлением, в котором переплелись reminiscences микенского и действительность последующего периода (подробно этот вопрос будет рассмотрен в третьей части книги). Вне поля зрения Уэстермана остались такие источники, как элегии Феогнида, «Щит Геракла», фрагменты произведений Гесиода, отрывок из Гераклида Понтийского о Периандре, археологические и эпиграфические памятники³⁰. В целом они дают немало сведений о рабстве в VII—VI вв. до н. э.

В главах II—IV, посвященных классической Греции, уделяется много внимания важным вопросам о численности рабов, об их роли в производстве и социальной среде рабства. Здесь Уэстерман привлек большое количество эпиграфических памятников.

Пытаясь определить количество афинских рабов, Уэстерман всячески преуменьшает, а иногда прямо отбрасывает те свидетельства античных авторов, которые не согласуются с его взглядами. Иногда он умалчивает о важных документах. Вот несколько примеров. Данные рассказа Фукидида (VII, 27,5) о бегстве 20 тыс. афинских рабов в Декелею Уэстерман распространяет на весь период 412—404 гг. и заключает, что в то время «в Аттике было немногим больше, чем 20 тыс. рабов» (стр. 8). Вывод этот ничем не обоснован. Уэстерман категорически отвергает не только недостоверное сообщение Афиней (VI, 272 с) и сомнительное свидетельство Гиперида (фрагм. 29 Бласс), но считает равно недостоверным и сообщение Ксенофонта о тысяче рабов у Никия и сотнях рабов у Гиппоника и Филоменида (Vect., IV, 14 сл.). План Ксенофонта создать государственный фонд рабов «по три на каждого из афинян» (там же, IV, 17) толкуется так, что эти 65 тыс. полисных рабов должны были «в значительной мере» (стр. 9) заменить частновладельческих рабов, хотя в тексте Ксенофонта нет и малейшего намека на это. В общем и целом Уэстерман полагал, что число рабов в Аттике к 430 г. составляло от 60 до 80 тыс., а в IV в. оно вряд ли сильно увеличилось³¹.

³⁰ Археологические и эпиграфические данные о рабстве в доклассической Элладе подобраны в статье П. Оливы «Počátky otrokářské výroby v antičném Řecku». — «Československý časopis historický», 1954, вып. 1, стр. 78—92.

³¹ Для сравнения напомню, что не склонный к преувеличению числа рабов М. Н. Тод определял количество рабского населения Афин в 80—100 тыс. человек, допуская возможность повысить эту цифру даже до 120 тыс. (САН¹, V, стр. 11). Выше указывалось, что даже занижающая численность рабов Сарджент все же допускала число 73—97 тыс. рабов для Афин накануне Пелопоннесской войны.

Уэстерман либо умалчивает, либо отрицает достоверность свидетельств источников, сообщающих о продаже в рабство тысяч военнопленных³². К сообщению Диодора (XI, 62) о захвате Кимоном 20 тыс. пленных Уэстерман рекомендует относиться «со скептицизмом» (стр. 7), так как Диодор — единственный источник по данному вопросу и, кроме того, неизвестно, проданы ли пленные в рабство или выкуплены персами. Он вообще умалчивает о продаже тем же Кимоном пленных эйонцев (Thuc., I, 98,2), о захвате одним лишь афинским отрядом в центральной Греции в 446 г. 2 тыс. рабов (IG, I², 1085), о поражении не менее 7 тыс. пленных афинян и их союзников в Сицилии (Thuc., VII, 87,4; ср. Plut., Nic., 29 и Diod., XIII, 33) и т. д. А ведь в последних двух случаях речь идет о *тысячах* рабов или порабощаемых лиц.

По мнению Уэстермана (стр. 14), «даже для Афин, одного из немногих городов, где ремесленное рабство было высоко развито, более чем сомнительно предположение, что рабский труд преобладал над свободным где-либо, кроме горного дела и, возможно, домашнего хозяйства и розничной торговли». Умалчивая о том, что количество свободных в Лаврионе было ничтожным в сравнении с несколькими десятками тысяч рабов³³, Уэстерман говорит лишь глухо о «преобладании» рабов. В его книге почти нет речи об эргастериях, а между тем, по всей видимости, рабы являлись основной рабочей силой в ремесленных мастерских. Рассуждая о тяжелых условиях труда в рудниках, Уэстерман замечает: «опасность была одинакова для горняка-раба и свободного». Но ведь под землей работали, насколько нам известно, только рабы.

Говоря об отдельных группах рабов, Уэстерман обращает особое внимание на государственных рабов — демосиев, хотя последние составляли никак не больше 1% афинских рабов, а для частновладельческих рабов путь к превращению в демосиев был наглухо закрыт.

На основании надписей об Эрехтейоне Уэстерман заявляет (стр. 12), что рабы получали такую же плату, как свободные. Однако он умалчивает, что какая-то доля заработка раба доставалась его хозяину.

Вопреки свидетельствам всех источников, Уэстерман утверждает, что афинские рабы могли легко добиваться статуса свободных лиц, а затем и гражданских прав. По его мнению, манумис-

³² Развернутую сводку мест из Геродота и Фукидида, где идет речь о продаже военнопленных в рабство, см. в кн.: G. T h o m s o n. Studies in Ancient Greek Society, The First Philosophers. London, 1955, стр. 197—201.

³³ Новейший исследователь вопроса о рабах в Лаврионе С. Лауффер считает, что в середине IV в. в рудниках работало 35 тыс. рабов. Для сравнения заметим, что упомянутый выше М. Н. Тод категорически утверждал (САН¹, V, стр. 5), что рабский труд монополизировал определенные занятия, например горное дело и «домашнюю службу». Еще Эд. Мейер («Sklaverei», стр. 108) писал о монополии (Alleinherrschaft) рабского труда в древнегреческих рудниках.

сии были широко распространенным институтом в Аттике. Однако анализ ἀποστασίου δίκης, согласно определению Гарпократиона (s. v.) и Dem., XXV, 65, ясно показывает, что значение этого закона, вопреки утверждению Уэстермана, вовсе не сводилось к предоставлению полной свободы вольноотпущенникам. Вряд ли можно согласиться с Уэстерманом, когда он называет этот закон (стр. 26) «освобождением (release) от обязанностей».

Нам пришлось уделить много места критике книги Уэстермана, так как в ней наиболее полно изложена и аргументирована господствовавшая вплоть до самых последних лет в буржуазной историографии концепция античного рабства. Система взглядов Уэстермана, как мы видели, представляет собой дальнейшее развитие положений, впервые сформулированных в известном докладе Эд. Мейера. Выводы Уэстермана максимально снижают историческое значение рабства в древности. Оно изображается как явление случайное, присущее лишь наиболее развитым обществам, притом кратковременное. Положение рабов всячески идеализируется, не оставляя места для антагонизма между рабами и рабовладельцами.

Книга Уэстермана, которая должна была, казалось бы, укрепить позиции его концепции рабства, вызвала противоположную реакцию. Впервые после нескольких десятилетий безраздельного господства взглядов Мейера — Уэстермана послышались сначала робкие, а потом все более резкие слова критики. Подробнее речь об этом пойдет в четвертой главе, так как предварительно необходимо остановиться на развитии взглядов советских и вообще марксистских историков на античное, в том числе и древнегреческое, рабство.

Глава 3.

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Определяющим моментом в развитии советской исторической науки был постепенный переход на позиции марксизма. Этот переход длился не менее полутора десятилетий и проходил далеко не гладко и не прямолинейно. Взгляды старшего и особенно младшего поколений наших историков формировались в процессе овладения теоретическим наследием основоположников марксизма. Поэтому вряд ли возможно дать правильную оценку вклада советских историков в изучение анализируемой нами проблемы, не остановившись, хотя бы в самых общих чертах, на взглядах основоположников марксизма на древнегреческое рабство.

Проблему всемирно-исторического значения рабства в античной Элладе впервые в марксистской литературе поставил Энгельс. Перу его великого друга принадлежит определение ряда существенных особенностей рабства. Однако Маркс не ставил перед собой специальной задачи исследовать историческое значение античного, тем паче греческого рабства. Два его замечания позволяют полагать, что он склонен был датировать относительно поздним временем широкое распространение рабства в античности. Маркс отмечал, что: 1) мелкое крестьянское хозяйство и независимое ремесло были экономической основой классического общества в наиболее цветущую его пору, до того как рабство успело овладеть производством в сколько-нибудь значительной степени ¹, и 2) внутренняя история Рима до Августа может быть сведена к борьбе мелкого и крупного землевладения с модификациями, которые обуславливаются существованием рабства ².

Энгельс, главным образом в «Анти-Дюринге» ³ и в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» ⁴, впервые нарисовал вполне стройную и цельную картину возникновения, развития и исторического значения античного рабства. «Проис-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 346, прим. 24.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII, стр. 89.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 164—165, 185—187, 643.

⁴ Там же, т. 21, стр. 23—178.

хождение семьи...» занимает особое место в наследии классиков марксизма. Эта небольшая книга, написанная в 1884 г. на основании всего известного в то время конкретно-исторического материала, несмотря на прошедшие с тех пор три четверти века, остается настольной книгой античника-марксиста.

В этом сочинении по всей своей тематике, казалось бы, весьма далеком от современности, изложены в наиболее развернутом виде взгляды основателей марксизма на государство. Именно поэтому В. И. Ленин подчеркивал, что книга Энгельса представляет собой «одно из основных сочинений современного социализма, в котором можно с доверием отнестись к каждой фразе, с доверием, что каждая фраза сказана не наобум, а написана на основании громадного исторического и политического материала»⁵.

Несмотря на накопление громадного нового материала археологических, эпиграфических и прочих источников, несмотря на несменный прогресс в технике исследовательской работы, выводы автора «Происхождения семьи...» выдержали проверку временем. Морган и Энгельс убедительно доказали, что развитие древнегреческих племен шло принципиально по тому же пути, что у североамериканских индейцев. Энгельс вскрыл особенности греческого рода, указав на материальные предпосылки возникновения и существования последнего. Как известно, в конце прошлого, а особенно в первой трети нашего века не раз предпринимались попытки отрицать существование родового строя, а следовательно, и общинной собственности на землю в древней Греции (Пельман и др.). Однако ни одному из «критиков» не удалось подорвать выводы Энгельса. Данная в «Происхождении семьи...» характеристика переходных ступеней от родового к классовому обществу остается правильной и ныне. Споры в науке идут главным образом вокруг того, насколько понятие «военной демократии», введенное Марксом и Энгельсом для гомеровского общества, может быть приложено к другим обществам, находящимся на стадии перехода от первобытно-общинного строя к классовому. Наконец, сохранили всю свою значимость установленные Энгельсом закономерности зарождения и становления афинского государства непосредственно из родового строя, притом без вмешательства извне.

Накопление большого количества новых фактов позволяет нам ныне конкретизировать и кое в чем уточнить картину развития раннегреческих обществ. Развивая выдвинутые Энгельсом положения, советские историки стремятся идти по проложенному им пути.

Современная Энгельсу наука рассматривала гомеровское общество как единое и цельное историческое явление, что позволяло трактовать его как общество, возникшее на базе одних только родовых порядков. Ныне известно, что собственно гомеровскому

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 436.

обществу предшествовало насчитывавшее несколько веков существования микенское, которое в некоторых отношениях находилось на значительно более высоком уровне. Памятники материальной культуры микенских обществ неопровержимо свидетельствуют об их явно классовом характере. Богатейший инвентарь шахтовых гробниц, монументальность таких построек, как киклопические стены или купольные гробницы, сеть специально сооруженных дорог не только в Арголиде, но и в некоторых районах центральной Греции, царские дворцы — все это невозможно приписать родовому строю. Широкое использование письменности для нужд хозяйственно-административного учета также свидетельствует о существовании уже классового общества, притом с относительно сильной центральной властью. Следы микенской культуры вполне отчетливо проступают во многих местах гомеровских поэм. Не подлежит сомнению, что в «Илиаде» и «Одиссее» сохранились элементы древние, относящиеся к микенским раннеклассовым обществам, и элементы поздние, датируемые первыми веками I тысячелетия до н. э.

Все эти моменты ныне заставляют историка-марксиста отказаться от характеристики гомеровского общества как единого целого. Анализируя социальные отношения в эпосе, необходимо раздельно рассматривать моменты, относящиеся к микенскому и к собственно гомеровскому обществам. К сожалению, не во всех трудах как советских, так и прогрессивных зарубежных ученых уделяется должное внимание факту длительного существования раннеклассовых ахейских обществ во второй половине II тысячелетия до н. э.⁶

Приводимые в «Происхождении семьи...» данные о численном соотношении рабов и свободных базируются главным образом на сообщении Афинейя, проанализированном выше. Как мог убедить читателя, только в самом конце прошлого и начале нынешнего века была доказана нереальность цифр, приводимых Афинеем.

Признание ошибочности этих чисел ни в коей мере не подрывает сделанного Энгельсом общего вывода о рабовладельческом характере античных обществ (в частности и Афин). Это положение базируется на множестве надежных свидетельств самых различных античных источников. Без труда рабов невозможно представить функционирование экономики развитых античных обществ. К тому же вопрос о количестве рабов, о том, превосходили ли они своим числом свободных, не имеет столь решающего значения, как полагают противники марксизма. В 1959 г. в статье «Была

---

⁶ См., например, А. Ф. Лосев. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957, стр. 83. Равным образом и Дж. Томсон не склонен считать микенское общество классовым. См. его «Исследования по истории древнегреческого общества. Доисторический эгейский мир». М., 1958

ли греческая цивилизация основана на рабском труде?»⁷ М. И. Финли правильно указывал, что в южных штатах США накануне гражданской войны негры составляли не более трети населения, причем три четверти белых вообще не имели рабов. Тем не менее никто не отрицает решающей роли рабства в южных штатах США в первой половине прошлого века.

Как уже отмечалось в предыдущей главе, для установления рабовладельческого характера тех или иных обществ древности решающим является определение роли рабского труда в главных отраслях производства. Чтобы опровергнуть положение о рабовладельческом характере ведущих обществ древнего мира, требовалось бы доказать преобладание труда свободных производителей, скажем, в ремесле и горном деле Аттики или в крупных сельских хозяйствах Италии. Наличие же во всех обществах античности большого количества свободных трудящихся вовсе не опровергает тезиса о рабовладельческом характере этих обществ. Положение формально свободных, но зависимых тружеников в условиях античности во многом определялось влиянием рабовладельческих отношений. Разложение общины, или превращение мелкого хозяйства свободного производителя в хозяйство, использующее чужой труд, вело в древности всегда к развитию рабовладельческих отношений. Наконец, не учитывая роли рабства, нельзя понять условия возникновения и существования основных античных социальных институтов, прежде всего — полиса.

* * *

Историю изучения древнегреческого рабства в советской литературе можно подразделить на три периода. Вполне отчетливой гранью между первыми двумя является выход в свет ленинской лекции «О государстве» (1929 г.) и последовавшие затем дискуссии о формационной принадлежности древневосточных и античных обществ. Второй, менее четкой, но все же вполне осязаемой гранью было начало 50-х годов. В каждом из трех периодов выбор тематики, подход к ней и даже методика исследования во многом определились общими тенденциями развития советской исторической науки⁸. Без учета этих тенденций обзор трудов советских исследователей рабства оказался бы фрагментарным и, главное, лишенным внутренней связи и последовательности.

⁷ M. I. Finley. Was Greek Civilisation based on Slave-Labour? — «Historia», VIII (1959), № 2, стр. 145—164.

⁸ Обзоры работ советских историков по истории древней Греции см. в статье: «Разработка древней истории в советской науке (1917—1947)». — ВДИ, 1947, № 3, стр. 7—11; А. И. Тюменев. Изучение истории древней Греции в СССР за сорок лет (1917—1957). — ВДИ, 1957, № 3, стр. 28—41; Г. Г. Дилигенский и С. Л. Утченко. 40 лет советской историографии античности. — ВИ, 1958, № 1, стр. 140—157; Г. Г. Дилигенский, Л. П. Маринович. Изучение истории античного мира в 1956—1960 гг. — ВДИ, 1961, № 4, стр. 17—31.

Процесс перехода историков, чьи взгляды сформировались еще в царское время, на позиции марксизма был далеко не легким. В прошлом занятия классической филологией и древней историей расценивались в официальных кругах как своего рода прививка консерватизма и поощрялись сверху. Поэтому политические взгляды большей части дореволюционных античников были далеки от прогрессивных. Резко отрицательно отнеслась к Великой Октябрьской социалистической революции и буржуазно-либеральная профессура. Некоторые из крупных античников, как М. И. Ростовцев, эмигрировали после Октября из России; другие долгое время оставались чуждыми марксизму. Лишь постепенно, по мере укрепления советского строя и успехов социалистического строительства, лучшие представители старой профессуры начали интересоваться теорией марксизма. Потребовалось более десятилетия для того, чтобы они пересмотрели свои давно сложившиеся взгляды на исторический процесс и стали применять методологию марксизма в своих научных изысканиях.

Большую роль в воспитании кадров античников-марксистов сыграла Российская (позднее Государственная) Академия истории материальной культуры (РАИМК, позже ГАИМК), существовавшая с 1919 по 1937 г. Это учреждение объединяло археологов, языковедов и отчасти историков, занимавшихся изучением докапиталистических формаций. Оно издало более сотни монографических исследований, выпускало несколько журналов. Важной стороной деятельности ГАИМК, особенно в начале 30-х годов, была организация дискуссий по узловым вопросам истории древнего мира. Многие из ведущих ныне историков старшего поколения сформировались в качестве ученых в стенах ленинградского и московского отделений ГАИМК. Руководимая Н. Я. Марром ГАИМК отличалась всеми как положительными, так и отрицательными сторонами возглавляемого им направления. Положительной стороной деятельности этой Академии было внимание к памятникам материальной культуры, к вопросам производства и техники античного мира, однако значение письменных источников она недооценивала. В резко критическом отношении к трудам буржуазных историков она склонна была вообще игнорировать какие-либо достижения немарксистских историков и археологов. В области древней истории труды ГАИМК отличались стремлением к широкому обобщению, иногда не лишенным налета социологизма. В 20-е годы ГАИМК объединяла лишь небольшую часть историков античности. Расцвет ее деятельности относится к началу следующего десятилетия.

Первыми марксистскими исследованиями по истории древней Греции в советской литературе были труды акад. А. И. Тюменева. В его книгах «Очерки экономической и социальной истории древней Греции» (т. I—III, 1920—1922) и особенно «Существовал ли капитализм в Древней Греции?» (1923) впервые были подверг-

нута обоснованной критике популярны в западноевропейской и дореволюционной русской литературе концепции модернизаторского толка. Доказывая, что в древней Элладе отсутствовал промышленный капитализм, А. И. Тюменев, естественно, определял греческие полисы как рабовладельческие. Однако это определение не подкреплялось у него детальным исследованием данных о рабстве. Анализу положения греческих рабов у него посвящена лишь частично небольшая 14-я глава во второй из указанных книг (стр. 154—160)⁹.

В литературе 20-х годов исследование социально-экономической проблематики античности во многом отпадало от круга вопросов, затронутых в известной полемике между Бюхером и Мейером. Советские исследователи, давая, как правило, отрицательный ответ на главный вопрос: существовал ли в древней Греции капитализм, стремились преимущественно выяснить, какого уровня достигли в Элладе ранние формы капитала: торговый и ростовщический капитал, ремесленное и мануфактурное производство. Проблематики античного рабства они касались лишь попутно, главным образом в плане сопоставления его с присущими капитализму формам эксплуатации.

В этом отношении показательна книга И. М. Кулишера «Очерк экономической истории древней Греции» (1925 г.). Автор подчеркивал отсталость экономики ведущих полисов Греции даже в сравнении с итальянскими городами позднего средневековья (стр. 238 сл.). Для Афин классического периода он признавал существование лишь торгового и кредитного капитала. В отличие от Тюменева, Кулишер отрицал «широкую эксплуатацию рабского труда» в афинском ремесле. По его мнению (стр. 20—38), рабство оставалось в Греции на патриархальной стадии. Иными словами, Кулишер отказывался считать древнегреческие общества рабовладельческими.

На иных позициях стоял в те годы С. И. Ковалев. В вышедшем в том же 1925 г. II томе «Курса всеобщей истории» он отстаивал концепцию циклизма как во всемирно-историческом процессе, так и в собственно греческой истории. Он называл период, непосредственно следующий после микенской культуры, «раннегреческим феодализмом», расцвет «феодализма» относил ко времени колонизации, а VII—VI вв. считал эпохой падения того же «феодализма». Соответственно Афины времени расцвета именовались у С. И. Ковалева «торговой республикой», а Пелопоннесская война — временем «подготовки абсолютизма». Модернизации политической истории сопутствовала модернизация истории экономики. С. И. Ковалев находил в Афинах начала IV в. «промышленно-

⁹ В упомянутом обзоре Г. Г. Дилигенского и С. Л. Утченко (стр. 141) говорится, что «А. И. Тюменев уделял большое внимание роли труда рабов в производстве». Это утверждение вряд ли можно признать правильным.

рабовладельческий капитал»¹⁰, однако в то же время резко возражал против тенденции подчеркивать роль античного рабства, проявившейся, по его мнению, не только в трудах Бюхера, но и у представителя «умеренного течения» Тюменева¹¹. Рабский труд он считал не заменой труда свободных ремесленников, а лишь его «дополнением»¹².

К числу сторонников модернизаторских концепций принадлежал в 20-е годы и В. С. Сергеев¹³. Следует, правда, отметить, что у него модернизация уже тогда ограничивалась главным образом терминологией.

Все указанные обстоятельства предопределили отсутствие интереса к исследованию проблематики античного рабства в советской историографии 20-х годов. За все это время появилось лишь одно специальное исследование о древнегреческом рабстве. Речь идет о статье Ю. Иванова «Рабы и зависимые по Гортинской надписи»¹⁴. Однако и эта статья, как сообщал автор, возникла в результате семинарских занятий еще до 1917 г. Ю. Иванов оставался на позициях циклической концепции, он находил в Гортине «позднее греческое средневековье», сближал рабов с феодальными крепостными и был весьма далек от марксистского понимания античного рабства.

Второй период изучения советскими историками античного рабства начинается с 1929 г. В этом году была впервые опубликована лекция В. И. Ленина «О государстве», в которой с предельной четкостью выдвигалось положение о том, что первым классовым делением в истории было деление на рабовладельцев и рабов, а древнейшие классовые общества определялись как рабовладельческие.

В начале 30-х годов в различных научных коллективах проходили дискуссии о социально-экономическом характере обществ древнего мира. В дискуссиях наряду с учеными старшего поколения принимала активное участие большая группа античников, выросших уже в советское время. Эти молодые в ту пору ученые располагали значительно меньшим запасом фактических знаний, чем их старшие коллеги. Однако они обладали тем большим преимуществом, что были воспитаны в духе методологии марксизма и горели стремлением применить ее в практике научных исследований. Основным итогом дискуссий было твердое установление рабовладельческого характера классовых обществ как античного мира, так и древнего Востока. Тем самым был нанесен решающий удар концепции так называемого азиатского способа производ-

¹⁰ С. И. К о в а л е в. Курс всеобщей истории, т. II, стр. 258.

¹¹ Там же, стр. 260.

¹² Там же, стр. 263.

¹³ В. С. С е р г е е в. Феодализм и торговый капитализм в античном мире. М., 1926.

¹⁴ «Уч. зап. Саратовского гос. ун-та», т. I, вып. 4, 1924, стр. 3—21.

ства на Востоке и поискам капитализма в античности. Так, проблема рабства в древности оказалась в центре внимания советских историков. Выяснилась необходимость отказаться от поверхностных аналогий с капитализмом и феодализмом и заняться исследованием специфических черт и особенностей рабовладельческих производственных отношений.

Крупных успехов в исследовании рабства добились в те годы советские востоковеды во главе с акад. В. В. Струве. Их трудами была создана марксистская концепция социально-экономической эволюции древневосточных обществ, в которой решающую роль играло развитие рабства как основы производственной жизни этих обществ. Достижения востоковедов содействовали обращению античников к исследованию проблематики греческого и особенно римского рабства.

Дискуссии вызвали повышенный интерес к теоретическим, прежде всего к методологическим проблемам. В этом плане показательны две небольших книги С. И. Ковалева¹⁵ и А. В. Мишулина¹⁶, издавшиеся ГАИМК в 1932 г.

В книге С. И. Ковалева рабовладельческий способ производства характеризовался преимущественно на основании высказываний Маркса и Энгельса по таким вопросам, как «античный способ производства и рабство» (стр. 9—13), «предпосылки античного способа производства» (стр. 13—32), «формы эксплуатации рабского труда» (стр. 48—52) и др. С. И. Ковалев теперь решительно отказался от поисков феодализма и капитализма в древности и стал уделять значительно больше внимания проблематике рабства. Но и эта книга, как отметил в «Послесловии» сам автор, не была свободна от ряда существенных недостатков.

А. В. Мишулин, считая вопрос о воспроизводстве основной проблемой политической экономии античного общества, усматривал коренное отличие античности от капитализма в натуральном характере ее базиса. Особенностью воспроизводства в античности он считал необходимость постоянного притока рабов из периферии, причем главную роль он отводил моментам внеэкономического принуждения, прежде всего войнам.

Оба указанных труда писались во время и по горячим следам первых дискуссий. Как легко заметит читатель, оба автора считали уже рабство производственным базисом античного общества. Однако этот правильный вывод они не подкрепляли глубоким анализом источников. И Ковалев и Мишулин подходили к проблематике античного рабства во многом схематически, скорее как социологи, чем как историки.

---

¹⁵ С. И. Ковалев. Учение Маркса и Энгельса об античном способе производства. — ИГАИМК, XII, вып. 9—10.

¹⁶ А. В. Мишулин. О воспроизводстве в античной общественной формации. — ИГАИМК, XIII, вып. 5.

Заключительной стадией периода дискуссий было обсуждение на двухдневном пленуме ГАИМК (май 1933 г.) проблемы социальной революции в античном обществе¹⁷. Докладчики останавливались главным образом на проблемах кризиса рабовладельческого строя и «революции рабов». Много внимания как докладчики, так и участники прений уделяли вопросу об основном противоречии рабовладельческой формации. В докладах А. И. Тюменева и частично С. И. Ковалева был выдвинут тезис о «генетической революции», ознаменовавшей в Греции переход от родового к рабовладельческому строю. Три момента, о которых впервые говорилось на этом пленуме, получили дальнейшее развитие в советской историографии античности. Это, во-первых, определение социального строя ранней Греции как доклассового, а не феодального, причем VIII—VII вв. до н. э. определялись как время становления классовых обществ и государства; во-вторых, начало исследования классовой борьбы рабов; наконец, в-третьих, вопрос об античной форме собственности. Только Б. Л. Богаевский (стр. 193—197) отстаивал мнение, что переход от родового к классовому обществу в Греции следует приурочить ко времени падения микенской культуры.

Важной вехой на пути к включению новых источников в поле зрения марксистских исследователей античного рабства было издание большого сборника документов по социально-экономической истории античности¹⁸. Хотя в этот сборник были включены только переводы греческих и латинских текстов, однако и охват источников, и структура книги явно свидетельствовали о новых веяниях. Наиболее ценную часть сборника составляли приведенные в большом количестве эпиграфические и папирусные источники. Основное место в книге занимали свидетельства об использовании рабов в производстве и о классовой борьбе в древности. В подготовке книги принимали участие наиболее квалифицированные антиковеды. Но, разумеется, публикация источников, к тому же в переводах, могла преследовать главным образом учебные и популяризаторские цели.

Первым конкретно-историческим исследованием по проблематике античного рабства явился труд акад. С. А. Жебелева «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре»¹⁹. Эта небольшая работа по сей день продолжает вызывать широкие отклики в литературе. На основании анализа преимущественно эпиграфического материала автор пришел к выводу, что восстание Савмака было одним из звеньев движений рабов в конце II в. до н. э.

¹⁷ Отчет о пленуме опубликован в ИГАИМК, вып. 76 (1934).

¹⁸ «Античный способ производства в источниках». Под ред. С. А. Жебелева и С. И. Ковалева. — ИГАИМК, вып. 78 (1933).

¹⁹ Работа С. А. Жебелева была опубликована впервые в ИГАИМК, вып. 70 (1933). Затем она была переиздана с изменениями и дополнениями автора в ВДИ (1938, № 3, стр. 49—71).

«Переворот... — писал он, — возник в результате давным-давно таившейся вражды между классом угнетателей и классом угнетенных, между классом господ и классом рабов»²⁰.

Опубликованная в том же 1933 г. статья В. В. Струве «Плебен и илоты»²¹ впервые в марксистской литературе выдвинула оживленно обсуждавшийся впоследствии вопрос о социальной принадлежности илотов: следует или считать илотию феодальной или рабовладельческой формой эксплуатации? В. В. Струве указал (стр. 364 сл.) на коренные различия между специфически феодальным крепостничеством и несравнимо более примитивным «крепостничеством завоевательского типа», нередко встречавшимся в древности. Настаивая на разноплеменном происхождении спартиатов и илотов, он доказывал, что возникновение института илотики следует выводить не из социального расслоения первоначально единой спартанской общины, а из завоевания. Притом «эта крепостническая эксплуатация завоевательского типа была еще более примитивной формой эксплуатации, нежели эксплуатация рабов» (стр. 372).

С еще большей силой тенденция к конкретно-историческому исследованию проблем древнегреческого рабства проявилась в ряде трудов 1934 г. Среди них следует прежде всего указать на статьи О. О. Крюгера²², Р. В. Шмидт²³ и К. М. Колобовой²⁴. В этих статьях конкретизация тематики сочеталась со значительным расширением круга используемых источников и, что особенно важно, с выдвиганием на этой основе новых идей и соображений.

Особый интерес для нашей темы представляет первая из указанных статей. В ней впервые в науке был подобран материал и поставлен вопрос о характере восстаний рабов в Элладе VI—IV вв. до н. э. О. О. Крюгер правильно отметил, что «обычное представление о рабстве... настолько шаблонно, что в истории не дифференцируются рабы ни хронологически, ни территориально: греческому рабу всех времен приписываются совершенно такие же свойства, как рабу италийскому на протяжении всей истории Рима» (стр. 117). Не менее верно и замечание о том, что для Эллады «как раз многочисленность законов, запрещающих долговое рабство, свидетельствует о его широком распространении» (там же). Исходя из этих положений, О. О. Крюгер последовательно разграничивал стремления рабов-иностранцев и кабальных долж-

²⁰ ВДН, 1938, № 3, стр. 63.

²¹ «Из истории докапиталистических формаций». — ИГАИМК, вып. 100 (1933), стр. 363—373.

²² О. О. Крюгер. Движения античных рабов в доэллинистическую эпоху. — «Из истории античного общества». ИГАИМК, вып. 101 (1934), стр. 116—138.

²³ Р. В. Шмидт. Из истории Фессалии. — Там же, стр. 75—115.

²⁴ К. М. Колобова. Издольщина в Аттике. — ПИДО, 1934, № 11—12, стр. 5—18.

ликов. Очень интересен в статье анализ известного договора 421 г. между Афинами и Спартой с точки зрения угрозы восстаний рабов (стр. 123 сл.). Большое внимание уделено свидетельствам надписей о побегах рабов, расцениваемых как одно из проявлений классовой борьбы против рабовладельцев. Значительное место занимает в статье и подборка данных об использовании рабами права убежища в греческих храмах (стр. 133 сл.). Несмотря на некоторую тенденцию к социологизации, выводы автора основаны на вдумчивом и оригинальном анализе источников. Указанная статья и поныне является лучшим исследованием по этому вопросу в советской литературе ²⁵.

Р. В. Шмидт долгое время занималась исследованием примитивных форм эксплуатации непосредственных производителей на окраинах эллинского мира. Большая часть ее исследования о Фессалии посвящена анализу положения фессалийских пенестов (гл. I) и рабов (гл. VII). Автор очень осторожно подходит к определению социального статуса пенестов. Вряд ли можно возражать против ее общего вывода: «Таким образом, в положении пенестов можно уловить и черты крепостных отношений и черты рабства, но, принимая во внимание общую тенденцию развития общества в Греции в сторону развития рабовладельческих отношений, скорее следует в большей степени сближать пенестов с рабами, чем с крепостными, не забывая вместе с тем их специфических особенностей» (стр. 90). Эти положения звучат теперь как трюизм, однако в те годы Р. В. Шмидт впервые дала такое определение статуса зависимых производителей в Греции. Впервые в нашей литературе она обратила внимание на значение анализа терминов, обозначающих рабов, преимущественно на материале данных о манумиссиях (стр. 111 сл.).

Менее оригинальна статья того же автора ²⁶ о различных категориях трудового населения на Крите, главным образом по данным гортинских законов. Статья имеет в основном популяризаторский характер. Выводы Р. В. Шмидт в настоящее время значительно устарели после исследований К. М. Колобовой и Л. Н. Казамадовой о войкеях ²⁷.

В статье «Издольщина в Аттике» К. М. Колобова стремилась определить положение аттических гектеморов, отправляясь от

---

²⁵ Статья А. В. Мишулина «К изучению восставших рабов в древней Греции» (ВДИ, 1939, № 2, стр. 21—30) не внесла ничего нового в разработку этого вопроса.

²⁶ Р. В. Шмидт. О непосредственных производителях на Крите.— ИДИО, 1935, № 9—10, стр. 42—57.

²⁷ Статья Р. В. Шмидт, по-видимому, ускользнула от внимания К. М. Колобовой в ее большом исследовании о войкеях. Л. Н. Казамадова едва ли справедливо упрекала свою предшественницу за то, что та не решилась назвать кларотов категорически либо крепостными, либо рабами (ВДИ, 1952, № 3, стр. 29).

двойственного характера издольщины в новое время как полуфеодалной и в то же время полурабской формы эксплуатации. Ее главные выводы сводятся к двум положениям: 1) «Издольщик-гектемор — это полураб, готовый превратиться из свободного производителя в раба, «быть уведенным в рабство»» (стр. 17); 2) «Издольщина, бывшая на первых порах необходимым моментом в деле набора рабочих, т. е. рабской силы, теперь становится тормозом в свободном развитии рабовладельческой системы» (там же, курсив Колобовой. — Я. Л.). Таким образом, и Р. В. Шмидт, и К. М. Колобова определяли социальный статус исследуемых ими общественных групп как рабский или во всяком случае весьма близкий к рабскому.

Итак, после периода дискуссий, когда впервые было четко сформулировано положение о рабовладельческом характере античных классовых обществ, в 1933—1934 гг. советские эллинисты, перейдя к конкретно-историческим исследованиям проблематики древнегреческого рабства, добились первых серьезных успехов на этом поприще. В трудах С. А. Жебелева, В. В. Струве, А. И. Тюменева, О. О. Крюгера, Р. В. Шмидт и К. М. Колобовой впервые в марксистской историографии были исследованы отдельные вопросы рабства и близких ему форм эксплуатации в древней Элладе. Взятые как целое, статьи перечисленных ученых наглядно показали, сколь плодотворным может стать применение марксистской методологии в изучении явлений античного рабства. Отрицательные стороны историографии этих лет (элементы начетничества, поиски «революции рабов», влияние лингвистической концепции Н. Я. Марра) лишь в относительно небольшой степени повлияли на конкретно-исторические исследования в области древнегреческого рабства.

Как известно, переломным в развитии советской исторической науки в целом явился 1934 год, когда по постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) были восстановлены или созданы исторические факультеты в университетах и многих пединститутах и началась подготовка тысяч учителей-историков. На повестку дня была поставлена работа над университетскими и школьными учебниками древней истории. Немногим позднее был основан специальный научно-исследовательский журнал «Вестник древней истории» (1937 г.). Все эти мероприятия создали благоприятную обстановку для научно-исследовательской работы.

Непосредственная задача советских античников состояла тогда в осмыслении с марксистских позиций всего хода исторического развития рабовладельческой формации, что в силу немногочисленности подготовленных кадров эллинистов по необходимости отвлекло их внимание от исследовательской работы над более узкими темами. В середине и второй половине 30-х годов центр тяжести в исследовательской работе переместился с исследовательской на педагогическую работу в области древней истории.

Этим обстоятельством следует объяснить временное уменьшение числа конкретно-исторических исследований по древнегреческому рабству. Определенную отрицательную роль сыграли здесь и порожденные культом личности репрессии, жертвой которых оказался на долгие годы, в частности, крупнейший специалист по истории греческого рабства О. О. Крюгер, а также С. И. Ковалев и некоторые другие исследователи античного рабства.

Главным направлением работ предвоенного семилетия было создание марксистских курсов истории древней Греции. В эти годы издаются лекции, а затем и учебник В. С. Сергеева (1934 и 1939 гг.), курсы лекций С. И. Ковалева (1937 г.), С. Я. Лурье (1940 г.) и капитальная коллективная «История древнего мира» ГАИМК в нескольких томах. Во всех этих курсах и учебниках, естественно, уделялось немалое внимание рабству. Наиболее обстоятельный и интересный обзор древнегреческого рабства в книгах этих лет принадлежит перу К. М. Колобовой и Е. Г. Кагарова²⁸.

Дискуссии этих лет были связаны главным образом с оценкой характера отдельных периодов или явлений древнегреческой истории. Наиболее оживленно обсуждались в те годы два вопроса: о социальном статусе илотии и о формационной принадлежности критских и микенских обществ II тысячелетия до н. э.

Большинство советских историков склонно было считать илотию разновидностью примитивного рабства, признавая, разумеется, наличие серьезных различий между илотами и рабами античного типа. Наиболее четкую позицию в те годы занимал С. И. Ковалев, заявлявший: «...Крепостничество в Спарте есть примитивная форма рабства, возникшая в условиях отсталой аграрной страны и в обстановке завоевания»²⁹. На противоположной точке зрения стоял А. И. Тюменев, который также считал илотию и аналогичные ей формы зависимости результатом завоевания, но категорически возражал против оценки илотии как формы примитивного рабства³⁰. Здесь все же необходимо указать, что расхождение между упомянутыми учеными касалось в значительной мере лишь дефиниции илотии.

Значительно важнее были итоги дискуссии об эгейской культуре. К этому вопросу нам придется еще неоднократно возвращаться. Здесь достаточно указать, что подавляющее большинство участников дискуссии 1940 г. осудило точку зрения Б. Л. Богачевского, считавшего критские и микенские общества доклассовы-

---

²⁸ «История древнего мира». Под ред. С. И. Ковалева. Т. II. История древней Греции, ч. 1. М., 1937, стр. 251 сл., 264—273, 283 сл., 295—299.

²⁹ С. И. К о в а л е в. История античного общества, Греция, изд. 2. Л., 1937, стр. 151.

³⁰ А. И. Т ю м е н е в. История античных рабовладельческих обществ. М.—Л., 1935, стр. 27, прим. 1: «Взгляд на илотов как на рабов противоречит и самому понятию рабства».

ми, и характеризовало эти общества как рабовладельческие³¹. Методологически правильная оценка классового характера этих обществ дала ценные плоды в послевоенные годы.

На протяжении всего предвоенного десятилетия основным центром советской науки об античности оставался Ленинград. Здесь находилась ГАИМК, здесь же проходили основные научные дискуссии начала десятилетия. Организационным центром историков античности, местом зарождения нового, марксистского взгляда на античность и на роль античного рабства была в те годы, несомненно, ГАИМК. Обстановку тех лет, когда складывалась система взглядов, принятая ныне в советской науке, недавно напомнила в статье о С. И. Ковалеве К. М. Колобова. Она писала: «Лишь немногие теперь хорошо помнят этот период всеобщего, я бы сказала, нарастающего энтузиазма ученых в создании советской науки по истории докапиталистических обществ... В обширной комнате сектора древней истории и археологии... центральное место занимал большой круглый стол, вокруг которого не реже раза в неделю собирались специалисты разных профилей.... Круглый стол устанавливал равенство всех перед наукой, сам председатель С. И. Ковалев сидел там, где оставалось для него свободное место... В этой обстановке характерны были сочетание коллективности и доброжелательности с острой взаимной критикой при обсуждении научных вопросов. Такое тесное объединение историков, археологов и этнографов было несомненно очень полезным для всех членов научного коллектива. Это был своеобразный и неповторимый период собирания разрозненных научных сил... Мне вспоминаются ожесточенные споры, проходившие по теоретическим вопросам, открытие истин, которые казались тогда новым озарением науки»³².

С ликвидацией ГАИМК и организацией «Вестника древней истории» центр тяжести научно-исследовательской работы в области античности стал постепенно перемещаться в Москву.

Третий период в советской историографии древнегреческого рабства охватывает в основном послевоенные годы, особенно истекшее десятилетие. На основе твердо установленных в 30-е годы методологических положений советские историки перешли к исследованию отдельных конкретных вопросов древнегреческого рабства. Такого рода статьи, как мы видели, почти полностью отсутствовали в 20-е годы и начали появляться лишь в небольшом количестве в 1933—1934 гг. Ныне они становятся главной, к сожалению даже единственной, формой изучения анализируемой проблемы. Впервые в 1948 г. в университетском учебнике по истории древней Греции была помещена особая глава о восстаниях рабов

³¹ См. Т. Шепунова. В Академии наук СССР. Дискуссия об эгейской культуре.— ВДИ, 1940, № 2, стр. 204—218.

³² К. М. Колобова. Профессор С. И. Ковалев (1886—1960).—«Ежегодник Музея истории религии и атеизма», V (1961), стр. 361.

и бедноты³³. В Москве складывается группа исследователей эллинского рабства (Э. Л. Казакевич, Л. Н. Казаманова, В. Д. Блаватский, Я. А. Ленцман). Этой тематикой продолжает заниматься К. М. Колобова, включается в нее и С. Я. Лурье. Всех перечисленных здесь ученых характеризует стремление расширить круг исследований, привлечь максимальное количество новых или не использованных до сих пор в этом плане источников. Объектом споров служат теперь уже не общие, а частные и конкретные вопросы древнегреческого рабства. Основное внимание исследователей этого периода привлекали такие вопросы, как формы рабства в микенской Греции, рабство на Крите раннеклассического времени и анализ древнегреческих терминов, обозначавших рабов.

Первый из перечисленных вопросов мог быть поставлен в науке лишь благодаря удачной расшифровке линейного письма Б английскими учеными М. Вентрисом и Дж. Чадвиком. Правда, и до расшифровки этого вида письменности уже делался правильный вывод (Б. Грозным и В. Георгиевым), что во многих пиловских и кносских табличках речь шла о рабах и их детях. Однако только благодаря открытию Вентриса стало возможным быстрое и широкое вовлечение в научный обиход материала недавно расшифрованных пиловских надписей, что позволило оценить рабство в микенской Греции как важное и своеобразное историческое явление. Советские исследователи этого вопроса — С. Я. Лурье и автор этих строк — резко разошлись в характеристике рабовладения микенского времени. Первый считает характерным уже для конца II тысячелетия до н. э. частновладельческое рабство³⁴. Второй полагает, что рабы, упомянутые в пиловских текстах, использовались главным образом в дворцовых хозяйствах и им принадлежали. Весь этот вопрос будет обстоятельно рассмотрен в следующей части данной книги.

По сложной проблеме рабства на Крите классического времени опубликованы за последние годы два исследования. Прежде всего здесь надлежит упомянуть о статье К. М. Колобовой о критских войкеях, в которой соответствующие параграфы горнических законов анализируются на обильном материале греческих эпиграфических и литературных источников классического и последующего времени³⁵. Автор второй статьи Л. Н. Казаманова³⁶, ограничиваясь анализом критских свидетельств, определила войкеев как рабов, тождественных кларотам, в общем весьма близ-

³³ В. С. Сергеев. История древней Греции. М., 1948, гл. XVI (написанная А. В. Мишулиным).

³⁴ С. Я. Лурье. Язык и культура микенской Греции. М.—Л., 1957, стр. 269—285; его же. К вопросу о характере рабства в микенском рабовладельческом обществе. — ВДИ, 1957, № 2, стр. 8—24.

³⁵ К. М. Колобова. Войкеи на Крите. — ВДИ, 1957, № 2, стр. 25—46.

³⁶ Л. Н. Казаманова. Рабовладение на Крите в VI—IV вв. до н. э. — ВДИ, 1953, № 2, стр. 26—45; ср. также ее статью в ВДИ (1957, № 3, стр. 76—90).

ких илотам (стр. 35). Согласно ее категорическому заявлению (стр. 40, ср. стр. 36), «клароты (войкеи) безусловно не могли являться собственниками»³⁷. Юридическое положение войкеев, по ее мнению, почти ничем не отличалось от положения обычного раба (стр. 38). В указанной выше статье К. М. Колобова, напротив, доказывает, что войкеи имели право владеть разнообразным имуществом (домом, рабочим скотом, орудиями труда и т. д.) и что «их положение... не было ни рабством в обычном понимании этого термина, ни тем более крепостничеством» (стр. 42). Войкеи были младшими членами семейно-родовой общины, и в этом состояло их главное отличие от кларотов — сельскохозяйственных рабов, прикрепленных к клерам. На основании ГЗ, V, 1 сл. автор полагает даже, что возможны были, правда исключительно редкие, случаи коллективного наследования войкеями семейно-родовой собственности их владельцев. Такие меры, как подчеркивает исследовательница (стр. 44), принимались знатью «в интересах охраны своих родовых погребений и культов, в интересах сохранения своей собственности в неразделенном виде».

Думается, что К. М. Колобова права, отмечая своеобразие войкеев и их отличие от илотов и кларотов, однако ее интерпретация ГЗ, V, 1 сл. кажется все же неубедительной, особенно в свете приводимой ею же таблицы штрафов за насилие и прелюбодеяния. Ведь в сравнимых позициях таблицы проступки в отношении к войкеям оцениваются в 40 (!) раз ниже, чем в отношении к свободным. Нередкие, по-видимому, факты побегов войкеев, о которых говорится в гортинских законах, также свидетельствуют о тяжелом положении этой социальной группы. Годичный запрет продажи беглецов, вероятно, призван был обеспечить интересы пражных владельцев, а не войкеев (ср. указ. соч., стр. 45).

Немаловажное место среди статей 50-х годов заняли исследования древнегреческих терминов, обозначавших рабов. Начало здесь было положено статьей автора этих строк в 1951 г.³⁸ Главной целью статьи было установить, существует ли разница в смысловом значении основных терминов, которыми обозначались древнегреческие рабы. Эта постановка вопроса была для тех лет новой³⁹. Основные «рабские» термины охарактеризованы в статье следующим образом: δούλος — самое общее определение раба как такового, наиболее часто выступающее в обычной антитезе ἐλεύθερος — δούλος; второй термин — οἰκέτης — домашний раб,

³⁷ В последующем Л. Н. Казамазова несколько переменила свою точку зрения по этому вопросу (см. ВДИ, 1957, № 3, стр. 85).

³⁸ Я. А. Л е н ц м а н. О древнегреческих терминах, обозначающих рабов. — ВДИ, 1951, № 2, стр. 47—69.

³⁹ Как было отмечено выше, этим вопросом обстоятельно занимался в прошлом веке М. С. Курторга. На это правильно указала Л. Н. Казамазова (ВДИ, 1952, № 3, стр. 29, прим. 6).

раб-слуга; наконец, третий термин — *ἀνδράποδος* — это раб античного типа. В таких определенных, несмотря на подчеркнутую уже тогда многозначность последнего термина, еще сильно ощущалось влияние того самого абстрактно-социологического подхода, против которого была направлена эта статья. Главным, думается неизбежным в то время, недостатком статьи было стремление дать определения терминов без предварительного исследования всего относящегося к ним материала по отдельным периодам и областям эллинистического мира. В последующем этот недостаток был в значительной степени изжит в трудах других советских античников.

В плане терминологического анализа большое значение имеют статьи И. Д. Амусина ⁴⁰ и особенно Э. Л. Казакевич ⁴¹. Отправляясь от положений указанной статьи 1951 г., И. Д. Амусин тщательно изучил смысловое значение «рабских» терминов в греческом переводе Ветхого завета и пришел к выводам, во многом подтверждающим данные выше определения отдельных терминов, с тем все же существенным отличием, что в Септуагинте «термином *οἰκέτης* обозначается трудовое рабство наиболее эксплуатируемых и бесправных рабов» ⁴².

Э. Л. Казакевич в двух полемических статьях на основании анализа афинских авторов IV в., главным образом речей Демосфена, критиковала изложенное выше понимание «рабских» терминов. Возражая против трактовки последних как определений различных категорий рабов, она дает следующие дефиниции: *δοῦλος* — «определяющий термин, указывающий прежде всего на рабское положение» (1956 г., стр. 122); *οἰκέτης* — «конкретизирующий термин», определение «реально существующих рабов» (1958 г., стр. 110, ср. стр. 99); *ἀνδράποδος* — инвентарный предмет, воплощение известного количества денежного богатства (там же, стр. 112). Приведя примеры того, что одни и те же рабы назывались в зависимости от контекста, стиля писателя и других обстоятельств попеременно то одним, то другим термином, она убедительно доказала, что последние не представляют собой строгих дефиниций тех или иных категорий рабов. Все же существенного различия между этими двумя определениями слова *δοῦλος* не видно. Что касается двух других терминов, то первый из них действительно применялся в отношении не только рабов-слуг, и здесь Э. Л. Казакевич полностью права. Однако данное в 1951 г. определение *ἀνδράποδος* продолжает, думается, оставаться правильным даже в свете привлеченного ею нового обильного ма-

⁴⁰ И. Д. Амусин. Термины, обозначающие рабов в эллинистическом Египте, по данным Септуагинты. — ВДИ, 1952, № 3, стр. 46—67.

⁴¹ Э. Л. Казакевич. Термин *δοῦλος* и понятие «раб» в Афинах IV в. до н. э. — ВДИ, 1956, № 3, стр. 119—136; с е ж е. Рабы как форма богатства в Афинах IV в. до н. э. (По данным речей Демосфена). — ВДИ, 1958, № 2, стр. 90—113.

⁴² И. Д. Амусин. Указ. соч., стр. 67 (ср. стр. 62).

териала. Это фактически следует и из ее анализа; в заключении статьи 1958 г. она замечает, что из 44 случаев применения этого термина в Демосфеновском корпусе 35 случаев относятся к рабам на производстве и только в одном случае он, несомненно, применяется к домашнему слуге ⁴³.

В самое последнее время вопрос о значении «рабских» терминов, применявшихся в ахеменидском Иране, исследовался Ю. Б. Юсифовым ⁴⁴. Отправляясь от терминологии Геродота, он сопоставил значение греческих терминов, обозначающих рабов, с соответствующими им восточными. В отношении трех основных греческих терминов он предложил следующие определения: *δοῦλος* — общий термин для лиц, находящихся в рабском состоянии; *οἰκέτης* — домашний частный раб, который обслуживал не самого хозяина-рабовладельца, а его обширное хозяйство; *ἀνδράποδοι* — для стран Востока — раб-военнопленный, в других случаях — доходная статья, источник богатства (стр. 37). Очевидно, в определении греческих терминов он занимает промежуточную позицию между взглядами двух его предшественников. Основное место в труде Ю. Б. Юсифова занимает анализ не греческой, а аккадской, эламской и арамейской терминологий. «Рабские» термины в текстах ахеменидского времени он подразделяет на пять основных категорий (раб вообще, домашний раб, раб-иноземец, взрослый раб, несовершеннолетний раб). Инициатива в развернутом анализе греческих «рабских» терминов принадлежит советским историкам. Начатые в этой области исследования представляются весьма перспективными и плодотворными, так как они открывают путь к более точному пониманию дошедших до нас источников. Разумеется, все сделанное до сих пор можно расценивать только как первый шаг. К каким-либо твердым выводам можно будет прийти лишь в результате тщательного анализа по крайней мере всех основных памятников греческой письменности на протяжении античности. На данной стадии работы расхождения между отдельными исследователями представляются вполне естественными и закономерными. Здесь стоит все же указать, что, несмотря на разногласия в частностях, все исследователи согласны в том, что между основными тремя терминами, обозначающими рабов, имеются существенные смысловые различия. Очевидно, применение того или иного термина было далеко не случайным.

Изучение «рабских» терминов привлекло внимание исследователей к отдельным категориям афинских рабов и обычно связываемых с ними групп населения. В этом плане представляют

---

⁴³ Обе статьи Э. Л. Казакевич, отличающиеся тонким и вдумчивым анализом источников, заслуживают развернутого анализа. Здесь это вряд ли уместно.

⁴⁴ Ю. Б. Ю с и ф о в. Термины для рабов в Мидии, Эламе и Персии середины I тысячелетия до н. э. — ВДИ, 1961, № 4, стр. 32—49.

большой интерес две последние статьи Э. Л. Казакевич⁴⁵. Анализируя выражение *οἱ χωρὶς οἰκοῦντες*, которое в литературе принято считать наименованием обособленно живущих (и трудящихся) рабов или вольноотпущенников, она доказывает, что такое определение не могло относиться ни к рабам, ни к вольноотпущенникам, но, по-видимому, обозначало одну из групп иноземцев, не имевших статуса метеков. Во второй статье, представляющей собой естественное продолжение предыдущей, Э. Л. Казакевич исследует положение тех афинских рабов, которые пользовались относительной хозяйственной самостоятельностью, и связывает развитие этой формы эксплуатации с расцветом специфически рабовладельческой экономики Афин в IV в. до н. э.

Роль рабов в аттической комедии, и частично трагедии, обстоятельно рассматривалась С. И. Соболевским в статье историко-литературного жанра в ВДИ, а затем в монографии об Аристофане⁴⁶. Он подчеркивал беспристрастное отношение афинского комедиографа к рабству, указывал на то, что в поздних комедиях Аристофана рабы более активно участвуют в сценическом действии, и отмечал постепенную эволюцию типа раба в афинской комедии.

Автор этих строк после упомянутой статьи о терминах, обозначающих рабов, исходя из убеждения, что анализ древнегреческого рабства необходимо заново предпринять *ab ovo*, обратился к изучению гомеровского эпоса. Предварительные выводы о гомеровском рабстве были опубликованы в 1952 г.⁴⁷ Важнейшим из них было указание на большой разрыв между уровнем развития рабовладения в эпосе и степенью распространения рабства в непосредственно послегомеровское время. Отсюда в свою очередь напрашивался вывод, что данные эпоса о рабах, по-видимому, относятся к микенскому времени. Весь этот круг проблем подробно рассматривается ниже. Здесь, возможно, стоит упомянуть только о двух статьях, тематика которых выходит за хронологические рамки данной книги⁴⁸. В первой статье подобраны свидетельства о рабах в литературных памятниках, связываемых с Гомером (кроме «Илиады» и «Одиссеи») и с Геснодом. Во второй статье, преимущественно источниковедческого харак-

⁴⁵ Э. Л. Казакевич. Были ли рабами *οἱ χωρὶς οἰκοῦντες*? — ВДИ, 1960, № 3, стр. 23—42; е е ж с. О рабах-агентах в Афинах. — ВДИ, 1961, № 3, стр. 3—21.

⁴⁶ С. И. Соболевский. Рабы в комедиях Аристофана как литературный тип. — ВДИ, 1954, № 4, стр. 9—40; е го же. Аристофан и его время. М., 1957, стр. 291—347. В книге помещен несколько расширенный текст статьи.

⁴⁷ Я. А. Лисицман. Об историческом месте гомеровского рабства. — ВДИ, 1952, № 2, стр. 38—59.

⁴⁸ Я. А. Лисицман. Послегомеровский эпос как источник для социально-экономической истории ранней Греции. — ВДИ, 1954, № 4, стр. 52—71; е го ж с. Рабы в законах Солона. — ВДИ, 1958, № 4, стр. 51—69.

тера, ставится вопрос о достоверности античной традиции относительно приписываемых Солону законов о рабах.

Рабство в Северном Причерноморье исключительно тщательно исследовано в последние годы В. Д. Блаватским, который впервые в историографии посвятил специальную работу этому вопросу⁴⁹. В его исследовании гармонически использованы литературные, эпиграфические и даже археологические источники, относящиеся к рабству. Особенно много внимания уделено анализу свидетельств о работорговле на Боспоре (стр. 43 сл.). На основании всего имеющегося материала В. Д. Блаватский пришел к выводу, что рабовладельческий строй возникает в Северном Причерноморье в VI в. до н. э., ограничиваясь в это время только местными эллинскими полисами (стр. 54). Число рабов значительно увеличилось к IV в. до н. э., когда использование их в качестве рабочей силы засвидетельствовано и в сельском хозяйстве греческих городов, и у местных племен. Начиная с I в. н. э. рабовладельческие отношения на Боспоре постепенно начинают разлагаться, о чем, по мнению автора (стр. 55), свидетельствуют надписи о манумиссиях.

В статьях С. В. Шостаковича⁵⁰ и С. П. Сингалевича⁵¹ анализировались данные о гектемомах и илотах. Первый полагал, что урожай в Аттике и в других областях древнего мира распределялся на доли в зависимости от того, кому принадлежали шесть следующих элементов: земля, вода, семена, рабочий скот, орудия труда и рабочая сила. Таким образом, по мнению автора, шестую долю урожая могли получать лишь издольщики, не имеющие даже собственных орудий труда. Гипотеза С. В. Шостаковича кажется маловероятной, так как сомнительно равенство всех перечисленных им элементов, в частности для Аттики. С. П. Сингалевич концентрировал свое внимание преимущественно на двух вопросах: происхождение илотии и борьба илотов за свободу. Подобно предыдущим исследователям, он считал, что институт илотии уходит своими корнями в завоевание. Важно методологически его замечание о том, что существование илотии тормозило развитие рабовладельческих отношений античного типа в Лаконике (стр. 134). К сожалению, автор уделил значительно меньше внимания изучению движений илотов и ограничился фактически только доэллинистическим временем.

При всем разнообразии работ последних лет подавляющее их большинство отличается некоторыми общими чертами. Прежде

⁴⁹ В. Д. Блаватский. Рабство и его источники в античных государствах Северного Причерноморья. — СА, XX (1954), стр. 31—56; его же. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 164—166, 169—171 и 186—193.

⁵⁰ С. В. Шостакович. Об издольщине в Аттике. — Тр. Иркутского гос. ун-та, серия ист.-фил., т. III, вып. 2 (1948), стр. 104—115.

⁵¹ С. П. Сингалевич. Гелоты в древней Спарте. — Тр. Марийского гос. пединститута, VIII (1950), стр. 127—154.

всего обращает на себя внимание относительное обилие статей по древнегреческому рабству. Авторы перечисленных статей постепенно отходят от общих, во многом абстрактно-социологических рассуждений об античном рабстве вообще. В трудах последнего времени древнегреческое рабство уже не рассматривается как нечто единое во времени и пространстве. Ныне в трудах советских исследователей рабы микенского времени отличаются многими чертами от гортинских войкеев, а рабство в Северном Причерноморье выглядит непохожим на рабство в материковой Элладе.

Переход к конкретно-исторической тематике, привлечение ряда новых источников, рост числа исследователей — все эти обстоятельства предопределили оживление творческой мысли и вызвали полемику по различным вопросам, связанным с проблематикой древнегреческого рабства. Но если раньше в нашей науке споры шли между марксистами и их противниками, ныне все советские историки твердо стоят на позициях марксизма, а расхождения между ними свидетельствуют об углубленном подходе к изучаемым вопросам на базе единой марксистской методологии.

Серьезный, ничем не оправданный пробел в нашей литературе последнего десятилетия — отсутствие исследований о классовой борьбе греческих рабов и родственных им групп населения. Кроме статей В. Д. Блаватского и С. П. Сингалевича, которые отчасти касались этого вопроса, мы, к сожалению, не можем указать ни одного труда по этой важной тематике. После исключительно ценного исследования О. О. Крюгера (1934 г.) тема классовой борьбы рабов античной Эллады фактически выпала из поля зрения наших специалистов. Разумеется, движения рабов в Риме и эллинистических странах значительно превосходили по своему масштабу и значению проявления борьбы рабов в Элладе, но тем не менее исследование последних — долг советских античников.

Несколько по-иному обстоит дело с отсутствием широких обобщающих трудов на протяжении последнего десятилетия. Очевидно, для создания новых широких обобщений на базе значительно возросшего конкретного материала требуется, во-первых, целый ряд исследований по частным вопросам, а во-вторых, определенный промежуток времени. Думается, что появление в последние годы немалого числа конкретно-исторических статей предвещает опубликование в близком уже будущем и монографических трудов по истории древнегреческого рабства.

Глава 4.

БОРЬБА ТЕЧЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Вплоть до конца второй мировой войны труды марксистских, в частности советских, исследователей античного рабства не оказывали сколько-нибудь значительного воздействия на взгляды и концепции зарубежных ученых. Западноевропейские и американские историки были знакомы, чаще всего из вторых рук, с марксизмом как определенным философским и социально-политическим учением. Они знали, что марксизм — идейная основа социалистического движения, к которому они, как правило, относились враждебно. В представлениях подавляющего большинства этих античников марксистское учение было как небо от земли далеко от тематики их исследований. Сама мысль о возможности применить марксистскую методологию в древней истории казалась им не заслуживающей внимания серьезного ученого.

В то же время, как было показано во второй главе, некоторые буржуазные ученые еще в начале нашего века считали античность прекрасным полем для «опровержения» марксизма. Во многих капиталистических странах классическое образование долгое время считалось лучшей панацеей от марксизма. Попытки использовать древнюю историю и классическую филологию в качестве плотины против материалистических, в особенности социалистических; идей предпринимались в первую очередь в Германии¹.

Не поняв исторического значения Великой Октябрьской социалистической революции, многие зарубежные античники восприняли ее как угрозу уничтожения цивилизации и культуры

---

¹ См. L. H a t v a n u. Die Wissenschaft des nicht Wissenswertem. München, 1914, стр. 51: «Дильс... стремится бороться против «грубого социализма» идеальными устремлениями его науки (классической филологии. — Я. Л.)... Эдуард Мейер хотел бы противодействовать «опаснейшему движению», охватившему умы в последние десятилетия, путем пропаганды традиционного семейного воспитания и смеси из Платона и буколки».

вообще². Среди известных западноевропейских специалистов по древней истории не нашлось ни одного, кто бы, подобно Ромен Роллану, увидел в этой революции зарю нового социалистического общества. На протяжении более чем двух десятилетий они по-прежнему оставались чуждыми и враждебными марксизму. Осознавая или предчувствуя неизбежную гибель капитализма, многие ученые волею-неволею искали в античности безмятежный, свободный от революционных потрясений оазис. Думается, что именно этим обстоятельством во многом объясняется закат признававшего роль классовой борьбы модернизаторского течения старого типа в западноевропейской литературе 30-х годов³.

Положение в зарубежной историографии античности резко изменилось после разгрома гитлеровского фашизма. Возникновение мощной социалистической системы, величайшие успехи советской науки и культуры, распространение идей марксизма в странах народной демократии — все эти явления вызвали резкое размежевание среди ученых капиталистических стран, теперь уже и среди античников. Одни открыто стали на позиции марксизма (Дж. Томсон, А. Боннар, Г. Кордатос, Л. Жерне и др.)⁴. Другие, как М. И. Финли, изучали теорию марксизма, а их концепции античного рабства приближаются ко взглядам советских античников. Третья группа западных историков, возглавляемая И. Фогтом, оставаясь на почве буржуазной идеологии, признает достижения советской историографии рабства и выступает с более или менее резкой критикой концепций Уэстермана и его сторонников. Появление каждого из указанных трех течений представляет собой качественно новое явление в западной историографии, где, как отмечалось, вплоть до последнего времени марксистская методология считалась неприменимой к древней истории.

С другой стороны, продолжает свою деятельность и реакционная группа западных античников, выступающая с резко антимарксистских позиций. Представители этого течения печатаются главным образом в западногерманском журнале «*Гномон*». Их рецензии и обзоры трудов советских ученых пишутся с позиций воинствующего антикоммунизма. Влияние этой группы на Западе все еще сильно.

² См., например: O. S e e k. *Entwicklungsgeschichte des Christentums...*, Stuttgart, 1921. В предисловии Зеек писал (стр. XII): «Показать, как действовало и всегда должно было действовать истребление лучших на классическом примере древнего мира, — вот задача всего моего труда. Россия проделывает сейчас на себе этот опыт». Если Эд. Мейер (GdA, IV, стр. 275), стоя на позициях объективизма, критиковал труд Грота за то, что он представлял собой «...не историю, а апологию Афины», Зеек (стр. XXII) заявил: «притворная объективность... — это лишь обман читателя».

³ См. К. К. З е л ь и н. О некоторых общих концепциях истории древней Греции. — ВДИ, 1959, № 1, стр. 149 слл.

⁴ В этом плане представляет интерес специальный номер французского прогрессивного журнала «*La Pensée*» (1956, № 66).

Ниже мы постараемся проследить на конкретных примерах отличительные черты всех этих направлений в зарубежной историографии, ограничиваясь тематикой нашего исследования.

В странах народной демократии уже в первые послевоенные годы многие античники, особенно более молодого поколения, стремятся творчески применять марксистскую методологию в своих работах. Это заметно как в тематике, так и в методике их исследований. Не стремясь к полному обзору их работ, мы укажем здесь лишь на наиболее характерное направление, связанное с нашей проблемой. Примеры будут взяты преимущественно из более знакомых автору трудов польских античников ⁵.

И. Бежунская-Маловист издала в 1949 году книгу о некоторых проблемах эллинистического рабства ⁶. Ряд небольших, но ценных работ польских ученых, прежде всего К. Михаловского, был посвящен изучению условий труда рабов в отдельных отраслях производства (горное дело, плавка металлов, хлебопекарни) ⁷. Если упомянутые работы основаны главным образом на привлечении археологических памятников, то Б. Билиньский в очень интересном исследовании проследил линию положительного отношения к физическому труду в греческих литературных источниках ⁸. Анализ теории рабства у Платона и Аристотеля посвящена небольшая статья Л. Эренброда ⁹.

По инициативе крупного археолога-античника К. Маевского польские археологи выполняют весьма нужную и важную работу по извлечению скудных свидетельств о рабстве из громадной массы археологических памятников. В этом плане надо отметить в первую очередь капитальный коллективный труд о материальной культуре древней Греции, созданный под редакцией Маевского ¹⁰. В этой книге подобраны и воспроизведены по отраслям производства и по периодам важнейшие археологические памятники, относящиеся к трудовой деятельности древних эллинов. Коммента-

⁵ Об общих тенденциях развития современной польской историографии античности см.: И. Бежунская-Маловист. Работы польских ученых по древней истории (1949—1952). — ВДИ, 1953, № 1, стр. 124—131; К. Маевский. Польская археологическая литература за последние годы. — ВДИ, 1952, № 4, стр. 92—103; Я. А. Лейцман. По страницам польских исторических журналов. — ВДИ, 1951, № 3, стр. 155—163; его же. Рецензия на журнал «Archeologia». — ВДИ, 1950, № 2, стр. 179—186 и 1953, № 2, стр. 119—125.

⁶ I. Bieżuńska-Malowist. Zagadnień niewolnictwa hellenistycznego. Wrocław, 1949.

⁷ K. Michałowski. Praca górnik i lutnika w starożytnej Grecji. Warszawa, 1949; L. Winniczuk. Praca młynarza i pickarza w starożytnej Grecji i Rzymie. Warszawa, 1951.

⁸ B. Biliński. O hezjodejski aspekt starożytności. I. Praca w starożytnej Grecji. — «Archeologia», II (1948), стр. 31—103.

⁹ L. Ehrenbrod. Helleńska teoria niewolnictwa. — «Archeologia», IV (1950/51), стр. 57—62.

¹⁰ «Kultura materialna starożytnej Grecji...». Warszawa, 1956.

рии и библиография еще более повышают ценность этой книги для исследователя рабства. О широких возможностях, которые открывает в этой области сотрудничество археологов, искусствоведов и историков, свидетельствует также небольшая статья Ю. Вельвёйского о критериях определения рабов в произведениях греческого изобразительного искусства ¹¹.

Ученые других социалистических стран, расположенных южнее Польши и, следовательно, более тесно связанных в древности с центрами античной культуры, изучают прежде всего вопросы рабства в провинциях римской державы, что выходит за рамки нашей темы. К последней относятся лишь две известные автору работы. Это статья Хр. Данова «К истории рабства в древней Фракии» ¹² и упомянутая выше (стр. 41) статья П. Оливы о рабстве в доклассической Греции. Все указанные труды опубликованы до 1956 г. включительно. Начиная с 1957 г. по инициативе чешских коллег ежегодно проводятся международные конференции античников-марксистов, на которых живо обсуждаются вопросы древнегреческого и римского рабства. Уже на первой из них вызвал острую полемику вопрос о роли товарного производства и рабства в возникновении полиса ¹³. На всех последующих конференциях проблематика античного рабства занимала, можно сказать, первое место. На состоявшейся в апреле 1962 г. VI конференции (Пловдив) было зачитано 13 докладов о рабстве в древности, в том числе шесть о древнегреческом и эллинистическом рабстве ¹⁴.

В заключение обзора трудов ученых социалистических стран надо указать на солидное исследование Д. Лотце, посвященное анализу положения зависимого сельскохозяйственного населения в отсталых областях Эллады ¹⁵. Лотце (указ. соч., стр. 79) приходит к выводу, что аргосские гимнеты и сикионские коринефоры, по всей вероятности, были лично свободными, хотя и не обладали полной гражданской прав. Положение спартаиных илотов, крит-

¹¹ J. Wielowiejski. Zagadnienie identyfikacji niewolników w sztuce greckiej.— «Archologia», VIII (1956), вып. 1, стр. 266—272.

¹² «Исторически преглед», V (1949), № 3—4, стр. 406—417.

¹³ См. Я. Печирка. Международная конференция античников в Либлице (Чехословакия).— ВДИ, 1958, № 1, стр. 230—237.

¹⁴ Л. Вельскоф. Аристотелевский анализ форм господства и подчинения; В. Мюллер. Рабы в текстильной промышленности птолемеевского Египта; П. Олива. Неразвитая форма рабства в античной Греции; А. Павловская. Полибий о рабстве в III—II вв. до н. э.; З. Петре. Софисты и проблема рабства; А. Пятковский. Греческий термин для зависимых крестьян. Краткие резюме перечисленных докладов см. в кп.: «VI Международная конференция по классическим исследованиям. Пловдив, 24—29 апреля 1962. Резюме докладов». София, 1962.

¹⁵ D. Lotze. Μεταξὺ ἐλευθέρων καὶ δούλων. Studien zur Rechtstellung unfreier Landbevölkerungen in Griechenland bis zum 4. Jahrhundert v. Chr. Berlin, 1953.

ских кларотов и мноитов, фессалийских пенестов и гераклейских мариандинов Лотце характеризует как возникший в результате завоевания вид «коллективного рабства», близкий феодальному крепостничеству, хотя и отличающийся от последнего тем, что перечисленные группы находились вне гражданской общины.

Среди марксистских ученых капиталистических стран в первую очередь следует указать на профессора Бирмингемского университета Дж. Томсона. В своих многочисленных трудах¹⁶ Томсон настойчиво ратует за марксистский подход к истории древней Греции. Его творчество отличается широким сравнительно-историческим кругозором. В центре его научных интересов лежат вопросы, связанные с возникновением и ролью товарного производства. В плане изучения рабства важна глава IX последнего из указанных в прим. 16 сочинений.

Взгляды Томсона, несколько преувеличивающего роль товарного производства, кое в чем отличаются от принятых среди советских специалистов¹⁷.

Различные виды рабства на Крите, главным образом доклассического времени, тщательно анализируются в двух главах (V и VI) монографии ученика Томсона, Р. Ф. Уиллетса¹⁸.

«История древней Греции» Г. Кордатоса, первый том которой охватывает время до греко-персидских войн, оказалась мне, к сожалению, недоступной. Рецензент книги Л. А. Ельницкий¹⁹ отмечает марксистскую концепцию автора, широкое использование археологического материала, основательное знакомство с советской литературой и внимание, уделяемое социально-экономическим вопросам, в частности рабству на Крите микенского времени и в период возникновения рабовладельческого аристократического полиса.

Труд покойного швейцарского ученого лауреата международной Ленинской премии мира А. Боннара²⁰ имеет научно-популярный характер. Одна из глав первого тома почти полностью

¹⁶ Главные из них: G. T h o m s o n. Aeschylus and Athens³. London, 1950; Studies in Ancient Greek Society. I. The Prehistoric Aegean. London, 1949; II. The First Philosophers, London, 1955. Последние две книги переведены на русский язык: Дж. Т о м с о н. Исследования по истории древнегреческого общества, т. I. Допсторический эгейский мир. М., 1958; т. II. Первые философы. М., 1959.

¹⁷ См. рецензия Б. В. Горнунга (ВДИ, 1950, №4), К.К. Зелькина (1952, №2), Я. А. Лениного и М. К. Петрова (1959, № 4) на его книги; ср. Дж. Т о м с о н. Письмо в редакцию. — ВДИ, 1953, № 4, стр. 107—113; ср. также: Я. П е ч и р к а. — ВДИ, 1958, № 1, стр. 231 сл.

¹⁸ R. F. W i l l e t s. Aristocratic Society in Ancient Crete, London, 1955. К сожалению, ВДИ до сих пор не опубликовал еще рецензии на эту интересную книгу.

¹⁹ ВДИ, 1959, № 1, стр. 181 сл.

²⁰ Имеется русский перевод: А. Б о н н а р. Греческая цивилизация, т. 1. «От Илиады до Парфенона». М., 1958; т. 2. «От Антигоны до Сократа». М., 1959; т. 3. «От Еврипида до Александрии». М., 1962.

посвящена оценке роли рабства, главным образом в Афинах (стр. 153—167). В отличие, например, от Валлона, Боннар подчеркивает историческую обусловленность античного рабства, видя в нем основную причину ограниченности и падения античной демократии.

Взятая в целом марксистская литература в капиталистических странах количественно представляет собой лишь небольшую часть книжной продукции по вопросам античности. Однако не в количестве дело, важно отметить качественно новое явление. Даже в дисциплине, казалось бы столь далекой от жгучих проблем современности, пробило себе, наконец, путь новое течение, требующее переосмысления древнеэллинской культуры в свете марксизма. Недаром Томсон настаивает на необходимости сласти наследие Эллады от «мацдаринов от науки», предупреждая, что в противном случае «оно погибнет, уничтоженное своими собственными жрецами»²¹. Приведенные выше примеры показывают, что Томсон ныне не одинок среди западноевропейских античников.

Что касается современной немарксистской историографии рабства, то расхожденья в ней наметились вполне отчетливо в связи с выходом в свет книги Уэстермана. Во второй главе было показано, как на протяжении двух десятилетий взгляды этого ученого почти безраздельно господствовали и стали чуть ли не общим местом в литературе. Хотя отклики на посмертную книгу маститого ученого не были удобным поводом для критики его взглядов, тем не менее в хоре восторженных рецензий, авторы которых не скупались на такие эпитеты, как «классическое руководство», «изумительная объективность», «великий труд» и т. д.²², можно было встретить немало и критических высказываний. С. Б. Уэллес, который в общем весьма тепло отозвался о книге Уэстермана, считая все же необходимым заметить, что «это не та окончательная книга о рабстве, какой она до некоторой степени собиралась стать»²³, а единомышленник Уэстермана в оценке древнегреческого рабства А. Г. М. Джонс (к анализу взглядов которого мы вернемся ниже) дал еще более резкую оценку труду Уэстермана²⁴. Изложив общую картину рабства в рецензируемой книге, Джонс высказал свое согласие с автором и подчеркнул, в частности, «несомненную ошибочность определения Афин как «рабовладельческой демократии». Вместе с тем Джонс отметил ряд «преувеличений» в книге. Он показал, что Уэстерман играл недостаточно корректно, отказавшись цитировать большое количество данных о рабах в

²¹ Дж. Томсон. Исследования..., т. I, стр. 41.

²² В этом плане показательны рецензии: J. W. Swain.— CPB, LI (1956), стр. 203 сл.; M. L. W. Laistner.— AHR, LXI (1955—1956), стр. 613 сл.; W. Seston.— REL, XXIII (1955), стр. 480 сл.; J. Labarbe.— AC, XXV (1956), вып. 1, стр. 209—211.

²³ С. В. Welles.— AJP, LXXVII (1956), стр. 317.

²⁴ А. Н. М. Jones.— EHR, LXXII (1956), стр. 272—275.

эргастериях, и отметил, что «законы против чересчур жестокого обращения с рабами свидетельствуют не только о просвещенности правительств, но и о наличии значительного количества жестоких рабовладельцев», что «свидетельства как литературных, так и эпиграфических памятников о многих побегах рабов также показывают, что не все рабы были довольны своей судьбой»²⁵.

Реакция против крайностей концепции Уэстермана и его единомышленников выступает особенно ярко в трудах группы западногерманских исследователей, возглавляемой И. Фогтом. Фогт — председатель Комиссии по древней истории при Академии наук и литературы в Майнце и профессор древней истории (в 1958/1959 г. — ректор) Тюбингенского университета (издана славящегося как центр античных штудий в Германии) — ныне один из наиболее крупных специалистов по древней истории в ФРГ. В междувоенный период он интересовался главным образом временем падения Римской республики и религиозными течениями поздней империи.

Начиная с 1950 г. Фогт переключился на организацию исследований по античному рабству. С тех пор вплоть до середины 1961 г. в «Трудах» упомянутой академии вышло десять выпусков, посвященных различным вопросам истории рабства в Элладе и Риме. Два из них принадлежат перу Фогта²⁶. Второй имеет характерное посвящение: «Collegis et discipulis investigatoribus servitutis antiquae». Авторы других работ этой серии — Г. Микнат, С. Лауффер, Ф. Бемер, П. Шпрангер и Г. Фолькман²⁷. Хотя большая часть перечисленных в примечании работ посвящена, казалось бы, частным вопросам истории античного рабства, тем не менее они представляют собой части одной и той же заранее запланированной серии.

Достойн пристального внимания факт возникновения квалифицированного и деятельного коллектива западногерманских ученых, занимающихся античным рабством. Уже само пробужде-

---

²⁵ К критическим отзывам на книгу Уэстермана можно добавить еще: R. E. Smith. — JHS, LXVII (1957), стр. 338 сл. и G. E. M. de Ste Croix. — CR, VII (1957), стр. 54—59.

²⁶ J. Vogt. Sklaverei und Humanität im klassischen Griechentum. Wiesbaden, 1953 (далее — Фогт, 1953); его же. Struktur der antiken Sklavenkriege, 1957 (далее — Фогт, 1957).

²⁷ G. Micknat. Studien zur Kriegsgefangenschaft und zur Sklaverei in der griechischen Geschichte. 1. Teil: Homer, 1954; S. Lauffe. Die Bergwerkssklaven von Laureion. 1. Teil: Arbeits- und Betriebsverhältnisse, 1955; 2. Teil: Gesellschaftliche Verhältnisse, Aufstände, 1956; Fr. Bömer. Untersuchungen über die Religion der Sklaven in Griechenland und Rom. 1. Teil: Die wichtigsten Kulte und Religionen im Rom und im lateinischen Westen, 1957; 2. Teil: Die sogenannte sacrale Freilassung in Griechenland und die (δοῦλοι) ἱεροί, 1960; 3. Teil: Die wichtigsten Kulte der griechischen Welt, 1961; P. P. Spranger. Historische Untersuchungen zu den Sklavenfiguren des Plautus und Terenz, 1959; H. Volkman. Die Massenversklavungen der Einwohner größerer Städte in der hellenistisch-römischen Welt, 1961.

ние интереса к «рабской» тематике наглядно показывает, как среди совершенно чуждых, а нередко и враждебных марксизму буржуазных ученых все сильнее вызревает протест против недооценки и искажения роли античного рабства, столь характерных для западноевропейской историографии античности на протяжении всей первой половины нашего века. В этом плане показательны не только количество новых трудов по рассматриваемой нами проблеме, но в первую очередь идейные позиции авторов этих трудов и выводы, к которым они приходят.

Наиболее симптоматичны в данном отношении сочинения самого Фогта. В 1953 г. он пытался найти ответ на вопрос: в какой степени эллинское понятие гуманности уже в V в. простиралось на рабов; каковы были характерные черты отношения афинских писателей того времени к рабам? Главным предметом его штудий служили тогда комедии Аристофана, трагедии Еврипида и, в несколько меньшей степени, высказывания о рабах софистов и Гиппократа.

Как отмечает Фогт, Аристофан, выступая в своих ранних комедиях против выведения «типа неуклюжих рабов» («Осы», 54 слл.; «Мир», 729 сл.; ср. «Лягушки», 1 слл.), сам все же лишь немногим отличался в этом отношении от своих предшественников. Для него характерно глубочайшее презрение к рабам как таковым (стр. 9). В последующих комедиях рабы, выступая в качестве наперсников своих хозяев, получают значительно более существенную роль в ходе действия («Лягушки», «Богатство»); иногда они даже изображаются более умными, чем их владельцы. Однако такое «возвеличение» рабов лишь следствие деградации свободных граждан. Следовательно, у Аристофана «человечность» раба еще не открыта. «Путь до создания образа великодушного раба у Менандра кажется весьма далеким» (стр. 13). В связи с этим автор добавляет, что если в комедии XVII и XVIII вв. слуги представляют собой низшую ступень общества, то у Аристофана рабы находятся вообще вне рамок общества²⁸.

Несколько иное отношение к рабам Фогт находит у Еврипида. Он замечает прежде всего, что трудно определить взгляд афинского трагика на рабство ввиду того, что одни персонажи трагедий полны презрения к рабам, в то время как другие, напротив, требуют признания человеческого достоинства за рабами и возражают против института рабства как такового (стр. 16). В отличие от Аристофана, у Еврипида довольно много образов «благородных рабов» (стр. 19). Все же наряду с указанными моментами Фогт подчеркивает, что в трагедиях никогда не провозглашается требование отмены рабства.

Только у врачей, например в знаменитой Клятве Гиппократа

²⁸ Ср. иную трактовку того же круга вопросов в кн.: С. И. Соболевский. Аристофан..., стр. 322 слл.

и в его «Эпидемиях» (стр. 15, прим. 2). Фогт находит полное признание личности раба. Хотя «Эпидемии» датируются IV в., Фогт полагает, что приведенные в этом сочинении примеры должны восходить к предыдущему столетию. Значительно меньше общественное воздействие приписывает он высказываниям старших софистов о равенстве всех людей от природы (стр. 14 сл.). Эти теории ни в малейшей степени не смогли подорвать «голую реальность (nackter Tatbestand) рабства» (стр. 15). Наиболее сильные стимулы для вовлечения рабов в общественную жизнь исходили, по мнению Фогга, от религии, в частности от культа Диониса и от элевсинских таинств (стр. 15).

Таковы взгляды И. Фогга по основной теме его исследования. Эти воззрения показательны уже хотя бы потому, что сама постановка вопроса предполагает глубокое сочувствие автора к рабам, отсутствующее, например, у Уэстермана. Однако для характеристики концепции И. Фогга в целом не менее важны расселенные по всему его труду попутные замечания о рабстве вообще. Так, он очень правильно подчеркивает, что современные историки «еще не нашли для рабства достойного места в общей картине античности»²⁹ (стр. 4). В отличие от Уэстермана он постоянно рассматривает античное рабство в широком плане, не выделяя его среди более примитивных форм эксплуатации. Интересны его попутные замечания об исключительной редкости манумиссий в Афинах классического периода (стр. 24) и о побегах рабов (стр. 9 сл.).

Что касается численности рабов и их роли в производственной жизни, Фогт в общем принимает выводы Сарджент и Уэстермана и полагает, что накануне Пелопоннесской войны количество рабов в Афинах составляло половину или треть численности свободного населения (стр. 5 и прим. 1). При этом он несколько двусмысленно заявляет: «...Процесс производства в значительной части опирался на рабский труд и, после всего сказанного за и против, остается открытым вопрос, следует ли вообще признать рабство в качестве существенного базиса (wesentliche Grundlage) эллинского общества и культуры» (стр. 5).

Из всего изложенного ясно, что, несмотря на явное стремление уклониться от полемики и найти точки соприкосновения с Уэстерманом, взгляды Фогга на рабство уже в 1953 г. были весьма далеки от концепции Мейера — Уэстермана. Разумеется, Фогга не интересовала экономическая подоплека рабства. Проследившая зарождение более гуманного отношения к рабам в Афинах, Фогт даже не ставил перед собой вопроса о социально-экономической обусловленности данного явления. Вряд ли правильна его идея

---

²⁹ Автор в то время, вероятно, не был еще вообще знаком с советской историографией античности. Поэтому его высказывание здесь относится лишь к западноевропейской и американской литературе.

о роли эллинской религии в признании человеческих качеств за рабами. Наконец, нельзя согласиться с его сомнениями относительно определяющей и ведущей роли рабского труда в Афинах. И все-таки он ни в малейшей мере не стремился исказить условия быта рабов в угоду предвзятой концепции.

Во втором исследовании, посвященном анализу рабских войн II—I вв. до н. э. и опубликованном, напомним, в 1957 г., И. Фогт во многом конкретизировал и уточнил, а кое в чем и изменил свою концепцию античного рабства. Как и в предшествовавшем труде, его интересуют в первую очередь широкие аспекты этой проблемы. В предисловии он подчеркивает (стр. 3), что не намерен рассматривать ни хронологическую последовательность событий, ни достоверность численных данных, ни передвижения войск, ни, тем паче, политику Рима. По его мнению, «подлежат исследованию, притом во многих планах, скорее политические и социальные тенденции, религиозные и национальные мотивы... Путем такого структурного анализа должны быть вскрыты существенные черты восстаний» (стр. 3). Здесь же Фогт, говоря о «подоплеке античного общества», очевидно, подразумевает под ней рабство и предостерегает от «попешной модернизации» восстаний рабов.

Методологические позиции автора с наибольшей четкостью проявляются в заключительной главе «Пролетарское мировое движение?» (стр. 48—57). Фогт очень резко возражает против поисков «красного интернационала» в движении Аристоника (Розенберг), против тезиса о «большевизме» в Сицилии и о «готовом пролетарски-коммунистическом государстве Спартака в Бруттии» (Карштедт). Столь же неправильной считает он и оценку рабских восстаний II—I вв. как «предварительной ступени (Vorstufe) коммунизма» в работах Вальтера и Фаррингтона. В то же время он воздает должное трудам советских античников, заявляя: «Опираясь на точное исследование наших источников, советская историческая наука, которая выдвинула на передний план своих работ социальные движения античности, намного более справедливо оценивает своеобразие рабских восстаний, чем та склонная к комбинациям (kombinationsfreudige) история, которая от случая к случаю процветает у нас» (стр. 49 сл.). При этом Фогт отмечает и расхождения среди советских ученых, указывая, например, что С. Л. Утченко поправляет А. В. Мишулина, преувеличивающего степень участия пауперизованных крестьян в движении Спартака, и что С. И. Ковалев и Н. А. Машкин четко разграничивают восстания рабов и стремления римских «пролетариев».

Эта объективная и дружелюбная оценка одного из крупнейших западногерманских ученых выгодно отличается от писаний тех античников ФРГ, которые ограничиваются почти исключительно клеветническими выпадами по адресу советских историков.

В поисках своеобразия движений античных рабов Фогт, продолжая развивать круг идей своей работы 1953 г., прежде всего отмечает отсутствие в античности какого-либо учения, которое бы провозгласило лозунг отмены рабства вообще. Ни восходящие к классическому периоду теории Антифонта и Алкидаманта, ни даже учение ранних стоиков о равенстве всех людей от природы не пользовались тогда популярностью среди общественных низов; нельзя утверждать, что восстания рабов шли под лозунгами осуществления этих теорий. Поскольку речь идет об идеологии повстанцев, Фогт прослеживает в ней множество религиозных и — в его терминологии — национальных мотивов, но подчеркивает, что «никогда не выдвигалось принципиальное требование отмены рабства во всем мире» (стр. 54).

Основную причину массовых восстаний рабов Фогт усматривает в том, что отсутствие контроля за отдельными группами рабов (например, за сицилийскими пастухами, стр. 12) совпадало во времени с резкими политическими конфликтами среди свободных. Аналогичным образом и прекращение восстаний Фогт связывает прежде всего с консолидацией государственного аппарата Рима после восстания Спартака (стр. 57).

Много внимания уделяет автор организационным формам, в которые выливалось движение рабов (стр. 17 сл.). Представляет интерес анализ сведений о чеканке монет восставшими сицилийскими рабами (стр. 19 сл. и прим. 3). Весьма интересны, хотя и спорны, суждения Фогта о роли рабов, использовавшихся в «службе связи». Именно их деятельностью склонен он объяснять одновременность восстаний на Сицилии, Делосе и в Лаврионе (стр. 51 сл.).

Можно также отметить ряд свежих наблюдений о методах ведения пропаганды восставшими, о применении ими партизанской тактики, об отсутствии предателей среди рабов, находившихся под руководством Спартака, и т. д.

На мой взгляд, автор во втором своем исследовании еще больше, чем в первом, преувеличивает роль религиозных мотивов в восстаниях (стр. 27 сл.) за счет социальных. Очень натянуто отождествление идеологии первого сицилийского восстания и движения Маккавеев (стр. 33). Отголоском, правда единичным, недавнего печального для немецкой науки времени является характеристика Спартака и его соратников как «нордических воинов» (стр. 27).

В сравнении с предшествовавшим исследованием вторая книга И. Фогта отличается целым рядом преимуществ. Он значительно больше учитывает социально-экономическую подоплеку различных идеологических явлений и, видимо, пришел к выводу, что таковой являлось именно рабство; его труд резко заострен против модернизации античности вообще и характера движений рабов во II—I вв. до н. э. в частности

Книга Г. Микнат о военнопленных и о рабстве на основании данных «Иллиады» и в значительно меньшей мере «Одиссеи» отличается таким же искренним сочувствием к рабам, какое отмечалось выше для сочинений Фогта. Концепция Микнат и ее выводы достаточно подробно разобраны в рецензии автора этих строк³⁰. Несколько замечаний об ее исследовании читатель найдет в третьей части книги. Здесь достаточно отметить, что работа Г. Микнат представляет собой вообще первую, если не считать столетней давности диссертацию Рихарда³¹, монографию о рабстве в гомеровском эпосе.

Большой двухтомный труд С. Лауффера³² посвящен исследованию положения рабов Лавриона. Автор подчеркивает во введении, что стремился внести вклад не только в изучение горного дела Лавриона, но одновременно и в историю античного рабства (стр. 4). Такие вопросы, как восстания рабов Лавриона в конце II в. до н. э. (т. II, стр. 227—249), он рассматривает на широком историческом фоне. Для выяснения некоторых моментов, относящихся к положению рабов Лавриона, он зачастую ссылается на сведения об условиях труда горняков в испанских и североафриканских, реже в толемеевских рудниках.

Необычайно широк и анализируемый в книге Лауффера круг вопросов. Так, в первом томе тщательно обсуждаются такие вопросы, как: термины, которыми обозначались рабы-горняки, количественное соотношение между рабским и свободным трудом, различные виды подземных и наземных предприятий, связанных с горным делом, условия труда, размеры предприятий, бытовая обстановка, стоимость рабов и производительность их труда, их юридическое положение, договоры об аренде рабов, горное законодательство и т. д. Во втором томе, темой которого являются «Общественные отношения и восстания», С. Лауффер останавливается на этническом составе лаврионских рабов, на их численности, семейной жизни, религиозных верованиях, сознательности, манумиссиях, включении в число граждан, побегах и восстаниях.

У любого специалиста, знакомого с общим состоянием источников о рабах Лавриона, уже само перечисление анализируемых автором вопросов (здесь указаны лишь наиболее широко рассматриваемые в книге) неизбежно вызовет граничащее с недоверием удивление: как, располагая лишь некоторыми отрывочными сообщениями литературных источников и довольно-таки скудными эпиграфическими данными, можно было, пусть даже при широчайшем использовании итогов раскопок, подробно осветить

³⁰ ВДИ, 1956, № 2, стр. 107—111.

³¹ W. R i c h a r d. De servis apud Homerum. Berolini, 1851.

³² Обстоятельную интересную рецензию на эту работу опубликовала Л. М. Глускила в ВДИ (1959, № 3, стр. 181—191).

столь широкий круг вопросов? Притом археологическими данными Лауффер мог воспользоваться лишь в незначительной мере. Они, как известно, мало дают для анализа положения собственно рабов. Удивление читателя еще более усилится, когда он убедится, что некоторые важные сообщения источников, особенно те, которые противоречат выводам автора, последний просто отвергает как недостоверные или случайные. Это относится прежде всего к весьма устойчивой античной традиции, к тому же подтверждаемой и археологическими памятниками, о закывывании рабов-горняков в кандалы (стр. 52—56) и вообще об исключительно тяжелых условиях труда рабов, особенно работавших под землей.

Правда, Лауфферу удалось удачно использовать — и в этом большая его заслуга — ряд важных новых сведений о Лаврионе. К таковым относятся прежде всего новые, частично опубликованные уже после войны, надписи полетов IV в. о сдаче в аренду отдельных участков лаврионских рудников (стр. 155—163).

Все же новых источников о Лаврионе появилось немного, и при всей эрудиции и остроумии автора ему приходилось чем дальше, тем больше опираться не на достоверные факты, а на принимаемые им за таковые собственные или чужие гипотезы.

Так, на стр. 37 Лауффер принимает предположение Ардайона, что для обслуживания одной рудодробильной мельницы требовалось 4—6 рабочих, а для вычерпывания применяемой при этом воды использовалось около 8 человек. На стр. 47 в табл. 3 перечислено оборудование целого рудодробильного предприятия и указано, что число занятых в одном такого рода предприятии рабочих составляло в среднем 33 чел. Затем на основании надписей полетов (табл. 9, стр. 156 сл.) Лауффер, умножая известное далеко не точно количество арендуемых участков на более или менее соответствующее им число предприятий на постулированное им раньше количество занятых в каждом из них рабов, подсчитывает общее число рабов в Лаврионе. Такого рода подсчеты достаточно сомнительны. Однако автор не успокаивается на этом. На стр. 162 он вычерчивает диаграмму изменения общей численности лаврионских рабов с 413 по 307/6 г., указывая притом абсолютное количество рабов не только для крайних, но и для семи из промежуточных лет. Так, от одной выкладки к другой в геометрической прогрессии нарастает элемент сомнительности и соответственно уменьшается правдоподобие подсчетов автора. Если учесть, что надписи полетов весьма фрагментарны (из 38 надписей только две комплекты), что в них указано не общее число предприятий, но лишь сдаваемые в течение года в аренду участки, и, наконец, что число занятых в отдельных предприятиях рабов неизбежно сильно колебалось в неизвестных нам пределах, можно только подивиться смелости выводов Лауффера тем более, что итоги, к которым он приходит, довольно резко расходятся с вы-

водами его предшественников (ср. табл. 8, стр. 142). При всем этом надо все же указать, что Лауффер не склонен преуменьшать количество афинских рабов вообще и лаврионских — в частности. Он полагает, что в период максимального расцвета, около 340 г., в Лаврионе было занято 35 тыс. рабов.

Другой пример. В районе Лавриона найдены три надписи IV в., в которых перечислено в общей сложности 28 негреческих имен (стр. 128 сл.). Возможно, даже вероятно, что в них, по крайней мере частично, речь идет о рабах — членах религиозных союзов («эранов»). Прямых указаний на это, впрочем, нет. Лауффер считает всех их безусловно рабами и на основании этих надписей делает весьма ответственный вывод, что уже в то время не только единичные, но и рядовые рабы-горняки должны были обладать какой-то собственностью, ибо в противном случае они не могли бы платить взносы в кассу своего эрана (стр. 176). Попутно заметим, что ни в одной из упомянутых надписей нет ни слова о каких бы то ни было взносах. Из этого сомнительного предположения Лауффер делает дальнейшие выводы. Он заявляет, что эранисты должны были покрывать также и другие расходы, особенно на «совместные трапезы» (стр. 192). Что же удивительного в том, что автор вполне серьезно пишет: «В то время как... горняки нового времени должны были завоевывать свои профсоюзы в длительных социальных боях, античным рабам Лавриона уже с самого начала было предоставлено право организаций и свободы коалиций» (стр. 187). Сравнение современных профсоюзов с античными эранами пусть останется на совести автора. Здесь же достаточно напомнить два момента: 1) нет твердой уверенности, что в указанных надписях речь идет только о рабах; 2) в них нет ни слова о каких-либо функциях или хотя бы о наличии какого-либо организационного объединения перечисленных лиц.

Каким же выглядит в глазах автора книги положение рабов Лавриона? Он считает, что условия труда и быта рабов не оставляли желать много лучшего. Даже подземные рабочие не ощущали особой тяжести своего труда (стр. 26); из сообщения Фукидида о бегстве рабов в Декелию Лауффер делает вывод, что системы жесткого надзора в рудниках не было (стр. 50), а организация труда опиралась не на одно только принуждение (стр. 49 сл.). Лауффер постулирует существование целой широко разработанной системы стимулов, побуждавших рабов повышать производительность труда, и затрудняется только уточнить детали этой системы (стр. 121). Он доходит даже до утверждения, будто в экономическом плане положение рабов было лучше, чем свободных рабочих, так как, мол, рабу всегда была обеспечена работа, а свободные могли ее лишиться (стр. 75, прим. 3). Исходя из такой оценки положения рабов в рудниках, Лауффер последовательно приходит к выводу, что они отнюдь не всегда стремились к восстаниям (стр. 248), а причиной обоих восстаний в Лаврионе

он считает не тягчайшие условия их жизни, а широкий резонанс сицилийских восстаний (стр. 241).

В общем и целом концепция античного рабства в книге Лауффера во многом отличается от позиций других авторов майнцской серии. За исключением вопроса о численности рабов и о значении рабского труда, Лауффер, в отличие от своих коллег, полностью присоединяется к Уэстерману, кое-где даже превосходя последнего в изображении «прелестей» жизни афинских рабов.

Особого внимания заслуживает названный выше большой трехтомный труд Ф. Бемера, посвященный религии античных рабов. В первом томе анализируются верования рабов Рима и латинского Запада³³. Во втором исследуются в основном два вопроса: храмовые манумиссии и иеродулия. В третьем томе рассматриваются религиозные верования рабов в Восточном Средиземноморье³⁴.

Отметив во введении к первому тому, что религии античных рабов представляют собой почти неисследованную область в современной историографии, Бемер подчеркивает: «...В литературе под влиянием античных воззрений стремились усматривать человека лишь в свободном; в рабе в лучшем случае видели *тоже* человека»³⁵. Поэтому он решил «попытаться взглянуть на раба не как на исключение, не как на *тоже* человека, а как на *человека*» (курсив Бемера. — *И. Л.*). При этом он подчеркивает, возможно в противовес изложенной выше концепции Фогта, что такого рода подход является «в первую очередь не вопросом гуманности, а вопросом научным, связанным с исторически действительным фактором» (там же).

«Такого рода установка, — продолжает Бемер, — привела к значительному смещению многих перспектив. Рассмотрение античных религий, перемещенное из бельэтажа, где жили господа, в подвалы, где ютились рабы, приводит, например, к тому, что Юпитер оказывается здесь почти неизвестным, а не представленный в государственном культе Сильван становится одним из излюбленных божеств среди рабов. С другой стороны, культовая община, массовость и братство играют большую роль, чем в обычных классических формах»³⁶.

Эти замечания, к которым можно только присоединиться, свидетельствуют о качественно новом подходе к проблеме античного рабства. Бемер здесь не ищет, подобно Фогту, в древности извеч-

---

³³ Рецензия Е. М. Штаерман на первый том труда Бемера опубликована в ВДИ (1959, № 3, стр. 199—206).

³⁴ Кроме того, Бемер намеревается написать еще четвертый том, посвященный некоторым общим проблемам религии рабов (см. т. III, стр. 6).

³⁵ Fr. Bömer. Op. cit., т. I, стр. 5.

³⁶ Ibid., т. I, стр. 6 сл.

ные категории гуманности и любви к ближнему, а выступает как исследователь, стремящийся определить реально действовавшую силу древности — воззрения рабов. Он стремится определить элементы идеологии рабов с позиций не господствовавшего, а именно угнетенного класса. В этом подходе Бемер во многом приближается к советским античникам.

В вышедших в свет трех томах труда Бемера анализируются, преимущественно на эпиграфическом материале, участие рабов в сакральной службе, их культовые организации и божества — объекты их почитания. Ряд экскурсов посвящен анализу особенностей рабских культов в Капуе, Минтурнах, Помпеях и Пренесте, платейским Элевтериям, функциям рабов-прислужников в храмах, вопросу о праве убежища для рабов и т. д.

Бемер приходит к выводу, что верования римских рабов отличались тремя особенностями: 1) религиозная деятельность рабов проходила почти исключительно в формах, свойственных гражданскому окружению; 2) рабские культы не выходили за рамки фамилии и особенно коллегий³⁷; 3) в религиозном плане рабы были не *res*, а *res sacrae*³⁸. В Риме, как и в Греции, рабы были исключены из рамок официального культа.

К подобным же выводам приходит Бемер и в третьем томе. Он подчеркивает, что греческие рабы не чтили «старых богов»: Зевса, Посейдона, Аида и особенно Ареса³⁹. В отличие от Рима в Элладе отсутствуют типично «рабские» божества типа Сильвана или Фортуны. Вопреки распространенному мнению, что восточные культы заносились в античный мир рабами и вольноотпущенниками, Бемер, на основании надписей из Пирея⁴⁰, настаивает на том, что инициатива принадлежала здесь метекам и аналогичным социальным группам. В связи с этим он отмечает, что далеко не всегда удается точно определить социальный статус лиц, упомянутых в культовых надписях, по именам жертвователей.

В некоторых существенных моментах Бемер расходится с другими авторами майнцской серии. В отличие от Фогта он не склонен преувеличивать роль религиозного фактора в восстаниях рабов. Так, он пишет: «восстание Спартака не имело никаких ни философских, ни религиозных предпосылок; столь же мало имело их восстание Эвна из Эины»⁴¹. Его замечание: «в принципе любой класс рабов склонен к восстанию»⁴² трудно расценить иначе, чем как возражение против всей концепции Лауффера.

³⁷ Fr. B ö m e r. Op. cit., т. I, стр. 9.

³⁸ Ibid., т. I, стр. 184.

³⁹ Ibid., т. III, стр. 235.

⁴⁰ Ibid., т. III, стр. 83, 89 сл., 196, 236 сл.

⁴¹ Ibid., т. I, стр. 182 и прим. 2.

⁴² Ibid., т. I, стр. 80.

Необходимо все же отметить, что после Стокгольмского конгресса взгляды Бемера, видимо, значительно приблизились к позиции Лауффера. Высказавшись против огульного причисления всех лиц с негреческими именами из Лавриона к рабам⁴³ и тем самым подорвав основу, на которой строились все умозаключения Лауффера, Бемер тем не менее, неоднократно декларирует свое полное согласие с резко антимарксистской концепцией последнего⁴⁴.

В целом все же монография Бемера представляет собой оригинальное и ценное, насыщенное обильным фактическим материалом исследование. Автор не старается искажать свидетельства источников в угоду предвзятой концепции. В то же время он не пытается доказать недоказуемое и вовсе не считает, что рабы имели все основания восхищаться своим положением. Жаль, что Бемер, впрочем, так же как его коллеги, не знаком с работами советских античников по исследуемым им вопросам. В частности, небесполезными для него оказались бы многие статьи Е. М. Штаерман⁴⁵.

Взятые в целом работы западногерманских ученых, издаваемые Майнцской Академией, представляют собой качественно новое явление в западной историографии античного рабства. Важные общие черты всех вышедших по настоящее время трудов этой серии — нежелание преуменьшать роль и значение рабства, стремление вскрыть черты его своеобразия. Большую часть трудов авторов майнцской серии характеризует сочувствие к рабам и их тяжелой доле. Единственное исключение в этом плане — книга Лауффера. В то же время надо указать, что в трудах этой группы ученых встречаются выпады против марксистской концепции о рабовладельческом характере классовых обществ античного мира. Создается впечатление, что некоторые из этих ученых как бы считают себя призванными защитниками буржуазной историографии от марксизма. Наиболее отчетливо эта тенденция проявилась в докладе Лауффера на Стокгольмском конгрессе, о котором речь пойдет несколько ниже.

В последние годы значительно усилился интерес к проблеме античного рабства и среди английских историков, особенно в Кембридже. Об этом свидетельствуют следующие факты. В 1958 г. на объединенном заседании Греческого и Римского обществ в Кембридже был зачитан доклад М. И. Финли на тему «Была ли греческая цивилизация основана на рабском труде?». Несколько расширенный текст доклада был впоследствии опубликован

---

⁴³ Ibid., т. III, стр. 196 сл.

⁴⁴ Ibid., т. III, стр. 154, прим. 1.

⁴⁵ Ее статьи, печатавшиеся раньше в ВДИ, вошли ныне в кн.: Е. М. Штаерман. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи. М., 1961.

в журнале «Historia»⁴⁶. В 1960 г. автор доклада выпустил сборник статей десяти западных исследователей античного рабства под характерным заголовком «Рабство в классической древности. Взгляды и разногласия»⁴⁷. В предисловии Финли отмечает, что «исследователи античности ныне изучают рабство более систематически и обсуждают спорные положения более обстоятельно, чем когда бы то ни было раньше». Сборник рассчитан на студентов-историков. Несколько статей, посвященных в значительной степени оценке роли древнегреческого рабства, опубликовал в последние годы упомянутый выше профессор Кембриджского университета А. Г. М. Джонс. Так, в отличие от всей первой половины нашего века, когда в западной литературе принято было считать античное рабство малозначающим явлением, ныне оно привлекает к себе все большее внимание исследователей. В Англии еще более, чем в ФРГ, обсуждение проблемы древнегреческого рабства сопровождается борьбой мнений по основным вопросам, причем в этой борьбе нетрудно обнаружить возрастающее влияние идей марксизма.

В своем докладе Финли отправляется от двух неоспоримых предпосылок: 1) во все времена и повсюду греческий мир базировался на каких-то формах зависимого труда; причем из этого понятия Финли исключает наемный труд, работу сородичей и общинные повинности; 2) если не считать исключительных случаев, всегда значительное число свободных принимало участие в производительном труде. Характерной чертой общественной структуры древней Греции Финли считает большое количество промежуточных социальных групп. «Если, — пишет он, — представить античное общество в виде спектра статусов от свободного до раба, то между этими крайними линиями спектра очутятся: подобный «крепостному (serf-like) критский οἰκεός, илот, раб-должник, условно отпущенный на волю раб и, наконец, вольноотпущенник» (стр. 147). Основное различие между рабами и свободными Финли видит не столько в характере их трудовой деятельности, как в том, что рабы работали на кого-то, в то время как свободные были обычно экономически самостоятельными. Именно поэтому он считает наиболее специфической чертой экономической структуры древнего мира фактическое отсутствие «частных предприятий, использующих большое число вольнонаемных свободных» (стр. 148, прим. 13). В отличие от многих современных исследователей Финли полагает, что повсеместно в Гре-

---

⁴⁶ M. I. Finley. Was Greek Civilisation based on Slave Labour?— «Historia», VIII (1959), N 2, стр. 145—164; см. выше, стр. 43.

⁴⁷ «Slavery in Classical Antiquity. Views and Controversies», edited by M. I. Finley. Cambridge, 1960. В сборник включены статьи А. Г. М. Джонса, У. Л. Уэстермана, И. Фогта, М. И. Финли, Р. Шлайфера, Г. Властоса, А. Леви-Брюля, М. Л. Гордона, Э. А. Томпсона и М. Блока.

ции, в том числе и в Аттике, многочисленные рабы были заняты в крупных поместьях (стр. 148 сл.).

Рассматривая важный вопрос о численности рабов, Финли резонно подчеркивает, что рабовладельческий характер античного общества вовсе не определялся количественным перевесом рабов над свободными. В качестве примера он, как уже упоминалось, замечает, что в несомненно рабовладельческих штатах Юга США в середине прошлого века рабы составляли менее трети всего населения, а три четверти свободных южан не имели рабов (стр. 150 сл.). Поэтому даже явно заниженное число 20 тыс. рабов, постулируемое Джонсом для Аттики времени Демосфена (сам Финли считает более реальным числом 80—100 тыс.), вовсе не доказывает, что Афины не были рабовладельческим государством.

В заключительном разделе статьи Финли ставит вопрос, почему историки нашего времени, вопреки свидетельствам источников, склонны отрицать большое значение рабства в античности, и приходит к выводу, что здесь решающую роль играют два внешних момента: 1) чувство смущения: как это столь чтимые нами эллины могли так широко пользоваться осуждаемым ныне трудом рабов?⁴⁸ и 2) опасение, что признание за рабством большого значения в античности могло бы расцениваться как согласие с положением марксизма об определяющей роли классовой борьбы между рабами и рабовладельцами. Элиминируя оба эти момента, говорит он, «мы могли бы без колебания заключить, что рабство было одним из основных элементов греческой цивилизации» (стр. 161).

Из всего изложенного, очевидно, следует, что взгляды Финли больше, чем какого-либо иного западного ученого, приближаются к воззрениям советских историков на античное рабство. В самом деле, он нисколько не склонен преуменьшать численность рабов, правильно подчеркивая, что рабовладельческий характер эллинских обществ определялся большим удельным весом рабского труда в производстве. Финли, думается, даже несколько преувеличивает значение труда рабов в сельском хозяйстве Аттики. Его мысль, что одним из основных отличий античных обществ от капиталистических является отсутствие предпрятий, широко использующих наемный труд, также не вызывает возражений. Наконец, Финли глубоко прав, объясняя страхом перед марксизмом нежелание западных ученых признать рабовладельческий характер греческой цивилизации. Это, разумеется, не второй, а первый, и, пожалуй, единственно важный момент. Ведь преклонение перед античной культурой в прошлом веке было не меньше, чем теперь, и тем не менее тогда рабовладельческий характер древнеэллинской культуры не вызывал никаких сомнений в ученом мире.

⁴⁸ Здесь Финли, очевидно, имеет в виду Джонса.

К сожалению, Финли не уделил внимания эволюции рабства в греческой истории. По его мнению, рабовладение было уже весьма развито даже во времена Гесиода. Он не отмечает ни количественных, ни качественных различий в эволюции рабства с VII по IV в. до н. э. Существование крупной земельной собственности в Аттике классического времени также далеко не столь неоспоримо, как это кажется Финли. Жаль, что он счел возможным не коснуться спорного в западной литературе вопроса о взаимоотношениях между рабами и рабовладельцами.

При всех положительных сторонах доклада Финли вряд ли кто-либо из историков-марксистов согласится с некоторыми положениями его заключительной части. К таковым принадлежит, например, утверждение, что ни сторонники марксизма, ни его противники не содействовали изучению античного рабства. Такое заявление можно объяснить только незнакомством с советской литературой⁴⁹. Не чужд Финли и фразеологии, от которой давно уже отказались прогрессивные ученые. Вряд ли концепция свободы на Западе имеет много общего со свободой в понимании древних эллинов. Относительно недавно вынужденному покинуть США Финли это должно быть понятно лучше, чем кому-либо.

В другой своей статье, посвященной методике и частично методологии дальнейшего изучения древнегреческого рабства⁵⁰, Финли развивает высказанное им уже раньше положение о многообразии статусов зависимости (*servile statuses*) в Элладе. Исследуя различные формы и категории зависимости в отсталых областях эллинского мира, он обращает наибольшее внимание на гортинское законодательство; во всех основных моментах он соглашается с Лотце. Финли⁵¹ приходит к выводу о невозможности охватить все эти формы одним термином *serf*, так как, во-первых, они появляются в самых различных исторических условиях от солоновской Аттики до Крита и Спарты, ввиду чего нецелесообразно подгонять их под одно понятие; во-вторых, слишком много существует различий между спартанским илотом и феодальным крепостным; наконец, в-третьих, в одно понятие *serfdom* нельзя включать столь различные категории, как кабальное должничество и статус *καραμωή*.

В заключение Финли перечисляет (стр. 188) семь критериев, последовательное рассмотрение которых позволит более четко различить древнегреческие статусы, промежуточные между рабством и свободой (право на продукт труда, право наказания, право собственности или владения как в юридическом плане,

⁴⁹ Из советских работ Финли (стр. 147, прим. 10) ссылается лишь на статью Э. Л. Казакевич (ВДИ, 1956, № 3).

⁵⁰ M. I. Finley. *The Servile Statuses of Ancient Greece*. — «Revue internationale des Droits de l'Antiquité», VII (1960), стр. 165—189.

⁵¹ *Ibid.*, стр. 178.

так и по категориям предметов, право выступления в суде, брачное и наследственное право, отношение к отпуску на волю, привилегии и обязанности в религиозной, политической и военной областях).

Ценность статьи состоит главным образом в том, что она ориентирует исследователей на необходимость конкретного и всестороннего изучения отдельных групп зависимого населения Греции. Такое требование можно только приветствовать. Тем не менее в бесконечном дроблении на различные отряды и категории кроется, на мой взгляд, серьезная опасность упустить из вида основное классовое деление античных обществ, деление на рабов и свободных. На этот путь, как было показано выше, стал Уэстерман, с положениями которого все время полемизирует Финли. Думается, что такая опасность в будущем угрожает и ему. Иначе трудно понять его заявление: «Мы находимся в плену очень примитивной социологии, принимающей, что имеются только три разновидности (kinds) статуса труда — свободный наемный рабочий, крепостной и раб» (стр. 179).

А. Г. М. Джонс, автор двух книг о городах Восточного Средиземноморья, член редколлегии английского журнала «Past and Present»⁵², почетный председатель одноименного общества, активный деятель общества «Англия — СССР», оценивает античное рабство с позиций, близких уэстермановской концепции. Как уже отмечалось в нашей печати⁵³, Джонс — искренний почитатель афинской демократии и стремится защитить ее от критики в современной историографии. Он отвергает положение об эксплуататорском характере афинского государства и поэтому: 1) отрицает эксплуатацию союзников; 2) преуменьшает экономическое и социальное расслоение афинских граждан; 3) чуть ли не игнорирует рабство в Аттике. Нас здесь интересует только последнее утверждение Джонса.

Свое понимание рабства в древности Джонс излагает в двух статьях⁵⁴. В первой рассматривается социальный состав населения Афин в IV в. до н. э., вторая посвящена оценке роли рабства

⁵² Этот журнал был организован группой английских историков в 1952 г. Среди инициаторов следует указать на Г. Чайлда и А. Г. М. Джонса. Журнал имеет дискуссионный характер; ср. PaP, 14 (1958), стр. 93: «наш журнал . . . является форумом для обсуждения значительных исторических событий». В PaP печатается большое количество статей историков-марксистов и близких к марксизму. О взглядах руководителей PaP лучше всего свидетельствует некролог Г. Чайлда [PaP, 12 (1957), стр. 2].

⁵³ См. рецензию И. В. Поздеевой на книгу: А. Н. М. J o n e s. Athenian Democracy. Oxford, 1957 (ВДИ, 1960, № 1, стр. 144—149).

⁵⁴ А. Н. М. J o n e s. The Social Structure of Athens in Fourth Century B.C. — ENR, VIII (1955), стр. 141—155; e g o ж е. Slavery in the Ancient World. — Там же, IX (1956), стр. 185—199. Развернутый критический обзор анализа численности афинских рабов в этой статье Джонса см.: В. А н д р е в. Афинская рабовладельческая демократия в западной историографии. — ВДИ, 1960, № 4, стр. 131—139.

в античном мире. В первой статье Джонс, исходя из явно преуменьшенных данных о хлебном балансе Атики, приходит к выводу, что в Афинах времени Демосфена насчитывалось максимум 20 тыс. рабов, притом половина из них была занята в домашнем обслуживании. Числовое соотношение рабов и взрослых свободных равнялось 1 : 3. Во второй статье Джонс, отправляясь от выводов предыдущей своей работы, пытается доказать, что рабство в мало-мальски существенных размерах встречалось в античности лишь в исключительных случаях и что не было никакого экономического воздействия рабского труда на труд свободных; единственной причиной применения рабов была их «фантастическая дешевизна» (стр. 191) в кратковременные периоды войн крупного масштаба и расцвета пиратства. Когда последние два момента отсутствовали, производственное рабство теряло какое-либо значение. Концепция Джонса, таким образом, совпадает с уэстермановской в оценке значения античного рабства. Джонс все же, в отличие от своего предшественника, не настаивает на благоденствии афинских рабов. Он признает, что рабам жилось значительно хуже, чем свободным, и не говорит об отсутствии резкой грани между юридическим положением рабов и свободных. Напротив, он подчеркивает, что свободные, как правило, не работали по найму ни в ремесле, ни в Лаврионе⁵⁵; признает, например, что из равенства номинальной оплаты рабов и свободных на строительстве Эрехтейона вовсе не следует вывод об их равном уровне жизни (там же, стр. 189 сл.) и т. д.

Не говоря уже о Томсоне и Уиллетсе, кроме Финли и Джонса, уделяет много внимания древнегреческому рабству и Дж. Э. М. Сент-Круа из Оксфордского университета. В рецензии на книгу Уэстермана (см. выше, стр. 67, прим. 25) он придерживается взглядов, близких к концепции Финли. Можно только согласиться со всеми его критическими замечаниями по адресу и Уэстермана, и Джонса.

Таким образом, мы вправе отметить, что и в среде английских античников ныне живо обсуждается проблематика древнегреческого рабства и что влияние марксистских взглядов сказывается здесь в тех или иных формах даже сильнее, чем в трудах Фогта и его группы. В качестве иллюстрации изменения взглядов на древнегреческое рабство в английской литературе может служить трактовка его в недавно вышедшем солидном курсе истории Греции Н. Дж. Л. Хэммонда⁵⁶. Автор курса далек от марксизма. В его изложении рабство упоминается лишь изредка. Однако в одной из заключительных глав книги (стр. 524 сл.) он останавливается на этом вопросе и подчеркивает совсем так, как это делалось

⁵⁵ EHR, IX (1956), стр. 190 сл.

⁵⁶ N. G. L. Hammond. A History of Greece to 322 B.C. Oxford, 1959.

в работах прошлого века, наличие громадных масс рабов в Элладе и их значительное количественное преобладание над свободными, притом не только в Афинах, Спарте и на Хиосе, но и в ряде других эллинических полисов. Хэммонд считает даже лишь несколько преувеличенным сообщением Гиперида о 150 тыс. аттических рабов ко времени битвы при Херонее.

Слабое всего воздействие марксистских идей чувствуется среди американских ученых; соответственно этому в США, в отличие от 30-х и 40-х годов, уделяется ныне значительно меньше внимания проблематике античного рабства. Единственная известная автору этих строк новая работа американского ученого по данной проблеме — это статья Ч. Г. Старра⁵⁷, выступающего с резко антимарксистских позиций в защиту концепции Уэстермана.

Одной из главных причин неправильной, по его мнению, оценки античного рабства в западной литературе Старр считает (стр. 19 сл.) то обстоятельство, что «исследователи античного мира, движимые наследием гуманитарных и христианских мотивов и, возможно, находясь под убеждающим воздействием марксистской мысли, обычно утверждают, что экономика и культура античности опирались на рабство, и осуждают последнее». Если Уэстерман в угоду предвзятой концепции отвергал свидетельства Афиня, Гиперида и Ксенофонта, то Старр включает в индекс проскрибированных авторов и Аристофана, заявляя (стр. 22, прим. 17): «Наличие рабов в сюжетах аттической комедии... почти столь же доказательно, как голливудские гарнитуры типичны для обычных американских домов». Ход рассуждений Старра, примерно, таков: сельскохозяйственное производство в древности обходилось без труда рабов, следовательно, нет оснований считать древние общества рабовладельческими. Рабство в древности было явлением случайным. В рецензии Сент-Круа достаточно убедительно показана безосновательность отправки пункта такого рода рассуждений.

Своеобразной попыткой обобщить взгляды современных западных историков на античное рабство является доклад С. Лауффера на Стокгольмском конгрессе⁵⁸. Доклад этот заслуживает особого внимания⁵⁹ по нескольким соображениям. Уже сама постановка такой темы, скажем, пятью годами раньше на Римском конгрессе была невозможной из-за отсутствия материала. Незнакомый с советской литературой автор такого доклада вынужден был бы практически ограничиться изложением и, возможно, критикой

⁵⁷ Chester G. Starr. An Overdose of Slavery.— «Journal of Economic History», XVIII (1958), стр. 17—32.

⁵⁸ S. Lauffer. Die Sklaverei in der griechisch-römischen Welt.— «XI-e Congrès International des Sciences Historiques. Stockholm, 21—28 Août 1960», Rapports. II, стр. 74—97.

⁵⁹ Подробно о нем см. рецензию Г. Г. Дилигенского (ВДИ, 1961, № 2, стр. 124—137).

концепции одного только Уэстермана. Широкого общественного звучания такой доклад, естественно, получить бы не мог. Ныне положение радикально изменилось. Как отмечает Лауффер и как это видно из приводимого им аппарата, «на протяжении немногих лет (со смерти Уэстермана в 1954 г.— *Я. Л.*) международные библиографические справочники указывают по нашей теме больше названий книг и статей, чем раньше за целые десятилетия» (стр. 73).

В отличие от Фогта и от Финли Лауффер последовательно стремится отмежеваться от марксизма. В этом, можно сказать, и состоит главная цель и ratio его доклада. Отклоняясь от принятой среди западных историков манеры, он фактически начинает доклад с изложения взглядов Маркса на роль античного рабства и тратит очень много усилий на попытки прямого и косвенного опровержения марксистских взглядов на рабство в древности. По мнению Лауффера, учение Маркса о рабстве сводится к двум основным положениям: 1) античность в существенной степени определялась рабством и 2) рабство представляло собой определенную эпоху во всемирно-историческом развитии (стр. 71). Признавая распространение обоих этих положений в исторической и экономической литературе XIX в., а также в современной советской и англо-американской (?) историографии, Лауффер считает их необоснованными, хотя бы ввиду отсутствия интереса античных авторов к рабству и фрагментарности надписей.

Автор доклада рассматривает проблему античного рабства на широком историографическом фоне. Он подчеркивает, что модернизаторское направление в историографии античности уже отжило свой век. «В отношении рабства,— заявляет он,— необходимо в первую очередь избегать любой вводящей в заблуждение модернизации. В этом согласны все нынешние критики» (стр. 74). Стремясь найти какую-то промежуточную позицию между взглядами Уэстермана и Фогта, он все же значительно ближе к первому. Так, он, по-видимому полностью, принимает уэстермановское определение роли античного рабства. Если, как мы видели выше, Финли говорит о наличии целого спектра промежуточных явлений между свободой и рабством в Греции, то для Лауффера, как и для Уэстермана, формы рабства в классических Афинах и Риме резко отделены от аналогичных форм в других античных обществах, которые его не интересуют. Это, кстати сказать, не случайно. Выводы, которые оба последних ученых делают об античном рабстве, явно неприложимы ни к Спарте, ни к другим эллинским обществам. Последнее, впрочем, отнюдь не означает, что они полностью приложимы к Афинам или Риму.

Единственное существенное расхождение между Лауффером и Уэстерманом сводится к вопросу о численности рабского населения. Лауффер не стремится преуменьшить количество рабов в

античности. В его монографии (см. выше, стр. 74) он доказывает даже, что в середине IV в. в Лаврионе работало около 35 тыс. рабов, в то время, как, по Уэстерману, во всей Аттике было около 60 тыс. рабов. Тем не менее Лауффер здесь не касается численности рабов, будто бы этот вопрос вообще не имел никакого значения. Такое повсдение трудно расценить иначе, как молчаливую уступку концепции Уэстермана.

Возникновение античного рабства Лауффер связывает с демократической формой государственного устройства, считая при этом образцами демократических полисов не только Афины, но также Коринф и Эгину (стр. 84). В полисах, стремившихся к экспансии, рабство было средством освободить граждан для выполнения стоящих перед ними задач политического порядка. При этом Лауффер все же подчеркивает, что «рабство никоим образом не было ни экономической необходимостью, ни основополагающим элементом общественного порядка» (стр. 84). Если указание на связь между античной демократией и рабством можно было расценивать как хотя бы молчаливое признание роли античного рабства, то последнее замечание Лауффера означает сдачу еще одной позиции Уэстерману.

В центре внимания докладчика стоят, однако, не эти вопросы, а прежде всего положение рабов. Здесь его взгляды полностью совпадают со взглядами Уэстермана. Отсутствие массовых восстаний рабов, кроме краткого промежутка на рубеже II и I вв. до н. э., служит, по Лауфферу, лучшим доказательством того, что положение рабов было вполне сносным и что они во всяком случае мирились со своей судьбой. Рабы не осознавали себя как класс и никогда не выступали против института рабства (стр. 74 сл.). Противоречие между рабами и их владельцами было скрытым (*ein latenter Gegensatz*, стр. 77). Случаи побегов рабов, о которых Лауффер говорит нехотя, не были многочисленными; их значение сводится лишь к тому, что они заставляли рабовладельцев с особой тщательностью заботиться о своих рабах (ср. стр. 88).

Единственное существенное различие между трудом раба и свободного рабочего в древности Лауффер видит в том, что раб не мог по своему усмотрению отказаться от порученной ему работы (стр. 83). Однако на практике, говорит он, раб столь же часто, как его владелец, мог прервать свою связь с последним и добиться отпуска на волю. Сами же рабы далеко не всегда были в этом заинтересованы, так как материальное их положение было часто лучше, чем положение наемных рабочих; благодаря заботливости хозяев «античный раб меньше подвергался эксплуатации, чем свободный рабочий» (стр. 88). Излюбленная в литературе формулировка, что раб считался не человеком, а вещь, восходит не к древности, «а к XIX веку», заявляет докладчик (стр. 85), забывая об аристотелевском *ὄργανον ἑμψυχον* и варроновском *instrumentum vocale*.

Картина быта рабов, нарисованная Лауффером, столь далека от действительности, что оставляет непонятным, почему величайшим несчастьем для свободного человека считался на протяжении всей античности *δούλιον ζῆμαρ* и почему свободная беднота, скажем, в Афинах, не продавала себя в массовом порядке в столь благотворное рабство. На базе такого рода рассуждений о благоденствии античных рабов действительно невозможно «прийти к научному соглашению по социально-историческим вопросам», к которому на словах стремится и Лауффер (стр. 73). Думается все же, что упрек «в неумении проявить известную склонность абстрагироваться от нашего собственного исторического и общественного положения» (там же) должен быть обращен прежде всего в адрес самого докладчика.

Из взглядов Фогта и его последователей Лауффер принимает лишь отдельные частные, хотя иногда и важные моменты. Так, он призывает рассматривать рабство не с позиций свободных, а, так сказать, изнутри; обращает внимание на необходимость изучать духовную жизнь рабов, на экономическое — и, добавим от себя, не менее важное в социальном и идеологическом плане — значение «рабской ренты» (стр. 88), а также на античную критику института рабовладения (стр. 93). Кое в чем правильна у Лауффера критика модернизаторских концепций рабских восстаний рубежа II и I вв. до н. э. (стр. 74 сл.).

Доклад Лауффера, несомненно, свидетельствует о росте интереса к античному рабству в буржуазной литературе, о более внимательном изучении работ марксистских исследователей этой проблемы и о попытках противопоставить марксистской концепции внешне единую и по возможности цельную концепцию. Такое единство могло быть достигнуто только путем эклектичного сочетания взглядов Уэстермана и Фогта. Практически Лауффер делает это на базе концепции первого с некоторыми лишь поправками, взятыми от второго.

* * *

Наши выводы могут быть сведены к следующим положениям.

В западной историографии анализируемой проблемы достаточно отчетливо различаются три периода. Первый охватывает почти весь XIX в., второй занимает первую половину нашего столетия, третий период начался примерно с 50-х годов.

До последних лет прошлого столетия все ученые считали рабство основой экономики античных обществ. Не нарушавшие этого положения расхождения между специалистами имелись главным образом по вопросу о численности рабов в крупнейших полисах Эллады. К концу века была установлена ошибочность собранных у Афиняев свидетельств о числе рабов в Афинах, Коринфе и на Эгине. Мощное воздействие аболиционизма содействовало изучению антагонизма между рабами и рабовладельцами в антич-

ном мире, лишая, однако, это изучение необходимой исторической перспективы.

Важнейшим открытием основоположников марксизма было определение понятия рабовладельческой формации как стадии всемирной истории. Особую роль в развитии марксистской историографии античности сыграла работа Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

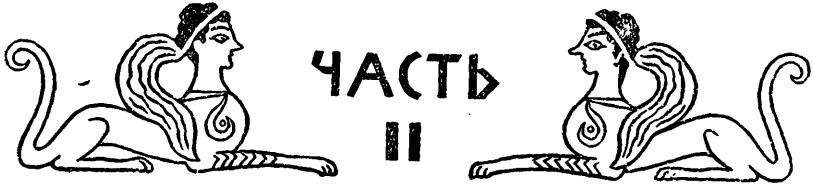
После докладов Эд. Мейера буржуазная историография под влиянием модернизаторско-циклических концепций: 1) игнорировала специфику античных рабовладельческих обществ, находя в них социально-экономические отношения, свойственные капитализму или феодализму; 2) все более преуменьшала размеры античного рабства и диапазон его распространения; 3) выступая в качестве апологета капитализма, стремилась сгладить остроту классового антагонизма между рабами и рабовладельцами. Все эти моменты отразились в концепции Эд. Мейера. Последние два были развиты до предела в трудах Уэстермана. Стремясь противодействовать распространению марксистских идей, другая часть модернизаторов (Пельман, Ростовцев и др.) находила в классовых столкновениях в древности полную аналогию нашей современности. Однако это течение пользовалось лишь кратковременным успехом. Начиная с 30-х годов большинство буржуазных историков стало изображать античный мир как некую обитель тишины и покоя, далекую от острых классовых схваток.

В развитии советской историографии важнейшей вехой были дискуссии начала 30-х годов. Вплоть до того времени наши историки античности, за считанными исключениями (А. И. Тюменев), испытывали более или менее сильное влияние модернизаторских концепций и почти не занимались проблематикой древнегреческого рабства. На протяжении предвоенного десятилетия в ходе коллективных обсуждений сложилась марксистско-ленинская концепция истории древнего мира.

Характерными чертами нынешнего периода являются количественный и, главное, качественный рост марксистской историографии рабства. Марксисты начинают ныне оказывать все более сильное воздействие на западных историков античного рабства. У последних впервые после нескольких десятилетий межвременья вновь пробудился интерес к изучению проблемы рабства (Фогт, Финли, Джонс). Казавшаяся до недавнего времени последним словом науки уэстермановская концепция подвергается с разных сторон все более резкой критике. Недавнее единство во взглядах на рабство, расценивавшееся как показатель объективизма и беспристрастия, сменилось серьезными разногласиями среди буржуазных античников. На одном фланге находятся ученые, учитывающие достижения марксистских историков (Финли, частично Фогт), на противоположном крыле группируются ярые противники марксизма (Лауффер, Старр).

Раньше в плане интересующей нас проблемы основное разногласие между марксистскими и буржуазными античниками состояло в признании или отрицании рабовладельческого характера обществ древности. Ныне не только марксисты но и такие ученые, как Фогт и особенно Финли, не игнорируют громадной роли рабства в античном мире. Разногласия, не теряя своей остроты, все более перемещаются в плоскость оценки степени распространения рабства, характера и роли противоречий между рабами и рабовладельцами, значения классовой борьбы рабов и аналогичных вопросов.

Значительное расширение круга источников и тематики конкретных исследований создает единственно надежную базу для стоящих на уровне современных знаний новых синтетических трудов по истории античного рабства.

РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ
В МИКЕНСКОЙ ГРЕЦИИ

Глава 1.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ И РАСШИФРОВКА ЛИНЕЙНОГО ПИСЬМА Б

§ 1. Эволюция взглядов на микенскую культуру

Почти 90 лет прошло с начала раскопок Микен. За эти годы наука обогатилась воистину необозримым количеством источников по истории Греции II тысячелетия до н. э. Археологические раскопки непрерывно накапливают все новые и новые данные, каждое десятилетие появляются многие десятки, иногда сотни новых публикаций и обобщающих трудов, и почти все они, за немногими исключениями, вскоре безнадежно устаревают в связи с дальнейшими открытиями. Если находка «Афинской политики» сразу же изменила многие, казалось, неоспоримо установленные в науке представления об истории Афин, особенно раннего периода, то накопление археологических фактов медленнее, но столь же неотвратимо, сдает в архив многие книги даже десятилетней давности.

Притом, что особенно поразительно, этот процесс не только не замедляется, но даже как будто ускоряется с течением времени. Вот что пишет о послевоенных находках одна из английских археологов: «Открытия сыплются почти так же быстро, как в изумительное время после 1893 года, когда устаревала книга даже трехлетней давности. Возобновление раскопок даже в столь основательно разведанных местах, как Троя или Микены, с лихвой вознаграждает предпринятые усилия. Новые места открылись для раскопок... Сотрудничество с турецкими археологами положило начало изучению громадной территории между Грецией и Двуречьем, которая давно уже была самой серьезной лакуной в картине ранних цивилизаций»¹.

---

¹ D. H. Gray в кн.: J. L. Myers. Homer and his critics. London, 1958, стр. 252.

Этот закономерный, свидетельствующий о научном прогрессе, процесс с особенной силой проявляется в литературе о микенской Греции. Шлиман был уверен, что открыл гробницу Агамемнона; однако вскоре оказалось, что раскопанные им слои золотобильных Микен отделены от Троянской войны тремя-четырьмя столетиями. Раскопки в Кноссе опрокинули господствовавшие ранее представления о самобытности микенской культуры. Ныне фактически завершён решительный пересмотр концепции Эванса об исключительном влиянии критской культуры в середине и особенно второй половине II тысячелетия на материковую Грецию². Расшифровка линейного письма Б положила начало новому этапу в исследовании древнейшей истории Эллады. Недаром в последние годы все чаще говорится о новой отрасли науки «микенологии» или «микеноведении».

* * *

Начальный период изучения микенской Греции охватывает последнюю четверть прошлого века; он начинается с археологической разведки Шлимана в Микенах (1874 г.), а его логическим завершением можно считать начало раскопок Кносса (1900 г.)³. Как известно, Шлиман считал своей основной задачей поиски в недрах земли памятников, подтверждающих, вернее иллюстрирующих, материалы гомеровских поэм. В. П. Бузескул метко охарактеризовал эту установку: для Шлимана, писал он, «гомерические поэмы — подлинный исторический источник, более того — священная книга, свидетельство которой непреложно»⁴.

Уже первые открытия поставили перед наукой важнейший вопрос: относятся ли добытые памятники ко времени Троянской войны, или к другому периоду. Сам Шлиман был убежден, что открыл останки героев «Илиады», но другие исследователи выдвигали самые различные гипотезы и приписывали микенские находки византийскому времени, кельтам, готам, аварам, гуннам и т. д. Дело доходило до курьезов; так, например, крупный немецкий ученый Курциус считал одну из золотых масок в шахтовых гробницах изображением Христа⁵.

² Истории археологических раскопок в Греции полностью или частично посвящен ряд исследований. Хороший, но, естественно, устаревший, очерк дан В. П. Бузескулом в книге «Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира. Т. II. Греческий мир». Пг., 1924. Последней, сводной не всегда объективной работой в этой области является книга: Gl. E. D a n i e l. A hundred years of archaeology. London, 1950.

³ Раскопки в Кноссе начались не в 1893—1894 гг., как утверждается во многих работах (см., например, предисловие к переводу книги Дж. Пендлбери, Археология Крита, М., 1950, стр. 5, или ИАН ОЛЯ, 1951, стр. 198), а в 1900 г. В предыдущие годы Эванс производил только археологическую разведку Кносса.

⁴ В. П. Бузескул, Указ. соч., стр. 39.

⁵ Gl. E. D a n i e l. Op. cit., стр. 139.

Однако постепенное накопление археологических фактов довольно быстро помогло установить истину. Систематические раскопки греческого археолога Х. Цунды (с 1886 по 1902 г.)⁶ в Микенах, исследование развалин дворца и киклопических стен включительно с несколькими купольными гробницами вне крепостной ограды позволили окончательно отнести раскопанные археологические памятники ко II тысячелетию до н. э. Хронологические рамки истории древней Греции, отправной точкой которых принято было считать события, описанные Гомером, пришлось таким образом отодвинуть далеко в глубь II тысячелетия. Так возникла проблема микенской культуры⁷, далеко не совпадавшая с гомеровским вопросом.

Археологические раскопки конца прошлого века на Кикладских островах (Аморгос, Антипарос, Сирос) вскрыли следы значительно более ранней культуры. Большое значение имели раскопки Филакопи на Мелосе (1896—1899 гг.). Здесь были обнаружены три четко ограниченных культурных слоя, из которых верхний соответствовал микенскому, средний — шлимановской Трое II, а нижний дал находки, аналогичные упомянутому кикладским. В начале 90-х годов Фл. Питри установил синхронность некоторых кикладских предметов с XI династией, а микенских — с XVIII династией в Египте.

Таким образом, важнейшим достижением начального периода было открытие некоторых основных центров микенской культуры, постановка проблемы ее своеобразия и твердое установление того, что она во многом предшествовала времени, описанному в гомеровском эпосе.

Все эти успехи были достигнуты не без борьбы. В начале периода многие историки и археологи, прежде всего сам Шлиман, считали основной своей задачей лишь поиски данных, подтверждающих свидетельства гомеровских поэм. Раскопки Трои, Микен и других известных по эпосу центров и сопутствовавший им небывалый успех затмевали трудности научного исследования и склоняли ученых ко многим преждевременным выводам. Немалую роль сыграла и характерная для археологии тех лет погоня за сенсацией, поиски только наиболее ценных с художественной, а иногда и с коммерческой точки зрения предметов. В этих условиях уделялось мало внимания такой важной категории источников, как, например, рядовая керамика. Вне поля зрения исследователей оставались также вопросы производства и быта носителей культур II тысячелетия.

---

⁶ Итоги его раскопок обобщены в капитальном исследовании: Chr. Tsountas and J. I. Manatt. The Mycenaean Age. London, 1897.

⁷ Термин «микенская культура» был впервые введен в научный обиход в книге Фуртвенглера и Лешке «Mykenische Vasen» в 1886 г.; см. RE, Supplb. VI (1935), стлб. 584.

Следующий период изучения микенской Греции охватывает примерно первую треть нашего века. Начинается он с раскопок Кносса (1900 г.), а его конечной гранью можно, думается, считать завершение капитального труда А. Эванса «Дворец Миноса»⁸. В то время историография микенской Греции испытывала на себе сильнейшее воздействие критоцентристской концепции Эванса. Открытие яркой и самобытной критской культуры, уходящей корнями далеко в глубь III тысячелетия и притом во многих отношениях значительно превосходящей своими достижениями микенскую, вызвало переоценку всех ценностей и привело к явному преуменьшению роли материковой Греции. Несомненное и временами сильное воздействие критской культуры на Микены зачастую интерпретировалось как доказательство завоевания прибрежной Греции царями Кносса. Микенская культура считалась в лучшем случае чем-то вроде провинциального варианта критской. Наследием этого периода является бытующий до сих пор термин «крито-микенская культура». Преувеличение роли Крита проявилось, в частности, в резко критическом отношении к гомеровским поэмам. Эта тенденция нашла свое выражение в парадоксальном изречении А. Эванса: «Гомер, собственно говоря, был переводчиком, и иллюстрированное издание его оригинала недавно вышло в свет на Крите и в Микенах; коротко говоря, он обрабатывал более древний минойский эпос»⁹.

Борьба взглядов по вопросу о характере взаимоотношений между Кноссом и Микенами часто не имела ничего общего с научной аргументацией, а иногда принимала неприглядную форму административных репрессий. В качестве иллюстрации стоит указать на судьбу раскопок Микен в этот период. С 1920 по 1923 г. Британская школа в Афинах вела широкие раскопки в Микенах под руководством А. Дж. Б. Уэйса, который возражал против критоцентристской концепции Эванса. Эти раскопки дали много ценных находок; они позволили изучить некоторое количество камерных и купольных гробниц; благодаря им были твердо установлены последовательные периоды культурно-исторического развития Микен. Тем не менее по требованию Эванса в 1923 г. руководство Британской школы в Афинах вынесло решение о прекращении раскопок в Микенах, что привело к отставке Уэйса с поста директора этой школы¹⁰. Последний получил возмож-

⁸ A. Evans. The Palace of Minos, т. I—IV. London, 1921—1935.

⁹ Перевод К. М. Колобовой в рецензии на кн.: J. Evans. Time and Chance (ВДИ. 1947, № 4, стр. 110).

¹⁰ См. M. Ventris and J. Chadwick. Documents in Mycenaean Greek (далее — Docs). Cambridge, 1956, стр. 14; cp. G. Mylonas. Ancient Mycenae. The Capital City of Agamemnon. Princeton, 1957, стр. 10; L. R. Palmer, Mycenaeans and Minoans. Aegean Prehistory in the Light of the

ность возобновить археологические исследования Микен только после 16-летнего перерыва, в 1939 г. Один из главных участников расшифровки линейного письма Б Дж. Чадвик, касаясь этого дела, заявил: «А. Дж. Б. Уэйс... дорого заплатил за свои еретические взгляды. Он был надолго исключен из числа полевых археологов в Греции»¹¹.

Тем не менее работы Эванса и его последователей во многом благотворно воздействовали на изучение микенской культуры. Установление знаменитой трехчленной хронологической схемы для Крита привлекло внимание ученых к важнейшим вопросам хронологии, без учета которых нельзя было и думать о построении научной истории не критского, ни микенского обществ. Схема Эванса оказалась практически удобной и, с незначительными изменениями, относящимися главным образом к более ранним периодам¹², принята и в наше время. На базе хронологических изысканий Эванса были составлены аналогичные схемы для кикладской, элладской и, в частности, микенской культур. Определение основных хронологических вех окончательно развеяло бытовавшую в предшествующий период концепцию Шлимана о датировке чуть ли не всех предметов микенской культуры временем Троянской войны. Кроме того, как мы увидим из дальнейшего, колоссальное значение для изучения микенской культуры имели находки памятников существовавшей длительное время критской письменности.

Характерной чертой этого периода было расширение диапозона раскопок. В отличие от археологических работ прошлого

Linear B Tablets (далее — MaM). N. Y., 1962, стр. 164. Даже публикация предприятий Британской школой раскопок Микен не могла выйти в свет в издании этой школы. См. об этом: A. J. B. W a s e. Chamber Tombs at Mycenae. Oxford, 1932, стр. 1.

¹¹ J. C h a d w i c k. The Decipherment of Linear B. Cambridge, 1958, стр. 25.

¹² Следующие данные показывают изменения в датировке отдельных периодов микенской культуры со времени Эванса (см. F. S c h a c h e r m e y e r. Die ältesten Kulturen Griechenlands. Stuttgart, 1955, стр. 32):

Н а ч а л о	Э в а н с	П е н д л б е р и	Ш а х е р м е й р	М а т ц
PM I	3 000	—	2 700	2 600
PM II	2 800	2 800	2 500	2 200
PM III	2 400	2 500	2 200	2 100
SM I	2 100	2 200	2 000	2 000
SM II	1 900	2 000	1 850	1 900
SM III	1 750	1 750	1 700	1 700
PM I	1 580	1 580	1 580	1 550

Как видно из приведенных данных, пересмотр относится главным образом к раннеминойским (PM) периодам. Для позднеминойских (PM) и соответствующих им позднеэлладских (PЭ) периодов расхождения среди специалистов ограничиваются десятилетиями. Датировка Матца опубликована в 1950, а Шахермейра — в 1955 г.

века, которые в Греции велись почти исключительно в таких прославленных Гомером центрах, как Микены, Тиринф, Орхомен Минийский, в первые десятилетия нашего века раскопки мелких поселений типа Кораку, Зигурии, Евтресис, Мальти-Дорион и др.¹³ дали возможность создать более полную и, главное, исторически более верную картину Греции во II тысячелетии. С этим был связан и переход к изучению массового археологического материала. Накопление рядового материала, прежде всего большого количества керамики, позволило твердо установить последовательность развития в средне- и позднеэлладские периоды и, с другой стороны, доказать наличие переходных ступеней от микенской культуры к последующему времени.

В эти годы впервые после книги Цунды выходит в свет ряд важных трудов, авторы которых стремились дать общую оценку микенской культуры и осмыслить ее как одно из звеньев истории Эгейского бассейна во II тысячелетии до н. э. К числу значительных исследований того времени принадлежат работы: Д. Фиммена «Крито-микенская культура» (1921 г.), Г. Глотца «Эгейская цивилизация» (1923 г.) и особенно М. П. Нильссона «Гомер и Микены» (1933 г.).

Расширение масштаба археологических работ, публикация итогов раскопок, появление ряда сводных исследований — все это дало возможность установить общую схему развития микенской культуры и показать ее связи прежде всего с Критом. Серьезнейшим недостатком, общим для всех работ этого времени (кроме книги Глотца), оставалась недооценка социально-экономической истории. Изменения в материальной культуре, прослеживаемые по данным раскопок, обычно объяснялись либо миграциями, либо воздействием других народов.

* * *

Третий период изучения микенской культуры характеризуется еще большим размахом археологической и исследовательской деятельности. В это время предметы микенской культуры находят уже не только в континентальной Греции и в Эгееде, но и по всему восточному Средиземноморью. Раскопки Рас-Шамры—Угарита (1929—1939 гг.), на Кипре (с 1929 г.) и в ряде местностей на западном и особенно южном побережье Малой Азии¹⁴ дали немалое количество микенской керамики, все более подчеркивая широкие связи Микен со странами Востока.

---

¹³ В статье G. Karo. Mykenische Kultur.—RE, Supplb. VI. Список раскопываемых центров микенской культуры по состоянию на 1935 г. занимает 10 столбцов (с 604 по 614) убожистого шрифта.

¹⁴ H. L. Lorimer. Homer and the Monuments. London, 1950, стр. 30 слл.

Раскопки на Пелопоннесе в свою очередь также позволили значительно расширить круг сведений о, так сказать, местном распространении микенской культуры. В этой связи исключительно важную роль сыграло прежде всего открытие в 1939 г. большого архива пиловских табличек Блегеном и Куруниотисом. Ведущиеся с 1952 г. под руководством Блегена раскопки «Дворца Нестора» в Пилосе более чем удвоили число табличек. Раскопки Пилоса, Дендры, Асины, Лерны, немецкие и американские работы в Афинах, археологические поиски во множестве других местностей дали изумительное обилие памятников микенской культуры. Поразительны итоги возобновленных недавно раскопок самих Микен, где в 1952—1954 гг. вскрыт новый круг шахтовых гробниц и найдено несколько десятков табличек линейного письма Б.

Постепенное накопление и углубленное изучение археологических данных заставило сначала поставить под сомнение, а затем и пересмотреть многие выводы Эванса, касавшиеся взаимоотношений между минойской и микенской культурами. Раскопки центров элладской культуры в материковой Греции привели археологов уже в 30-е годы к важному выводу, что греческие племена появились на юге Балканского полуострова в начале среднеэлладского (СЭ) периода около 2000 г. до н. э. Связи между СЭ и среднеминойской (СМ) культурами оказались довольно слабыми, а их усиление отмечается только при переходе к ПЭ и ПМ (первая половина XVI в. до н. э.). Между тем открытие в Микенах несколько лет тому назад ряда новых шахтовых гробниц, датируемых часто концом СЭ периода, доказало существование на Пелопоннесе местной династии еще до того, как минойская культура начала сильно воздействовать на материковую Грецию. Накопление как ПЭ, так и ПМ керамики позволило установить достаточно четкое различие между ними. В частности, Уэйс и Блеген еще в 1939 г. доказали, что по количеству ПЭ керамика в Египте примерно в восемь раз превосходит ПМ сосуды. Тогда же эти авторы достаточно четко охарактеризовали различия в керамике ПЭ I, II и III периодов.

С другой стороны, археологи, работавшие на Крите, прежде всего Пендлбери, констатировали, что находки ПМ II, так называемого дворцового периода (вторая половина XV в.) прослеживаются лишь в Кноссе и отсутствуют в других местностях Крита¹⁶, там ПМ I сразу переходит в ПМ III период. Между тем все надписи линейного письма Б, обнаруженные на Крите только в Кноссе, датировались Эвансом именно ПМ II периодом¹⁷. В то

¹⁶ Дж. Пендлбери. Указ. соч., стр. 226 и особенно стр. 246.

¹⁷ Против этой датировки ныне выдвинуты весьма серьезные возражения. См. ниже, стр. 121 сл.

же время оказалось, что многочисленные ремесленные и художественные изделия ПМ II периода находят не только параллели, но и прототипы на Пелопоннесе¹⁸. Мегарон в кносском дворце был пристроен уже после завершения всей первоначальной постройки, возможно, как полагал Уэйс, в соответствии со вкусами материковых завоевателей Кносса¹⁹.

Гипотеза Эванса о покорении побережья континентальной Греции критянами вступала, таким образом, в конфликт не только с фактом ограничения ПМ II одним только Кноссом при одновременных многих аналогиях предметам этого периода на Пелопоннесе, но, что еще более существенно, не могла быть согласована с тем, что характерные для ПМ II предметы восходили к материковым образцам. Зато все эти факты, естественно, объяснялись бы гипотезой, что под конец ПМ I периода Кносс был завоеван греческими племенами с материка. Производным, хотя и очень важным, следствием такого предположения был бы вывод, что линейное письмо Б появилось на Кноссе в результате приспособления линейной письменности А к нуждам греческих завоевателей Кносса.

Из всего сказанного вытекает необходимость отказаться от термина «крито-микенская культура», вошедшего в обиход в период господства критоцентристской концепции Эванса. Содержание этого термина предполагало не только культурное единство Крита и Микен, но и зависимость Микен от Крита. Притом такая зависимость, как мы видели, мыслилась вовсе не в плане одного только культурного воздействия Кносса на Микены, но подкреплялась соображениями о захвате значительной части Греции минойскими талассократами. Фактически же оказалось, что нет никаких археологических данных ни о политическом господстве Кносса на материке, ни об органическом единстве критской и микенской культур. Твердо установлено, что микенская культура уходит своими корнями в СЭ период, в то время как критская вплоть до середины II тысячелетия до н. э. развивалась вне связи с греками. Поэтому более уместно говорить о двух отдельных культурах — минойской и микенской, признавая, ра-

---

¹⁸ Обстоятельную сводку соответствующих археологических данных см. в ввводной статье Уэйса к Docs, стр. XXI—XXV.

¹⁹ Против этого предположения выступила недавно Х. Ройш (H. Reusch. Zum Wandschmuck des Thronsaales in Knossos. — «Minoica». Berlin, 1958, стр. 334—358), доказывающая, что известные нам континентальные мегароны, в частности в пилосском дворце, строились скорее под влиянием Кносса, чем наоборот. В самом деле перестройка дворцового зала в Кноссе предшествовала во времени пелопоннесским мегаронам. Все же ни это обстоятельство, ни даже наличие многих местных критских мотивов в орнаментировке дворцового зала Кносса нисколько не исключают возможности постройки этого зала во время господства ахейцев на Крите. H. Reusch. Zum Problem des Thronraumes in Knossos. — «Minoica und Homer». Berlin, 1961, стр. 31—39.

зумеется, что последняя находилась в ПМ I под сильным воздействием Крита.

Изложенным положениям на первый взгляд противоречит устойчивая античная традиция о политической зависимости некоторых материковых местностей от Кносса. Миф о Тессе и Минотавре, легенды о походах Миноса в Мегариду, Беотию и даже (в связи с бегством Дедала) на Сицилию должны, по-видимому, отражать не только культурное, но и политическое владычество критян на материке Европы. Однако нет никаких оснований отнести реальное зерно этих мифов обязательно ко времени, предшествовавшему завоеванию Кносса ахейцами. Как указывалось выше, значительное влияние критской культуры на материк прослеживается лишь с первой половины XVI в., а позже Кносс находился уже во власти греков. Вполне возможно, что завоеватели из Кносса подчинили себе Афины и Мегару. Показательно, что античная традиция датировала царствование Миноса временем не раньше XIV в. Вопрос этот требует, очевидно, специального исследования.

Из большого числа новых исследований по вопросам микенской культуры наиболее важны труды Фурумарка, Кантор, Лоример, Уэйса и Милонаса. В 1941 г. вышла в свет капитальная работа А. Фурумарка о микенской керамике²⁰. Автор собрал воедино все накопленные до войны обильные данные о микенской керамике, разделил ее на группы, исследовал области их распространения и предложил новую (иногда с точностью до четверти века) периодизацию микенской культуры. Х. Кантор в 1947 г. опубликовала сначала в АЖА, а вскоре затем и отдельной книгой исследование о связях Греции с Востоком во II тысячелетии²¹; в ее работе дана сводка распространения памятников микенской культуры по отдельным областям вне материковой Греции. Тот же круг вопросов рассматривается в монографиях Ф. Стаббингса и У. Тэйлора²². Тот и другой, принимая с некоторыми оговорками периодизацию Фурумарка, исследовали микенскую керамику, найденную соответственно на Востоке и в Италии: первому из них удалось установить отличия кипро-микенской и частично родосской керамики от аргондских прототипов. Таким образом

---

²⁰ A. F u r u m a r k. The Mycenaean pottery. Stockholm, 1941, т. I. The Mycenaean pottery; т. II. The Chronology of the Mycenaean pottery; т. III. The history of the Mycenaean pottery. Мне был доступен только первый том этой работы. Датировка Фурумарка вызвала возражения многих специалистов; см., например: А. J. B. W a s e. The Last Days of Mycenae. «The Aegean and the Near East», стр. 127.

²¹ H. K a n t o r. The Aegean and the Orient in the Second Millennium B. C. — АЖА, LI (1947), стр. 1—103. Ее книга оказалась мне недоступной.

²² F. H. S t u b b i n g s, Mycenaean pottery from the Levant. Cambridge, 1951; W. T a y l o u r. Mycenaean pottery in Italy and adjacent areas. Cambridge, 1958.

создалась возможность дифференцировать внешние связи уже не только микенской культуры в целом, но и отдельных ее центров. Упомянутая книга Лоример (1950 г.) дает ценную сводку археологических данных о периодах поздней бронзы и раннего железа в Греции. Интересны ее критические замечания о многих исторических выводах Эванса. Книга Уэйса «Микены»²³ подводит итог изучению главного центра элладской культуры в довоенные годы и дает наиболее обстоятельное в литературе изложение истории самих Микен. Наконец, последняя работа в этой области принадлежит перу греческого археолога Г. Милонаса²⁴. Несмотря на излишне доверчивое, порой некритическое, следование позднеантичной традиции, труд Милонаса ценен тем, что учитывает данные новейших раскопок, в частности недавно открытых шахтовых могил в Микенах. Автор, долгое время занимавшийся изучением погребальных обрядов в древнейшей Греции, обращает внимание на обряды ритуального убийства рабов на могилах хозяев.

В литературе 30-х годов много места занимал вопрос о расовой принадлежности носителей микенской культуры. Немецко-фашистские ученые, как известно, считали, властителей Микен древнейшими представителями «нордической» расы, которые благодаря своим «германо-арийским» качествам завоевали женственных критян и, только подпав под разлагающее влияние критской культуры, были затем сами покорены еще более «нордическими» дорьянами. Эти не выдерживающие мало-мальски научной критики²⁵ расистские концепции, несмотря на разгром гитлеровской Германии, находили отражение и в послевоенной западнонемецкой историографии. В вышедшем в 1950 г. в известной серии И. Мюллера справочном пособии Г. Бенгтсона «Греческая история»²⁶ достижения микенской культуры все еще приписываются «нордическому» духу ахейцев.

Даже в последнее время некоторые, весьма далекие от расистских концепций ученые, исходя из заметного различия между уровнем, с одной стороны, обитателей Микен XVI и XV вв., «живших городской жизнью»²⁷ и ассимилировавших высокую критскую культуру, и, с другой стороны, гомеровских ахейцев, «обладавших в лучшем случае племенной организацией», приходили к выводу, что примерно в XIII в. до н. э. власть в Мике-

²³ A. J. V. W a s e. Mycenae. Princeton, 1949.

²⁴ G. M y l o n a s. Ancient Mycenae..., 1957.

²⁵ См. Б. Л. Б о г а е в с к и й. Эгейская культура и фашистские фальсификаторы истории. В сб.: «Против фашистской фальсификации истории». М. — Л., 1939, стр. 35—82.

²⁶ H. B e n g t s o n. Griechische Geschichte. München, 1950, стр. 41; ср. стр. 31. Во 2-м издании (1960 г.) Бенгтсон несколько смягчил расистскую характеристику микенского общества.

²⁷ J. F o r s d y k e. Greece before Homer. London, 1956, стр. 84 сл.

нах перешла в руки нового племени, этнически отличного от своих предшественников. Более низкий уровень культуры гомеровских героев не подлежит сомнению, но думается все же, что это правильнее объяснить тем, что в эпосе во многом отражены условия жизни не II, а начала следующего тысячелетия. Коль скоро на протяжении всего существования микенской культуры не наблюдается никакого резкого разрыва в уровне материальной культуры, вряд ли необходимо постулировать еще одно переселение кроме засвидетельствованного традицией «возвращения Гераклидов».

Если оставить в стороне проблему линейного письма Б, социальной истории Греции II тысячелетия по-прежнему уделяется очень мало внимания в западной историографии. Микенское общество характеризуется обычно как феодальное, а более добросовестные ученые предпочитают вообще не касаться вопроса о социальной структуре Микен. В качестве положительного явления стоит отметить, что распространенная в предшествующий период теория «землетрясений», которым, например, Эванс приписывал многие изменения в критской культуре, стала подвергаться критике ²⁸.

* * *

Итак, накопление громадного количества памятников материальной культуры и их тщательное изучение позволили твердо установить периодизацию микенской культуры, определить этапы ее развития и изучить ее связи с соседними, главным образом, передневосточными, обществами. На протяжении всего этого времени археологические памятники самым тщательным образом сопоставлялись со свидетельствами гомеровского эпоса, причем в гомеровских поэмах удавалось обнаружить описания предметов как микенского, так и последующего времени. Особенно важны в этой области капитальные исследования Нильссона ²⁹, об одном из которых говорилось раньше, и упомянутая книга Лоример. Самый характер археологических памятников предопределил лучшую изученность дворцовой культуры. Социально-экономические отношения в микенских обществах исследовались лишь в незначительной мере; в этой области обращалось внимание почти исключительно на внешние связи Микен и до некоторой степени на технику ремесленного производства. Заметный сдвиг наступил только после расшифровки линейного письма Б, открывающей новый этап в исследовании микенской культуры.

---

²⁸ H. L. Lorimer. Op. cit., стр. 26; A. R. Burn. Op. cit., стр. 11.

²⁹ M. P. Nilsson. Homer and Mycenae. London, 1933; его же. The Minoan-Mycenaean Religion and its Survival in Greek Religion. Lund, 1950.

§ 2. Памятники письменности

До сих пор мы рассматривали прогресс «микеноведения» на основании только археологических памятников, причем нам пришлось коснуться некоторых исследований, вышедших в свет уже после 1953 г. — даты публикации первой статьи М. Вентриса и Дж. Чадвика³⁰. Последние десять лет прошли главным образом под знаком анализа памятников линейного письма Б. Перед тем, как перейти к изложению и оценке этого замечательного открытия, целесообразно сообщить читателю хотя бы основные сведения о критских и микенских надписях.

Первые надписи в Кноссе Эванс нашел во время разведочных работ 1894 г. Раскопки дали потом более 3 тыс. новых табличек в Кноссе; затем было обнаружено еще несколько сот табличек в других местностях Крита. Все надписи Эванс разделил на три группы: иероглифическую (с 2000 по 1700 г. до н. э.), линейную А (с 1800 по 1400 г.) и линейную Б (с 1450 по 1400 г.). Третий вид письменности явно восходит ко второму, который, по всей вероятности, возник на базе первого. Количество знаков в линейном письме Б (около 90) на треть меньше, чем в линейном А, но много знаков в обоих видах письменности совпадает друг с другом.

Интервал во времени между находками и публикациями критских надписей был недопустимо велик. Глиняные таблички находок 1894 г. были частично опубликованы в первом томе «*Scripta Minoa*» (1909 г.; далее — SM). Сюда вошли главным образом иероглифические надписи и таблички линейного письма А. Из нескольких тысяч табличек линейного письма Б в SM I было опубликовано всего 14. Затем, после нового длительного перерыва, в 1935 г. Эванс опубликовал еще 120 надписей. На протяжении четверти века таблички хранились без пользы в музее Ираклиона. Притом, когда финский ученый И. Сундвалл скопировал в 1935 г. в музее 38 табличек и издал их, он навлек на себя гнев Эванса³¹. Первая публикация кносских табличек датируется только... 1952—1955 гг.³² Так, монополизация найденных документов не дала возможности использовать для научного исследования важнейшие памятники минойской культуры. К тому же эти публикации оказались неудовлетворительными. В работах последних лет указывается, что пользование кносскими надписями возможно только при учете многочисленных исправлений, внесенных при последующих проверках.

³⁰ M. Ventris and J. Chadwick. Evidence for Greek Dialect in the Minoan Archives. — JHS, LXXIII (1953), стр. 84—103.

³¹ См. Docs., стр. 11; ср. J. Chadwick. Decipherment..., стр. 18, и MaM, стр. 50.

³² SM II в 1952, SM III в 1954 и транслитерация Браунинга в 1955 г.

Новая публикация кносских текстов была осуществлена в 1959 г. по инициативе Дж. Чадвика. Таким образом, удовлетворительная научная публикация документов кносской эпиграфики последовала через полвека после их находки.

Значительно лучше обстояло дело с публикацией пиловских текстов. Несколько сот табличек, найденных в 1939 г., были опубликованы в предварительном порядке Беннеттом в 1951 г., а второе исправленное издание пиловских табличек, включающее находки 1952—1954 гг., вышло в свет в 1955 г.³³ Годом раньше Беннетт издал более 40 микенских табличек, найденных в те же годы. Таким образом, к 1955 г. закончилась публикация основной массы памятников эгейской письменности II тысячелетия до н. э., что создало предпосылку для их широкого использования в науке.

Общее число найденных в последующие годы пиловских текстов достигает трех сотен. Они публикуются ежегодно в АЖА. Кроме того, обнаружено еще два десятка табличек в Микенах и большое число раскопанных Эвансом, но почему-то не включенных в предыдущие публикации, табличек из Кносса³⁴.

Немало памятников близкой линейному А и Б, так называемой кипро-минойской письменности (общим числом около двухсот) было найдено на Кипре. Большую их часть опубликовал еще в 1941 г. Дж. Ф. Дениел³⁵. Две большие (вместе 70 строк) кипро-минойские надписи впервые были открыты в 1953 г. в Элкоми³⁶. По своему содержанию они отличаются от всех прочих эгейских надписей II тысячелетия. Это не записи инвентарного порядка, а сплошной текст, возможно связанный с религиозным культом, так как одна из них обнаружена в храме. Хотя кипро-минойский силлабарий еще не расшифрован, однако находка этих двух надписей несомненно свидетельствует о применении линейной письменности не только для нужд хозяйственной и административной отчетности. Кроме того, некоторое количество кипро-минойских табличек найдено в микенской колонии в Угарите³⁷.

Параллельно с публикацией надписей шла интенсивная работа над их расшифровкой. Проблема расшифровки была тесно связана с определением языка найденных текстов, с установлением этнической принадлежности обществ, пользовавшихся тем или иным видом письма. Эванс был уверен, что все три вида

³³ E. L. Bennett, *The Pylos Tablets*. Princeton, 1955.

³⁴ Сводку новых находок и публикаций см. в статье: J. Chadwick. *Rapport sur les questions générales.*—«*Athenaeum*», XI.VI (1958), № 4, стр. 5—7. Сводку коррективов к беннеттовской публикации пиловских табличек см. его же. *A critical appendix to the Pylos Tablets* (1955).—«*Minos*», VI (1958), № 2, стр. 138—148.

³⁵ J. F. Daniel. *Prolegomena to the Cyprio-Minoan Script.*—*AJA*, XLV (1941), стр. 249 слл.

³⁶ P. Dikaios. «*Antiquity*», 27 (1953), стр. 103 сл. и 233 сл.

³⁷ J. Chadwick. *Decipherment...*, стр. 22.

письменности, обнаруженные им в Кноссе, были созданы местным критским населением, говорившем на неиндоевропейском и тем паче на негреческом языке. Находку памятников линейной письменности в Фивах (1921 г.) Эванс расценивал как свидетельство господства критян и на материке Европы.

В пользу концепции Эванса свидетельствовал ряд, казалось, весьма веских соображений. Большое число фонетических знаков во всех видах минойской письменности заставляло априорно полагать, что это было слоговое письмо. И количество знаков, и аналогия с кипрским слоговым письмом классического времени, расшифрованным еще в прошлом веке, свидетельствовали, что в этом письме имелись знаки только для открытых слогов. Между тем слоговой характер письменности явно не приспособлен к греческому языку, в котором часто встречаются сочетания нескольких согласных. Запись греческих слов слоговыми знаками должна была представлять серьезные трудности. Кроме того большинство греческих слов оканчивается на сигму, а слова в надписях имели самые различные окончания. В поддержку концепции Эванса приводился также несомненный факт сильного, хотя преувеличиваемого влияния критской культуры на Микены. Герои гомеровского эпоса не знали письменности; отсюда делался вывод, что любые памятники письменности во II тысячелетии на территории Греции должны быть приписаны только критянам. Последнее соображение как будто бы подтверждалось и тем обстоятельством, что знаки линейного письма Б в Кноссе и на материке почти полностью совпадали друг с другом. Учитывая сложность воспроизведения этих знаков на глиняных табличках, а также предполагаемое значительное расстояние между ними во времени, нельзя было считать, что кносская и пилосская письменности могли использоваться для записей на разных языках.

Исходя из всех этих соображений, большинство ученых полностью принимало концепцию Эванса о том, что минойские надписи составлены на каком-то негреческом языке. На этом основании предпринимались различные попытки расшифровки минойских текстов

Основы изучения линейного письма Б были заложены еще Эвансом. Он не только подобрал некоторые важные надписи, но и установил много положений, которые легли в основу последующих исследований. Эванс доказал, что система счета в линейном письме была десятиричной. Он заметил, что большое число знаков совпадает в линейных А и Б, и аргументировал родство некоторых из них с египетскими иероглифами. Эванс показал также, что, не считая цифр, все знаки можно разделить на идеограммы и слоговые, причем ему удалось правильно установить значение идеограмм, обозначающих мужчин, женщин, некоторых животных, растения и ремесленные изделия. Наконец, Эванс определил значение нескольких сочетаний слоговых знаков, употреблявшихся

в качестве идеограмм. В частности, он правильно понял смысловое значение сочетаний знаков, обозначавших мальчиков и девочек. Добиться дальнейших успехов в расшифровке, по крайней мере линейного письма Б, Эвансу помешало прежде всего предвзятое мнение, что язык надписей не принадлежит к индоевропейской семье.

Тем не менее сам Эванс в некоторых случаях указывал на наличие греческих слов в кносских надписях. Это относится, например, к его чтению двух знаков, стоящих рядом с идеограммой безгривых лошадиных голов, как ро-ю (греч. *ῥῶλος*)³⁸. В таком чтении не было сомнений, ибо именно так читаются соответствующие знаки в греческом кипрском силлабарии классической эпохи. На пути к дальнейшему сближению кипрского силлабария с линейным письмом Б стояло, как казалось Эвансу, непреодолимое препятствие. Большая часть слов силлабария оканчивалась слоговым знаком *se*, соответствующим сигматическому окончанию в классическом греческом. Между тем ни в линейном А, ни в Б нельзя было обнаружить одного такого преобладающего окончания.

Над расшифровкой линейного письма Б много работал и Б. Грозный. Знаменитый чешский ученый, блестяще расшифровавший хеттские таблички из Богазкёя и успешно работавший над другими системами письма, в своих работах 40-х годов заявил, что ему удалось прочесть и критские надписи³⁹. Однако его утверждение оказалось ошибочным.

Изложенный Грозным метод расшифровки и сделанные им на этом основании исторические выводы были критически рассмотрены С. Я. Лурье, который убедительно показал несостоятельность методики расшифровки Грозного, хотя и воздержался от окончательного осуждения его выводов⁴⁰. С. Я. Лурье показал, что Грозный, несмотря на принятие им близости кипрского слогового и минойского письма в качестве отправного пункта для расшифровки, все же в дальнейшем практически отказался от последовательного применения этого принципа и пытался понять минойские знаки путем сближения их со знаками из самых различных систем письменности от египетских иероглифов вплоть даже до протоиндийских. Большое сомнение вызывают также конечные выводы Грозного, который придавал одно и то же фонетическое звучание нескольким различным знакам и, с другой стороны, считал, что один и тот же знак мог иметь несколько фонетических звучаний. Выводы Грозного не получили одобрения и среди других специалистов.

³⁸ A. Evans. The Palace of Minos, т. IV, стр. 799.

³⁹ B. Hrozný. Les inscriptions crétoises. Praha, 1949 (последнее издание).

⁴⁰ С. Я. Лурье. Догреческие надписи Крита. — ВДИ, 1947, № 4, стр. 70—87.

Все же, несмотря на неудачу чешского ученого, его труд дал немало ценного для дальнейших исследований в этой области. Прежде всего Грозный пришел к правильному выводу, что язык этих надписей был индоевропейским в своей основе. Этот важный вывод был затем развит Вл. Георгиевым и, в конце концов, к нему пришел и М. Вентрис. Грозный не только сделал попытку прочесть критские надписи, но и попытался использовать их в качестве источника для истории минойского общества. Некоторые его замечания о содержании этих надписей как исторических источников оказались правильными. Дело в том, что в надписях встречается много идеограмм, значение которых было установлено вполне достоверно. Ввиду того, что критская система счета была установлена (кроме дробей)⁴¹ еще Эвансом, появилась возможность понять содержание некоторых надписей даже без знания слоговой части текста. Таким образом, Грозный показал, что в Кноссе существовало большое царское (или храмовое) хозяйство, обладавшее крупными материальными ценностями, в том числе скотом и металлами, что в этом хозяйстве был прекрасно поставлен бухгалтерский учет и, — это для нас особенно интересно, — что в этих надписях речь идет о многочисленных рабах.

Много и упорно работал над расшифровкой кносских и пилосских табличек болгарский языковед акад. Вл. Георгиев. На протяжении нескольких лет он напечатал около десятка трудов по этому вопросу, в том числе пять книг. Ввиду того, что с течением времени взгляды его постепенно менялись, — это было совершенно неизбежным в условиях быстрой публикации все новых и новых надписей, — наибольший интерес представляют в историографическом плане две его книги⁴²; в первой из них наиболее четко изложены взгляды автора до первой статьи Вентриса и Чадвика, а во второй Георгиев сформулировал свое отношение к методу расшифровки этих исследователей. Концепция Георгиева на различных этапах ее развития рассматривалась многими советскими языковедами и историками⁴³.

⁴¹ Система записи дробных чисел была обстоятельно исследована Беннеттом; см. E. L. Bennett, Jr. *Fractional Quantities in Minoan Book-keeping*. — *AJA*, LIV (1950), стр. 204—222.

⁴² Акад. Вл. Георгиев. *Проблемы минойского языка*. София, 1953; его же. *Нынешнее состояние толкования крито-микенских надписей*, София, 1954.

⁴³ С. Б. Бернштейн. *Новое о языке минойских надписей* (по поводу работ проф. Вл. Георгиева). — *ИАН ОЛЯ*, 1951, стр. 198—200; А. В. Десницкая. *Вопрос изучения древних языков Малой Азии и сравнительная грамматика индоевропейских языков*. — *ВЯ*, 1952, № 4, стр. 41 сл. Оба этих автора выразили свое согласие с выводами Георгиева. Критические замечания по поводу его концепции высказывали: акад. А. И. Тюменев (*ВДИ*, 1953, № 4, стр. 23 сл. и 1954, № 4, стр. 41 сл.), Б. В. Горнунг (*ВЯ*, 1954, № 2, стр. 107 сл.) и Я. А. Ленцман (*ВДИ*, 1952, № 2, стр. 39 сл.). Георгиев (*Нынешнее состояние...*, стр. 48, прим. 3) выразил согласие с основными критическими замечаниями оппонентов. Лингвистическая сторона концепции

За отправную точку исследования Георгиев, как и Грозный, принял близость некоторых знаков линейного письма Б с кипрскими слоговыми знаками. Он резко и, как показало дальнейшее решение проблемы, правильно выступил против распространенного мнения о принципиальной невозможности расшифровать минойские тексты без двуязычных надписей. В качестве рабочих принципов Георгиев предложил руководствоваться близостью к кипрским слоговым знакам, подобием финикийским или греческим буквам, сходством с «хеттским» иероглифическим слоговым письмом, различными, по его же определению, «комбинаторными соображениями», логографией и акрофонией⁴⁴, а также единством мнений среди специалистов по поводу чтения того или иного знака. Исходя из этих положений, он предложил свое чтение большинства знаков линейного письма Б.

Уязвимой стороной предложенного Георгиевым чтения было то, что многие знаки читались одинаково: так, слог те мог обозначаться четырьмя, слог ко — тремя знаками и т. д. Применявшиеся Георгиевым в больших размерах диакритические знаки фактически обозначали лишь то, что он вынужден был принимать для большого количества знаков одно и то же чтение. Ввиду того, что расшифровка всех знаков, которые не восходили непосредственно к кипрскому слоговому письму, производилась при помощи так называемого комбинаторного метода, ошибочное чтение хотя бы одного из них неизбежно влекло за собой неправильное понимание многих дальнейших знаков. Необходимо было сразу же предельно четко разграничить абсолютно достоверные чтения от предположительных или сомнительных. Это было сделано далеко не в достаточной степени.

В результате Георгиев пришел к выводу, что язык надписей Кносса и Пилоса был языком индоевропейским, более или менее близким к греческому. Этот язык Георгиев назвал минойским. Хотя почти все прочтенные им слова были греческими, Георгиев все же утверждал, что обитатели микенской Греции — гомеровские ахейцы — не были греками. Именно это его утверждение вызвало резкие возражения акад. А. И. Тюменева, с которым Георгиев согласился во второй упомянутой книге.

В 1954 г. Георгиев решительно пересмотрел свои прежние взгляды и согласился с основными положениями Вентриса.

В западной литературе, предшествующей работам Вентриса, важное значение имели труды К. Д. Кристопулоса и А. Кюбер. Первый произвел подсчет различных знаков линейного письма Б в зависимости от того, находились ли они в начале, середине или

Георгиева в той форме, в какой она была выражена в его «Проблемах...», была подвергнута критике в рецензии С. Я. Лурье (ВДИ, 1954, № 3, стр. 104—114).

⁴⁴ Вл. Георгиев, Проблемы..., стр. 125—129.

конце слова. Этот подсчет показал, что, например, знак, прочтенный затем как *jo*, встречается 327 раз в конце слов, дважды в начале и 65 раз в середине; следовательно, он является характерным для окончаний. Аналогичные подсчеты позволили выделить группу знаков, встречающихся только в начале слов и, вероятно, читающихся как гласные ⁴⁵.

Американская исследовательница А. Кобер выделила в надписях группы слогов, отличающихся лишь конечным знаком. Очевидно, эти группы обозначали склоняемые или спрягаемые слова. Таких групп Кобер нашла довольно много. Она доказала также, что в итоговых формулах на табличках имеются различные конечные знаки при идеограммах, обозначающих мужчин и обозначающих женщин. Отсюда следовало, что в линейном письме Б различались родовые окончания ⁴⁶. В последние годы жизни Кобер, потратившая много лет на изучение критских надписей, стала вообще скептически относиться к возможности решения этой проблемы. В 1948 г. она писала: «Неизвестный язык, записанный неизвестным письмом, не может быть расшифрован даже вне зависимости от наличия билингв» ⁴⁷.

Сам Вентрис долгое время пытался решать проблему линейного письма Б на пути сближения минойских текстов с этрусскими. Однако все его попытки кончались неудачей. Только в 1950 г. он решил отказаться от такого рода попыток. К сожалению, Вентрис очень скупо сообщал о методе расшифровки. Он, очевидно, пошел по пути, намеченному Кобер. Учитывая слоговой характер линейного письма Б, он сгруппировал последние знаки флектируемых слов и пришел к выводу, что эти группы знаков должны состоять из одной и той же согласной, принадлежащей к основе слова, и различных гласных, представляющих падежные окончания. Таким образом, эти группы знаков должны отличаться конечной гласной. Аналогичную работу Вентрис провел и с родовыми окончаниями, выделенными Кобер. Конечные знаки при словах одного и того же рода должны были предположительно иметь общую гласную и различаться только начальными согласными. При помощи этих и подобных им соображений Вентрис вскоре получил целый ряд групп знаков, имеющих общую согласную или гласную.

Все эти группы Вентрис попытался расположить в разбитом на клетки прямоугольнике, так называемой сетке (*grid*). На горизонтальной стороне он отложил пять основных гласных, а на вертикальной разместил согласные, входящие в сочетание с этими

---

⁴⁵ Работы Кристопулоса были мне недоступны; его выводы передаю по: Вл. Георгиев. Нынешнее состояние..., стр. 34.

⁴⁶ J. Chadwick. Decipherment..., стр. 35.

⁴⁷ А. Е. Кобер. The Minoan Scripts, Fact and Theory.— AJA, 52 (1948), стр. 102.

гласными. В этой сетке по горизонталям должны были находиться знаки, начинающиеся с одной и той же согласной, а по вертикалям — знаки, оканчивающиеся на одну и ту же гласную.

После всей этой предварительной работы достаточно было определить чтение относительно небольшого количества знаков, чтобы правильно разместить в остающихся клетках большую часть остальных знаков. Присматриваясь к кносским текстам, Вентрис заметил, что среди них часто повторяется одно слово, отсутствующее в пиловских надписях. Он предположил, что это слово означает название города Кносса; по правилам кипрского слогового письма оно должно было состоять из трех знаков и читаться ko-no-so. С другой стороны, двусложные идеограммы, обозначающие девочек и мальчиков, имели общий первый знак и отличались только вторым знаком; притом первый знак этих идеограмм был тем же, с которого начиналось предполагаемое название Кносса. Вентрис предположил, что эти идеограммы соответствуют греческим словам *κόρη* и *κόρος*. Аналогичным путем он нашел в кносских текстах слова, соответствующие географическим названиям: Тилиссос, Фест и Амнисос, а в пиловских — Пилос. Пользуясь известными уже фонетическими значениями нескольких знаков, Вентрис довольно быстро, по его словам «в порядке цепной реакции», определил чтение 60 из, примерно, 90 знаков линейного письма Б.

Поэтому вряд ли прав С. Я. Лурье, утверждая, что Вентрис «в основу своей дешифровки... положил» (разрядка моя. — *Я. Л.*) кипрский силлабарий⁴⁸. Вентрис, как это в 1954 г. отмечал сам С. Я. Лурье⁴⁹, исходил из данных самих надписей, а вовсе не из близости с кипрским силлабарием⁵⁰. Кстати сказать, тождество шести знаков и близость начертаний дальнейших восьми знаков кипрского и линейного Б при количестве знаков в кипрском — 55, а в линейном Б — около 90, доказывает происхождение обеих систем письма из одного общего прототипа, каковым в последней инстанции было, по-видимому, линейное письмо А, но никоим образом не в состоянии доказать происхождение кипрского силлабария из микенского. Слоговые знаки, общие для кипрского и линейного Б, встречаются уже в линейном письме А. Если установленные Вентрисом «правила чтения» линейного письма Б совпадают с кипрскими, то это лишь еще одно косвенное подтверждение правильности его расшифровки, вовсе не опиравшейся на кипрский силлабарий.

При подстановке определенных Вентрисом фонетических значимостей в тексты надписей во многих случаях получались

⁴⁸ С. Я. Лурье. Язык и культура микенской Греции. М.—Л., 1957, стр. 27 (далее — ЯКМГ).

⁴⁹ ВДИ, 1954, № 3, стр. 110.

⁵⁰ Для того чтобы в этом убедиться, достаточно посмотреть хотя бы Docs, стр. 60—66.

греческие слова, соответствующие стоящим рядом с ними идеограммам. Выводы Вентриса косвенно подтверждались и тем, что в составленной им табличке ни один слог не имел нескольких чтений и, с другой стороны, лишь небольшое количество слогов обозначалось двумя, реже тремя различными знаками. Применив методику Вентриса, Блеген легко прочел найденную им во время раскопок Пилоса в 1952 г. табличку Та 641, текст которой тогда еще не был известен Вентрису. На этой табличке⁵¹, представляющей список кухонной посуды, описаны различные сосуды. Рядом с описанием, составленным из слоговых знаков, имеются идеограммы с указанием на каждой из них количества ножек или ручек. Числа после идеограмм указывают количество сосудов. При чтении слоговых знаков по системе Вентриса получаются слова, точно соответствующие идеограммам. Сосуды с тремя ножками обозначаются словом *ti-ri-ro* (ср. *τρίπους*), сосуды с тремя и четырьмя ручками обозначены словами, начинающимися со слогов *ti-ri-* и *qe-to-ro-* (ср. *τετρα-*). Правильность расшифровки Вентриса подтвердилась равным образом тогда еще не известной ему кносской надписью Са 895, в которой, наряду с идеограммами осла, коня и жеребенка, имеются надписи *o-po* (*ὄνος*), *i-fo* (*ἵππος*) и *po-lo* (*πῶλος*).

Предложенное Вентрисом чтение принято всеми ведущими исследователями этой проблемы. Георгиев высказывал много критических замечаний по поводу методики Вентриса и во многих случаях уточнял его формулировки «правил микенской орфографии»; однако он согласился с Вентрисом в основном — в предложенном чтении подавляющего большинства знаков линейного письма Б.

В настоящее время проблема расшифровки линейного письма Б принципиально решена. Представляется несомненным, что язык надписей — греческий, причем довольно близкий к гомеровскому диалекту. Несмотря на предстоящую большую и трудоемкую работу по уточнению чтения отдельных знаков, по расшифровке некоторых еще не прочтенных знаков, по изучению «микенского» диалекта, все же пилосские и кносские надписи в основном уже читаются и, следовательно, могут быть использованы в качестве исторического источника.

После опубликования статьи Вентриса и Чадвика в JHS прошло десять лет. Все эти годы линейное письмо Б находилось в самом центре внимания ученого мира. Виднейшие специалисты по классической филологии, по истории античности, археологи-классики проверяли принцип расшифровки Вентриса — Чадвика и критически анализировали содержание кносских и пилосских табличек.

---

⁵¹ См. M. Ventris. King Nestor's Four-handled Cups; Greek Inventories in the Minoan Script.—«Archaeology», VII (1954), № 1, стр. 15—21.

Для этой цели при Лондонском университете был создан специальный Институт классических исследований; тематике надписей посвящен особый журнал «*Minos*». В 1956 г. под Парижем имела место международная конференция по этому вопросу; следующая состоялась в 1958 г. в Павии⁵²; третья — в 1961 г. в Уингспреде. Библиография трудов, посвященных микенским надписям, насчитывает более тысячи наименований и непрерывно растет. В 1958 г. при университете в Риме был учрежден «Центр микенских исследований», поставивший перед собой задачу подготовить особый словарь микенской лексики и дать академическое издание микенских документов. Лишь немногие ученые возражают в принципе против открытия Вентриса. В общем к бурному расцвету микенской эпиграфики за последнее десятилетие понятие «цепной реакции» приложимо несколько не менее, чем к самой расшифровке линейного письма Б.

Среди большого числа новых работ по этому вопросу следует прежде всего указать на ценную монографию С. Я. Лурье «Язык и культура микенской Греции»⁵³. Автор, несмотря на первоначальное недоверие к расшифровке Вентриса⁵⁴, согласился затем с ним. Если Вентрис устанавливал «правила орфографии» (*spelling-rules*) микенских надписей эмпирическим путем, то С. Я. Лурье показал их близость, а зачастую и тождество с соответствующими правилами кипрского силлабария. При этом он доказал, что упомянутые «правила» вытекают из особенностей произношения в микенское время. Выше уже отмечалось, как настойчиво С. Я. Лурье подчеркивал связь между линейным Б и кипрским силлабарием, без чего считали возможным обойтись Вентрис и Чадвик. Таким образом, большая заслуга С. Я. Лурье состоит в том, что он ввел расшифровку в ее филологический контекст.

Вполне прав С. Я. Лурье, настаивая (стр. 9) на необходимости «строжайшей дисциплины» при расшифровке. Можно только согласиться с его методическим требованием рассматривать те или иные слова в связанном контексте, соответствующем идеограммам, и не строить выводы о чтении тех или иных не расшифрованных еще слоговых знаков линейного письма Б на основании имен собственных. К сожалению, сам он иногда отступает от своего же правила. Так, знак (43) С. Я. Лурье (стр. 43—46) предлагает читать как соответствующий немецкому *ä* фактически на основании подобия имен собственных. Гипотетически читая знак (29) как pe_2 (стр. 58 сл.), вместо принятого Беннеттом pu_2 , С. Я. Лурье сам признает неудовлетворительность такого чтения во многих случаях.

⁵² См. специальный выпуск «*Athenaeum*», XLVI (1958), № 4.

⁵³ Можно только присоединиться к весьма высокой оценке этой книги, данной А. И. Тюменевым (ВДИ, 1959, № 2, стр. 174—179).

⁵⁴ ВДИ, 1954, № 3, стр. 113; ср. ВДИ, 1957, № 3, стр. 197.

В чтении Вентриса переходы гласных иногда встречаются, но все же они довольно редки. Согласно С. Я. Лурье, звук е часто переходит в і или о (стр. 72, 78), звук а в е (стр. 78), о в и (стр. 79 сл.) и т. д. Если учесть, что для всех слогов, начинающихся с заднеязычных или губных согласных, с тем же гласным предусматривается лишь один слоговой знак, мы получаем такое изобилие вариантов, что в тех случаях, когда чтение не подтверждается идеограммами, из любой надписи можно вычитать чуть ли не все, что угодно.

Кажется сомнительным один из основных выводов о соотношении греческого и местного населения Пелопоннеса во II тысячелетии. В ЯКМГ (стр. 99 сл., 106 и 180 сл.) С. Я. Лурье подчеркивает, что язык линейного Б «гораздо резче отличается от общегреческой идиомы, чем позднейшие диалекты друг от друга» (стр. 181), и делает отсюда вывод, что эта особенность объясняется наличием в Пелопоннесе более культурного негреческого населения, которое к тому же обладало еще до прихода греков развитыми письменными навыками, заимствованными с Крита (стр. 99).

Однако: 1) линейное письмо А не засвидетельствовано на материке; 2) надписи линейного Б на материке относятся к XIII в. в Микенах и к самому концу XIII в. — в Пилосе; 3) греки жили на Пелопоннесе, очевидно, с начала II тысячелетия, т. е. до того, как на Крите появилось линейное письмо А; 4) отсутствие разрыва между СЭ и ПЭ культурами исключает возможность предположить массовое вторжение греческих племен на Пелопоннес в XVI в. до н. э. Все эти надежно засвидетельствованные археологическими фактами положения противоречат гипотезе о наличии высококультурного и грамотного населения на Пелопоннесе до прихода эллинических племен в начале II тысячелетия. Тем более невозможно, на мой взгляд, объяснять особенности языка надписей линейного Б воздействием этого населения. Не будучи лингвистом, автор этих строк не решается высказать суждения о конкретных особенностях языка надписей. Возможно, многие выводы основаны на сомнительных чтениях отдельных знаков и интерпретации тех или иных слов. Если все же указанные С. Я. Лурье языковые особенности действительно существуют, то их объяснения следует искать не в воздействии якобы обладавшего письменностью догреческого населения Пелопоннеса, а, например, во влиянии языка надписей линейного А, в наличии писцов из Крита или в каком-нибудь аналогичном явлении.

Если подавляющее большинство исследователей линейного письма Б, даже бывшие оппоненты Вентриса, как Вл. Георгиев, сочли правильной расшифровку Вентриса и Чадвика и стремятся развивать ее принципы, то небольшая группа ученых (Битти, Грумах, Эйлерс и др.) еще и ныне отказывается признать правильность упомянутой расшифровки. Наиболее серьезным и ак-

тивным противником Вентриса является, несомненно, А. Дж. Битти, специалист по греческим диалектам, учитель Чадвика в Кембридже⁵⁵. Уже в первой статье⁵⁶ Битти выдвинул пять основных возражений против расшифровки Вентриса, заявив, что: 1) постулируемая система записи непригодна для греческого языка, так как она не различает ни долгих, ни кратких гласных, ни звонких, глухих и придыхательных согласных; 2) при подстановке предложенных слоговых значений возможно множество вариантов чтения одной и той же надписи; 3) несмотря на это все же значительная часть надписей не дает связного греческого текста; 4) постулируемый язык надписей далек от известных нам норм классического греческого; 5) знаменитая «сетка» Вентриса придумана им, а не доказана.

Некоторые из указанных возражений основаны на недоразумении. Применявшийся в записи греческих текстов кипрский силлабарий был частично расшифрован около 80 лет назад. Тем не менее имеются довольно длинные кипрские надписи, которые до сих пор не поддаются прочтению. В знаках кипрского силлабария, как в линейном Б, не проводится различие между долгими и краткими гласными и между звонкими, глухими и придыхательными согласными. Иными словами, первые два замечания Битти полностью относятся и к кипрскому силлабарии, тем не менее в правильности его расшифровки ни у кого нет ни малейших сомнений. К тому же кипрский силлабарий применялся на протяжении длительного времени, в течение четырех-пяти столетий, наряду с обычным греческим буквенным алфавитом, имеющим множество неоспоримых преимуществ по сравнению со слоговой системой записи. Между тем линейное письмо Б возникло непосредственно из негреческого линейного А и применялось специально обученными писцами почти исключительно в различного рода хозяйственных и административных целях. Все эти обстоятельства неизбежно задерживали эволюцию письменности и затрудняли применение ее к потребностям греческого языка. Возражение Битти, связанное с возможной многозначностью текста надписей, во многом парируется наличием идеограмм. Значение большинства последних было установлено еще Эвансом. При алфавитной записи идеограммы излишни. При слоговой системе типа кипрской или линейного Б, идеограммы были необходимы. Только сочетание слоговых знаков с идеограммами обес-

⁵⁵ МаМ, стр. 66.

⁵⁶ A. J. Beattie. Mr Ventris' Decipherment of the Minoan Linear B Script.— JHS, LXXVI (1956), стр. 1—17. Менее важна его статья в сборнике в честь Сундвалла: «The «Spice» Tablets of Knossos, Pylos and Mycenae».— «Minoica», стр. 6—34. Кстати сказать, в этой статье Битти признает близость значения анализируемой им группы надписей со значениями, получаемыми по Вентрису (стр. 33 сл.), хотя и считает эти совпадения случайными.

печивало надежное понимание текста надписей даже писцами микенского времени. Поэтому для опровержения чтения Вентриса Битти должен был указать на несоответствие расшифровки содержанию идеограмм. Этому вопросу он вообще не касался.

Третье возражение Битти заслуживает большего внимания. В самом деле, некоторое число пилосских, а еще больше кносских надписей не дает еще приемлемого смысла, несмотря на довольно широкий диапазон возможных вариантов чтения. Вероятно, около четверти пилосских надписей не поддается прочтению. Это обусловлено прежде всего тем, что из примерно 90 слоговых знаков пилосского силлабария 20 пока не расшифрованы, а дальнейшие шесть представляют собой омофоны⁵⁷. Правда непрочтенные знаки встречаются в текстах относительно редко, этим-то объясняется трудность их расшифровки. Серьезные дополнительные трудности создает и то, что в хозяйственно-административных записях, естественно, встречается множество личных имен и топонимических названий, при чтении которых всегда возможен произвол, особенно если учесть, что пилосские тексты отстоят от ближайших им памятников греческой письменности по крайней мере на четыре столетия. К тому же, в надписях пилосского дворца должно было сохраниться множество минойских слов, не поддающихся истолкованию из греческого.

Менее существенно, на наш взгляд, четвертое возражение Битти. В самом деле, трудно требовать, чтобы пилосские надписи составлялись соответственно правилам классического греческого языка. С. Я. Лурье безусловно прав, замечая, что, если в упомянутой надписи Та 641,3 встречается слово а-по-ве рядом с изображением сосуда без ушек, мы, естественно, вправе считать данное слово греческим эквивалентом русского «безухий», хотя соответствующее слово и не засвидетельствовано в классическом греческом⁵⁸. Примеры такого рода неоправданной критики со стороны Битти можно без труда увеличить. В противовес этой группе замечаний можно с уверенностью сказать, что и грамматический строй, и словарный фонд языка микенских надписей проявляет, как и должно быть, значительно большую близость к гомеровскому и ахейскому диалектам, чем к аттическому.

Наконец, следует выдвигаемый противниками Вентриса на первое место вопрос о степени доказанности его «сетки». Она и в самом деле не доказана с такой строгостью, как геометрические теоремы. Да и вряд ли это возможно при отсутствии билингв. В данном случае, однако, полезно напомнить, что от работ Гротенфенда до признания ассириологии как науки прошло более по-

---

⁵⁷ Числа привожу по данным Уингспредской конференции 1961 г. опубликованным Беннеттом в «Исторе». В ЯРМГ (стр. 35) указано (по Фурумарку) несколько иное соотношение.

⁵⁸ ВДИ, 1957, № 3, стр. 203.

лустолетия, а на протяжении всего этого времени шли упорные споры о надежности чтения клинописных знаков вообще. Далеко не сразу стало общепризнанным и открытие Шампольона. Если новые надписи, неизвестные во время расшифровки, дают после подстановки постулируемых слоговых значений не только связанный текст, но и полностью соответствующий, как в Та 641, изображениям девяти предметов, это не может быть делом случая. Этого долгое время не понимал Битти, который в первых своих полемических статьях не уделял Та 641 должного внимания.

В последние годы полемика Битти против расшифровки Вентриса все более превращается в нападки, лишенные какой-либо научной ценности. Осознав, наконец, что одним из наиболее сильных аргументов в пользу правильности расшифровки является то, что ранее неизвестные Вентрису надписи, типа Та 641, читаются по его методу, Битти с 1958 г. (т. е. после смерти Вентриса, погибшего в 1956 г.) начал обвинять покойного в том, что тот обманным путем как-то получил копию этой надписи еще до того, как она была прислана ему Блегеном⁵⁹. Битти все чаще сопоставляет открытие Вентриса с знаменитой пилтдаунской историей⁶⁰, обвиняя Вентриса в сознательном обмане. Такая эволюция свидетельствует, разумеется, о слабости позиции самого Битти.

В целом все же критика Битти и его единомышленников была полезна, так как заставляла еще и еще раз возвращаться к основным положениям Вентриса. Вряд ли, однако, можно опровергнуть расшифровку, подтвержденную столь значительным количеством фактов уже после ее опубликования. Следует согласиться с мнением Беннетта, который писал в рецензии на книгу Вентриса и Чадвика: «Несмотря на сомнения, возникающие в «великом споре о Вентрисе» на основе статьи А. Дж. Битти, и несмотря на сомнения многих других ученых, это отождествление языка остается. В самом деле статья Битти, если бы она была опубликована не так неудачно вскоре после столь несвоевременной смерти

---

⁵⁹ Битти писал: «Я уже не предполагаю, что какое-то неизвестное лицо из Пилоса послало 4 июня 1952 года Вентрису копию Та 641, и я уже не ставлю под сомнение дату 1 июня для Worknote 20. Вместо этого я заявляю, что слова и идеограммы Та 641 были известны Вентрису самое позднее 1 июня 1951 года, а Та 641, или еще не известная подобная табличка, была найдена задолго до этого». — «Saeculum», X (1959), вып. 4, стр. 373.

⁶⁰ В газете «Glasgow Herald» от 29 мая 1959 г. в статье «Comparison with Piltown Noax» Битти заявлял: «Имеются лишь два возможных объяснения этой фантастической истории. Либо табличка с треногами была найдена задолго до 4 июня 1952 г., либо иная, подобная табличка была найдена раньше, но не опубликована. Так как археолог (т. е. Блеген. — Я. Л.), нашедший табличку Та 641, настаивает, что он не может быть обманут, предпочтительно верить, что иная табличка была источником информации Вентриса в 1951 г.» (цит. по МаМ, стр. 67).

М. Вентриса, могла бы послужить в качестве предвестника «Documents...», подготавливая путь к победоносной защите и к изложению расшифровки»⁶¹.

Остоятельную критику взглядов противников Вентриса дал румынский ученый А. М. Френкиан в «Dacia»⁶², который на примере различных древневосточных систем письменности показал, что трудности записи греческих слов линейным письмом Б не больше, чем записи, скажем, аккадских слов шумерийской клинописью.

Интересную попытку применить к линейному письму Б современные математические методы расшифровки предпринял Х. Д. Эфрон⁶³. Его выводы подтвердили заключения Вентриса.

Трудно переоценить величайшее значение расшифровки линейного письма Б. Открытие Вентриса не только дало в руки ученых новую большую группу греческих источников на полтысячи лет старше «Илиады» и «Одиссеи», проливая тем самым яркий свет на весь круг «гомеровского вопроса», но одновременно доказало, что обитатели Пелопоннеса и Кносса не позже XIII в. до н. э. говорили на греческом языке. Содержание табличек дает исключительной ценности сведения о социально-экономических отношениях и о политической структуре микенских обществ. Наконец, при всей односторонности содержания табличек (как уже отмечалось, в них имеются данные главным образом инвентарного порядка и отсутствуют литературные и юридические тексты) они дают возможность сравнить общественно-экономический строй микенских обществ как с современными им ближневосточными, так и с последующими эллинскими обществами доклассического и классического периодов. В литературе последних лет все эти важнейшие вопросы начали обсуждаться и разрабатываться прежде всего благодаря расшифровке пиловских и кносских табличек.

Одно течение, возглавляемое Л. Р. Палмером⁶⁴, доискивается в Пиросе феодальных отношений, считая их в то же время искони присущими индоевропейской расе. Временную дань этому течению уплатили также Вентрис и Чадвик⁶⁵. Следует все же заметить, что уже в 1958 г. Чадвик резко выступил против расистских тенденций Палмера⁶⁶.

---

⁶¹ E. L. Bennett. Рецензия в «Language», XXXIII (1957), № 4, стр. 553.

⁶² Agam M. Frenkian. Remarques sur le déchiffrement du linéaire B des inscriptions proto-grecques.— «Dacia», II (1958), стр. 425—436.

⁶³ H. D. E r h o n. Mycenaean Greek: A Lesson in Cryptanalysis.— «Minos», VII (1961), вып. 1, стр. 63—100.

⁶⁴ L. R. Palmer. Achaeans and Indo-Europeans. Oxford, 1955; ср. МаМ, стр. 91 и 97.

⁶⁵ Docs, стр. 124.

⁶⁶ J. Chadwick. Decipherment..., стр. 113.

Другое направление, к которому принадлежит Т. Б. Л. Уэбстер⁶⁷, настаивает на близости общественной структуры микенских и древневосточных обществ, отрицая все же при этом их рабовладельческий характер.

Очень важны для оценки характера арендных и вообще аграрных отношений, а также для анализа статуса женских отрядов в Пилосе два исследования Э. Л. Беннетта⁶⁸. Изучению рабства в Пилосе специально посвящены труды М. Лежена⁶⁹ и Ф. И. Трича⁷⁰.

В последние годы намечается сближение между археологией и эпиграфикой в изучении микенской Греции. В этом плане показателен доклад С. Доу «Греки в век бронзы»⁷¹ на Стокгольмском конгрессе (1960 г.). Докладчик, директор Американской школы в Афинах, попытался дать синтетическую картину развития эллинского мира на протяжении III и II тысячелетий. Характеризуя типичные для каждого из периодов поселения (Димини, Лерну, Мальти, Кнос, Микены, Тиринф и Трою VIIa), он выделил в каждом из них генетические черты, роднящие данное поселение с его непосредственным предшественником. По мнению Доу, история всех этих поселений, представляющих последовательную цепочку развития, сводится к возникновению, расцвету и гибели «дворцовых бюрократий». Доклад Доу интересен благодаря не только учету новых археологических, а равным образом и эпиграфических данных, но и необычному для западной литературы стремлению к широким историческим обобщениям. В то же время Доу не замечает, что причины возникновения и расцвета «дворцовых бюрократий» таились в социальных отношениях раннегреческих обществ. Этой стороны вопроса, равным образом как и рабства, он, к сожалению, вообще не касается.

В заключение несколько слов об упоминавшейся несколько раз книге Л. Р. Палмера «Микенцы и минойцы». Автор книги, профессор сравнительной филологии в Оксфорде, с самого начала был одним из активных участников лондонской группы ученых, коллективно обсуждавшей и разрабатывавшей вопросы микенской эпиграфики. В отличие от других членов этого коллектива

⁶⁷ T. B. L. Webster. From Mycenae to Homer. Norwich, 1958 (New York, 1959).

⁶⁸ Emmett L. Bennett, Jr. The Landholders of Pylos.—AJA, 60 (1956), № 2, стр. 103—133; е г о ж е. Correspondances entre les textes des tablettes pyliennes des séries Aa, Ab et Ad.—«Etudes Mycéniennes», Paris, 1956, стр. 121—136.

⁶⁹ M. Lejeune. Textes Mycéniens relatifs aux esclaves.—«Historia», VIII (1959), № 2, стр. 129—144.

⁷⁰ F. J. Tritsch. The Women of Pylos.—«Minoica», стр. 406—445 (далее — WP).

⁷¹ S. Dow. The Greeks in the Bronze Age.—«Rapports du XI-e Congrès Internationale des Sciences Historiques. Stockholm, 21—28 Août 1960», т. II, стр. 1—34.

Палмер не чуждался саморекламы и иных приемов газетной шумихи, вряд ли приличествующих серьезному ученому ⁷².

Летом 1960 г. в английской печати (например, в «Observer» от 3, 10 и 17 июля) появился ряд интервью и статей Палмера, в которых он обвинял Эванса в сознательном искажении некоторых важных фактов, касающихся раскопок Кносса.

Во «Дворце Миноса» Эванс датировал все таблички линейного письма Б из Кносса ПМ II периодом (т. е. второй половиной XV в. до н. э.). Ссылаясь на дневник помощника Эванса Данкена Маккензи, Палмер заявлял, что все эти таблички относятся не к ПМ II, а к концу ПМ III периода (т. е. к началу XII в.).

Само по себе перенесение даты серии надписей на 250—300 лет — серьезное событие в истории науки. Однако упор в печати, не без ведома Палмера, был поставлен не столько на изменении датировки, сколько на обвинении Эванса в фальсификации фактов в угоду его критоцентристской концепции. Ведь, как указывалось выше, Эванс считал ПМ II период чисто местным критским явлением, и этот период, с его точки зрения, был вершиной минойской культуры. Следующий ПМ III период, время господства ахейцев в Кноссе, был, согласно Эвансу, эпохой глубокого упадка, когда большая часть местного дворца оказалась покинутой, письменность забыта, а жизнь в Кноссе чуть тлелась. И вот из статей Палмера создавалось впечатление, что Эванс вопреки фактам передвинул датировку надписей линейного Б в Кноссе на несколько веков назад ради того, чтобы умалить роль греческих ахейцев на Крите.

Книга Палмера лишена научного аппарата ⁷³, поэтому нельзя проверить убедительность выдвигаемых им положений. Однако возможность датировки кноссских надписей линейного Б ПМ III периодом не исключается. К аналогичным выводам пришел еще в 1958 г., правда без шумихи, и Нестор эгейской археологии Блеген ⁷⁴. Он выдвинул предположение, что кноссские, пилосские и микейские надписи линейного Б, примерно, одновременны и что все они должны датироваться XIII в. до н. э. Все же эта гипотеза, по мнению самого Блегена, нуждается в дополнительной всесторонней проверке.

Принятие гипотезы Блегена — Палмера означало бы, что ахейцы завоевали Кносс не в середине, а в самом конце XV в., что ПМ II период остается за минойцами, но что Кносс в XIV и XIII вв. до н. э., вопреки мнению Эванса, продолжал процветать так же, как и в предыдущие столетия.

---

⁷² Так, например, возражая Битти, Палмер, очевидно, порицает его за опубликование полемической статьи против Вентриса в «восточногерманском журнале» (MaM, стр. 67).

⁷³ Он обещал дать аргументацию своих положений в другой подготавливаемой им книге (см. MaM, стр. 29).

⁷⁴ C. W. Blegen. A Chronological Problem.—«Minoica», стр. 61—66.

В отличие от вопроса о датировке кносских табличек второе предположение Палмера, — что греки появились на Пелопоннесе не ранее XVI в. и что территорию Эллады в СЭ период занимали лувийцы — кажется не только необоснованным, но и неправильным. К этому вопросу нам придется вернуться в следующей главе.

Зато большой интерес представляют многие замечания и изыскания Палмера о методике исследования микенских надписей, о нормах довольствия свободных, рабов и рабынь в Пилосе и Кносе⁷⁵, о топографии пилосского государства⁷⁶ и др. В частности, Палмер, думаясь правильно, подчеркивает необходимость радикально отказаться от чересчур поспешной интерпретации микенских терминов путем «этимологических поисков соответствующих греческих слов»⁷⁷, настаивая в то же время на предварительном тщательнейшем анализе контекстов тех или иных терминов.

* * *

В советской историографии вопрос о микенской культуре ставился в основном в плане определения социально-экономического строя критского и микенского обществ. В первое десятилетие после Октября советскими историками было издано несколько книг научно-популярного характера. В. П. Бузескул⁷⁸, А. А. Захаров⁷⁹ и Б. Л. Богаевский⁸⁰ стремились в те годы только к популяризации итогов археологических раскопок Шлимана и Эванса. Их работы не вносили нового в изучение микенской проблемы.

Оживление научно-исследовательской работы в 30-е годы и необходимость создать марксистские учебники для высшей школы заставили советских античников пересмотреть весь накопленный фактический материал с тем, чтобы выработать новую концепцию развития древней Греции. В этом плане одной из первоочередных задач было определение общественно-экономического строя Крита и Микен во II тысячелетии до н. э.

Во второй половине 30-х годов среди советских историков наметились две основные точки зрения. Б. Л. Богаевский и некоторые его сторонники, в частности А. И. Тюменев, исходя из абстрактно понимаемой ими прямолинейности исторического развития, считали крито-микенское общество формационно более низким, чем сменившее его гомеровское. Поэтому они полагали, что на

⁷⁵ МаМ, стр. 110 слл.

⁷⁶ Там же, стр. 75 слл.

⁷⁷ Там же, стр. 13 сл.

⁷⁸ В. П. Бузескул. Древнейшая цивилизация в Европе (Эгейская или Критско-микенская культура). Харьков, 1918.

⁷⁹ А. А. Захаров. Эгейский мир в свете новейших исследований. М., 1924.

⁸⁰ Б. Л. Богаевский. Крит и Микены (Эгейская культура). М.—Л., 1924.

Крите, даже в период его расцвета, существовал матриархат; микенское общество они определяли как раннепатриархальное⁸¹. В. С. Сергеев на основании общего характера как античной традиции, так особенно памятников материальной культуры считал, что на Крите и в Микенах существовало уже рабовладельческое общество. Большой его заслугой было то, что он решительно выступил против схематического взгляда о прямолинейности развития в древности и, опираясь на обильный конкретно-исторический материал, ярко охарактеризовал классовый характер передовых обществ Эгейского бассейна во II тысячелетии до н. э. Во время дискуссии 1940 г. подавляющее большинство участников высказалось в защиту концепции В. С. Сергеева⁸². В том же 1940 г. вышел в свет курс истории Греции С. Я. Лурье⁸³, в котором критское, а затем и микенское общества середины и второй половины II тысячелетия характеризовались как общества классовые. С тех пор оценка «крито-микенской» культуры как рабовладельческой продолжает оставаться общепризнанной среди советских историков.

Из появившихся до расшифровки Вентриса трудов советских ученых можно указать на упомянутые выше обзоры С. Я. Лурье, в которых рассматривались методы дешифровки Грозного и Георгиева, и методологически важное предисловие акад. В. В. Струве к русскому переводу книги Пендлбери, в котором убедительно доказывается рабовладельческий характер минойской державы⁸⁴.

В последние годы вопросы древнейшей истории Эллады привлекают все более пристальное внимание советских историков. В названных выше двух статьях об этногенезе греческого народа, А. И. Тюменев убедительно опроверг гипотезу Вл. Георгиева о позднем появлении эллинских племен на юге Балканского полуострова и доказал, что они пребывали на Пелопоннесе по крайней мере за несколько веков до переселения доряп.

Наибольший вклад в изучение микенской Греции в советской историографии внес за последние годы С. Я. Лурье, который в своих статьях в ВДИ и особенно в ЯКМГ принял и дальше развил принципы расшифровки, предложенные Вентрисом. В статьях в ВДИ и в книге он уделяет много внимания социально-экономической структуре микенских обществ и, в частности, рабству. Благодаря трудам С. Я. Лурье, наша историография преодолела свое длительное отставание в области изучения древнейшей Греции.

⁸¹ «История древней Греции», ч. 1. М., 1937, стр. 50 — 110.

⁸² Подробный отчет об этой дискуссии см. в статье: Т. М. Шпунова. В Академии наук СССР.— ВДИ, 1940, № 2, стр. 204 — 218.

⁸³ С. Я. Лурье. История Греции, ч. 1. Л., 1940, стр. 40 сл., 47 сл., 56 сл.

⁸⁴ Дж. Пендлбери. Археология Крита. М., 1950; предисловие В. В. Струве см. на стр. 5—20; его же. Общественный строй древнего Крита. — ВДИ, 1950, № 4, стр. 43—47.

Закончив свои многолетние исследования экономического строя и социальных отношений древнего Шумера, А. И. Тюменев в последние годы жизни переключился на изучение надписей линейного письма Б, обращая особенное внимание на социально-экономические отношения в Пилосе. Плодом его работ в этой области были две статьи⁸⁵, в которых он анализировал роль царского хозяйства и зарождение частной земельной собственности в Пилосе. Отправляясь от своего положения, что восточные деспотии были обусловлены необходимостью создания обширной оросительной системы, и не находя последней на Пелопоннесе, А. И. Тюменев отрицал существование в Пилосе крупного государственного хозяйства и находил здесь уже в микенскую эпоху зачаточную форму крупных частно-родовых земельных владений.

* * *

Общий итог чуть ли не 90-летнего изучения микенской культуры можно свести к следующим положениям: 1) твердо установлена периодизация микенской культуры, ее тесные связи со многими центрами Эгеиды и прежде всего Крита; 2) определено распространение предметов микенской культуры в ряде древневосточных государств; 3) многолетние работы по расшифровке линейного письма Б увенчались успехом; 4) не разрабатывавшийся в буржуазной литературе вопрос о социальном характере микенских обществ был поставлен впервые советскими историками; 5) расшифровка линейного письма Б создала предпосылки для конкретного исследования форм использования рабского труда в микенских обществах.

Ниже будет сделана попытка подобрать и осмыслить те имеющиеся в науке данные, которые свидетельствуют о зарождении и о характере рабовладельческих отношений в Греции II тысячелетия до н. э.

⁸⁵ А. И. Тюменев. Восток и Микены. — ВИ, 1959, № 12, стр. 58—74; его же. Тетра пилосских надписей (К вопросу о происхождении крупного частного землевладения в микенской Греции). — ВДИ, 1959, № 4, стр. 24—32.

Глава 2.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ИСТОРИИ МИКЕНСКОЙ ГРЕЦИИ

В этой главе будут рассмотрены некоторые спорные вопросы истории Греции II тысячелетия до н. э. К их числу принадлежат следующие: миграции на территории Греции в III—II тысячелетиях, существование городов, археологические данные о рабах, письменность и характер связей микенской культуры с Востоком.

* * *

Античные эллины не считали себя древнейшими обитателями своей исторической родины. Фукидид, выражая общепринятое в его время мнение, говорит в начале своей «Истории»: «По-видимому, страна, именуемая ныне Элладой, прочно заселена не с давних пор. Раньше происходили в ней переселения, и каждый народ легко покидал свою землю, будучи тесним каким-либо другим, всякий раз более многочисленным народом» (I, 2, 1). Свидетельство Фукидида относится не только к миграциям отдельных эллинских племен, но и к заселению территории классической Эллады эллинами. Предшествовавшее им население южной оконечности Балканского полуострова греки называли обычно пеласгами, а жителей островов — карийцами. Только в отношении Аттики считалось, что она никогда не подвергалась завоеванию (Thuc., I, 2, 5) и что афиняне искони жили на принадлежавшей им в классическую пору территории. Такое отличие объяснялось тем, что Аттика избежала завоевания дорьянами. Однако и для Аттики Геродот признает наличие пеласгического субстрата, заявляя (I, 57, 10), что афиняне были когда-то пеласгическим племенем.

Разумеется, свидетельства авторов V в., несмотря на весь их авторитет, вряд ли весомы для событий, отдаленных от них на полтора тысячелетия. Однако многочисленные археологические данные полностью подтвердили смутные представления древних эллинов об их далеком прошлом. Накопление большого числа

археологических фактов позволило твердо установить основные вехи истории Греции в III и II тысячелетиях. Этот длительный промежуток времени обычно подразделяется на три периода: раннеэлладский (РЭ; во всяком случае большая часть III тысячелетия¹), среднеэлладский (СЭ; до начала XVI в.) и позднеэлладский (ПЭ; до конца XII в. до н. э.). Для ПЭ—в последнее время все чаще называемого микенским — периода хронологические рамки разработаны с большой точностью². Обычно он подразделяется на три субпериода: ПЭ I, синхронный первым фараонам XVIII династии в Египте (почти весь XVI в.); ПЭ II, синхронный Хатшепсут и дальнейшим Тутмосидам, и ПЭ III, соответствующий времени царствования фараонов от Аменхотепа III до XX династии (XIV—XII вв.). Охватывающий почти целых три столетия ПЭ III период в свою очередь подразделяется на три меньших субпериода: ПЭ III А, соответствующий времени Аменхотепа III и Эхнатона (до конца XIV в.), ПЭ III В — XIII в. и ПЭ III С — почти весь XII в. до н. э.

Носители РЭ культуры, несомненно, не были греками и, возможно, даже не принадлежали к индоевропейцам. Об этом свидетельствуют данные и лингвистики, и археологии. Еще в 1896 г. немецкий лингвист П. Кречмер³ заметил, что в греческом языке имеется немало слов, оканчивающихся на *-υδος* и *-σσοος*. Основы этих слов и суффиксы отсутствуют в других индоевропейских языках и не поддаются объяснению из греческого. К таковым принадлежат многие географические названия, как Коринф, Тиринф, Олинф; наименования растений, как гиацинт, кипарис, нарцисс, вошедшие в русский язык, и такие слова, как *ἐρέβινθος* (горох), *ἀφίνθιον* (полюнь), *μίνθος* (мята), *δλυνθος* (смоква). К той же категории слов принадлежат: лабиринт, *ἀσάμινθος* (ванна), *πλίνθος* (кирпич) и др. Кречмер обратил внимание и на то, что многие топонимические термины с теми же основами и подобными суффиксами встречаются в Малой Азии⁴.

Из сделанных Кречмером наблюдений напрашивались два вывода: 1) на территории Греции жил когда-то народ, говоривший на языке, не принадлежавшем к индоевропейской семье языков, и 2) этот народ был родственным народам заселявшим Малую Азию. Оба этих вывода долгое время не вызывали ни малейшего сомнения.

¹ См. выше, стр. 99, прим. 12.

² Наиболее подробное изложение истории микенского периода, с учетом всех данных новых археологических раскопок, проводившихся вплоть до середины нашего столетия, см. в кн.: A. J. B. W a s e. *Mycenae*. Princeton, 1949. Здесь же на стр. 9—19 дан очерк хронологии Микен и принципы датировки отдельных периодов.

³ См. МаМ, стр. 241.

⁴ Топонимические карты с этими названиями см.: F. S c h a c h e r m e y e r. *Op. cit.*, стр. 242 сл., 246 сл. и 264.

Однако прогресс в сравнительном языкознании, расшифровка хеттских надписей и открытие других древних индоевропейских языков привели, начиная с 30-х годов, к пересмотру некоторых положений Кречмера. Особенно важны в этом отношении труды болгарского лингвиста Вл. Георгиева⁵, который истолковал ряд основ указанных выше греческих слов как индоевропейские или субиндоевропейские и назвал их пеласгическими. Под названием критики Кречмер в более поздних своих трудах несколько ограничил территорию распространения топонимов на *-nt(h)-* и *-(s)*; продолжая все-таки считать их неиндоевропейскими. Промежуточную позицию занял в этом споре Шахермейр, который полагает⁶, что указанные топонимы восходят к народу, язык которого когда-то был родственным индоевропейскому языку-основе. В самое последнее время Палмер предложил толкование суффикса *-ss* как индоевропейского, в частности лувийского⁷, и на этом основании выдвинул гипотезу о заселении материковой Эллады лувийцами в начале СЭ периода⁸.

Итак, вне зависимости от разногласий все языковеды, в том числе и Георгиев, признают, что пеласги не были греками⁹; все они, за исключением Палмера, полагают, что древнейшие эллинские племена заселили Аттику и Пелопоннес примерно на рубеже III и II тысячелетия; это время совпадает с рубежом между РЭ и СЭ культурами.

Материальная культура РЭ и синхронных им малоазийских обществ тоже отличается поразительным единообразием. Многие образцы РЭ керамики обнаружены в Трое I—IV; с другой стороны, посуда Трои I—II почти ничем не отличается от синхронной ей македонской посуды¹⁰. Характерная для РЭ периода крапчатая керамика встречается и на Крите¹¹. Шахермейр¹² замечает даже, что «в Анатолии, Македонии, на Кикладах, в Греции и на Крите ранняя бронза представляет далеко идущее обязывающее единство, нечто вроде *κοινὴ*». Единство это прослеживается в ремесленных изделиях, приемах строительства и похоронных обря-

---

⁵ Вл. Георгиев. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958, стр. 87 сл.

⁶ F. Schachermeyr. Op. cit., стр. 261 сл.

⁷ Лувийцы — родственный хеттам народ, обитавший во II тысячелетии до н. э. в юго-западной части Малой Азии.

⁸ МаМ, стр. 226 сл.

⁹ Вл. Георгиев. Указ. соч., стр. 100: «Самое вероятное, что языком догреческого населения был пеласгский»; ср. стр. 107: «К концу III тысячелетия праионийцы, отправляясь приблизительно из Беотии, заселили Аттику и северную часть Пелопоннеса, наслонившись на пеласгов (или ассимилируя их)».

¹⁰ Cp. Schachermeyr. Op. cit., стр. 172, рис. 49.

¹¹ H. L. Lorimer. Op. cit., стр. 5.

¹² F. Schachermeyr. Op. cit., стр. 222.

дах¹³. Очевидно, единство материальной культуры связано с единством топонимов. В этом отношении нет расхождений ни среди археологов, ни среди языковедов.

Поселения РЭ культуры почти повсеместно были разрушены пришельцами. В Орхомене, Евтресис, Кораку, Зигурнях и Мальти разрушенные РЭ центры были сменены СЭ поселениями. В других местах РЭ жилища были вообще покинуты. Зато в таких местностях, как Бербати, СЭ слои перекрывают неолитические. Там, где СЭ следуют непосредственно за РЭ слоями, между ними повсеместно обнаружены следы пожара. Только в Лерне раскопки Дж. Л. Каски (1952—58 гг.) показали отсутствие пожара между этими слоями. Отсюда возможен лишь один вывод: смена РЭ культуры была обусловлена вторжением каких-то новых племен, разрушивших старые центры.

Пришельцы многое восприняли от своих предшественников. Об этом свидетельствуют как топонимические названия, так и заимствование ряда слов, обозначавших не только южные растения, но и предметы культурного обихода. Изготовление кирпичей, пользование ваннами, такие сельскохозяйственные культуры, как горох, — все это, видимо, не было известно носителям СЭ культуры до их прихода в Элладу.

В исторической, в частности археологической, литературе часто встречаются более или менее резкие вытупления против миграционистских теорий. Последние находились на вооружении, в особенности, у гитлеровских расистов, которые любой прогресс стремились объяснить прибытием нордических завоевателей, всегда обладавших, неизвестно по каким причинам, более высокой культурой, чем местное население. Переход от матриархата к патриархату возводился к арийцам, прибывшим с севера дорьянам приписывалось введение железа, хотя древнейшие железные орудия относятся к Ближнему Востоку, а не к долине Дуная. Эти теории представляли собой нечто вроде универсальной отмычки, при помощи которой «объяснялись» любые новые явления в развитии тех или иных обществ. Естественно, что такие концепции встречали все более сильное сопротивление со стороны прогрессивных исследователей.

Осуждение миграционистских теорий не равнозначно отрицанию всех и всяких миграций. Последние неоспоримо засвидетельствованы для многих периодов истории как древности, так и средних веков. Не преувеличивая значение миграций, но и не отрицая их а priori, следует в каждом конкретном случае решать вопрос о той или иной миграции на основании имеющихся фактов. В анализируемом здесь случае перехода от РЭ к СЭ периоду единственным объяснением приведенных фактов является гипотеза о вторжении в Грецию новых переселенцев, культура которых в

¹³ F. Matz. Kreta, Mykene, Troja. Stuttgart, 1956, стр. 23.

момент вторжения вовсе не стояла выше культуры местного населения. Очевидно этими пришельцами были предки эллинов (по всей видимости, ионян и ахейцев)¹⁴.

Второй несомненной миграцией значительных размеров на территории Эллады было переселение дорян в последние два века II тысячелетия. После Белоха не осталось, насколько мне известно, ни одного ученого, который бы отрицал «возвращение Гераклидов». Эти две миграции отделены друг от друга чуть ли не тысячелетием. Обе они сопровождались крупными этническими передвижениями, выходящими далеко за пределы материковой Греции. С первой связывается появление хеттов в Малой Азии, со второй — крушение микенского мира, падение хеттской державы, Алалаха и Угарита и, наконец, движение «народов моря». Широкие масштабы одновременных этнических передвижений также свидетельствуют о реальности событий, постулируемых для южной части Балканского полуострова на рубеже III и II, а также в конце II тысячелетия.

Зато, думается, нет достаточных оснований предполагать какие-либо промежуточные миграции, например при переходе от СЭ к ПЭ культуре, чем иногда, объясняя появление шахтовых гробниц в Микенах¹⁵ или смену аргосцев данайцами¹⁶. Переход между СЭ и ПЭ слоями был постепенным и не сопровождался разрушениями, а гипотеза о том, что под различными наименованиями греков в гомеровском эпосе кроются разные этнические образования, до сих пор не подтверждается ни археологическими, ни литературными данными.

* * *

Существовали ли города в микенской Греции? Как в зарубежной, так и в советской литературе неоднократно постулировалось существование подчас даже крупных городских центров не только в древневосточных странах, но и в Греции. Одним из наиболее ревностных создателей этой концепции был известный английский прогрессивный археолог В. Г. Чайлд, который выдвинул и обосновал концепцию «городской революции», или, как принято у нас переводить этот термин, «городского переворота»¹⁷. Согласно

---

¹⁴ Упомянутая гипотеза Палмера о миграции лувийцев на территорию Эллады основывается фактически лишь на одном факте: возможности истолковать название *Pa-nassos*, исходя из лувийского языка (MaM, стр. 241). Этого, естественно, недостаточно для пересмотра общепринятой теории, базирующейся на обильном археологическом и лингвистическом материале.

¹⁵ См., например: Н. Л. Л о г и н е г. *Op. cit.*, стр. 21. В последнее время эту точку зрения интенсивно отстаивает Палмер.

¹⁶ J. F o r s d y k e. *Op. cit.*, стр. 84.

¹⁷ См., например: Гордон Ч а й л д. У истоков европейской цивилизации. М., 1952, стр. 38 сл.; с р. е г о ж е. *The Bronze Age*. — PaP, 12 (1957), стр. 2—15.

этой концепции, при переходе к «бронзовому веку» потребность в металлах вызывает, с одной стороны, существенный рост торговых связей и, с другой, выделение ремесленников в важную социальную группу. Поселения ремесленников и торговцев в местах сосредоточения возникающих одновременно государственных аппаратов превращаются в города. Таким образом, согласно Чайлду, города появляются уже при переходе к бронзовому веку, одновременно со становлением классовых обществ, причем решающую роль во всем этом процессе играет потребность в бронзе¹⁸.

В концепции Чайлда имеется много правильного. Он обращает основное внимание на вопросы производства, учитывает экономические факторы и обуславливает последним переход к классовому обществу и государству. Археологические памятники, главным образом Передней Азии, подтверждают его теорию. Однако далеко не везде и не всегда одновременно с делением общества на классы возникают города, особенно крупные. Достаточно сослаться хотя бы на пример Спарты, которая даже в классическую пору, будучи центром Лаконского государства, не была городом ни в чайлдовском, ни в современном, ни, пожалуй, даже в античном понимании слова. Недаром Фукидид в особом экскурсе (I, 10, 1—2) сравнивает Микены с городом Спартой и отмечает, что последняя состояла примерно так же, как во время ее основания, из деревень (*κατὰ χώρας ... οἰκηθείσης*). Здесь же — и это характерно — Фукидид определяет Микены как *μικρὸν... πόλιν*, а не *πόλις*. Тем более уместно сомнение, существовали ли города в Греции II тысячелетия. Вопрос должен решаться не путем дедуктивных умозаключений, а конкретными исследованиями.

В отличие от памятников эллинских городов классического времени, наиболее характерными, можно сказать определяющими, археологическими памятниками микенской Греции являются дворцы. Возьмем ли мы Микены, Тиринф или Пилос — всюду одна и та же картина: роскошные царские дворцы, состоящие из многих помещений, часто окруженные мощными укреплениями. Пилос, казалось бы, представляет исключение, так как дворец Нестора, подобно кносскому дворцу, не был укреплен. Однако в 1959 г. и здесь были, наконец, обнаружены первые следы оборонительных сооружений¹⁹.

Территорию внутри оборонительных стен микенского времени лишь с большой натяжкой можно назвать городом. Стены защищали только дворец местного правителя и несколько приле-

¹⁸ Концепцию «городской революции» поддерживает и Дж. Темсон (Исследования..., т. I, стр. 18—20). Об Urbanität в Греции даже конца IV тысячелетия говорит и Шахермейр (указ. соч., стр. 236 сл.). В советской историографии тезис о наличии крупных городов в ахейской Греции отстаивает Т. В. Блаватская.

¹⁹ С. W. V l e g e n. The Palace of Nestor. Excavations of 1959. — AJA, 64(1960), стр. 155 сл.

жащих построек, причем ни периметр стен, ни их массивность не имели здесь решающего значения. Скорее уж их можно было бы назвать дворцовой оградой. Укрепленная территория Гла на Копайдском озере достигала 20 га ²⁰; тем не менее это не был город, а дворец с прилегающими постройками. Вряд ли можно назвать городом и СЭ Дорион IV, поверхностью в 1,3 га, внутри стен которого насчитывают следы свыше 300 отдельных помещений. В центре террасы на возвышенности находился небольшой дом племенного вождя, а сотни невзрачных помещений размещались вдоль оборонительных стен. Это были хибарки различных ремесленников, склады и т. д. Доу, на мой взгляд, правильно характеризует Дорион IV, «если не целиком, то в большей части как пристройку к дворцу» ²¹ (с той только оговоркой, что дом в центре Дориона вряд ли достоин называться дворцом).

Данные могильников также не дают оснований для вывода о существовании больших городов в микенскую пору. Скорее даже наоборот. Обследуя некрополи вокруг Микен, Цунда, а затем и Уэйс обнаружили, что камерные гробницы расположены группами примерно по десяти гробниц в каждой, и сделали отсюда вывод, что даже зажиточные обитатели Микен жили небольшими родовыми поселками, причем «Акрополь Микен представлял собой лишь немногим больше, чем укрепленный дворец» ²².

Вот почему решить вопрос о том, имелись ли крупные города в микенской Греции, можно лишь путем раскопок территорий, находящихся вне дворцовых оград. В Микенах такие раскопки производились в послевоенные годы, и здесь было обнаружено в общей сложности шесть домов (дома щитов, сфинксов, виноторговца, Петсаса, торговца маслом и совсем недавно еще один дом западнее предыдущего) ²³. Дома эти представляют большой интерес, между прочим, потому, что именно здесь впервые найдены микенские таблички линейного письма Б. Это были, очевидно, дома лиц, обслуживавших обитателей дворца ²⁴. Но отсюда еще очень далеко до характеристики Микен как крупного города. В Тиринфе территория вне оборонительных стен вообще не раскапывалась. Относительно Пилоса Блеген лишь в том же 1959 г. пришел к выводу ²⁵, что дворец Нестора был окружен «обширным нижним городом (an extensive lower town)», но отметил выборочный характер раскопок этого района. Конкретных данных о

²⁰ Chr. Tsountas and J. I. Manatt. Op. cit., стр. 375 сл.

²¹ S. Dow. Op. cit., стр. 8.

²² A. J. B. Wace. The Chamber Tombs at Mycenae. Oxford, 1932, стр. 121; Cp. G. Mylonas. Op. cit., стр. 39.

²³ N. M. Verdilis. A Private House Discovered at Mycenae.—«Archaeology», 14(1961), стр. 12—17.

²⁴ При последующем исследовании Маринатос и Палмер независимо друг от друга пришли к выводу, что дома вне стен были фактически пристройками к дворцу (см. МаМ, стр. 51 и 108).

²⁵ C. W. Blegen. Op. cit., стр. 159.

«нижнем городе» он не приводит. Таким образом, и для Пилоса вопрос о *крупном* городе остается открытым, во всяком случае до дальнейшей более полной публикации итогов раскопок.

Раскопки в Афинах показали, что акрополь был укреплен еще в микенское время; погребения того же времени, вплоть до камерных гробниц, обнаружены на агоре, а также на западном и северном склонах Ареопага²⁶. Однако нельзя при современном уровне наших знаний утверждать, что существовал крупный микенский горд Афины²⁷.

Имеется лишь одно, правда, важное, античное свидетельство о городском характере поселений микенского времени. Это эпитет *εὐρύαυια* (имеющая широкие улицы), прилагаемый в эпосе девятикратно к Трое, раз к Микенам (И., IV, 52) и раз к Афинам (Od., VII, 80). Этот эпитет, по мнению Д. Грей, применим к Трое VI, но не особенно соответствует микенской крепости и абсолютно необъясним для последующих доклассических полисов²⁸. Думается, что этот термин служил эпитетом Трои в микенской поэзии еще до Троянской войны, во время которой подверглась разрушению Троя VIIa, и лишь впоследствии sporadически применялся к эллинским полисам.

Дж. Томсон, будучи сторонником чайлдовской концепции «городской революции», подчеркивает все же, что «Микены не были городом минойского типа. Их центр представлял собой сильно укрепленную крепость... Ниже крепости было расположено открытое поселение, где жили ремесленники и торговцы, обслуживавшие нужды дворца... Другие центры — Тиринф, Фивы, Троя — принадлежали к тому же типу городов»²⁹.

Центром микенских «городов» был царский дворец, а не агора, как в классическую эпоху.

Кроме Микен, Тиринфа, Пилоса, существовали, разумеется, в ту эпоху и более мелкие поселения. Примерами таковых могут служить Зигурии и Мальти-Дорион. Первое, раскопанное Блегеном в 1921—1922 гг.³⁰, находится на полпути между Микенами и Коринфом. Здесь непрерывно обитали люди, начиная с РЭ периода вплоть до переселения дорян. Слой ПЭ периода значительно толще и обширнее, чем СЭ слой, что свидетельствует о постепенном приросте местного населения. Основным занятием

²⁶ Сводку данных об Афинах микенского времени см.: O. В r o n e e r. Athens in the Late Bronze Age. — «Antiquity», XXX (1953), № 1, стр. 9—18.

²⁷ «Афин как города в это время еще не существовало», — пишет К. М. Колобова в своей книге «Древний город Афины и его памятники» (Л., 1961, стр. 19).

²⁸ J. L. M y r e s. Homer and his critics. London, 1958, ст., 258 сл. (заключительная часть книги Майрса была после его смерти дописана Д. Грей).

²⁹ Дж. Т о м с о н. Исследования..., т. I, стр. 23.

³⁰ См. C. W. B l e g e n. Zygouries. A prehistoric settlement in the valley of Cleonae. Cambridge (Mass.), 1928.

жителей было земледелие и частично скотоводство. Здесь нет никаких предметов иноземного происхождения. Привлекают внимание следы большой гончарной мастерской, продукты производства которой были, по-видимому, рассчитаны не только на местное потребление.

Аналогичную картину дает и ПЭ поселение в Мальти-Дорионе. Главным занятием местного населения было земледелие, но найдены следы кузницы или металлургической мастерской. Предметов, которые бы свидетельствовали о внешних связях, не обнаружено и тут. Уровень производства в обоих этих поселениях, если не считать следов обработки железа в Мальти, лишь немногим отличался от обычного в СЭ период. Мало-мальский существенных различий в имущественном положении населения, по-видимому, не было. Если бы не остатки ПЭ керамики, можно было бы полагать, что и одно, и другое поселения относятся ко времени первобытнообщинного строя.

Таким образом, при современном уровне наших знаний нет оснований говорить о крупных городах в Греции II тысячелетия. Поселки вокруг дворцов не могут быть безоговорочно названы таковыми. Еще менее подходит такое определение к селениям типа Зигурий или Мальти. Отсутствие больших городов в микенской Греции позволяет сразу же установить коренную разницу между микенскими и современными им древневосточными и критскими, а также последующими классическими греческими обществами. В микенской Греции, центрами не только политической, но и экономической жизни были не города, а дворцы местных правителей.

* * *

Признание классового характера обществ Греции II тысячелетия естественно, требовало постановки вопроса о микенском рабстве. Однако вплоть до расшифровки линейного письма Б наука располагала одними лишь археологическими памятниками, своеобразие которых затрудняло исследование каких-либо форм рабства. Поэтому ученые-марксисты, признавая рабовладельческий характер микенских обществ, ограничивались этим утверждением без попыток его конкретизации.

Осознавая всю трудность извлечь какие-либо, хотя бы минимальные сведения о рабстве из памятников материальной культуры, думается все же, что эта задача не так уж безнадежна, как могло бы казаться. В первой части этой книги мы пытались показать, как менялись взгляды на рабство в новой и новейшей историографии, причем, как мы видели, тенденция к преуменьшению роли рабства обуславливалась не столько состоянием источников, сколько привходящими обстоятельствами. Не было ли такой же эволюции и в изучении микенского рабства?

В 1897 г. вышла в свет книга Цунды и Манатта ³¹ — первое капитальное исследование микенской культуры. Цунда был глубоко убежден в серьезном значении рабства для изучаемого им общества. Некоторые его заявления звучат необоснованно или не подтвердились новыми данными, другие же не потеряли значения и по сей день. Цунда (стр. 14) находил рациональное зерно в рассказе Геродота (I, 1) о похищении финикийцами Ио и ее спутниц. В заключительной части книги (стр. 355) он поставил кардинальный вопрос об источниках неимоверного богатства микенских династов, которое видно хотя бы из инвентаря шахтовых гробниц, и выдвинул предположение, что «наиболее ходовым товаром, который могла предложить Эллада, должны были быть рабы».

Действительно, для времени шахтовых гробниц, раскопанных Шлиманом, невозможно постулировать крупные завоевательные, притом обязательно морские, походы микенских владык, а происхождение их сокровищ и ныне требует какого-то рационального объяснения. Относительно недавно, в 1949 г., Уэйс предполагал, что в горах Арголиты в микенскую пору существовали медные рудники, однако для этого предположения «нет ни крупницы доказательств» ³². Хотя предположение Цунды о работорговле Микен нуждается в дополнительной аргументации, оно все же заслуживает внимания во всяком случае не менее, чем гипотеза Уэйса.

Цунда неоднократно упоминал о ритуальных убийствах рабов или племенных на похоронах их господ. Так, он указал на находки человеческих костяков над шахтовой гробницей III (стр. 87), на аналогичные открытия Стаматакиса (там же, стр. 97) и на скелет рабыни, захороненной в дромосе гробницы Клитемнестры (там же, стр. 151). Отмечая, что в микенских погребениях найдены кости собак и лошадей, Цунда пришел к твердому убеждению, что в то время нередко практиковались и убийства рабов. Иногда есть основания говорить даже о групповых убийствах; в одном из дромосов обнаружено шесть целых костяков, захороненных на различных глубинах (там же, стр. 150). Все эти факты Цунда ставил в связь со словами поэта об убийстве 12 троянцев во время кремации Патрокла (II., XXIII, 175 сл.).

В последующем некоторые ученые стремились опровергнуть аргументацию Цунды. Так, указывалось, что костяки, найденные Шлиманом в ограде А, относятся еще к СЭ погребениям. Такая возможность не исключена, однако недоказуема, так как не найдено никакого инвентаря, относящегося к этим костякам. Дальнейшие раскопки показали, что приведенные Цундой примеры не являются исключением. Среди исследованных Уэйсом микенских

³¹ Chr. Tsountas and J. I. Manatt. Op. cit.

³² S. Dow. Op. cit., стр. 19, прим. 57.

камерных гробниц в дромосе одной из наиболее богатых гробниц (№ 505) обнаружено 14 скелетов³³. Он объяснял это неожиданным обвалом стены гробницы. Однако два скелета находились в нескольких десятках метров от входа в гробницу. Уэйс с оговорками признавал существование в ПЭ время обычая ритуального убийства рабов. Аналогичные находки сделал Перссон в Дендре.

Совсем недавно к этому вопросу вернулся и Милонас. Он, как и Уэйс, полагает вероятным, что «иногда слугу, раба или наиболее любимое животное убивали во время похорон господина»³⁴. Все же он считает такие случаи редкими исключениями. Тем не менее, возможно, неизвестные Милонасу раскопки Шведской кипрской экспедиции в Лапифе засвидетельствовали несколько случаев ритуального убийства рабов даже для послемикенского времени. А ведь именно на Кипре дольше всего сохранялись традиции микенской эпохи³⁵.

До сих пор вопрос о ритуальных убийствах рабов рассматривался здесь лишь на археологическом материале. Приведенные факты неоспоримо свидетельствуют, что они практиковались в микенское время, хотя и Уэйс, и Милонас, несомненно, правы, указывая на редкость — пожалуй, все же относительную — такого рода случаев. Разумеется, такие случаи не были повседневными. Однако отсюда вовсе не следует вывод о нераспространенности рабства. Ведь именно в тех обществах, где рабство достигает наибольших размеров, случаи ритуальных убийств чрезвычайно редки: здесь рабы высоко ценятся как товар и принимаются меры для сохранения их численности. Если судить по этнографическим параллелям, например у скифов, ритуальные убийства рабов не связаны с распространением рабства. Эти убийства можно расценивать как показатель господства примитивных форм рабства.

* * *

Как уже отмечалось, проблема минойско-микенской письменности породила на протяжении последних десяти лет громадную литературу. В предыдущей главе были сообщены основные данные о количестве найденных надписей, их датировке и о расшифровке линейного письма Б как греческого. Ниже мы остановимся на некоторых методологических аспектах проблемы минойско-микенской письменности.

Прежде всего, расшифровка линейного письма Б нанесла сильнейший удар принятому на Западе делению истории на доисторический и исторический периоды³⁶. Основанием для такого

³³ A. J. V. W a s e. Chamber Tombs..., стр. 145, ср. стр. 15.

³⁴ G. M y l o n a s. Op. cit., стр. 83.

³⁵ Вопрос о кипрских убийствах рабов будет рассмотрен ниже (стр. 209 сл.).

³⁶ Cp. J. V o g t. Orbis. Ausgewählte Schriften zur Geschichte des Altertums. Freiburg, 1960; см. главу Die Bedeutung der Schrift, стр. 327—329.

деления является хоть и весьма существенный, но все же вторичный признак — наличие или отсутствие письменности. Исходя из этого признака, многие западные археологи и историки считают, что подлинная история Эллады начинается лишь с IX—VIII вв. до н. э.; в применении же ко всему предыдущему времени можно, по их мнению, говорить только о «доистории» греков. Если придерживаться такого критерия, то ныне пришлось бы не только перенести начало истории Греции, скажем, в XV в. до н. э., но и признать, что после «исторического» периода XV—XIII вв. вновь наступил некий «доисторический» период (XII—IX вв.). Это приводит к явной бессмыслице даже с точки зрения сторонников такого критерия периодизации.

В этом плане небезынтересны рассуждения известного западногерманского ученого Ф. Матца. Заявив, что надписи линейного письма Б имеют лишь условную ценность, так как они заключают в себе только краткие указания административного или хозяйственного характера, и что поэтому крито-микенский мир даже после расшифровки Вентриса остается доисторическим, Матц продолжает: «...Так крито-микенский мир предстает в странном двойственном освещении. Рассматриваемый как доисторический, он более образен, подвижен и красочен, чем какое-либо иное из явлений этого рода. Если же смотреть на этот мир как на историю, он остается безмолвным во многом, что кажется нам основополагающим»³⁷. Матц метко указал на количественное и качественное различие между археологическими и эпиграфическими источниками по истории стран Эгейского бассейна во II тысячелетии. Однако его сомнения в отношении историчности или доисторичности этих стран вызваны лишь выбором методологически несостоятельного критерия. Очевидно, одно только наличие или отсутствие письменных источников не может служить *principium divisionis* для периодизации исторического процесса в целом.

Формальный характер деления на «историю» и «доисторию» чувствует и Чадвик, отметивший, что, хотя греческая история в строгом смысле слова начинается лишь с VIII в., однако этот век был началом греческой истории не в большей степени, чем 1066 год в истории Англии³⁸.

С точки зрения историка-марксиста наличие или отсутствие письменных источников важно прежде всего в плане определения социальной структуры анализируемого общества. Письменность (разумеется, не говоря о пиктографической) обычно появляется лишь тогда, когда в ней ощущается социальная необходимость, а последняя вызывается обычно нуждами государственного аппарата, хозяйства и религиозного культа³⁹. Решающую роль, во

³⁷ F. Matz. Op. cit., стр. 8.

³⁸ J. Chadwick. Decipherment..., стр. 5.

³⁹ J. Vogt. Orbis..., стр. 338 и прим. 28.

всяком случае на начальных этапах развития письменности, играют потребности зарождающегося государственного аппарата. Поэтому наличие письменных источников — достаточный критерий существования классов и государства. Во время дискуссии 1940 г. об эгейской культуре большинство участников исходило из факта существования минойской письменности (В. С. Сергеев, С. В. Киселев, Н. А. Кун, С. П. Толстов и А. Б. Ранович) ⁴⁰.

Если наличие письменности — достаточный критерий существования классового общества, то все же ее нельзя считать критерием необходимым. Так, имеются основания определять микенское общество времени шахтовых гробниц как классовое, хотя письменность в самих Микенах прослеживается лишь в XIII в.

Насколько можно проследить по дошедшим до нас надписям, линейное письмо Б, аналогичное древнейшей шумерской письменности ⁴¹, применялось только для нужд хозяйственно-административного учета. Если сравнить взятые как целое почти 5 тыс. надписей из Кносса, Пилоса и Микен с табличками Угарита или Богазкёя, не говоря уже о Двуречье, сразу же бросается в глаза ограниченность содержания первых. Среди них нет ни дипломатической переписки, ни законодательных актов, ни текстов религиозного содержания. Храмы, боги и жрецы упоминаются в Пилосе лишь в связи с учетом материальных ценностей. Отсутствуют здесь и литературные тексты.

Некоторые исследователи приписывают эту ограниченность содержания лишь местам находок табличек. Так как, мол, надписи были найдены исключительно во дворцах, по их мнению, есть основания полагать, что документы иного содержания могли храниться в храмах; если хеттский царь обращается с письмом к царю Аххиявы, то, очевидно, тот отвечал ему тоже письмом, и т. д. ⁴² Разумеется, нельзя категорически отрицать возможность более широкого распространения письменности в микенской Греции, чем это следует из наших источников. Однако соображения «от здравого смысла» далеко не так убедительны, как могло бы казаться. В отличие от классического периода микенская Греция не знала отдельных храмовых построек. Религиозные церемонии происходили в особых помещениях дворцов. Равным образом существование государственного архива у хеттов не обязательно предполагает наличие архивов у всех их соседей.

До нас действительно дошла небольшая часть письменных документов даже лучше всего представленного пилосского ар-

⁴⁰ Н. А. Кун тогда заявил: «Когда будут прочитаны письма Крита, весь матриархат, патриархат и доклассовое общество на Крите испарятся как дым»; см. Т. Шепунова. Указ. соч., стр. 211.

⁴¹ А. И. Тюменев. Государственное хозяйство древнего Шумера. М. — Л., 1956, стр. 35 слл.

⁴² Т. В. I. Webster. Op. cit., стр. 24 сл.

хива ⁴³. Слоговые знаки линейного А и Б мало пригодны для записей на глиняных табличках. В отличие от клинописи они изобилуют овальными и ломанными линиями, легко воспроизводимыми на папирусе, но лишь с трудом выдавливаемыми в глине. Многие узкие и продолговатые, несколько закругленные на одном конце таблички напоминают по форме пальмовые листья. Уже эти внешние соображения заставляли предполагать, что, кроме глиняных табличек, имелись записи на другом, менее стойком материале.

В этой связи интересно наблюдение В. Ф. Олбрайта о времени появления в греческом языке слова βύβλος. Оно восходит к названию сирийского города Библа, который процветал в III и II тысячелетиях вплоть до начала XI в. В следующем столетии Библ полностью утратил всякое значение. Очевидно, Библ мог в глазах эллинов символизировать писчий материал лишь в микенское время ⁴⁴.

Все (кроме двух) пилосские таблички раскопок 1939 г. были найдены в маленьком Архиве, в южной стороне дворца, у его главного входа. В этом помещении, очевидно, находились писцы, которые вели учет материальных ценностей и людей, находившихся в ведении дворцовой администрации. Записываемые в таблички текущие сведения переносились, по крайней мере частично, в сводные ведомости и хранились в строго определенном порядке, видимо в ящиках или корзинах. На некоторых глиняных бирках с надписями (например, Wa 114) сохранились отчетливые следы веревок.

Таблички из послевоенных находок найдены главным образом в соседнем с Архивом помещении. Из опубликованных Беннеттом 1250 (включая фрагменты) табличек всего лишь около двух десятков найдено вне этих двух помещений, в том числе 15 фрагментов обнаружено в Тронном зале, а еще два — в вестибюле дворца ⁴⁵. Зато все последующие таблички находились далеко от Архива, главным образом в кладовых, расположенных в районе Тронного зала. Таблички Пилоса дошли до нас благодаря счастливой случайности — пожару, бушевавшему в осажденном дворце. Пилосские надписи, как правило, не датировались ни месяцем, ни годом ⁴⁶. Отсутствие даты указывает на текущий характер записей.

⁴³ В отчете о раскопках 1959 г. Блеген (указ. соч., стр. 154) настаивает на возможности существования отдельного Архива в старом крыле дворца; к такому же выводу на основании анализа текста надписей приходит и Чадвик (Decipherment..., стр. 109). Действительно раскопки последних лет дали несколько десятков табличек из помещений № 8 и 9, находящихся за Тронным залом [см. AJA, 66(1962), стр. 149].

⁴⁴ W. F. Albright. Some Oriental Glosses on the Homeric Problem. — AJA, 54 (1950), № 3, стр. 165.

⁴⁵ Обстоятельства находок см. в предисловии Блегена к публикации пилосских надписей.

⁴⁶ Только две пилосские надписи (Es 650 и Kn 02) Вентрис и Чадвик (Docs, стр. 114) предполагают возможным датировать по месяцу.

Анализируя содержание табличек большого класса Е (212 надписей), определителем которого служит идеограмма пшеницы(?), Беннетт обратил внимание на то, что хотя в сводных больших надписях групп Еп, Ео и Ер повторяется текст кратких записей групп Еа и Еб, однако в Еп и Ер встречается лишь одно имя из Еа. Прочие записи последней группы не вошли в имеющиеся сводные ведомости. Тщательность учета в Пилосе заставляет думать, что объекты записей Еа — а их более шести десятков — должны были учитываться в каких-то не дошедших до нас ведомостях ⁴⁷.

Приведенные факты неоспоримо доказывают, что уцелела лишь часть пилосского архива. Несомненно, существовало большое количество сводных текущих ведомостей. Столь же несомненно, что где-то хранились итоговые данные по крайней мере за предыдущий год. Учет недоимок по всякого рода повинностям также требовал хранения старых документов.

Тексты надписей представляют моментальный снимок жизни пилосского общества накануне его гибели. Нам трудно проследить по данным табличек эволюцию отношений в Пилосе, но зато можно быть уверенным в том, что все их сообщения относятся к одному и тому же непродолжительному отрезку времени. В то же время сохранившиеся надписи — это не сборник избранных текстов из пилосского архива, а почти полная отчетность по отдельным вопросам ⁴⁸. Так, сохранились, вероятно, полные данные о землевладении в одном из административных районов пилосского царства, в Пакияне. Однако нет оснований полагать, что подобные аграрные отношения были и в остальных районах.

В отличие от Пилоса микенские таблички найдены не во дворце, а в домах, расположенных на расстоянии нескольких сот метров от стен акрополя. Учитывая ограниченность жилой площади на акрополе, Уэбстер ⁴⁹ считает, что это были, пожалуй, дома дворцовых чиновников. Во всяком случае характер записей позволяет полагать, что Микены имели дворцовый архив, аналогичный пилосскому. Возможно, письменность в Микенах применялась шире чем в Пилосе, где таблички найдены в районе самого дворца.

Еще один штрих, свидетельствующий об относительно распространении линейного письма Б, добавляют надписи на вазах Фив, Тирифа и Орхомена ⁵⁰.

Число писцов во дворцах было достаточно солидным. Беннетту удалось определить «почерк» отдельных писцов ⁵¹ Пилоса и Ми-

---

⁴⁷ E. L. Bennett, Jr. The Landholders of Pylos. — *AJA*, 60(1956), № 2, стр. 129.

⁴⁸ T. B. L. Webster. *Op. cit.*, стр. 23; ср. J. C. Hadwick. *Decipherment...*, стр. 129.

⁴⁹ *Ibid.*, стр. 7.

⁵⁰ См. S. Dow. *Minoan writing*. — *AJA*, 58 (1954), № 2, стр. 121 сл.

⁵¹ См. E. L. Bennett. *Tentative Identification of the Hands of the Scribes of the Pylos Tablets*. — *Athenaeum*, 1958, № 4, стр. 34—37.

кен. Микенские таблички из одного только дома были записаны шестью разными почерками. В Пилосе соблюдалась строгая специализация писцов: один вел учет колесниц, другой — только овец и коз⁵². В Пилосе и Кноссе числилось по 30—40 писцов. Поразительно и единообразие линейной письменности Б; на протяжении столетий в далеких друг от друга городах начертание сложных слоговых знаков и идеограмм практически оставалось неизменным. Это — свидетельство длительного обучения писцов и ограниченного распространения письменности.

Таким образом, микенская письменность использовалась почти исключительно для нужд дворцовой администрации и ограничивалась узким кругом профессиональных писцов. Только этими обстоятельствами объясним непонятный, казалось бы, факт бесследного исчезновения письменности после разрушения дворцов. Как отмечалось выше, возникновение минойско-микенской письменности обуславливалось потребностями дворцовой администрации. С исчезновением последней отпала нужда в письменности и искусстве письма. Как правильно отмечал еще в 1933 г. Нильссон⁵³, «если письменность исчезла, она, вероятно, не была распространена». Вопрос о живучести кипро-минойского письма будет рассмотрен ниже.

* * *

Нам остается коснуться последнего из перечисленных вопросов — характера связей микенского мира с Востоком. На эти связи неоднократно указывалось и в нашей литературе, поэтому здесь достаточно лишь в общих чертах напомнить о них читателю. К тому же в послевоенные годы накоплено немало новых данных. В период максимального расцвета (со второй половины XV в.) микенская культура вышла далеко за бассейн Эгейды. Она вовлекла в свою орбиту и Крит, и Кипр. Микенские колонии имелись даже в далеком Угарите и, вероятно, в Алалахе, а дипломатические контакты засвидетельствованы и с хеттами, и с Египтом.

Благодаря прогрессу в датировке и в определении мест производства микенской керамики Стаббингс, Кантор и другие ученые не только подтвердили самый факт наличия торговых связей микенского мира с Востоком, но и выделили отдельные периоды развития этих связей и проследили пути микенской торговли с отдельными ближневосточными странами. Уэйс и Блеген еще раньше доказали, что связи Микен с Египтом были прямыми, без посредничества Крита.

В египетских и хеттских документах ученые находят все возрастающее количество гомеровских топонимических и этниче-

⁵² E. L. Bennett. Anonymous Writers in Mycenaean Palaces.—«Archaeology», 13 (1960), № 1, стр. 27.

⁵³ M. P. Nilsson. Op. cit., стр. 78 сл.

ских терминов. В надписях Рамсеса II, следовательно задолго до появления «народов моря», упоминаются Da-ar-d(a)-an-ya (Дардания), Ru-ku (Ликия), Qa-g(a)-qi-ša (Кария). В хеттских текстах кроме того, встречаются еще Millawanda (вероятно, Милет), Assuwa (возможно, Ассос в Троаде), Talauwa (Тлос), Tarui-sha (Троя) и другие ⁵⁴.

Продолжаются споры о локализации Аххиявы, но нет сомнения в том, что под этим названием хетты знали ахейцев. Связи хеттов с Аххиявой были столь тесны, что аххиявский наследник престола учится у своих соседей управлению боевыми колесницами, один из аххиявских богов призывается на помощь хеттскому царю, а хеттская царица была изгнана в Аххияву ⁵⁵. Все эти примеры позволяют отнести ядро эпизода с Беллерофонтом (II, VI, 155—197) к микенскому времени. К тому же такая датировка объяснила бы также единственный случай, где у Гомера говорится о письменности (там же, 168: *σῆματα λυγρά*).

Расшифровка линейного письма Б дала новые доказательства связей микенского мира с Востоком. Встречающиеся в табличках ku-ru-so (*χρυσός*), ki-to (*χιτών*) и другие слова семитского происхождения заимствованы греками не позднее, чем в XV в. ⁵⁶

Изучение предметов микенского искусства показало, что часто встречающиеся изображения львов, сфинксов, грифонов, папирус, даже приемы резьбы по слоновой кости, сами бивни, техника металлической инкрустации — все это также восходит к восточным образцам ⁵⁷.

Не менее многозначительны параллели между восточными памятниками II тысячелетия и гомеровским эпосом в области литературных приемов и сюжетов. Сюда относят, например, описания советов богов в рассказе о Гильгамеше и у Гомера. Сравнение четырех шумерских версий Гильгамеша показывает, согласно Уэбстеру ⁵⁸, каким путем развивался процесс эпического творчества. Реальные факты постепенно обрастают вымышленными трафаретными подробностями. Та же линия последовательного расширения исторического ядра прослеживается и у Гомера. Гесиодовская «Теогония» во многих подробностях восходит к хурритско-хеттской «Песне об Улликумми» и к угаритскому «Ваалу» ⁵⁹. Странствования Одиссея находят параллели в приключениях Синухета.

Некоторые из приводимых Уэбстером и другими исследователями примеров все же кажутся натянутыми. Так например,

⁵⁴ W. F. Albright. Op. cit., стр. 168 сл.

⁵⁵ O. R. Gurney. The Hittites. Melbourne, 1952, стр. 46 сл.

⁵⁶ Вл. Георгиев. ИПСИЯ, стр. 63.

⁵⁷ Весь этот круг вопросов подробно анализируется Уэбстером (указ. соч., гл. 2-я).

⁵⁸ T. V. L. Webster. Op. cit., стр. 79 слл.

⁵⁹ Ibid., стр. 84 слл.

вряд ли можно согласиться с характеристикой города «феаков как микенской сказочной страны»⁶⁰; к тому же сам автор считает Схерию образцом архаического полиса (стр. 157). Не обосновано также многократно повторяемое Уэбстером утверждение о «божественном или полубожественном Царе» микенского времени. Теменос в эпосе далеко не всегда окружен ореолом святости (например II., VI, 194).

Все же обильные параллели между гомеровским и ближневосточным эпосом в целом не могут быть делом случая. Очевидно, в самом деле существовали достаточно тесные культурные связи между микенским миром и его восточными соседями.

Характер и форма записей в пиловских и кносских текстах также находит многие аналогии в различных ближневосточных табличках. Поэтому вполне закономерно стремление исследователей линейного письма Б (Вентриса, Уэбстера и др.) проследить, нет ли параллелей и в социальном положении упоминаемых в надписях лиц.

---

⁶⁰ T. B. L. Webster, *Op. cit.*, стр. 108 и 123.

Глава 3.

РАБЫ ПИЛОССКОГО ДВОРЦА¹

Основным источником для этой и следующей глав служат таблички линейного письма Б, найденные в Пилосе. Учитывая, что со времени расшифровки этой письменности прошло всего десять лет, что многие слова и даже часть надписей не дают еще вполне ясного смысла, мы постараемся в дальнейшем изложении максимально разграничить твердо установленные факты и неизбежные гипотетические предположения. Наиболее надежный путь — систематическое и, по возможности, обстоятельное описание анализируемых текстов.

Как указывалось выше, наши историки еще раньше, на основании комплексного анализа всех археологических данных, пришли к выводу, что микенское общество было рабовладельческим. Все же этот тезис не находил прямого подтверждения в археологических памятниках уже в силу, так сказать, самого характера этой группы источников. Единственным прямым свидетельством о существовании рабовладения в микенской Греции были находки следов ритуальных убийств рабов во время похорон их господ. Однако данных такого рода мало. Хотя они свидетельствуют о наличии рабов, но не могут служить доказательством существования в микенской Греции рабовладельческого строя. Таким образом, несмотря на всю правильность положения о классовом характере микенского общества, оно обосновывалось преимущественно общими соображениями. Таково же было и определение социально-политического строя Крита и Микен как близкого к «рабовладельческим государствам восточного типа»². И это утверждение, возможно, правильное по существу, не могло быть доказано ввиду отсутствия письменных источников.

Таблички линейного письма Б уже по обстоятельствам находки и по внешнему виду позволяли предполагать, что их содержа-

¹ В основу этой главы положен переработанный текст статьи «Пилосские надписи и проблема рабовладения в микенской Греции» (ВДИ, 1955, № 4, стр. 41—62).

² См., например: В. С. Сергеев. История древней Греции². М., 1948, стр. 76 и 98.

ние в какой-то степени близко содержанию давно используемых в науке клинописных табличек древнейшего Двуречья и открытых значительно позже письменных документов Угарита и Алаха. Обилие числовых данных заставляло еще до открытия Вентриса предполагать, что и в том, и другом случае речь шла главным образом о документах хозяйственной отчетности. Наличие большого числа идеограмм, обозначающих мужчин и женщин, показывало, что в эгейских табличках, как и в клинописных, важное место занимали данные о распределении рабочей силы. Наконец, самый факт использования письменности прежде всего для нужд хозяйственной отчетности и вообще учета рабочей силы и материальных ценностей давал достаточное основание полагать, что и в Эгейском бассейне мы имели дело с относительно крупным, вероятно царским или храмовым, хозяйством. Само собой разумеется, что все указанные выше черты подобия эгейских и клинописных документов далеко еще не доказывали полного совпадения экономической структуры стран Востока и Эгейского бассейна.

В данной главе делается попытка охарактеризовать состав рабочей силы дворцового хозяйства Пилоса на основании четырех больших групп пилосских документов. Применяемый здесь и ниже термин «дворцовое хозяйство» требует пояснения. Под ним подразумевается прежде всего хозяйство пилосского дворца, который вот уже более двух десятилетий раскапывается Блегеном и его сотрудниками. Несмотря на то, что в пилосских текстах не упоминается ни слово «дворец», ни какой-либо соответствующий этому понятию термин, все же раскапываемый объект, несомненно, представлял собой дворец микенского типа, который обслуживался многочисленными работниками. С другой стороны, как видно из надписей, пилосские писцы, по-видимому, не проводили достаточно четкого разграничения между хозяйством собственно дворца и общегосударственным. В большинстве надписей в качестве места пребывания отрядов работниц указан Пилос (без уточнения, город или дворец). Это обстоятельство свидетельствует, на наш взгляд, об использовании их не в частном, а в дворцовом хозяйстве. Из применяемого здесь термина «дворцовое хозяйство», само собой разумеется, не следуют какие-либо выводы о политическом строе пилосского государства, о подобии или, наоборот, различии между экономикой Пилоса и, скажем, царских хозяйств Двуречья.

Класс А пилосских текстов разделен издателем Беннеттом на пять групп (Aa, Ab, Ad, Ae и An)³, состоящих, учитывая фрагменты, соответственно из 46, 50, 46, 17 и 51 надписей. Первые три группы, составляющие в целом 10% всех пилосских надписей, тесно связаны друг с другом. Одни и те же наименования

³ После беннеттовской публикации пилосских надписей найдены были надписи, отнесенные к группе Ac.; см. ниже, стр. 160 сл.

отрядов женщин часто встречаются в трех или двух группах. Например, *ne-we-wi-ja* в Аа 695, *Ab 560* и *Ad 357*; *pa-ke-te-ja* в Аа 662, *Ab 745 + 746* и *Ad 671*. Притом количество женщин, мальчиков и девочек в соответствующих надписях групп Аа и Аb, как правило, одно и то же. Определенное числовое соответствие имеется между количеством подростков в *Ad* и детей в предыдущих двух группах.

К интересным выводам пришел в результате тщательного анализа Беннетт, исследовавший в 1956 г. характер письма на отдельных табличках этих групп. Он показал, что все надписи группы Аа были составлены двумя писцами. Первый из них делал записи на табличках Аа 60—98, второй — на Аа 240—1182 и Ап 292. Все надписи, относящиеся к *pu-ro*, составлялись только вторым писцом. Таблички группы Аb принадлежат третьему писцу, оперировавшему записями второго из своих предшественников. Наконец, все, кроме одной, надписи *Ad* составлялись уже четвертым человеком, располагавшим сведениями, собранными как первым, так и вторым писцами.

В группу Аа⁴ включены таблички с однострочными надписями. Текст их начинается⁵ с наименования группы женщин⁶, о которых идет речь в дальнейшем; затем следует идеограмма, обозначающая женщин, и указывается их количество. После этого идут слова, обозначающие девочек и мальчиков, с указанием численности каждой из этих групп. Заключительную часть подавляющего большинства надписей группы Аа составляют идеограммы, читаемые как слоговые знаки *da* и *ta* с цифрой 1.

Характер документов группы Аа определяется значением двух последних идеограмм, тем более что остальные перечисленные элементы повторяются в других группах. Долгое время значение этих идеограмм оставалось непонятным. Полагали, что первая обозначала меру пахотной земли, а вторая — сада. В таком случае в надписях группы Аа речь могла бы идти об участках земли, обрабатываемых отрядами женщин. Другие считали, что

---

⁴ Содержательный, хотя и несколько устаревший, обзор табличек групп Аа и Аb дан в статье: Т. В. L. Webster. *Pylos Aa, Ab Tablets*. — *BICS*, стр. 11 сл., см. также: E. L. Bennett, Jr. *Correspondance...*, а также WF, стр. 423—445.

⁵ В группе Аа из 46 надписей только в пяти (№ 61, 717, 779, 798, 1180) указывается наряду с обозначением отряда женщин также его местонахождение. В двух случаях это *pu-ro*; в двух — *ro-u-so*, в одном — *me-ta-ra*. По всей вероятности, в Аа 752 также упомянуто селение *me-ta-ra*, но здесь не указано наименование отряда. *Ke-re-za* в Аа 762 и 807 обозначает не местность, а, вероятно, происхождение женщин (ср. κρήσα); см. С. Я. Лурье. — ВДИ, 1957, № 2, стр. 19.

⁶ См. 1. В. L. Webster. *Op. cit.*, стр. 11; ср. А. F u r u m a r k. *Aegäische Texte in griechischer Sprache*. — «*Eranos*», 1954, вып. 1—2, стр. 24 и прим. 1.

эти идеограммы обозначают виды продуктов питания для соответствующих групп. Однако в тех надписях, где указаны и *da* 1, и *ta* 1, число перечисленных женщин колеблется от одной (Aa 785) до 54 (Aa 798). Невозможно, чтобы столь различные по численности группы могли получать одно и то же количество продовольствия и даже равные участки земли для обработки. Против предположения, что в табличках Aa указывалась норма продовольствия на одного человека, свидетельствует содержание надписей следующей группы Ab, в которых отмечается продовольствие, выдаваемое не отдельным лицам, а целым отрядам. Значение этих идеограмм удалось расшифровать по табличкам группы Ab два года назад Палмеру⁷. На основании надписи Ab 745 (= Ab 746), в которой шла речь о двух женщинах и одном мальчике, а продовольствия выдавалось по пять единиц каждого из двух видов, еще раньше было установлено, что ребенок получал по одной, а взрослая женщина — по две единицы. Так, в Ab 899 перечислено восемь женщин и шесть детей, а на весь отряд отпущено 22 единицы всего продовольствия. Однако в тех надписях группы Ab, где, кроме женщин, мальчиков и девочек, имелись идеограммы *da* и *ta*, количество продовольствия было больше ожидаемого на семь единиц (Ab 189, 194, 277, 372, 379 и др.). Палмер отсюда сделал вывод, что указанные идеограммы обозначали людей, получавших вдвоем по семь единиц каждого вида продовольствия. Ввиду того что в Ab 578, где говорится о семи женщинах и восьми детях, а имеется только одна идеограмма *ta*, продовольствия выдается по 24 единицы, Палмеру стало ясно, что *ta* обозначает женщину, очевидно, надсмотрщицу. Аналогичным образом на основании Ab 356 + 1049 он установил, что идеограмма *da* обозначает надзирателя мужчину, получающего пять единиц продовольствия.

Число лиц, учитываемых в отдельных надписях группы Aa, колеблется от 1 до 111. В табличках этой группы перечислено в общей сложности 635 женщин, 376 девочек и 261 мальчик. Сумма получаемого ими продовольствия, согласно произведенному выше подсчету, должна равняться 1907 единицам, не считая пайков надзирателей и надсмотрщиц. Повторяющихся групп в отдельных табличках внутри группы Aa нет; единственным исключением является одно и то же название *a-ra-ka-te-ja* в Aa 89 и 240. Однако в этих двух надписях значительно отличаются друг от друга количественные данные о женщинах, девочках и мальчиках (соответственно 37 и 21; 26 и 25; 16 и 4), так что речь идет, несомненно, о разных группах лиц. Общее число женщин вместе с их детьми по первой группе в целом составляет 1272. К тому же во многих надписях (Aa 863, 987, 1180 и др.) в тех местах, где должно было быть указано число людей, имеются лакуны. Таким образом,

⁷ МаМ, стр. 112 слл.

по самому скромному подсчету, общее число лиц, учтенных с табличках группы Аа, превышало 1300; из них половину составляли взрослые женщины.

Для того чтобы определить численность рабынь, состоявших на учете дворцовой администрации, необходимо рассмотреть также следующую группу Аb. Последняя, состоящая из 50 подчас сильно фрагментированных надписей, по содержанию несколько отличается от предыдущей. После указания места пребывания, наименования и числа взрослых женщин, девочек и мальчиков отдельно по каждой категории, в табличках этой группы следуют одна под другой две идеограммы, из которых верхняя означает какой-то зерновой продукт, а нижняя, по-видимому, пшжир. Рядом с каждой идеограммой указывается количество данного продукта. Числа при одной и другой идеограмме совпадают друг с другом. В конце таблички имеются упомянутые знаки *da* и *ta* или один из них, но в отличие от группы Аа без указания количества.

Второе существенное отличие табличек Аb состоит в том, что в них, как правило, указано место пребывания того или иного отряда. В 24 из 50 табличек этой группы указан в качестве такого местонахождения Пилос (*pu-ro*). Другие местности, перечисленные в группе Аb, таковы: *me-ta-ra* (Аb 355), *ro-u-so* (Аb 382 и 1099), *e-u-de-we-ro* (Аb 379), *o-wi-to-no* (Аb 277), *ne-wo-pe-o* (Аb 554 и 1582). В 15 поврежденных табличках, возможно, имелось указание на какую-то местность. В остальных табличках этой группы (Аb 194, 210, 745 и 746) левая часть надписей указывает, видимо, не местность, а профессию.

Численность отрядов колеблется в очень больших границах; максимальное число (105) указано в Аb 382. Общее количество женщин группы Аb — 368, девочек — 190, мальчиков — 149. Однако и это далеко не полное число; в табличках Аb лакуны особенно велики в тех местах, где должно быть указано количество людей. По этой причине почти не учтены последние 10 табличек; кроме того, в других надписях, по крайней мере в 14 случаях, также имеются лакуны на месте чисел. Это составляет, при самых скупых подсчетах, не менее половины названной общей суммы. Итак, мы вряд ли ошибемся, считая, что группа Аb охватывает более 500 взрослых женщин и несколько меньшее количество детей.

Группы Аа и Аb в целом параллельны друг другу. Многие наименования отрядов совпадают в обеих группах; к тому же в большинстве из них весьма близки и числовые данные⁸. Все же 20 надписей Аа не находят параллелей или соответствующих цифровых данных в группе Аb. В этих 20 надписях учтено 345 жен-

⁸ Соответствующий аппарат приведен исчерпывающим образом в статье С. Я. Лурье (ВДИ, 1957, № 2, стр. 17 и прим. 3).

щин, 245 девочек и 131 мальчик. Следовательно, в обеих группах Aa и Ab, если исключить дублиеты и несколько округлить числа за счет лакун, мы получим 750 женщин, 450 девочек и 300 мальчиков⁹.

Каково могло быть целевое назначение записей в табличках группы Ab? Выше отмечалось, что после указания количества женщин, девочек и мальчиков в этих табличках следуют одна под другой две идеограммы, означающие зерно и, по-видимому, инжир. Количество единиц того и другого продукта в одной и той же табличке совпадает, изменяясь в разных табличках в зависимости от числа людей. Таким образом, в этих надписях перечислены группы, состоящие обычно из нескольких десятков женщин вместе с детьми, и два основных вида продовольствия в количестве, соответствующем числу людей в каждой группе. Очевидно, это могли быть только запасы выдачи продовольствия.

Общее количество продовольствия, выдаваемого всем женским отрядам группы Ab, составляет, если учитывать только сохранившиеся данные, 1246 единиц зерна и столько же инжира. Некоторый свет на сумму выдаваемых продуктов питания и, следовательно, на число учитываемых женщин проливает табличка Fg 253. В ней имеются идеограммы указанных двух видов продовольствия, каждая в количестве 1927 единиц. Сочетание этих двух идеограмм и большое количество продовольствия заставляют поставить вопрос, не указана ли здесь общая сумма продовольствия для всех рабынь дворца. Как отмечалось выше (стр. 147), такое примерно количество продовольствия требовалось для перечисленных в группе Aa женщин и детей. К сожалению наименование этих женщин не поддается прочтению из-за фрагментарного состояния Fg 253. Из ее слоговой части сохранился только конец слова }-ra-so-ro¹⁰.

Где же работали все эти женщины, в частности какая их часть находилась в самом Пилосе? С. Я. Лурье в статье о рабстве по данным пилосских надписей (стр. 20) приводит две таблицы, согласно которым свыше 70% женщин находилось в столице, остальные же были распределены в 13, вероятно близких, городах или селениях. Ввиду того, что я пришел к несколько иным заключениям¹¹, на данном вопросе придется остановиться

⁹ С. Я. Лурье (ВДИ, 1957. № 2, стр. 20) при подсчете получил очень близкие цифры: соответственно 733—443—325 чел., согласно Беннетту («Correspondance...», стр. 135 сл.) получается соответственно 750—450—350 чел.

¹⁰ См. WP, стр. 439, прим. 65.

¹¹ Согласно первой таблице С. Я. Лурье, вне Пилоса находилось 219 женщин, 193 девочки и 75 мальчиков. Он не дает итоговых цифр для второй таблицы (работавших вне Пилоса). При суммировании данных последней мы получаем соответственно 148—147—87. Непонятно, каким образом автор мог в первой таблице точно указать количество людей, находившихся вне Пилоса, если во второй таблице не указав места, где они находились. Еще более странно, что число мальчиков во второй таблице больше, чем по первой.

несколько подробнее. Основная трудность заключается здесь, во-первых, в том, как отличать в надписях слова, обозначающие профессию, от географических наименований, и, во-вторых, как определить местонахождение тех отрядов, для которых указана только профессия. Вторая трудность вообще не поддается окончательному разрешению. Поэтому вместо первой таблицы С. Я. Лурье, где женщины подразделены только на две группы: на находившихся в Пилосе и вне Пилоса¹², — нам придется иметь дело с тремя категориями (в Пилосе, вне Пилоса и сомнительные).

На 96 табличек Аа и Аб в 26 имеется слово *ru-ro*. Это, несомненно, означало, что указанные отряды находились в самом Пилосе. Среди них пять фрагментированных надписей не дают сведений о численном составе отрядов. Остальные надписи (21) без дублетов. Общее число учитываемых в них лиц равно соответственно 319¹³—108—107. Таким образом, примерно половина всех женщин (во фрагментированных пяти надписях учтено не менее 50 работниц) находилась в самом Пилосе.

Слоговая часть прочих надписей первых двух групп в некоторых случаях включает несомненные географические названия. Это прекрасно доказал С. Я. Лурье¹⁴. К населенным пунктам пилосского государства принадлежали встречающиеся в анализируемых надписях *ro-u-so*, *me-ta-ra* и др. Полной параллелью слову *ru-ro* в надписи Аб 573 (*ru-ro mi-ra-ti-ja*) служит *ro-u-so* в Аа 798 (*ro-u-so mi-ra-ti-ja*).

В отличие от надписей Аа и Аб в группе Ad, к анализу которой мы перейдем несколько ниже, почти всегда указывается ме-

---

Так как автор нигде здесь не указал аппарата, проверка его числа представляет значительные затруднения. Если для *ro-u-so* им взяты цифры из надписей Аа 717 и 798, то вместо указанных им 36 женщин должно быть 86. Таким образом, учитывая эту ошибку, можно увеличить число женщин во второй табличке до 198, что несколько уменьшит разрыв между цифрами обеих таблиц. Однако прочие поддающиеся проверке цифровые данные С. Я. Лурье соответствуют табличкам, и разница показаний первой и второй таблиц остается, таким образом, непонятой. Хуже обстоит дело с отдельными постулируемыми географическими названиями. Слово *re-u-ko-to-ro* вообще не встречается ни в Аа, ни в Аб, а в группе Ad указано количество только юношей и мальчиков. В других надписях также нет ни слова о женщинах из этой местности. *Pi-we-re* встречается только один раз в Аа 1182. Неизвестно, что обозначает это слово: местность или специальность. *Da-mi-ni-jo/ja* имеется только в Ad 697 и An 610, но ни в том, ни в другом месте вообще нет речи о девочках. Слово *e-pi-jo-ta-na* мы находим только в Аа 95. К нему полностью относится то же замечание, что к *pi-we-re*. Таким образом, из 13 постулируемых наименований местностей и соответствующих им цифровых данных остается надежных всего лишь девять.

¹² Третья строка этой таблицы («невыясненные») относится только к мальчикам. В нее, по-видимому, включены лишь цифровые данные из фрагментарных надписей, в которых отсутствует слоговая часть.

¹³ В надписи Аб 562 цифры восстановлены по Аа 506.

¹⁴ ЯКМГ, стр. 197 сл.

стопребывание соответствующей группы юношей и мальчиков¹⁵. Наименование женских отрядов ставится здесь всегда в родительном падеже, например Ad 689: pu-ro mi-ra-ti-ja-o ko-wo. Сравнение аналогичных текстов групп Aa и Ab с надписями группы Ad подтверждает определение С. Я. Лурье слов e-u-de-we-ro, o-wi-to-no, ke-e, po-to-ro-wa-pi и e-pi-ko-o как населенных пунктов. Такими же географическими терминами являются ne-wo-pe-o и e-wi-ri-pi-ja согласно Cc 665 и An 610,6.

Отсюда мы получаем следующие данные о численности женских отрядов, находившихся вне Пилоса:

	Женщины	Девочки	Мальчики
1. ro-u-so (Aa, 717, 798)	86	53	30
2. me-ta-pa (Aa, 752, 779; Ab 355)	15	3	4
3. e-u-de-we-ro (Aa 772; Ab 379) . .	14	2	7
4. o-wi-to-no (Aa 775; Ab 277) . . .	11	7	12
5. ke-e (Aa 93)	6	9	6
6. po-to-ro-wa-pi (Aa 76)	4	4	3
7. e-pi-ko-o (Aa 94)	14	5	8
8. ne-wo-pe-o (Aa 786; Ab 554) . .	15	8	7
9. e-wi-ri-pi-ja (Aa 60)	16	11	7
Всего	181	102	84

Полученные итоги, возможно, несколько завышены, так как одна-две из учтенных надписей могли оказаться дублетными. Однако в общем и целом они правильно отражают численность женских отрядов в отдельных местностях. Следовательно, общее распределение отрядов групп Aa и Ab рисуется следующим образом:

	Женщины	Девочки	Мальчики
Пилос	319	108	107
Вне Пилоса	181	102	84

Под сомнением находится местопребывание примерно 250 женщин и их детей. Думается, что большая часть их работала в самом Пилосе. Поэтому есть основания распределить остаток женщин в том же примерно соотношении между Пилосом и прочими местностями, как это имеет место в приведенных данных (319 : 181). Следовательно, из общего числа 750 женщин около 480 должны были работать в Пилосе.

В надписях Vn 19 и 20, Cn 608, Jn 829, 4—12 встречаются девять населенных пунктов, постоянно перечисляемых в следующем порядке: pi-82, me-ta-pa, pe-to-no, pa-ki-ja-na, a-pu₂-we, a-ke-re-wa, e-ra-to, ka-ra-do-ro и ri-jo. В той же надписи Jn 829 после

¹⁵ Из 46 надписей этой группы только в пяти (Ad¹ 357, 663, 694, 891 и, возможно, 955) не указано местонахождение людей.

названий этих местностей следуют наименования семи других селений ti-mi-to-a-ke-e, ra]-wa-ra-ta₂, sa]-ma-ra, a-si-ja-ti-ja, e-ra-te-re-wa-pi, za-ma-e-wi-ja и e-re-i. Все эти 16 пунктов были, по-видимому, какими-то административными центрами пилосского государства¹⁶. В каталоге кораблей перечислены девять местностей (II, II, 591—594), находившихся под властью Нестора (Пилос, Арена, Фрий, Айпи, Кипариссей, Амфигенея, Птелей, Гелос и Дорион). Из гомеровских названий в наших текстах встречается Пилос, e-re-i (Гелос), ri-jo (Фрий), можно также предположить, что упоминавшееся уже название ro-to-ro-wa-pi соответствует Птелею, а a-ru₂-we — Айпи. С другой стороны, среди перечисленных местностей только одна me-ta-ra засвидетельствована как место пребывания трех небольших отрядов женщин (7, 3 и 5), профессия которых не указывается.

Каково же было социальное положение большого количества женщин, учтенных в проанализированных первых двух группах надписей? Эти женщины вместе со своими детьми находились на довольствии во дворце. Нам ничего не известно об их мужьях и вообще семьях, поэтому можно с большой долей вероятности предположить, что они не имели семей. Количество детей в общей сложности несколько уступало числу взрослых женщин. Следовательно, в среднем на одну женщину приходилось примерно по одному, по-видимому, малолетнему ребенку. Здесь, между прочим, имеется существенное отличие от данных кносских табличек, на которых вместе с матерями иногда учитываются и старшие, и младшие дети¹⁷. Женщины, упоминаемые в пилосских табличках, имели при себе только самых маленьких детей. На важный вопрос о том, что происходило с их детьми, после того как они подрастали, дает ответ группа Ad.

Все эти соображения приводят к выводу, что перечисленные в группах Aa и Ab женщины были рабынями. Прочие данные, которые можно почерпнуть из табличек, также свидетельствуют в пользу этого предположения. Они нигде не названы поименно. Между тем в тех случаях, когда речь идет о заведомо свободных лицах, в табличках обычно указываются их имена. Отряды женщин составлены по производственному признаку, что также говорит об использовании их прежде всего в качестве рабочей силы. Таким образом, имеется много соображений в пользу того, чтобы считать их рабынями, и нет ни одного аргумента для того, чтобы видеть в них свободных. Многие исследователи, занимавшиеся пилосскими надписями, также считали этих женщин рабынями. К этому выводу пришли и Фурумарк, и Лурье¹⁸,

¹⁶ См. J. Chadwick. The two Provinces of Pylos. — «Minos», VII 2 (1963), стр. 125—142.

¹⁷ А. Фурумарк. *Op. cit.*, стр. 23 и рис. 6.

¹⁸ С. Я. Лурье. — ЯКМГ, стр. 283 сл.; его же. — ВДИ, 1957, № 2, стр. 23.

и Вентрис¹⁹. Аналогии с клинописными табличками также подтверждают рабский статус пилосских работниц: упоминаемые в этих документах женщины — рабыни.

В 1956 г. Беннетт пришел к предположительному выводу, что женщины из групп Аа и Аб были заняты в производстве, возможно, при выпечке хлеба (si-to-ko-wo в Ап 292) и что «можно было бы ассоциировать эти отряды с мастерскими, в которых работали различные группы женщин и детей»²⁰. Эта гипотеза вполне приемлема; к сожалению, Беннетт отказался от попытки уточнить социальный статус анализируемых отрядов. Между тем все указанные соображения, на наш взгляд, не оставляют сомнений в рабском статусе этих отрядов.

В упоминавшемся выше обстоятельном исследовании Ф. И. Трича, посвященном анализу положения пилосских женщин, уделяется много внимания выдвинутому мною в 1955 г. положением об их юридическом статусе. Отзываясь в общем весьма лестно о моей статье, Трич²¹ считает одним из моих «основных доводов» (basic arguments) в пользу рабского статуса женщин, упоминаемых в группах Аа и Аб, то, что «они нигде не названы поименно»²² и продолжает несколько дальше: «Различие между именами и идеограммами явно не может удержаться в качестве критерия рабского состояния»²³. Однако дело здесь не так просто.

Прежде всего, любой читатель упомянутой статьи в ВДИ легко убедится, что отсутствие имен и наличие идеограмм считалось не одним из «основных аргументов», а являлось лишь дополнительным соображением²⁴. Затем — и это самое важное, — во всех столь скрупулезно собранных и проинтерпретированных Тричем табличках «группы А»²⁵ мы имеем дело, несомненно, с рабынями²⁶. Слово do-e-ra упоминается только в Ae 303, где вообще нет речи об отрядах дворцовых рабынь. Таким образом, о рабском статусе женщин из надписей Аа и Аб свидетельствует наличие их идеограмм и весь контекст табличек. Трич прав в том, что и свободные мужчины часто не упомянуты по имени. Поэтому наличие идео-

¹⁹ Docs, стр. 156 сл.

²⁰ E. L. Bennett. Correspondance..., стр. 126.

²¹ WP, стр. 407.

²² ВДИ, 1955, № 4, стр. 49.

²³ WP, стр. 408.

²⁴ Непосредственно перед цитированной фразой я писал: «Все прочисланные... также свидетельствуют в пользу этого предположения». Именно поэтому не могу признать и упрека в непоследовательности, инкриминируемой мне Тричем на стр. 407. Возможно, это недоразумение объясняется его слабым знанием русского языка. Так, например, Трич (стр. 408, прим. 9) приписывает мне утверждение, что «пилосские рабы были счастливы и удовлетворены своей судьбой» (quite happy and contented). Ничего подобного я не писал и никогда так не думал.

²⁵ Все таблички Аа и Аб, Ae 303, Ап 292 и 607, Тп 316, не считая фрагментарных.

²⁶ WP, стр. 406.

грамм без указания имени не всегда является определяющим критерием. Однако для женщин из групп Аа и Аб этот критерий вполне достаточен.

Нам остается остановиться еще на двух вопросах, связанных с подписями группы Аа и Аб: на занятиях и на происхождении рабынь, находившихся на учете в пилосском дворце. Оба эти вопроса весьма существенны как для подтверждения рабского статуса этих женщин, так и для анализа социально-экономических отношений в Пилосе. Выше мы не касались этих вопросов, так как стремились максимально далеко продвинуться в нашем анализе без недостаточно обоснованных аналогий с более поздними греческими терминами. Очевидно, и приведенных выше данных, фактически не обусловленных чтением слоговых знаков, оказалось вполне достаточно для того, чтобы доказать, что: 1) мы имеем здесь дело с рабынями и 2) их большая часть была сконцентрирована в одном месте — Пилосе.

Что касается занятий этих женщин, то некоторые из них довольно легко раскрываются как аналогичные типичным занятиям рабынь в гомеровских поэмах. Так например, 37 или 38 re-wo-to-go-ko-wo (Аа 783 и Аб 553), как определили Вентрис и Чадвик²⁷, соответствуют гомеровскому *λοετροχός* (Od., XX, 297) и были банщицами. 7 или 6 me-re-ti-ri-ja (Аа 62, ср. Аб 789) (читается как *meletriai* — ср. Od., VII, 104), вероятно, мололи зерно; два отряда a-ra-ka-te-ja (Аа 89 и 240), насчитывавшие вместе 58 человек, — прядильщицы (ср. Od., VII, 105), 32 a-pi-fo-ro (Аа 804) — гомеровские прислужницы, — *ἀμφίπολοι*. Численность этих отрядов в Пилосе в основном соответствует картине использования труда рабынь в эпосе; слишком незначительно лишь число молодых. В хозяйстве Одиссея из 50 рабынь 12 мололи зерно (Od., XX, 107). Далее, в качестве типично женских занятий мы находим 38 ra-pi-ti-ra₂ (Аб 555), соответствующих греч. *ῥάπτριαι* — портнихи, 7 re-ki-ti-ra₂ (Аб 578) — чесальщиц шерсти (ср. Od., XVIII, 316) и двух или четырех ri-ne-ja (Аб 745 и, возможно, 746), занятых при обработке льна (*λίνον*).

В 1955 г. я признавал вместе с Вентрисом и Чадвиком существование в Пилосе значительного числа отрядов рабынь, сформированных по месту их происхождения, и читал mi-ra-ti-ja/ra (Аа 798, 1180; Аб 382, 573) как *Μιλᾶτιαι* — милетянки, ra-mi-ni-ja (Аб 186) — как *Λάμνιαι*, ki-ni-di-ja (Аа 792; Аб 189) — *Κνίδιαι* и т. д. Возражения С. Я. Лурье²⁸ против такого рода интерпретации кажутся вполне обоснованными. В самом деле, трудно предположить, что отряды рабынь длительное время были организованы по месту их происхождения, а не по занятиям. Не исключая в принципе возможности существования, главным

²⁷ Docs, стр. 160.

²⁸ ВДИ, 1957, № 2, стр. 18 сл.

образом временного, такого рода отрядов, все же необходимо предпочесть этническому объяснению производственное. В связи с этим стоит отметить, что Беннетт²⁹ указал на близость данных, обозначающих занятия и число женщин и детей в An 292, с соответствующими данными Aa 788, 354 и 792. Между тем надпись An 292 озаглавлена si-to-ko-wo, что, очевидно, соответствует *sitto-*ho* — работницам, занятым просеиванием муки. Вполне возможно происхождение слова ki-ni-di-ja в An 292,3, а следовательно, и в Aa 792 и Ab 189, от глагола *ki*ζω — скоблить³⁰, а не от острова Книда. По всей вероятности, 45 женщин из An 292 были заняты при выпечке хлеба. Это объяснило бы отмеченное выше весьма незначительное количество me-re-ti-gi-ja, отклоняющееся от свидетельств «Одиссеи».

Во всяком случае надо иметь в виду, что мы в состоянии определить только меньшую часть из 30 нетерриториальных наименований отрядов рабынь. Частично это объясняется тем, что в гомеровском эпосе заботам рабынь уделяется мало внимания. Практически все упомянутые в «Одиссее» занятия рабынь находят близкие параллели в табличках. Однако большинство видов работ пилосских рабынь все же остается неизвестным.

Подсчет количества женщин и детей, упоминаемых в пилосских документах, дает, как мы видели, трехзначные числа, которые минимум раз в десять превосходят указанное в эпосе количество рабынь в доме Алкиноя или Одиссея. Однако ведь и дом Одиссея в изображении поэта значительно меньше, чем раскатываемый дворец в Пилосе, не говоря уже о Микенах. Существование громадных дворцов в микенское время твердо засвидетельствовано археологическими раскопками. Ввиду этого вряд ли может казаться удивительным наличие в них значительно большего, чем в эпосе, количества рабынь. В Шумере персонал даже отдельных городских храмов исчислялся иногда тысячами человек³¹.

Расхождение между данными эпоса и значительно более древними пилосскими табличками может быть, на мой взгляд, объяснено несколькими соображениями. Прежде всего оно было вызвано тем несомненным регрессом, который наблюдается в некоторых отношениях на Пелопоннесе после дорийского переселения. Этот регресс абсолютно неоспорим во многих отраслях ремесленного производства, особенно в производстве предметов роскоши и в архитектуре. Он проявляется также в сокращении внешних связей, в исчезновении письменности и т. д. При этом характерно, что регресс проявляется исключительно в тех областях производства и культуры, которые были тесно связаны с обслуживанием

²⁹ E. I. Bennett. Correspondance..., стр. 123 сл.

³⁰ С. Я. Лурье. — ВДИ, 1957, № 2, стр. 18.

³¹ И. М. Дьяконов. О площади и составе населения шумерского «города-государства». — ВДИ, 1950, № 2, стр. 89 сл.

дворцов³². Исчезновение последних должно было, очевидно, повлечь за собой ликвидацию всего аппарата, обслуживавшего верхушку микенских обществ. После разрушения дворцов микенского времени исчезла и обслуживавшая их письменность.

Рабовладельческие отношения в микенской Греции качественно отличались от рабства не только гомеровского времени, но и классической Греции. Исследуемое дворцовое хозяйство Пилоса не имеет аналогий в античности, но в некоторых отношениях, по крайней мере при современном уровне наших знаний, оно вполне сопоставимо с царскими и храмовыми хозяйствами Передней Азии того же и предшествующего времени.

Притом далеко не все пилосские рабыни находились в одном и том же месте. Все они состояли на общем учете и, по-видимому, были собственностью одного хозяйства, однако работали в разных местностях. Выше было показано, что около трети учитываемых женщин находилось вне Пилоса.

Занятия пилосских рабынь во многом, насколько можно видеть из поддающихся расшифровке наименований их работ, подобны занятиям гомеровских рабынь. Так же, как в эпосе, они мелют зерно, чешут шерсть, шьют и т. д. Однако пилосские рабыни, возможно, были заняты также в огородничестве и в земледелии. В пользу этого предположения говорит довольно большое количество не поддающихся расшифровке специальностей и само количество рабынь. И в этом отношении напрашивается сравнение пилосских рабынь с шумерскими, которые также использовались не только в домашних работах, но и непосредственно на производстве. Согласно табличкам времен III династии Ура, рабыни заняты не только помолом зерна, прядением и уходом за домом, но и на сельскохозяйственных и строительных работах³³; иногда их использовали даже в скотоводстве³⁴.

Рассмотренные выше таблички Aa и Ab еще в одном отношении представляют близкую параллель гомеровскому эпосу. В «Одиссее», как известно, дважды приводится число 50 рабынь как характерное для хозяйств басилеев (Алкиноя — VII, 403; Одиссея — XXII, 421), но, когда речь идет о рабах-мужчинах, никогда не указывается их численность. Такую же примерно картину мы до сих пор наблюдали и в Пилосе. В группах Aa и Ab учитывалось не менее 40 различных отрядов рабынь, но полностью отсутствовали рабы-мужчины.

---

³² Более подробно весь этот круг вопросов будет рассмотрен в следующей части этой книги.

³³ Акад. В. В. Струве. Лагерь военнопленных женщин в Шумере конца III тысячелетия до н. э. — ВДИ, 1952, № 3, стр. 23 (особенно примечания 3 и 4).

³⁴ Акад. А. Н. Тюменев. Производители материальных благ в царском хозяйстве времени третьей династии Ура. — ВДИ, 1954, № 1, стр. 12 сл.

Автору этих строк неоднократно приходилось встречаться с возражениями, что невозможно говорить о рабовладельческом характере дворцового хозяйства в Пилосе, если мы имеем дело только с рабынями. Такого рода замечания находили некоторое обоснование в том обстоятельстве, что таблички Ad, в которых речь идет о рабах мужского пола, были немногочисленны и к тому же сильно фрагментированы, особенно в их правом конце, где указывалось количество. В самом деле, в 20 надписях Ad из находок 1939 г. учитывалось всего лишь 69 юношей и 25 мальчиков. Однако в 1952—1954 гг. число табличек Ad значительно увеличилось, и ныне мы располагаем 46 надписями этой группы; это число равно количеству табличек Aa и лишь немногим уступает 50 документам группы Ab.

Типичная запись (например, Ad 666: pu-ro a-ke-ti-ra-zo ko-wo МУЖЧИНЫ 20, ko-wo 7) состоит из следующих элементов: 1) местность, 2) наименование отряда рабынь из Aa или Ab в род. пад. + ko-wo, 3) идеограмма, обозначающая мужчин, и указание их количества, 4) то же для мальчиков. Ни в одной из надписей этой группы нет ничего, что бы указывало на довольствие или на занятые этих лиц. В четырех надписях (Ad 357, 671, 679 и 690) имеется слово, транскрибируемое o-re-ro (ср. ὀφειλόμενον) и обозначающее долг, нехватку или отсутствие чего-либо. Рядом с этим словом или его сокращенным обозначением «o» указано число мужчин, отсутствовавших в момент проведения учета. Оно всегда меньше основного числа в табличке и относится только к юношам, никогда к мальчикам. Вероятно, отсутствовавшие юноши — их всего 17³⁵ — были посланы с какими-то поручениями. Стоит отметить, что в Ad 679 все учтенные юноши числились отсутствующими.

Нет основания делать вслед за Тричем³⁶ из пометки «o», свидетельствующей об отсутствии определенного числа юношей, вывод об их свободном статусе. Прежде всего неизвестно, не были ли они отправлены в составе какого-то сводного отряда на работу. Затем, даже если их послали в одиночку, это тоже не предрешает вопроса, были ли они рабами или нет. Ведь и для античного времени известно множество примеров того, как господа посылали своих рабов в тех случаях, когда нельзя было доверить какое-то поручение чужому свободному человеку. Послал же Фемистокл накануне сражения при Саламине своего раба к Ксерксу. У Геродота можно найти не один аналогичный пример.

Слово ko-wo в Ad встречается в двух основных значениях: первый раз, после родительного падежа, в значении «сыновья»

---

³⁵ У Беннета в переписанной надписи Ad 679, очевидно, описка. Должно быть шесть, а не восемь юношей (см. рисунок на стр. 76).

³⁶ WP, стр. 424.

и вторично в качестве слоговой идеограммы — «мальчик»³⁷. Таким образом, в Ad мы имеем дело с сыновьями рабынь из Aa и Ab, но разделенными на две категории: старшими, обозначаемыми идеограммой МУЖЧИНЫ, и младшими.

В сравнении с кносскими надписями Ak 611, 624, 627, 824³⁸ здесь имеются некоторые отличия. В Ak 627 наряду с рабынями Анозоа перечислены раздельно девочки и мальчики старшего и младшего возраста. В Aa и Ab дети рабынь дифференцируются только по полу. Зато в группе Ad, не находящей аналогии в Кноссе, сыновья рабынь подразделены по возрасту. Отсюда следует вывод, что в Пилосе мальчиков-рабов отбирали³⁹ у их матерей раньше, чем в Кноссе, вероятно, для использования их на каких-то работах.

Отсюда же, думается, позволительно прийти к еще одному заключению. Как уже отмечалось выше, в Пилосе существовал отряд рабынь ki-ni-di-ja, насчитывавший два десятка женщин и примерно столько же малых детей (Aa 792, Ab 189). Согласно Ad 683 (pi-ro ki-ni-di-ja-o ko-wo МУЖЧИНЫ 5 ko-wo 4), там же насчитывалось пять юношей и четыре мальчика, пришедшихся сыновьями женщинам того же отряда. Такой отряд, равным образом как и многие ему аналогичные, должен был быть стабильным. В противном случае непонятно, почему почти взрослые сыновья этих рабынь, обозначенные идеограммой МУЖЧИНЫ, подлежали учету как их сыновья, а не в качестве особой рабочей силы. Если бы эти ki-ni-di-ja принадлежали частным рабовладельцам, было бы еще более удивительным, что на работу в Пилос отправляли не только самих рабынь, но и их почти взрослых детей, числящихся при этом не собственностью их владельца, а сыновьями тех же рабынь.

Количественное соотношение юношей и мальчиков, находившихся в Пилосе и вне его, видно из следующих данных (критерий для определения места нахождения отрядов те же, как для Aa и Ab):

	Юноши	Мальчики
В Пилосе	176	58
Вне Пилоса	48	22
Невыясненные *	23	24
<hr/>		
Всего	247	104

* В эту группу включены данные из Ad 357, 674, 681, 694, 709 и 1014.

³⁷ В упомянутой надписи An 292 ko-wo обозначало вообще детей, включая и мальчиков, и девочек.

³⁸ Текст и комментарий см.: Docs, стр. 163 сл.

³⁹ Л. И. Тюменев (ВИ, 1959, № 12, стр. 61, прим. 24) полагает, что сыновья пилосских рабынь продолжали поддерживать связь со своими матерями. Однако при переезде в другую местность это вряд ли было возможным.

Общее число юношей и мальчиков следует несколько увеличить; так, в таблице не учтены лакуны в семи надписях (Ad 308, 315, 663, 697, 854, 891 и 955), в которых, вероятно, насчитывалось более полусотни юношей и два десятка мальчиков. Таким образом, в ведении пилосской администрации насчитывалось около 300 юношей и 120 мальчиков-рабов. Обращает внимание тот факт, что в сравнении с территориальным распределением рабынь, большой процент молодых рабов находился в самом Пилосе. Из сравнения мест пребывания и численности отрядов Ad с Aa и Ab также следует, что мы имеем далеко не полный список одних и других. Для примера возьмем *gi-ne-ja*. Женщины под этим наименованием упомянуты лишь в Ab 745 и 746. Численность этих отрядов равна соответственно 2—0—1 и 2—1—0. Если эти надписи не дублиеты, — их слоговые части одинаковы, а цифры почти совпадают, — то в группах Aa и Ab насчитывалось четыре таких рабыни. Между тем, в Ad имеется восемь надписей, трактующих о сыновьях *gi-ne-ja-o*. В них насчитываются 23 юноши и 21 мальчик. Очевидно, кроме Ab 745 и 746, существовало еще несколько табличек со списками отрядов *gi-ne-ja*. Правда, большинство сыновей *gi-ne-ja-o* пребывало вне Пилоса. Из восьми относящихся к ним надписей только в одной (Ad 664) речь идет о пребывающих в Пилосе сыновьях *gi-ne-ja-o*. Кроме того, в Ad упоминаются некоторые наименования отрядов рабынь, о которых нет речи в Aa и Ab. К таковым принадлежат: *to-sa-me-ja-o* (Ad 685) и *te-pe-ja-o* (Ad 921). Если существовали отряды, составленные из детей этих рабынь, то, имея в виду обычную систему учета в Пилосе, необходимо постулировать и существование соответствующих женских отрядов. По всем этим соображениям общее число 750 рабынь и 300 юношей-рабов, находившихся на учете в пилосском дворце, может быть сочтено лишь минимальным.

Целевое назначение табличек Ad можно определить только предположительно. В 1955 г. автор этих строк, опираясь на данные первой партии этих табличек, в частности на редкое упоминание в них Пилоса, выдвинул предположение⁴⁰, что в группе Ad учитывались молодые рабы перед отправлением их из столицы. Данные новых табличек из находок 1952—1954 гг. заставляют отказаться от этой заманчивой гипотезы, так как процент юношей-рабов в Пилосе не только не ниже, но даже значительно выше, чем рабынь. Тем не менее для табличек Ad в отличие от Aa и Ab характерно отсутствие каких-либо намеков на выдачу продовольствия или на производственные задания. Кроме того, в них скрупулезно отмечены случаи отсутствия некоторых юношей. Таким образом, предположение об учете этих юношей и мальчиков

⁴⁰ ВДН, 1955, № 4, стр. 52.

перед их новым распределением все же остается в силе; возможно, их направляли на работу в самом Пилосе.

Итоги анализа надписей Aa, Ab и Ad сводятся к следующим положениям. Учитываемые рабыни и рабы были сгруппированы в стабильные отряды. Отряды женщин организовывались по их занятиям, юноши и мальчики перед распределением на другие работы пзымались из отрядов их матерей. Женские отряды получали продовольствие из складов дворца. Ни для одного из этих отрядов нигде не указано имя их владельца. Надо полагать, что они принадлежали дворцовому хозяйству. Число женщин и юношей указывает, что труд рабов играл очень важную роль в экономике Пилоса. Хотя значительная часть женщин (36%) и юношей (21%) находилась вне Пилоса, для обслуживания самого дворца оставалось все же более 400 рабынь и свыше 200 юношей-рабов. Это указывает, что весьма значительная часть потребностей обитателей дворца обслуживалась трудом рабов. Данные табличек Aa, Ab и Ad не дают никаких оснований для выводов о характере государства в целом.

Раскопки 1957 г. в Пилосе дали новую группу надписей Ac. Они опубликованы М. Ланг⁴¹. Девять табличек Ac⁴² составлены по следующей форме: 1) название местности, 2) идеограмма МУЖЧИНЫ и их количество, 3) слово o-re-go (отсутствие — нехватка), 4) идеограмма МУЖЧИНЫ и их количество. Типична надпись Ac 1277: a-ke-re-wa МУЖЧИНЫ 10 o-re-go МУЖЧИНЫ 6. Из нее следует, что в отряде с местонахождением в Агрее (?) состояло 10 мужчин, из которых 6 отсутствовали. По второй графе числа сохранились в семи табличках и дают в сумме 123, по четвертой — в пяти табличках и дают итога 35. Среди названий местностей, уцелевших в шести табличках, встречаются знакомые нам те-та-ра, pi-82, ka-ra-do-ra и a-ke-re-wa. Все таблички Ac найдены в помещении № 87, находившемся далеко от Архива. Таким образом, здесь речь идет об отрядах мужчин, прибывших, вероятно, в неполном составе в Пилос по какому-то заданию.

Среди идеограмм на других табличках из того же помещения преобладают обозначения колес, бронзы и скота. Издательница полагает, что здесь учитывались работы по изготовлению боевых колесниц и вооружения⁴³.

Кем же были эти мужчины? В списках военных отрядов в Пилосе указывается начальник подразделения и даже прикомандированный чиновник (o-ka в группе An). Надписи An довольно велики по размерам. Между тем — и это тоже отмечает М. Ланг, — краткие таблички Ac похожи по форме и содержанию на надписи

⁴¹ C. W. Blegen and M. Lang. The Palace of Nestor Excavations of 1957. — AJA, 62 (1958), № 2, стр. 175—192.

⁴² Ibid., стр. 183.

⁴³ Ibid., стр. 191.

Аа и Ad. Поэтому она считает, что люди из Ас были либо рабами, либо рабочими. Против последнего предположения говорит то, что нигде не указана профессия этих мужчин. Поэтому вполне вероятно, что здесь мы имеем дело с рабами, отряды которых находились вообще вне столицы, но были вызваны во дворец для укрепления обороноспособности Пилоса.

Изложенная здесь концепция дворцового хозяйства в Пилосе вызвала ряд критических замечаний С. Я. Лурье⁴⁴; не согласился с ней, очевидно, и А. И. Тюменев⁴⁵. Ввиду большого значения этого вопроса придется остановиться несколько подробнее на объекте разногласий. Отвлекаясь временно от замечаний, относящихся к характеру социально-экономических отношений в пилосском государстве, взятом как целое, и не касаясь пока вопроса об его сходствах и различиях с древневосточными государствами, мы рассмотрим здесь предмет спора в отношении хозяйства самого пилосского дворца. С. Я. Лурье выдвигает в этом плане следующие возражения: 1) пилосский архив был общегосударственным, а не дворцовым; 2) под словом *ри-го* в надписях понимался только город, по ни в коем случае не дворец⁴⁶; 3) параллели, проводимые, например, с хеттами, Угаритом, Египтом и древними германцами, вовсе не доказывают «феодалного» характера микенского общества; более убедительны сравнения с гомеровским обществом (стр. 10); 4) наличие развитой системы всякого рода натуральных повинностей в Пилосе заставляет полагать, что и отряды рабынь и рабов выделялись частными работодателями для выполнения государственных работ и обслуживания высших должностных лиц (стр. 24) или же «дворец играл роль чего-то вроде первобытного бюро по распределению рабочей силы» (стр. 22).

А. И. Тюменев, также отрицавший существование крупного дворцового хозяйства в Пилосе, исходит из следующих соображений: 1) экономика стран Востока, прежде всего восточных деспотий была обусловлена «необходимостью создания обширной оросительной системы, без чего вообще невозможно была бы жизнь в этих областях»⁴⁷. На этой базе развилось храмовое, дворцовое и государственное хозяйство. В Греции ирригация играла незначительную роль; поэтому нет оснований предполагать здесь

---

⁴⁴ С. Я. Лурье. К вопросу о характере рабства в микенском рабовладельческом обществе. — ВДИ, 1957, № 2, стр. 8—24.

⁴⁵ А. И. Тюменев. Восток и Микены. — ВИ, 1959, № 12, стр. 58—74.

⁴⁶ С. Я. Лурье. — ВДИ, 1957, № 2, стр. 9. Это категорическое утверждение С. Я. Лурье все же вовсе не столь несомненно, как это кажется моему оппоненту. Для примера достаточно указать, что Вентрис и Чадвик (Docs, стр. 241), анализируя таблички класса Е, приходят к предположению, что под *ри-го* может подразумеваться в надписях «только сам дворцовый комплекс»; ср. также: WP, стр. 410 и прим. 8.

⁴⁷ ВИ, 1959, № 12, стр. 58

какое-либо дворцовое хозяйство ⁴⁸; 2) отряды из групп Аа, Аб и Ад он считал состоящими из рабынь и рабов ⁴⁹, но не высказал определенных суждений об их назначении; 3) в дополнение к соображениям, выдвинутым С. Я. Лурье, он подчеркивал невозможность существования царских хозяйств в микенской Греции следующими аргументами (ВИ, стр. 68): а) царь в надписях фигурирует редко и даже не называется по имени; б) «в эпоху составления пилосских документов царская власть находилась в упадке, и в качестве главного правительственного органа выступали басилени с состоявшими при них советами геронтов» (стр. 71); в) теменос царя был иногда даже меньше, чем участки отдельных крупных землевладельцев (там же); г) «постоянной квалифицированной рабочей силы в центре не имелось» (стр. 73), упоминания о царских ремесленниках случайны.

Рассмотрим сначала соображения, выдвинутые первым из оппонентов. Как легко заметит читатель, первое и второе замечания С. Я. Лурье неразрывно связаны с последним. В самом деле, если предположить, что отряды рабынь и рабов в группах Аа, Аб и Ад принадлежали частным рабовладельцам, естественно отпадет понимание под ри-го не только города, но и дворца, а также предположение о частично «дворцовом» характере пилосского архива. По этому пути и идут рассуждения С. Я. Лурье. С другой стороны, если считать, что в упомянутых группах надписей речь идет о принадлежащих дворцу рабах, окажется неизбежным вывод о двойственном характере архива и, следовательно, о таком же двойственном значении термина ри-го. Поэтому необходимо прежде всего взвесить все «за» и «против» последнего аргумента С. Я. Лурье.

В подтверждение этого им выдвигается: а) наличие сведений о существовании многих частновладельческих рабов в Пилосе и Кноссе ⁵⁰ и б) общий характер повинностей в пилосском государстве. Однако С. Я. Лурье упускает при этом из вида коренной факт, который, думается, полностью опрокидывает его предположение. Ни в одной надписи Аа, Аб, Ад (их в общей сложности насчитывается 142, т. е. 10% всех пилосских табличек) не упоминается принадлежность этих, порой весьма многочисленных, отрядов какому-либо рабовладельцу. В текстах указывается место нахождения или направления отрядов, их численность, продовольствие, количество отсутствующих лиц, но нет даже намека на то, что они являются чьей-то частной собственностью. Между тем во всех примерах действительного частного рабовладения указывается, кому принадлежали те или иные рабы. Если огра-

⁴⁸ Ср. А. И. Тюменев. Tereta пилосских надписей (К вопросу о происхождении крупного частного землевладения в микенской Греции). — ВДИ, 1959, № 4, стр. 32.

⁴⁹ ВИ, 1959, № 12, стр. 61 сл.

⁵⁰ ВДИ, 1957, № 2, стр. 11—16 и 21—24.

ничиться только несколькими иллюстрациями из проводимых С. Я. Лурье сведений, то окажется, что имена хозяев указаны для рабов Амфимедея⁵¹, пилосских кузнецов (стр. 23), для кносских рабынь (стр. 22). Возможно также вместе с Вентрисом и Чадвиком, вопреки Фурумарку, понимать в Ак 824 слово a-pi-qa-i-ta как имя собственное Ἀμφιφίτης и считать упомянутых в надписи рабынь принадлежащими ему или отданными под его команду. Вообще во всех тех случаях, когда в надписях идет речь о рабах и упоминается, обычно в родительном падеже, имя свободного человека, можно полагать, что речь идет о частновладельческих рабах. Зато в противоположных случаях, когда во множестве надписей учитываются сотни рабынь с детьми без малейшего намека на то, что они принадлежали частным собственникам, возможно ли предполагать, что именно это важнейшее обстоятельство было упущено писцами? Если стать на точку зрения С. Я. Лурье и считать, что указанные отряды рабынь были временно переданы их собственниками в порядке литургий, тогда останется непоптым, почему иногда отмечаются, а иногда пропускаются имена собственников. Не случайно А. И. Тюменев, также отрицавший наличие дворцового хозяйства в Пилосе, все же так и не решился присоединиться к гипотезе С. Я. Лурье, хотя странным образом умалчивал о своем к ней отношении⁵².

С. Я. Лурье отмечает, что отряды рабынь группировались по производственному признаку. Но тогда как же быть с постулируемой принадлежностью этих рабынь частным собственникам? Если каждый из этих отрядов принадлежал раньше какому-нибудь одному лицу, придется предположить наличие у частных рабовладельцев, скажем, нескольких десятков швей (38 в Аб 555). Это неправдоподобно для того времени. Или же надо считать, что поставляемые в порядке литургий сотни рабынь распределялись затем по отрядам согласно производственному признаку. К тому же придется еще предположить какие-то формы их обучения новым профессиям⁵³. Все эти осложнения снимаются сами собой, если считать этих рабынь принадлежащими дворцу.

Еще одно важное соображение, как мне кажется, осталось не учтенным С. Я. Лурье. Он, естественно, не отрицает существование раскапываемого Блегеном громадного дворца, центра пилосского государства. Трудно полагать, что не был как-то налажен учет рабочей силы, обслуживавшей жителей этого дворца, где обитали правители Пилоса. Если С. Я. Лурье прав, постулируя разработанную в деталях систему административного учета в пилосском государстве, то ведь не менее необходим был учет рабочей силы, обслуживавшей сам дворец. Для обслуживания мизерного в сравнении с пилосским дворца Одиссея требовалось,

⁵¹ С. Я. Лурье. — ВДН, 1957, № 2, стр. 15.

⁵² ВИ, 1959, № 12, стр. 62, прим. 29.

⁵³ Ср. Досс, стр. 162 сл.

согласно «Одиссее», 50 рабынь. Как же мог обойтись без учета рабочей силы величественный дворец в Пилосе, в котором работало три-четыре десятка писцов? Неужели данные хотя бы о выдаваемом им продовольствии вообще не подлежали учету? Думается, что целям этого учета были посвящены те таблички групп Аа, Аб и Ад, в которых указано слово ри-го. Но если это так, то под этим словом подразумевался не только город, но и дворец. Естественно было бы ожидать, что, отвергая это предположение, оппоненты попытаются дать какой-то иной ответ на вопрос, кто же все-таки обслуживал пилосский дворец и как, по их мнению, учитывался и снабжался его рабочий персонал.

То же возможно предположить и для других местностей пилосского государства. Отряды рабынь и рабов, направленные, например, в Метану, могли быть переданы главе администрации в этом городе или селении. Во всяком случае такое предположение значительно правдоподобнее, чем гипотеза о распределении через дворец частновладельческих рабов, чья принадлежность вообще не указана.

К тому же мы знаем (с этим согласен и С. Я. Лурье⁵⁴), что в Ад учитывались юноши и мальчики — дети рабынь, перечисленных в Аа и Аб. И эти подростки-рабы квалифицируются в табличках без малейшего признака их принадлежности какому-либо частному рабовладельцу, причем во многих случаях указывается место их нахождения. При предположении, что это дети дворцовых рабынь, все объясняется очень просто: наименование собственника рабов — дворца или государства — подразумевалось само собой. Если же принять гипотезу С. Я. Лурье, придется: 1) настаивать на наличии по несколько десятков швей и т. д. у неизвестных частных рабовладельцев и 2) признать, что сыновья этих рабынь отбирались у них, очевидно, тоже в порядке литургий (?), и направлялись на другие работы. И первое, и второе предположение, на наш взгляд, выходит за пределы возможного.

Вопрос о литургиях, играющей громадную роль в построении С. Я. Лурье и А. И. Тюменева, не связан с табличками Аа, Аб и Ад. И при натуральных поставках, и при исполнении других повинностей в текстах указывается имя поставщика или исполнителя. В противном случае теряла смысл всякая отчетность. Сравнения социальных отношений Пилоса с гомеровскими весьма рискованны, особенно в плане всякого рода повинностей. Коренное различие, полностью признаваемое С. Я. Лурье, состояло в наличии классового общества и государства с развитой системой учета в Пилосе и в отсутствии такового в эпосе. Это касается и литургий. Привлечение же данных классической поры о литургиях для аналогий с отношениями в Пилосе завело бы нас слишком далеко; их отделяет промежуток времени, исчисляемый семью-восемью столетиями.

⁵⁴ ЯКМГ, стр. 283.

Зато кажется вполне оправданным и целесообразным в плане характеристики дворцового хозяйства в Пилосе привлечение данных о современных ему или более ранних дворцовых хозяйствах древнего Востока. Разумеется, между этими обществами были существеннейшие различия. У нас нет никаких оснований полагать, что в Пилосе существовала деспотия восточного типа. Экономика Пилоса не опиралась на искусственное орошение. Однако ведь далеко не все древневосточные общества принадлежали к единому типу. Между Угаритом, Двуречьем и хеттским царством были, как известно, колоссальные различия. Но, несмотря на эти различия, существовала более или менее сходная организация труда в царских дворцах. Эти-то сходные черты, на мой взгляд, роднят организацию хозяйства пилосского дворца (а вовсе не всего пилосского общества) с организацией дворцового хозяйства, скажем, в Угарите. Если Палмер и другие западные ученые находят в Пилосе феодальный строй (об этом см. выше, стр. 114), то в этом не повинен ни метод аналогий, ни факт привлечения ими сравнительных данных из стран Востока. Поэтому и третье возражение С. Я. Лурье бьет мимо цели.

В аргументации А. И. Тюменева первостепенную роль играло настойчиво выдвигавшееся им положение о коренном различии путей развития древневосточных и греческих обществ. Это положение интересно в методологическом плане и заслуживает более обстоятельного рассмотрения. А. И. Тюменев, отметив, что большинство советских историков считает восточные общества раннерабовладельческими в отличие от развитых рабовладельческих обществ античности, подчеркивал, что речь здесь должна идти не о стадиях, а о различных путях развития стран Востока и античного мира. Коренную причину этого различия он усматривал в наличии или отсутствии искусственного орошения⁵⁵.

Действительно, факт чуть ли не тысячелетнего сосуществования различных форм рабства на Востоке и в античности говорит против определения этих форм как ранней и развитой рабовладельческой, во всяком случае без конкретизации их взаимосвязи. Неоспоримо и громадное влияние ирригации на экономическую и политическую структуру ряда восточных обществ. Однако из этих двух положений вряд ли следуют те выводы, к которым пришел А. И. Тюменев, в частности для микенских обществ.

Прежде всего, далеко не во всех древневосточных обществах основой экономики была ирригация. Для Ближнего Востока она играла, по-видимому, небольшую роль вне долин Двуречья

---

⁵⁵ Наиболее обстоятельно эти положения сформулированы им в статье «Передний Восток и античность (Особенности социально-экономического развития)». — ВП, 1957, № 6, стр. 50—70.

и Нила. Тем не менее царская власть, что признавал и А. И. Тюменев⁵⁶, в таких странах, как Алалах, Нузи, в меньшей степени Угарит и Израиль (сюда же, возможно, следует добавить и хеттов), явно обнаруживала тенденцию к деспотизму. Очевидно, даже для стран древнего Востока фактический материал не позволяет установить категорическое правило: где ирригация, там деспотия; где отсутствует ирригация, нет и деспотии.

Куда бы ни относить наличие системы ирригации, к природной или к производственной среде⁵⁷, невозможно сводить к ней как к единственной причине все разновидности сильной царской власти в странах Востока. Но в таком случае тем более нет оснований отрицать а limine возможность существования сильной царской власти в определенные периоды истории античных обществ.

В 1940 г. А. И. Тюменев был одним из немногих сторонников концепции Богаевского и отрицал классовый характер кносского и микенского обществ, исходя из тезиса о невозможности регресса при переходе к доклассовому гомеровскому обществу⁵⁸. После расшифровки линейного письма Б он, видимо, отказался от своих прежних взглядов. Однако характеристика социальных отношений Пилоса в «Востоке и Микенах» фактически оставляла в тени все важнейшие признаки классового общества. Рабы в его изложении не играли никакой роли в экономике, высшим органом управления являлись басилеи и советы старейшин, тереты — не административные лица, а крупные землевладельцы и представители родовой знати⁵⁹, царская власть ничтожна. Только из признания разработанной системы податного обложения следует, что А. И. Тюменев расцепивал пилосское общество как классовое. В этом отношении его концепция резко отличается от четкого взгляда С. Я. Лурье, подчеркивающего, что «греческие общества микенской эпохи были не примитивными родовыми общинами, «военными демократиями», а централизованными государствами с большим бюрократическим аппаратом, частной собственностью на землю и развитым рабовладением»⁶⁰.

В качестве доказательства ничтожной роли царя Пилоса, А. И. Тюменев ссылаясь на то, что некоторые тереты владели большими участками земли, чем царский теменос⁶¹. Здесь же он приводил ссылки на подписи Ег 312, Ег 617, Еа 309, Ео 278 и Ег 880. Действительно вопрос о размерах земельной собственности

---

⁵⁶ А. И. Тюменев. Восток и Микены, стр. 70, прим. 87.

⁵⁷ А. И. Тюменев. Государственное хозяйство древнего Шумера. М.—Л., 1956, стр. 19 сл.

⁵⁸ ВДИ, 1940, № 2, стр. 208.

⁵⁹ ВДИ, 1959, № 4, стр. 26.

⁶⁰ ЯКМГ, стр. 11.

⁶¹ А. И. Тюменев. Восток и Микены, стр. 71 и прим. 92 и 93.

царя заслуживает рассмотрения. В важной надписи Ег 312, 1—6 читается:

wa-na-ka-te-ro te-me no to-so-jo pe-ma .	ПШЕНИЦА 30
ra-wa-ke-si-jo te-me-no	ПШЕНИЦА 10
te-re-ta-o [. . .] to-so pe-ma	ПШЕНИЦА 30
to-so-de te-re-ta	МУЖЧИНЫ 3

Из этой надписи следует, что пилосский царь ванака имел теменос, соответствующий 30 большим ⁶² или 1800 малым мерам зерна. Воевода (лавагет) имел тоже теменос, но в три раза меньший. Наконец, три терета имели в общей сложности земли столько же, сколько ванака. Их земли не назывались теменосами.

Слово «теменос» встречается еще лишь в одной надписи (Ег 880, 2), которую А. И. Тюменев понимает (прим. 93) как «описание обширного, по-видимому, родового владения некоего Екега₂ wo (Эхелаона)». Однако у Гомера, да и позже, теменос определяет не родовую землю, а участок, *отрезанный* для царя или храма. Именно поэтому Вентрис и Чадвик ⁶³ сделали вывод, что пилосского ванаку, вероятно, звали Эхелаоном ⁶⁴. Кстати сказать, это имя очень похоже на царское.

В надписи Ег 617 действительно речь идет о крупных земельных участках. В первой строке читается только da₂-wo-u-ri te-ga-ja-e, во второй указано 10 больших и 1 малая меры зерна. Дальше в этой довольно длинной, в 20 строк, надписи следует перечисление отдельных лиц и их зерна. Сумма всего зерна равна 606 малым мерам. Но в некоторых строках имеются лакуны. Следовательно, в Ег 617 нет речи об одном большом владении, сравнимом с царским теменосом. От Еа 309 сохранились лишь слова: wo-ze ПШЕНИЦА 10 больших мер. В Ео 278 упомянут ро-me (πο:μίψ — пастух) Ti-ra₂-jo, имеющий wo-wo ko-to-na размером в 8 больших и 3 средних меры, следовательно, меньше лавагета и каждого из теретов из Ег 312.

Таким образом, из пяти надписей, приводимых А. И. Тюменевым, следует лишь то, что царский теменос был в три раза больше, чем следующие за ним участки. Если учесть, что воеводой-лавагетом был, вероятно, член правящей в Пилосе династии ⁶⁵, то, даже абстрагируясь от Эхелаона, окажется, что правители Пилоса были с избытком обеспечены землей.

⁶² Большая мера зерна состояла из 10 средних или 60 малых мер. Паск детей рабынь из надписей Аb, о котором речь шла выше (стр. 141), составлял одну среднюю меру зерна.

⁶³ Docs, стр. 265.

⁶⁴ В последующем Беннетт доказал, что E-ke-ga₂-wo упоминается в продолжении надписи Ег 312 и, следовательно, он не мог быть царем Пилоса (МaМ, стр. 93 сл.). Тем не менее термин te-me-no ясно указывает на то, что Эхелаон был членом царской семьи, возможно наследником.

⁶⁵ T. V. I. W e b s t e r. Op. cit., стр. 11 сл.

Правившие, согласно А. И. Тюменеву, в Пилосе басилеи фактически были местными начальниками. Их было более десяти ⁶⁶, как у феаков в «Одиссее» (VIII, 390). Каждый из них управлял, действительно вместе с герусией, одним из населенных пунктов пилосского государства, но не государством в целом. То, что нам известно о них в городе Пилосе, сводится преимущественно к наблюдениям за работой кузнецов и аналогичным функциям. Полагать, как это делал А. И. Тюменев, что басилеи были главным правительственным органом, можно только, отказываясь от признания Пилоса централизованным государством. Но в таком случае невозможным было бы существование бюрократизированного административного учета.

Если С. Я. Лурье и А. И. Тюменев полностью признают рабский статус рабынь из групп Аа и Аб, то Ф. И. Трич категорически отрицает рабское состояние указанных групп женщин, считая их беженками из местностей, занятых вторгшимся в Пилос врагом. Признав, что подавляющее большинство ученых считает этих женщин рабынями, Трич ⁶⁷ оценивает их взгляды как устаревшие в результате публикации полного собрания пилосских надписей в 1955 г. В качестве решающего возражения против господствующей концепции Трич выдвигает трудность «даже вообразить себе, как свыше 1400 человек (исключая всех мужчин) могло обитать в качестве *δμραι* в точно известных границах дворцов микенской Греции» (стр. 424; ср. стр. 426). В качестве дополнительных аргументов выдвигаются два дальнейших соображения: 1) мужчины группы Ad не могли быть рабами, так как часть их числится отсутствующими, а некоторые из них определяются как *e-ge ta* (гребцы); 2) урожай, которым располагали цари Пилоса как с теменоса, так и со своих частных владений, мог прокормить всего лишь несколько более, чем 200 человек ⁶⁸; наконец, 3) нельзя полагать, что все женщины групп Аа и Аб были рабынями, коль скоро часть их определяется по производственному, а другая по этническому (или территориальному) признаку.

Прежде всего заметим, что гипотеза Трича о «беженках» не выдерживает критики уже по той простой причине, что только в матриархальных обществах мы найдем примеры того, что бы мужчины, как в группе Ad, определялись в качестве «сыновей» целых групп женщин. Между тем пилосское государство, несомненно, не было построено на принципах матриархата. Если бы речь шла о беженцах, сыновья, притом относительно взрослые, очевидно, определялись бы как происходящие из опре-

⁶⁶ См. табл. в ЯКМГ, стр. 222.

⁶⁷ WP, стр. 423 сл. и прим. 38; ср. стр. 426: «нет ничего удивительного в том, что общее мнение все еще склонно интерпретировать их (женщин из групп Аа и Аб. — Я. Л.) как рабынь, так как кажется почти невозможным найти лучшее объяснение».

⁶⁸ WP, стр. 424, прим. 39.

деленных местностей, но не как дети, например, прядильщиц льна. Кроме того, принимая гипотезу Трича, мы вынуждены были бы считать, что и в кносских табличках речь идет о значительном количестве «беженков». Наконец, остался бы абсолютно невыясненным вопрос о рабочей силе, обслуживавшей потребности дворцового хозяйства в нормальные времена. Все эти трудности автоматически снимаются, если принять «рабскую» гипотезу в отношении лиц, учитываемых в Aa, Ab и Ad.

Возражения Трича против указанной гипотезы явно преувеличены. Решающее, по его мнению, возражение относится к постулируемому числу 1400 рабынь. Но ведь он включает в их число только взрослых рабынь, но и всех их малолетних детей. Таким образом, приведенное им число необходимо уменьшить по крайней мере вдвое. Кроме того, он столь же безосновательно включает в число рабынь — обитательниц пилосского дворца значительное количество лиц, о которых недвусмысленно говорится в табличках, что они находятся вне Пилоса. Таких рабынь, согласно нашему подсчету, было около 35%. Итак, на долю Пилоса, включая сюда и надписи, в которых ясно указано местонахождение ru-ro, и даже те, относительно которых нет точного указания места, останется около 500 взрослых рабынь.

Правда, это число и так значительно превосходит количество рабынь Одиссея и Алкиноя. Однако ведь и раскопанный Блегом дворец во много раз превосходит по своим размерам и значению дом Одиссея в гомеровской поэме. Разве можно было предполагать наличие у Одиссея группы писцов, ведущих учет материальных ценностей всего Одиссеева «царства»? Поэтому вполне естественно предположить, что и число рабынь в пилосском дворце должно было значительно превосходить число рабынь Одиссея и Алкиноя, о котором говорит поэт.

Глава 4.

ДРУГИЕ ГРУППЫ ПИЛОСКИХ РАБОВ

Остальные группы рабов Пилоса обстоятельно изучались С. Я. Лурье¹, Э. Л. Беннеттом², М. Леженом³ и А. Товаром⁴.

С. Я. Лурье подобрал и интерпретировал весь материал кносских и пилосских памятников. Его выводы сводятся к следующему: «Хозяйство микенского общества было рабовладельческим... участь раба представлялась очень тяжелой. Существование ряда терминов для различных категорий рабов говорит о широком распространении рабства..., резкой границы между свободными и рабами еще не существовало — браки между свободными и рабами были, очевидно, обычным явлением. В позднейших критских учреждениях сохранились... пережитки организации рабства в микенскую эпоху..., рабы принадлежат не общине, а частным лицам..., их продают и покупают... Следовательно, говорить о патриархальном характере рабства нет оснований»⁵.

Э. Л. Беннетт считает, что термин *do-e-ro* выражает отношение зависимости от иного лица, и различает два случая зависимости: от бога или от смертных лиц. В табличках *Еb* и *пными te-o-jo do-e-ro*, по его мнению, трактуются наравне с иными лицами. Различие не столько в ранге и привилегиях, как в функциях. К ним примыкают *do-e-ro* жрецов, которых не следует считать частновладельческими рабами. С другой стороны, *do-e-ro* «смертных» кузнецов определяются Беннеттом как лица, имеющие иной статус, чем их хозяева. Их «рабство», пожалуй, надо понимать в буквальном смысле, а рабство *te-o-jo do-e-ro* скорее символично.

М. Лежен предпочел ограничиться осторожной, главным образом филологической, интерпретацией текстов с *do-e-ro/ra*. В его

¹ ЯКМГ, стр. 269—284; ВДИ, 1957, № 2, стр. 8—24.

² E. L. Bennett, Jr. *Landholders...*, стр. 103—133; сго ж с. *Slavery*.—«Nestor», стр. 73.

³ M. Lejeune. *Textes Mycéniens relatifs aux esclaves*.—«Historia», VIII (1959), № 2, стр. 129—144.

⁴ A. Tovar. *Talleres y oficios en el palacio de Pylos: teojo doero-ra «domestico-a del rey»*.—«Minos», VII (1961), вып. 1, стр. 101—122.

⁵ ЯКМГ, стр. 284 сл.

статье рассматриваются следующие частные вопросы: термин do-e-ro, покупка рабов, табличка An 607, функции do-e-ro, их ономастика, хозяева do-e-ro, различие в положении господ и рабов, te-o-jo do-e-ro. Лежен считает всех do-e-ro рабами и, подчеркивая значительное различие в имущественном положении рабов и рабовладельцев, отмечает малочисленность частновладельческих рабов в сравнении с te-o-jo do-e-ro.

Ни Лежен, ни Беннетт вообще не высказывают мнения о социальном статусе лиц в группах Aa, Ab и Ad. Поэтому рисуемая ими, особенно Беннеттом, общая картина степени распространения рабства является далеко не полной.

А. Товар посвятил свое интересное исследование анализу положения te-o-jo do-e-ro/ra и пришел к выводу, что они были работниками не храмового, а царского хозяйства. Он полагает, что под термином te-o в Пилосе подразумевался не бог, а царь. По мнению Товара, царь почитался как бог, «по крайней мере теми его подданными, которые, если судить по их именам, во многих случаях были не эллинского происхождения и работали в качестве ремесленников и слуг во дворце по минойскому образцу»⁶.

Термины do-e-ro/ra довольно часто упоминаются в пилосских надписях. Вне сочетания с определением te-o-jo данные термины встречаются в Пилосе 38 раз⁷. О te-o-jo do-e-ro/ra говорится 108 раз⁸; однако здесь много дублетов. Кроме перечисленных, имеются еще 10 фрагментированных табличек, среди которых в двух случаях⁹ к te-o-jo надо, вероятно, добавить do-e-ro/ra, а в восьми фрагментах неизвестно, было ли перед сохранившимся do-e-ro определение te-o-jo¹⁰. В общей сложности, включая фрагменты, получается внушительное число 154 (или 156) случая, когда в табличках речь идет о do-e-ro/ra.

Приведенные в последних четырех примечаниях данные можно для наглядности свести в таблицу (см. стр. 172).

Как видно из таблицы, анализируемые термины встречаются чаще всего в большом классе E. Из общего числа 154 несомненных

⁶ А. Товар. *Op. cit.*, стр. 120.

⁷ Ae 26; 110; 303; An 607, 2,3,5 (bis), 6, 7; Cn 1287, 6, 7; Eb 847; 1176; 1187; 1188; En 609, 16; Eo 224, 6; Ep 539, 7,8,9,10,11,12; Es 644, 6; 650, 5, 6; 703, 1; Fn 50, 11, 12, 13, 14; 324, 27; 867, 4; Jn 310, 11; 413, 7; 431, 11; 706, обор. 1; 750, 13.

⁸ Eb 156, 1; 169, 1; 347, 1; 416, 1; 464, 1; 498, 1; 636, 1; 838, 1; 858, 1; 866, 2; 884,1; 885,1; 886,1; 890,1; 900,1; 905,1; 913, 1; 915, 1; 1174, 1; Ec 411; En 74, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 13, 14, 15, 17, 18, 22, 24; 609, 6, 7, 8, 12, 13, 14, 17; 659, 3, 5, 6, 13, 16, 19; Eo 160, 2, 4; 173, 2; 211, 3, 4, 5; 224, 2, 3, 4, 7; 247, 2, 3, 4, 5, 6; 269 p.: 276, 3, 4, 5, 6, 7, 8; 281,2; 351,2; 444, 2, 4, 5, 6; 471, 2; Ep 212, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10; 539, 1, 2, 3, 4, 5, 6; 617, 9, 12, 15, 16, 17, 20; 704, 2; 705, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10.

⁹ Eb 976, 1; 981, 1.

¹⁰ Eb 502, 1; 835, 1; 859,1; 872,1; 898,1; 916,1; 1186,1; Ep 617, 19.

упоминаний do-e-ro/ra 132 приходится на этот класс. Здесь, однако, во многих случаях упоминания о do-e-ro/ra представляют несомненные дублиеты, притом не однократные, а иногда повторяющиеся по три и даже четыре раза. Так, текст надписей Еб повторяется в Еп, Ео и особенно в Ер. В свою очередь в Еп, Ео и Ер зачастую говорится, несомненно, об одних и тех же людях. Все

Встречаемость терминов do-e-ro/ra в пиловских надписях

Группа	Всего надписей, упоминающих do-e-ro/ra	Число упоминаний		Число do-e-ro/ra
		do-e-ro	do-e-ra	
Ае	3	2	1	19+*
Ап	1	2	4	6
Сп	1	2	—	2
Еб	30	17	12	35**
Ес	1	—	1	?
Еп	3	16	12	22
Ео	11	15	15	22
Ер	5	22	18	37
Ес	3	4	—	2
Fn	3	6	—	36***
ln	5	5	—	14
Итого . .	66	91	63	—

* Одна из надписей обломана, число могло быть больше.

** Точное число не поддается определению.

*** Число определено на основании данных о продовольствии.

надписи указанных четырех групп являются ведомостями об одних и тех же аграрных отношениях, сгруппированными по-разному в зависимости от системы записи. Поэтому в таблице численность do-e-ro/ra была установлена в отдельности для каждой из групп Еб, Еп, Ео и Ер, а в число 37 лиц, о которых идет речь в Ер, входят все do-e-ro/ra предшествовавших трех групп. Общая численность лиц, определяемых как do-e-ro/ra, равна, за исключением дублиетов, примерно 140.

Среди do-e-ro/ra без определения te-o-jo речь идет 29 раз о мужчинах и 7 раз о женщинах, в том числе соответственно 4 и 1 раз эти термины стоят во множ. числе. Те-o-jo do-e-ro/ra включают примерно равное число мужчин и женщин, причем они всякий раз рассматриваются индивидуально.

Термин do-e-ro, несомненно, соответствует классическому δόλος. Очевидно, в микенскую пору он произносился δέλος.

Слияние $o + \epsilon$ в ov вполне закономерно¹¹. Отсюда все же еще не следует, что под $do-e-ro/ra$ обязательно следует понимать рабов и рабынь. В гомеровском эпосе слова с основной $do\upsilon\lambda-$ встречаются довольно редко, а основной термин $do\upsilon\lambda\omicron\varsigma$ вообще отсутствует. С. Я. Лурье правильно указал мне, что наличие в эпосе таких слов, как $do\upsilon\lambda\omicron\varsigma\acute{o}\nu\eta$ (Od., XXII, 423), $do\upsilon\lambda\eta$ (Il., III, 409; Od., IV, 12) и $do\upsilon\lambda\omicron\nu\eta\mu\alpha\rho$ (Il., VI, 463; Od., XIV, 340; XVII, 323), доказывает существование в раннее время и слова $do\upsilon\lambda\omicron\varsigma$, аналогично тому как русское «говядина» произошло от выпавшего ныне из словарного фонда «говяда». Это замечание С. Я. Лурье подтвердилось фактом широкого применения в пилосских и кносских текстах термина $do-e-ro$.

Однако имеются ли достаточные основания утверждать, что и выражение $do\upsilon\lambda\omicron\nu\eta\mu\alpha\rho$ возникло уже в микенскую эпоху? С. Я. Лурье считает, что это так, и, следовательно, уже тогда «участь зоего представлялась очень тяжелой»¹². Однако такой вывод представляется все же несколько преждевременным. Ведь эпическое $do\upsilon\lambda\omicron\nu\eta\mu\alpha\rho$ может восходить и к микенскому времени, и, скажем, к периоду составления гомеровских поэм.

Решающим здесь является характер контекстов, в которых встречается не только $do\upsilon\lambda\omicron\nu\eta\mu\alpha\rho$ (или синонимичное $\acute{\alpha}\nu\alpha\gamma\chi\alpha\iota\omicron\nu$) $\eta\mu\alpha\rho$ (Il., XVI, 836), но главным образом его противопоставление $\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\upsilon\theta\epsilon\rho\omicron\nu$ $\eta\mu\alpha\rho$ (Il., VI, 455; XVI, 831; XX, 193). В самом деле, в эпосе все три контекста $do\upsilon\lambda\omicron\nu\eta\mu\alpha\rho$ характеризуют не столько рабский статус, как именно день ($\eta\mu\alpha\rho$) порабощения свободных людей. Это относится и к Il., VI, 463, где Андромаха горюет, что сама она не в состоянии $\acute{\alpha}\mu\upsilon\nu\epsilon\iota\nu$ $do\upsilon\lambda\omicron\nu\eta\mu\alpha\rho$, и к Od., XIV, 340, где спутники Одиссея умышляют против него $do\upsilon\lambda\omicron\nu\eta\mu\alpha\rho$ ¹³, и, наконец, к Od., XVII, 323, где Зевс вместе с $do\upsilon\lambda\omicron\nu\eta\mu\alpha\rho$ лишает человека половины его доблести. Еще более четко выступает этот основной смысл в обращении Гектора к Патроклу (Il., XVI, 831 и 836). Если Патрокл стремится лишить женщин Трои дня свободы ($\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\upsilon\theta\epsilon\rho\omicron\nu$ $\eta\mu\alpha\rho$), то Гектор защищает троянцев от этого фатального ($\acute{\alpha}\nu\alpha\gamma\chi\alpha\iota\omicron\nu$) момента. В других указанных местах «Илиады» $\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\upsilon\theta\epsilon\rho\omicron\nu$ $\eta\mu\alpha\rho$ встречается в том же значении. Рабство

¹¹ Лезен (указ. соч., стр. 130 и прим. 6) предупреждает, что нет необходимости истолковывать этимологически $do\upsilon\lambda\omicron\varsigma$ из основы $do-$ и суффикса $-e\lambda\omicron-$, так как все это слово в целом, возможно, заимствовано из какого-то ближневосточного языка.

¹² ЯКМГ, стр. 270.

¹³ С. Я. Лурье (ЯКМГ, стр. 270) на основании этого места из «Одиссеи» делает вывод, что в гомеровское время уже было широко распространено понимание $do\upsilon\lambda\omicron\varsigma$ как «раба, приобретенного покупкой». Я не нахожу этого оттенка. $do\upsilon\lambda\omicron\nu\eta\mu\alpha\rho$ здесь, как, впрочем, и в других местах эпоса, обозначает лишь потерю свободы, вне зависимости от конкретных способов порабощения. Если бы $do\upsilon\lambda\omicron\nu\eta\mu\alpha\rho$ действительно обозначало в гомеровское время именно покупку раба, этот оттенок ощущался бы и в других контекстах данного выражения.

в глазах поэта тяжело прежде всего не из-за плохих условий жизни раба, а потому, что оно означает лишение величайшего блага человека — свободы.

Если такое понимание *δοῦλιον ἦμαρ* и родственных ему выражений является правильным, то отсюда следуют три вывода. Прежде всего, на одном этом основании нельзя заключать, каково было положение гомеровских рабов, в частности было ли рабство патриархальным или нет. Затем невозможно отсюда делать какие-либо выводы о характере рабства в микенское время. Наконец, появляется возможность, хотя бы гипотетично, приурочить возникновение *δοῦλιον ἦμαρ* ко времени постоянных войн между эллинскими общинами, сопровождавшимися порабощением побежденных. В рассмотренных выше выражениях ощущается не сочувствие к доле рабов-иноземцев, а прежде всего страх перед потерей свободы близкими. Вряд ли период преобладания Микен был подходящим временем для возникновения таких выражений. Его, пожалуй, скорее можно было бы датировать той резкой и насильственной ломкой всех издавна сложившихся и казавшихся неизблемыми отношений, которая последовала во время переселения дорян. Это, разумеется, не единственное, но, на наш взгляд, не менее правомерное предположение, чем гипотеза С. Я. Лурье. Поскольку речь идет о пилосских рабах, *δοῦλιον ἦμαρ* не свидетельствует ни в пользу, ни против утверждения о тяжелом положении рабов микенского времени.

Вернемся к рассмотрению текстов с *do-e-ro/ra*. В небольшой, состоящей из 17 обычно однострочных надписей группе Ae трижды упомянуты *do-e-ro/ra* (Ae, 26, 110 и 303). В Ae 26 говорится о четырех *ko-ru-da-ro-jo do-e-ro o-pi re-mo*. Вероятно, эти рабы некоего Коридала (?) были посланы за зерном (*ἐπι σπέρμα*). От Ae 110 сохранился лишь небольшой фрагмент: *ru-ro, ka-ra-wi-ro-ro-jo do-[e-ro...]*. Название рабовладельца, как обычно, имеет окончание родительного падежа *-o-jo*. Слово *ka-ra-wi-ro-ro* (*κλαφιφόρος*) встречается во многих надписях¹⁴. Его понимают как название должности жрицы Карпации¹⁵. Наконец, в Ae 303 речь идет минимум о 14 рабынях жрицы (*i-je-re-ja do-e-ra*), тоже пребывавших в Пилосе. Эти рабыни находились в какой-то связи со жреческим (или храмовым) золотом (*e-ne-ka ku-ru-so-jo i-je-ro-jo*). Возможно, они стерегли какие-то ценности. Обращает внимание аналогичное построение надписей Ae 110 и 303. Обе они начинаются со слова *ru-ro*, затем следуют в род. пад. имена владельцев рабов (обе — жрицы) и слово *do-e-ro/ra*. Если отломанная правая часть Ae 110 также была аналогична окончанию Ae 303, отсюда можно было бы сделать вывод о пребывании в самом городе Пилосе двух десятков рабынь и рабов, обслуживавших жрицу.

¹⁴ Еб 317, 1; [338, 1]; Ер 704, 7; Jn 829, 2 и др.

¹⁵ ЯКМГ, стр. 314 сл.: «ключарь».

Следующая надпись, Аи 607, сыграла значительную роль в расшифровке Вейтриса и представляет большой интерес по содержанию. К сожалению, последнее не вполне ясно. Ввиду большого значения надписи придется привести ее полностью:

me-ta-ra ke-ri-mi-ja do-qe-ja ki-ri-te-wi-ja *
do-qe-ja do-e-ro pa-te ma-te-de ku-te-re-u-pi
ЖЕНЩИНЫ 6 do-qe-ja do-e-ra e-qe-ta-i e-c-to
te-re-te-we ЖЕНЩИНЫ [[6]] 13

5. do-qe-ja do-e-ro pa-te ma-te-de di-wi-ja do-e-ra
ЖЕНЩИНЫ 3 do-qe-ja do-e-ra ma-te pa-te-de ka-ke-u
ЖЕНЩИНЫ 1 do-qe-ja do-e-ra ma-te pa-te-de ka-ke-u
ЖЕНЩИНЫ 3

vacant 2

ka

vacant 3

* Трич (WP, стр. 411, прим. 11) категорически заявляет: «Не может быть сомнения, что последнее слово было добавлено после заполнения первых двух, даже первых четырех строк», — и предлагает поместить его на месте небольшой лакуны в начале третьей строки. Вряд ли есть основание для столь решительного утверждения. В пилосских текстах нет случаев переноса слов с одной строки на другую. Поэтому последний знак слова ki-ri-te-wi-ja писец был вынужден поместить в той же строке над другими знаками этого слова.

В семи первых строках шесть раз встречается слово do-qe-ja. Текст строится по следующей форме: после do-qe-ja следует название родителей (pa-te и ma-te) и дается количество женщин. С. Я. Лурье¹⁶ остроумно заметил, что исправление писцом в строке 4-й числа женщин с 6 на 13 было вызвано исключением в данный список дополнительно еще 7 женщин (строки 6—8)¹⁷. Дальше обращает на себя внимание то, что все эти женщины были дочерьми рабов или рабынь. Один из родителей всегда определяется как do-e-ro или do-e-ra. На этом основании С. Я. Лурье¹⁸ считает их «полукровками», понимает do-qe-ja как δόλφεια¹⁹ и переводит итоговую фразу в строке 3 сл. как «пусть они будут рабынями для колесничих и телеста».

Такая интерпретация данной надписи во многом, по-видимому, правильна. Однако некоторые моменты все же вызывают сомнения. Прежде всего это касается самого слова *δόλφεια¹⁹, не засвидетельствованного в древнегреческом, что нигде не отмечено С. Я. Лурье. Затем не представляется доказанным, что один из

¹⁶ ВДИ, 1955, № 3, стр. 23.

¹⁷ Ср. также Docs, стр. 168; Lejeune. Op. cit., стр. 132, прим. 20.

¹⁸ Против такого понимания do-qe-ja выдвинул ряд веских возражений Ф. И. Трич (WP, стр. 412, прим. 12; ср. также стр. 413 сл., прим. 16). Как отмечено выше, Беннетт считает do-qe-ja названием божества; такого же мнения придерживается и Палмер (MaM, стр. 106). Лсжея (указ. соч., стр. 132) полагает, что do-qe-ja было названием какой-то профессии.

¹⁹ ЯКМГ, стр. 353 сл.

их родителей обязательно должен быть свободным. Среди четырех случаев, когда указан статус родителей, мы имеем один дублет, в другом случае мать *di-wi-ja do-e-ra* только с некоторой натяжкой может быть сочтена свободной. В отношении толкования *ku-te-re-u-ri* («из горшечников») также возможны сомнения²⁰. Вывод, что в услужении высших должностных лиц Пилоса обязательно должны были быть «полукровки», вряд ли доказан. При таком толковании остается к тому же неясной связь между заглавием, в котором обычно указывалось общее содержание таблички, и записью об их направлении на другую службу. Наконец, при такой интерпретации не представляется убедительным и порядок слов *do-e-ra e-ge-ta-i e-e-to te-re-te-we*²¹. При полной надежности чтения каждое из сомнений можно было бы как-то объяснить или найти ему параллели. Однако при современном состоянии микенской филологии наличие столь большого количества подобных сомнений диктует максимальную сдержанность по отношению к каким-либо широким историческим выводам из не вполне ясных надписей.

Вряд ли можно считать доказанной общую интерпретацию An 607 Тричем²², который полагает, что в ней идет речь о группе рабынь, отправленных из Метаны в Пилос, и даже делает отсюда поспешный вывод об отсутствии рынка рабов в Пилосе. Указание местности в начале надписи обозначает, как правило, местонахождение тех или иных лиц, а не место, откуда они направлены. И уже во всяком случае вне зависимости от понимания *e-e-to* в 3-й строке, тесная связь между *do-ge-ja* и должностными лицами Пилоса представляется несомненной. Существенно замечание Трича, что *do-ge-ja* в строке 6-й и, добавим, во 3-й и 8-й строках были сестрами. Если это так, то данная надпись доказывает: 1) существование длительных смешанных браков между рабами и свободными и 2) что дочери от таких браков оставались в семье, по крайней мере вплоть до того как их можно было использовать для каких-то не ясных нам целей. Все это может быть расценено как свидетельство в пользу существования элементов патриархального рабства.

Отсюда следует также, что в отличие от гортинских законов, согласно которым дети от смешанных браков в зависимости от места жительства супругов считались либо свободными, либо рабами, в Пилосе дочери от таких браков были рабынями.

---

²⁰ Docs, стр. 167; L e j e u n e. Op. cit., стр. 133 и прим. 25. См. также: E. L. V e n e t t. Textual notes: PY An 607.—«Minos», VII (1964), вып. 1, стр. 10; ср. MaM, стр. 106.

²¹ В дословном переводе это должно было бы соответствовать «рабынями колесничим будут телесту». Асиндетическое сочетание, которое С. Я. Лурье здесь постулирует (стр. 175 и 354), не подкреплено никакими иными свидетельствами из пилосских табличек.

²² WP, стр. 413.

Надпись Сп 1287, в которой дважды упоминается слово *do-e-ro*, не вошла в свод табличек, изданных Беннеттом, и была опубликована М. Ланг²³ вместе с рассмотренными выше табличками группы Ас. В ней перечислено 10 человек, после имен и профессий которых следует идеограмма КОЗЫ с последующей цифрой 1 или 2. Профессии субъектов надписи: *a-ke-ro* (ἄγγελος — гонец), *ka-na-re-u* (γναφεός — валяльщик, сукновал), *ke-ra-me-u* (κεραμεός — гончар) и т. д. В строках 6-й и 7-й говорится о *di-u-ja do-e-ro* (раб богини Дивии?) и о *a₂-ra-ko-wo* (рабе некоего *Ke-re-ta*?). Как уже отмечалось, М. Ланг полагает, что в опубликованных ею табличках учитывались работы, связанные с ремонтом колесниц и прочих предметов вооружения²⁴. Люди из Сп 1287, возможно, доставили некоторое количество козьих шкур для ремонта или изготовления оружия.

В следующем классе Е сконцентрированы все без исключений *te-o-jo do-e-ro/ra* и большая часть *do-e-ro/ra* вообще. В этот класс включены тексты с идеограммой 120, обозначающей какой-то вид зерна, вероятно пшеницу. Класс Е охватывает 213 надписей, т. е. около 20% всего корпуса. Некоторые из них довольно длинны. Обращает внимание скрупулезно разработанная, хотя далеко не во всем ясная, система учета аграрных отношений в Пилосе. Все эти обстоятельства уже на первый взгляд свидетельствуют о большом значении земледелия.

В качестве типичной надписи группы Еб может служить, например, Еб 464: *ta-ra-mi-ka te-o-jo do-e-ra e-ke-[qe o-na-to ke-ke-me-na ko-to-na] pa-ro da-mo [to-so-de pe-mo]* ПШЕНИЦА 1 ср. мера («Трамिका — божья рабыня, имеет арендуемый участок общинной (?) земли у дамоса, столько-то зерна: ПШЕНИЦА, 1 ср. мера»). Этот текст полностью дублируется в Ер 705, 10. Все 91 надпись Еб представляют собой краткие записи, составленные по одному образцу. Думается, что это не были выписки из больших ведомостей, но предварительные черновые записи для сводок в дальнейших группах класса Е²⁵. Субъекты, по крайней мере одной трети надписей Еб, *do-e-ro/ra*. Последние включают, если не считать группу *e-qe-si-jo do-e-ro*, 16 мужчин и 12 женщин; *te-o-jo do-e-ro/ra* представлены среди них 9 мужчинами и таким же числом женщин. Прочие *do-e-ro/ra* определяются как *a-pi-me-de-o do-e-ro* (рабы Амфимедея — двое мужчин), *i-je-re-ja do-e-ro* (раб жрицы — мужчина) и *e-qe-si-jo do-e-ro* («рабы колесничих?»). В семи фрагментарных надписях принадлежность *do-e-ro/ra* не указана. Как правило, все они перечисляются поименно. Размеры земельных участков, исчисляемые в средних мерах зерна, колеблются у них

²³ АЖА, 62(1958), стр. 183.

²⁴ М. Ланг. Указ. соч., стр. 190 сл.

²⁵ Подробнее о порядке записей в надписях класса Е см. Е. Л. Веллетт, Jr. *Landholders...*, стр. 103—106.

от 0,5 до 18 мер.²⁶ Все же из 22 случаев 13 до-е-го/га владеют участками, соответствующими не более, чем 12 малым мерам. Притом никто из свободных в группе Еб не имеет столь малых участков, как эти 13 человек²⁷. Определить точное количество е-ге-си-жо; до-е-го (Еб 847) не возможно. Их, несомненно, было несколько; об этом свидетельствуют слова е-ко-си и особенно ку-су-ра (ито-го). Если учесть, что в среднем на каждого до-е-го приходится около 12 малых мер зерна, а е-ге-си-жо до-е-го получают 82 меры, можно полагать, что их было семь²⁸.

В 1962 г. к надписям этой группы прибавилась еще одна — Еб 1440²⁹. В соединении с Еб 152 она повествует о божьей рабыне Эрикии, получившей от дамоса участок земли размером в одну меру зерна.

Исключительно интересна Ес 411 — единственная надпись этой группы, где упомянут анализируемый термин. Ее текст ку-су-то-го-ра₂³⁰ ра-то[...] те-ре-та ПШЕНИЦА 44 больших меры ка-ма-е-ве ПШЕНИЦА 58 больших и 5 средних мер те-о-жо до-е-га [...]. Эта надпись обстоятельно разобрана в литературе³¹. Первые два слова дают греч. ξύστροφα πάντων (сумма всех). Затем указывается, что тереты имеют землю, равноценную 2640, а ка-ма-е-ве (держатели ка-ма, рядовые земледельцы(?)) — 3510 малых мер. На боковой грани таблички имеется запись слов «божьи рабыни». К сожалению, сумма их участков не сохранилась. Если те-о-жо до-е-га в самом деле являлись третьей категорией, то население Пилоса в то время подразделялось в плане земельных отношений на три основные группы: крупных землевладельцев, или теретов, затем рядовых земледельцев и, наконец, божьих рабов. Показательно, что небольшая группа теретов — С. Я. Лурье считает, что их было четыре³², — владела лишь не намного меньшим количеством земли, чем масса рядовых земледельцев.

²⁶ В Еб 847 указаны 82 малых меры, но здесь речь идет о нескольких рабах.

²⁷ Только в Еб 874+902 указаны три малые меры для неназванного [ко-то-по]о-ко. Здесь Беннетт, очевидно, без достаточных оснований соединил два фрагмента разных надписей.

²⁸ На этом основании в таблице в графе Еб (см. выше, стр. 172) было указано число 35 до-е-го/га для группы Еб.

²⁹ См. С. W. Vlegen and M. I. ang. The Palace of Nestor Excavations of 1962. — АЖА, 67(1963), стр. 161.

³⁰ По-видимому, ку-су-ра₂ в Еб 847 — сокращенное обозначение ку-су-то-го-ра₂.

³¹ См. Docs., стр. 264; ЯКМГ, стр. 225 и 237 сл.

³² Вряд ли для этого имеются достаточные основания. Правда, в надписи Ег 312 указано, что три терета владели в общей сложности землей, равноценной 1800 малым мерам. Однако они перечислены здесь сразу же после ванак и лавагета. По-видимому, это были наиболее крупные землевладельцы. Трудно полагать, что на долю четвертого тереты приходился эквивалент 850 мер. А. И. Тюменев, вслед за многими другими исследователями, считал, что в одних только Сфагиях было 13 или 14 теретов (ВДИ, 1959, № 4, стр. 29 сл.). Количество теретов в Ес 411, к сожалению, остается неизвестным.

Надписей группы Еп и Ео немного (соответственно 4 и 14); зато они довольно велики, притом во многом повторяют друг друга. В качестве типичной для них можно указать на Ео 160, начинающуюся со слов: *pi-ke-re-wo ko-to-na ki-ti-me-na to-so-de pe-mo* ПШЕНИЦА 2б. и 5 ср. мер *ai-wa-ja te-o-jo do-e-ra e-ke-ge o-na-to pa-ro-pi-ke-re-we* ПШЕНИЦА 1 ср. мера. «Пикрея собственная (?) земля, столько-то зерна — 2 б. и 5 ср. мер. Айвая — божья рабыня, имеет арендуемый участок у Пикрея — 1 ср. меру». Далее в этой надписи перечисляются другие держатели земли Пикрея. Прочие надписи группы Ео построены по такому же образцу.

Имена тех же земельных собственников и их арендаторов, причем с такими же размерами участков и в том же твердо установленном порядке, повторяются и в соответствующих табличках Еп. Но в надписях Еп объединено по несколько крупных землевладельцев, в то время как каждая табличка Ео посвящена одному крупному землевладельцу. Кроме того, несколько различны и вводные фразы. Соответствующим образом в Еп 74, 20—21 читается: *pi-ke-re-wo ko-to-na ki-ti-me-na to-so-de pe-mo* ПШЕНИЦА 2б. и 5 ср. мер *o-da-a₂ o-na-te-re e-ko-si pi-ke-re-wo ko-to-na*. «Пикрея собственная (?) земля, столько-то зерна — 2 б. и 5 ср. мер. Вот, что арендаторы имеют из земли Пикрея». Дальнейшие строки Еп 74 полностью совпадают с продолжением Ео 160. Владения крупных землевладельцев несколько, а иногда и значительно превосходят общие размеры арендуемых у каждого из них земель³³. Так, например, Амарута, владеющий землей, эквивалентной 138 малым мерам (Еп 609, 10; ср. Ео 224, 1), сдает в аренду в общей сложности земли, равноценные 51 мере (там же); соответствующие данные для Пикрея составляют 15б и 48 мер (Ео 160), а для Ваната — 121 и 35 мер (Еп 609, 3—8). С другой стороны, Айтиоп, очевидно сдает в аренду почти всю свою землю. Его земля соответствует в целом 94 мерам, а в аренду он сдает шесть участков, равноценных в общей сложности 90 малым мерам земли (Еп 74, 11—18).

Именно эти две группы надписей лежат в основе концепции некоторых западных ученых о феодальном строе в Пилосе (Палмер, частично Уэбстер и др.). Сторонниками этой концепции общество Пилоса изображается как феодальное главным образом потому, что во главе его стоят «бароны» — тереты, а рядовые земледельцы-арендаторы считаются крепостными теретов. Эта концепция базируется лишь на поверхностных аналогиях, прежде всего на молчаливом отождествлении арендаторов с крепостными.

Между тем сущность производственных отношений при феодализме не обязательно характеризуется наличием крупной земельной собственности, сдаваемой в аренду. Широко распространенная аренда характерна для многих как рабовладельческих, так и

³³ Это наглядно показал на ряде диаграмм-чертежей Бешнетт в цитированной выше статье о держателях земли в Пилосе.

капиталистических стран. Кстати сказать, даже наиболее рьяные приверженцы концепции феодализма в Пилосе не решаются, насколько мне известно, утверждать, что непосредственные производители были здесь прикреплены к земле. Такие арендаторы, как, например, e-ko-to te-o-jo do-e-ro, арендуют разные участки одновременно у трех землевладельцев (Ер 74,7 — у ru-83-o; Ер 74, 17 — у ai-ti-jo-fo; Ео 247,2 — у Pi-ke-re-wo). Другой «божий раб» ta-ra₂-to арендует тоже три разных участка (Ер 74,15; 659, 6 и 10). К тому же wa-na-ta-jo, сам являющийся и крупным собственником, согласно Ер 609, 3 (126 малых мер), арендует у a-ma-ru-ta небольшой участок размером в 6 мер (Ер 609, 15). Странный феодализм, при котором крупный феодал вдруг сам оказывается мелким «крепостным» у другого феодала³⁴. Многие te-o-jo do-e-ro арендуют землю не только у крупных землевладельцев, но и pa-ro da-mo, причем эти участки, как правило, равны или превосходят по размерам участки, арендуемые ими у крупных землевладельцев.

Несколько иной характер имеют шесть надписей группы Ер, где учтены лица, получающие землю pa-ro da-mo. В этой группе перечисляются различные do-e-ro, главным образом te-o-jo, причем последним полностью посвящены Ер 212 и 705. Имена их — те же, что в предыдущих трех группах, но списки более полны. Всего в Ер насчитывается 37 do-e-ro/ra, из них 21 мужчина и 16 женщин. Основную группу (31 человек) составляют «божьи рабы» (15 мужчин и 16 женщин). Остальные do-e-ro включены в Ер 539 и принадлежат, очевидно, частным лицам: трое — Амфимедею, один — Карпати и двое — какой-то жрице. Участки частновладельческих do-e-ro по размерам несколько отличаются от участков te-o-jo do-e-ro. Рабы жриц получают минимальные участки, эквивалентные 2 и 3 малым мерам. Но один из do-e-ro Амфимедея имеет участок в 8 ср. мер (Ер 539, 11). С. Я. Лурье подчеркнул уже важное значение того факта, что частновладельческие рабы арендуют землю pa-ro da-mo. Это свидетельство их относительной самостоятельности.

Для сравнительной характеристики веса do-e-ro в аграрных отношениях Пилоса стоит указать, что в тех же надписях группы Ер, где идет речь о do-e-ro/ra, перечислено десять свободных арендаторов (Ер 617+1121 + 1131). Их участки в среднем превышают участки te-o-jo do-e-ro в 3—4 раза. В группе Ео среди арендаторов мы находим, кроме 22 do-e-ro/ra, пять свободных (Ео 160, 3; 211, 2; 224, 5 и 8; 247, 7; 276, 2 и 444, 3). Указывая размеры участков te-o-jo do-e-ro, мы суммировали размеры участков, арендуемых одним и тем же лицом у разных землевладельцев. Тот же принцип был применен и для свободных арендаторов.

³⁴ Ср. S. Luria. Zur Kitemena/Kekemena Frage. «Minos», VI (1958), № 2, стр. 163 сл.

Отличие этих чисел от приводимых в ЯКМГ (стр. 241 сл. и 277—281), вызвало до некоторой степени тем, что С. Я. Лурье считает *ki-ri-te-wi-ja* рабынями. Такое толкование связано с тем, что это слово встречается в Ap 607, где он понимает *do-ge-ja* как полукровок. Однако слово *ki-ri-te-wi-ja*, встречающееся трижды в пилосских текстах, нигде не сочетается непосредственно с *do-c-ra*. Это особенно ясно ощущается в Ep 704,4 и Eb 321 + 327, в которых не могло быть случайно опущено определение их как рабынь³⁵. Тем более нет оснований считать их привилегированными рабынями.

Обзор текстов *te-o-jo do-e-ro/ra* позволяет сделать о них некоторые, правда довольно скудные, выводы. Если бы не сам термин, у нас не было бы оснований считать их рабами. В отличие от дворцовых рабынь все *te-o-jo do-e-ro/ra* названы по именам и, очевидно, обладали в экономическом плане определенной самостоятельностью. В качестве арендаторов они вели хозяйство на свой риск; будучи арендаторами у разных землевладельцев, они, возможно, сами выбирали приглянувшиеся им участки земли и располагали излишками урожая. Эти преимущества выступают особенно ярко³⁶ в сравнении с дворцовыми рабынями и рабами, которые получали продовольствие на отряды в целом, не имели семей и собственности, а дети их, как мы видели, осуждены были на такое же рабское существование.

В отличие от частновладельческих рабов *te-o-jo do-e-ro/ra* не принадлежали и, видимо, не находились в подчинении у какого-то одного хозяина. Они самостоятельно арендовали землю у крупных землевладельцев и у *da-to*. Все же они нигде не охарактеризованы как собственники земли. По всей вероятности, они ее и не имели, а черпали средства существования из обработки арендуемых ими небольших участков.

Экономическое положение *te-o-jo do-c-ro*, естественно, было многим хуже, чем тех свободных людей, которые арендовали значительно большие участки и, по-видимому, располагали другими источниками пропитания. Немногие свободные арендаторы небольших участков, перечисленные вперемежку с *te-o-jo do-e-ro/ra*, характеризуются в надписях как люди определенных профессий и, надо полагать, заработков. Таковы, например, в Eo 160, 3 *ka-na-pe-u wa-na-ka-te-ro* (ἄναφείς βασιλικός — царский валяль-

---

³⁵ Cp. L e j u n e, Op. cit., стр. 132, прим. 18 и B e n n e t t. Landholders..., стр. 132; e г о ж е. Textual notes..., стр. 8 и 12. Беннетт склонен считать *ki-ri-te-wi-ja* религиозным термином (ср. также MaM, стр. 106).

³⁶ Беннетт (Landholders..., стр. 130) с преувеличением говорил о них: «Несомненно фактически они не были рабами, но были почтенными, хотя, возможно, и низкими членами общества». На их «почтенность» в надписях нет ни малейшего намека, а низкое положение действительно засвидетельствовано не только тем, что они пазывались *do-e-ro/ra*, но и размерами арендуемых ими участков.

щик или сукновал), в Ео 211,2 e-te-do-mo (*ἐντεδομός — оружейник) и др. Правда, и te-o-jo do-e-ro могли быть не только арендаторами, но и работать дополнительно, например в храмах. Однако об этом нет сведений в источниках, а некоторые рассматриваемые несколько ниже данные о i-je-re-je-o do-e-ro косвенно противостоят такому предположению.

Упомянутая небольшая группа частновладельческих рабов, прежде всего Амфимедея, находилась, очевидно, на положении, сходном с положением te-o-jo do-e-ro. Частновладельческие do-e-ro также выступают в надписях индивидуально, арендуя землю и у крупных земельных собственников, и у da-mo. Характерна надпись Ер 539, 10 слл. Здесь перечислены три раба Амфимедея, арендующие у da-mo участки, эквивалентные 1,8 и 2 ср. мерам. В конце надписи об их владельце сообщается, что арендуемые им земли равноценны 46 средним мерам. Отсюда можно заключить, что три раба Амфимедея пользовались некоторой хозяйственной самостоятельностью, с той только оговоркой, что они, видимо, были обязаны какими-то не известными нам повинностями по отношению к своему господину. I-je-re-ja do-e-ro тоже нигде не смешиваются с te-o-jo do-e-ro³⁷. Думается, что речь тут идет о частных рабах жриц, которые находятся на таком же положении, как рабы Амфимедея.

Некоторый свет на их положение проливает рассмотренная выше надпись Ae 303³⁸. Вероятно, к категории жреческих, но не «божьих» рабов принадлежали также несколько женщин и мужчин, пожертвованных вместе с золотыми сосудами отдельным божествам пилосского пантеона (Tn 316)³⁹.

К категории рабов, связанных с культом, относятся и do-e-ro из группы Es, состоящей из 15 надписей. Две из них (Es 644 и 650) представляют список одних и тех же 13 имен, перечисляемых в установленном порядке. Рядом с каждым именем указано количество зерна, колеблющееся в очень широких границах: в первой надписи от 57 до 3 и во второй от 420 до 18 малых мер. Числовые данные в обеих надписях строго пропорциональны. Вне зависимости от того, имеем ли мы здесь дело с полученным⁴⁰ или с платежом⁴¹ каких-то взносов, несомненно, что в надписях перечислены

³⁷ Ввиду того, что в надписях класса E часто идет речь о рабах жрицы, но не упоминаются рабы жреца, Беннетт выдвинул предположение, что Амфимедей был жрецом; таким образом, упомянутые в Ер. 539, 10—12 рабы Амфимедея также являлись бы рабами храма. В концениции Беннетта ликвидируется различие между te-o-jo do-e-ro/ra и рабами жрецов или светских лиц.

³⁸ Обстоятельный анализ этой таблички дал Ф. И. Трич (WP, стр. 409—411).

³⁹ О надписи Tn 316 см.: M. S. Ruiperez. Mykenische Pe-re-sa2 «Persephone». «Minoica», стр. 359—364; W. Meurlingen. Deux observations concernant Pylos Tn 316. «Athenaeum», XLVI, (1958), № 4, стр. 89—94.

⁴⁰ ЯКМГ, стр. 289.

⁴¹ Docs, стр. 278 сл.

лица различного достатка. Прочие надписи Es построены так, что каждая из них начинается с имени одного из 13 лиц, перечисленных в первых двух надписях, и со слова *po-se-da-o-ne*, после чего следует одинаковый текст, отличающийся только количествами зерна. Видимо, каждая из надписей представляет собой посвящение Посейдону и, возможно, другим богам. Среди упомянутых 13 человек имелись два *do-e-ro*. Один из них, *we-da-ne-wo do-e-ro*, встречается в Es 644,6; 650, 6 и 703,1. Второй определен в Es 650,5 как *a-te-mi-to do-e-ro*, но в других местах фигурирует под своим именем без определения (Es 644,5 и 653,1). Возможно, что эти 13 человек составляли какой-то *фиас*, причем два из его участников были рабами Артемиды и Веданея. Что обозначает последнее имя, определить трудно. С. Я. Лурье считает его богом, Вентрис — должностным лицом. Учитывая участие этих *do-e-ro* в коллегии, в состав которой входили богатые люди, нельзя, пожалуй, и одного, и другого считать частновладельческими рабами. Все же причитающиеся им или вносимые ими суммы значительно меньше, чем взносы всех (кроме одного) свободных лиц из тех же надписей. Таким образом, надписи Es свидетельствуют об участии неких рабов на равных правах со свободными богачами в религиозных коллегиях.

Для группы Fп, характеризуемой идеограммой 121, под которой понимается обычно ячмень, мы располагаем двумя десятками надписей. В каждой строке одно-два слова в дательном падеже и затем указывается относительно небольшое количество зерна (от 2 до 40 малых мер), причем явно преобладают малые цифры. Наряду с идеограммой 121 в этой группе иногда встречаются идеограммы, обозначающие *инжир* и *оливки*. Как указывает падеж, здесь учитывалось распределение продовольствия.

Слово *do-e-ro-i* (дат. множ.) встречается здесь в трех надписях (Fп 50, 324 и 867). Наиболее интересна первая. В строках 4-й и 9-й указаны небольшие выдачи зерна для 11 человек. Размеры выдач колеблются от 2 до 3 малых мер. Только в 9-й строке говорится о четырех мерах, но окончание *-u-si* указывает на множ. число. Правда, в первых трех строках повторяется слово *pa2-si-re-wi-ja*, соответствующее греч. *βασιλεία*, однако в них количество зерна не указано. В строках 11—14 после имени собственного в род. ед. следует *do-e-ro-i* с указанием в общей сложности 30 малых мер. Итак, в самом конце списка предусматривались выдачи и рабам. Имена этих рабов, в отличие от свободных, нигде не названы.

Норма выдачи для свободного составляла 2—3 меры. Так как минимальная норма выдачи группам рабов равна 3 мерам, на каждого раба приходилось не более, чем 1,5 малых меры, т. е. вдвое меньше, чем на свободного. Такое же соотношение мы находим в классическую пору. Очевидно, рабу выдавалось на

пропитание 1—1,5 меры зерна. В таком случае общее количество рабов в Fп 50 составит от 20 до 30 человек. В большой аналогичной надписи Fп 324, 27 также указаны [...]gu-ro-to-re-mo-jo do-e-ro-i ЯЧМЕНЬ 6 малых мер. По-видимому, у Ев[риптолема]⁴² было 4—6 рабов.

Анализируемый термин встречается еще в Fп 867, 4; однако это простой дублет Fп 50, 12 и не добавляет ничего нового. Общее число рабов в Fп составляет, таким образом, от 24 до 36 человек.

Последняя группа, в которой упоминаются do-e-ro,— это Jп (31 надпись). Она характеризуется идеограммой 140, обозначающей бронзу. В пяти табличках Jп в параллельных контекстах говорится о do-e-ro. Большая часть надписей этой группы начинается со слов: ka-ke-we ta-ra-si-ja e-ko-te (χαλκῆFες ταλασία ἔχουτες — кузнецы, имеющие задание). Затем перечислены отдельные лица с указанием количества бронзы у каждого из них. Вторая половина этих надписей начинается со слов to-so-de a-ta-ra-si-ja ka-ke-we (столько-то кузнецов без задания); в дальнейшем и здесь следуют имена, но без идеограммы бронзы.

В Jп 310, 11—12 после слов to-so-de do-e-ro следуют имена четырех кузнецов в родительном падеже единственного числа. Все эти имена указаны в той же надписи среди обеих категорий кузнецов. Аналогично в Jп 413, 7 упомянут do-e-ro Декта, в Jп 750—рабы трех других лиц, а на обороте Jп 706 — рабы, вероятно, еще пяти кузнецов. Не вполне ясен контекст в Jп 431+433, 11, где говорится о qe-[ta-ko]-jo do-e-ro (рабе Кетака).

Итак, в группе Jп мы находим отряд do-e-ro, работающих у кузнецов и, вероятно, им принадлежащих. Такие рабы учитываются наряду с сырьем — бронзой. Не видно, чтобы их наличие сильно отражалось на объеме производства. В надписях, как правило, указаны одинаковые количества бронзы у отдельных лиц, между тем только некоторые из них имеют рабов (ср. i-wa-ka в Jп 310 и e-u-we-to-ro в Jп 750). В Jп 750 упомянутый Кетак получает бронзы меньше, чем прочие кузнецы. Быть может, здесь говорится лишь о рабах, выданных кузнецам казной.

Что касается имен⁴³ рабов и рабынь, то в пиловских текстах указаны 54 таких имени (30 мужчин и 24 женщин). Среди них 24 мужчины и 23 женщины принадлежат к te-o-jo do-e-ro. Многие имена рабов, как отмечает Лежен, догреческого происхождения.

⁴² Надо согласиться с С. Я. Лурье (ЯКМГ, стр. 284), указавшим на невозможность понимания этих do-e-ro-i как военнопленных (Фурумарк). Между слоговыми знаками gu и ro нет разделителя.

⁴³ Обстоятельный обзор ономастики рабов см. у Лежена (указ. соч., стр. 136 сл.).

Некоторые образованы по профессии или по месту происхождения рабов (me-te-u, греч. *μηλεύς* — пастух; to-ro-ja, *Τρωία* — троянка; te-ra₂-ja, *Θηβαία* — фивянка). Обращают на себя внимание имена: te-se-u — очевидно, Тесей, и e-ko-to — вероятно, Гектор. В отличие от имен знатных лиц, составленных из двух основ типа «Эхелаон», имена рабов одноосновные.

Нами указаны все свидетельства о do-e-ro в пилосском корпусе. Их вполне достаточно для вывода о том, что значение анализируемого термина полностью соответствовало широкому диапазону значения *δοῦλος* в классическую пору. Однако положение разных групп do-e-ro было весьма различным. Наряду с божьими рабами мы встретили жреческих и частновладельческих рабов. Если te-o-jo do-e-ro фактически пользуются свободой и выступают индивидуально, то большая группа частновладельческих рабов определяется просто как безымянные рабы (или даже «раб») такого-то.

Принадлежали ли к числу do-e-ro/ra дворцовые рабыни и рабы группы Aa, Ab, Ac и Ad? Правда, ни в одной из надписей этих групп они так не называются. Однако в аналогичных кносских текстах такое доказательство имеется. Кносская надпись Ak 824 читается: a-pi-qa-i-ta do-e-ra ЖЕНЩИНЫ 32 ko-wa me-zo-e 5 ko-wa me-wi-jo-e 15 ko-wo-me-wi-jo-e 4. Сходство между Ak 824 и пилосскими Aa и Ab бросается в глаза. И здесь, и там речь идет об отрядах женщин с девочками и мальчиками. Различия лишь следующие: 1) в Кноссе девочки подразделены на две возрастные группы, в то время как в Пилосе такое подразделение проводилось лишь в отношении мальчиков, учитываемых в Ad; 2) кносские женщины прямо названы do-e-ra. Учитывая близость языка и системы записи кносских и пилосских документов, следует полагать, что женщины из пилосских отрядов также назывались do-e-ra. Этот термин, очевидно, прилагался в Пилосе ко всем категориям рабов.

* * *

В заключение стоит остановиться на нескольких общих вопросах и выводах. В первую очередь возникает вопрос: нет ли противоречия между картиной социально-экономических отношений микенской Греции, получаемой на основании археологических памятников, и сведениями о рабстве в Пилосе, почерпнутыми из надписей? Обе группы источников освещают различные аспекты одного и того же общества. Археологические данные позволяют установить главные вехи социально-экономического развития микенской Греции, проследить не только возникновение классового общества и государства в Микенах (XVI в. до н. э.), но и наметить периодизацию его развития: время расцвета (XV—XIV вв.) и упадка (XIII век) задолго до переселения дорян. Тот же круг источников показывает, что центрами классовых обществ

Пелопоннеса были дворцы правителей Микен, Тиринфа, позже Пилоса и одной-двух других местностей континентальной Эллады. Наряду с дворцами и шахтовыми, а затем купольными, гробницами — местами прижизненного и посмертного пребывания ахейских царей и их семей — наличие внушительных камерных гробниц доказывает существование богатых и, очевидно, знатных семейств. В то же время инвентарь множества погребений, особенно в поселениях, далеких от дворцов, свидетельствует о весьма еще незначительной имущественной и социальной дифференциации рядового населения сельских местностей Пелопоннеса. Здесь почти отсутствуют золотые и серебряные предметы, но вообще очень мало ремесленных изделий, кроме рядовой керамики. Классовые отношения развивались в непосредственной близости к дворцам.

Однако археологические памятники при всем их богатстве не дали ответа на один из основных вопросов, интересующих историка-марксиста: каково было положение непосредственных производителей, в частности рабов, в микенских обществах? На этот вопрос отвечают пилосские таблички. Они позволяют установить два главных момента: наличие нескольких сотен организованных по отрядам дворцовых рабынь и использование рабского труда в сельском хозяйстве и ремесле самого Пилоса и прилегающей округи. Эти сведения, касающиеся главным образом дворцового хозяйства, дополняют и конкретизируют археологические данные, освещая те стороны жизни микенского общества, которые не поддаются определению при помощи предметов материальной культуры. Письменные сведения об организации ремесленного производства, податной системы и т. д. вполне подтверждают картину социально-экономических отношений, полученную путем анализа памятников материальной культуры.

Важнейшим выводом как из археологических, так и из эпиграфических памятников является подтверждение классового характера дворцовых центров микенской Греции. Если археологические памятники рисуют достаточно отчетливую картину возникновения, расцвета и даже упадка древнейших классовых обществ на материке Европы, то пилосские надписи дают как бы моментальный снимок Пилоса накануне его гибели, показывают социальный состав и внутренние противоречия этого общества.

Данные надписей дают возможность сделать еще один важный шаг и установить на конкретно-историческом материале не только классовый, но и рабовладельческий характер пилосского общества. Рабы и рабыни составляют количественно наиболее многочисленную категорию населения, учитываемого в наших документах. Это, как собою разумеется, не предопределяет решения вопроса о численном соотношении отдельных социальных групп во всем пилосском царстве. Аграрные отношения — а зем-

деление в сочетании со скотоводством, несомненно, было основной экономики ахейских государств — нашли далеко не полное отражение в табличках, в которых вообще не учитываются самостоятельные крестьянские хозяйства.

Какие бы ни подставлять мало-мальски возможные цифры под пилосские меры зерна — Вентрис и Чадвик считали малую меру равной двум литрам, — площадь учитываемой в табличках земли ничтожно мала. Принимая эту единицу измерения, мы получим, согласно Ес 411, в общей сложности 12,3 тонны зерна. Урожай от такого количества зерна в оптимальном случае мог бы прокормить всего лишь около 500 человек в год. Поэтому данные табличек могут относиться только к Пилосу и его ближайшей округе.

Оставаясь в кругу сведений, сообщаемых табличками, надо отметить, что неслучайно отряды рабынь и рабов в количественном отношении во много раз превосходят численность свободных ремесленников, а число *te-o-jo do-e-ro/ra* в надписях класса Е намного больше числа свободных арендаторов. Вне зависимости от того, какое положение занимали *te-o-jo do-e-ro* в пилосском обществе, происхождение этой социальной группы как-то связано с рабством; в противном случае они бы не назывались *do-e-ro*. Рабский труд засвидетельствован, наконец, и в кузнечном ремесле, хотя здесь, как и следовало ожидать, число свободных ремесленников во много раз больше количества рабов.

Структура пилосского государства резко отличается от организации эллинских полисов классического времени. После переселения дорян мы не встретим на Балканах больших дворцовых хозяйств. Дошедшие до нас, например, отчеты иеропеев храма Аполлона Делосского рисуют совсем иную картину, чем пилосские тексты. На Делосе не было ни дворца, ни множества отрядов, состоящих на учете и довольствии храмовой администрации, ни, наконец, божьих рабов-арендаторов. А ведь эти три момента как нельзя более характерны для Пилоса. Поиски каких-либо аналогий дворцу Нестора и вообще микенским дворцам неизбежно ведут только к ближневосточным обществам III и II тысячелетия до н. э. Разумеется, и эти общества во многом отличались друг от друга: Египет от Двуречья, оба они от Хеттского царства, а последнее от обществ Сирии. Однако во всех этих обществах существовали крупные царские или храмовые хозяйства. Они обслуживались многими сотнями рабов, а письменность возникла и применялась здесь главным образом для учета рабочей силы и материальных ценностей. Между античными полисами имелись весьма существенные различия в зависимости от условий времени и места. Однако все эти полисы принадлежали к одному типу городов-государств. Точно так же царские или храмовые дворцы III—II тысячелетий представляли собой единый тип социальной орга-

низации вне зависимости от существовавших между ними различий.

Разумеется, микенские раннеклассовые общества не возникли на пустом месте. Димини, Лерна, Мальти-Дорион и Кюсс — звенья одной и той же цепи. Через эти звенья тянется непрерывная восходящая линия развития к Микенам и Пилосу. Дворцы микенского времени выросли непосредственно из родовых поселков, а «дворцовые бюрократии» (Доу) из племенной верхушки. Очевидно, во II тысячелетии процесс становления классовых обществ и государства мог идти только тем путем, которым прошли передовые страны эпохи. Под воздействием и по образцу более развитых восточных обществ ускорилось образование классов и возникновение государственного аппарата на западной периферии Переднего Востока, в Элладе. Древнейшие классовые общества на территории Европы могли, очевидно, принять лишь такую форму, которая соответствовала уровню развития их экономики. Такой формой в ранних классовых обществах были, очевидно, дворцовые рабовладельческие хозяйства.

Класс рабов в Пилосе пополнялся за счет трех основных источников. Первым и главным были войны и набеги, сопровождавшиеся порабощением или хищением женщин и детей. Трудно представить себе, каким иным путем могли быть созданы многочисленные отряды дворцовых рабынь. Несмотря на некоторое ограничение числа отрядов, созданных по этническому признаку, все же среди наименований остаются еще такие, как «лемнянки» (Ab 186) и др. Название *ga-wi-ja-ja* (Aa 807; Ab 586), толкуемое обычно как «пленницы», также указывает на тот же источник пополнения рабынь.

Вторым источником было естественное воспроизводство — домо-рожденное рабство. Оно, видимо, играло несколько меньшую роль, чем войны и набеги. Число малолетних детей в отрядах дворцовых рабынь немногим лишь уступает численности взрослых женщин. Несмотря на большую смертность, все же часть детей выживала и пополняла класс рабов. Об этом свидетельствуют надписи Ad, в которых учтены сотни мальчиков и юношей-рабов. Дочери от смешанных браков между рабами и свободными также оставались рабынями (An 607).

Наконец, третьим источником рабства была, очевидно, купля-продажа рабов. Правда, для Пилоса этот источник не засвидетельствован и вряд ли мог иметь существенное значение. Однако кносские надписи B 822 и X 1037 информируют о покупке раба и рабынь. Обращает внимание отсутствие каких-либо сведений о рабстве-должничестве как в Пилосе, так и в Кноссе.

Существование резкой грани между рабами и свободными прослеживается в Пилосе на двух группах фактов. Во-первых, рабы в отличие от свободных предстают перед нами как безымянная масса. Это относится не только к отрядам дворцовых рабынь и

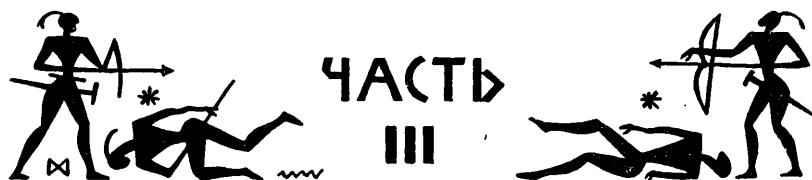
рабов, но и к рабам кузнецов, рабам Коридала (?) и Еврпистолема рабыням жриц, дочерям от смешанных браков и т. д. Индивидуально выступают почти исключительно te-o-jo do-e-ro/ra. То, что рабы определяются только именем их владельца, отражает отношение к ним как к предмету собственности и полностью соответствует безличному характеру рабынь дворцовых отрядов. Во-вторых, нормы довольствия рабов были примерно вдвое меньше, чем свободных. То же следует сказать и об участках, арендуемых рабами. Если отвлечься от немногих исключений, средние размеры участков рабов, в том числе и te-o-jo, значительно уступают участкам свободных арендаторов.

Многие важнейшие моменты, касающиеся рабства, продолжают оставаться неясными. Прежде всего это относится к самому дворцовому хозяйству. В нем состоят на учете многие сотни женщин с сотнями их детей и около 250 юношей и подростков, сыновей этих рабынь. Возникает естественный вопрос: где же рабы-мужчины или же, по крайней мере, где взрослые сыновья этих рабынь? Если предположить, что все эти рабыни были трофеями какой-то крупной грабительской экспедиции типа Троянской войны, тогда можно было думать, что, согласно практике, засвидетельствованной эпосом, мужчины — защитники побежденных городов — были перебиты, а их жены и дети привезены в Пилос и другие центры микенской Греции. Этим объяснилось бы падение большого количества рабынь при отсутствии взрослых рабов. В таком случае юноши группы Ad представляли бы собой, скажем, детей, рожденных еще на родине этих женщин, а дети, числящиеся в составе женских отрядов, родились бы уже в рабстве. Такая гипотеза, разрешая перечисленные трудности, является наиболее легким, но все же не лучшим решением. Она оставляет открытым вопрос о том, как было организовано обслуживание дворца в Пилосе до этой постулируемой экспедиции. Между тем хотя раскапываемый Блегеном дворец Нестора существовал значительно меньше времени, чем его микенский и тирийский собратья, но все же никак не меньше одного-двух столетий. Поэтому необходимо какое-то другое объяснение отсутствия отрядов взрослых рабов в Пилосе.

Кстати сказать, и в «Одиссее» наблюдается, во всяком случае на первый взгляд, то же явление. Поэт сообщает, что у Алкиноя и Одиссея имелось по 50 рабынь, но хранит молчание о рабах Алкиноя; о рабах же Одиссея мы узнаем мимоходом из рассказа Евмея. Если эти упоминания в «Одиссее» являются смутной реминисценцией микенского времени, тогда они подтверждают данные табличек относительно отрядов рабынь. Если же свидетельство поэта относится к более позднему времени, то и в таком случае оно доказывает концентрацию в царском хозяйстве гомеровского времени значительного числа одних только рабынь. Следовательно, самая возможность существования такого рода хозяй-

ственной структуры не вызывает сомнений. Весь вопрос в том, как объяснить отсутствие значительного числа рабов-мужчин в Пилосе.

Быть может, ответ на этот вопрос дадут найденные в 1957 г. таблички Ас. Если в них действительно учтены иногородние рабы, присланные во дворец для выполнения каких-то производственных заданий, тогда разрыв между числом рабынь и рабов окажется значительно меньшим. Быть может, не слишком рискованно и предположение, что властители Пилоса стремились держать отряды взрослых рабов-мужчин вдали от своей столицы, оставляя рабынь для обслуживания самого дворца?

РАБСТВО
В ГОМЕРОВСКОЙ ГРЕЦИИ

Глава 1

ПРОБЛЕМА РЕГРЕССА В ПОСЛЕМИКЕНСКОЕ ВРЕМЯ

Переселение дорян и начало Великой колонизации — важнейшие вехи в истории доклассической Греции. Период между этими рубежами (XI — первая половина VIII в.) у нас принято называть гомеровским. В западной историографии он вплоть до последних лет с легкой руки Эд. Мейера обычно назывался «греческим средневековьем»¹ (Mittelalter, Middle Age или Dark Age). Заслугой этого исследователя было то, что он впервые подчеркнул резкое различие между микенским и последующим эллинским миром. Однако поиски средневековых, т. е. феодальных, отношений в послемикенской Греции оказались несостоятельными. Социальное содержание гомеровского периода сводится к медленному вначале, а затем все более быстрому разложению родового строя и созреванию элементов классового общества.

Первые два века гомеровского периода теперь все чаще называют переходным² периодом. Действительно, в культуре XI—X вв. наблюдается много пережитков микенского времени, а новый строй жизни только зарождается; поэтому выделение их в особый период представляется оправданным. Тем не менее, учитывая отсутствие дворцов и письменности, предпочтительнее считать эти два века первой стадией единого гомеровского периода. Этот период мы делим на два субпериода, условной гранью между которыми можно считать конец X в. — время перехода от протогеометрического к раннегеометрическому стилю.

Первый субпериод известен нам почти исключительно по археологическим данным, происходящим главным образом из раскопок Керамика и кипрских греческих поселений. Для второго основным источником по-прежнему остаются гомеровские поэмы, но и здесь удельный вес археологических памятников быстро растет.

¹ См. GdA, III, стр. XIII и 267 слл.; ср. «Forschungen...», II, стр. 514 слл.

² См. К. М. Колубова. К вопросу о минойско-микенском Родосе и проблема «переходного» периода в Эгееде (1100—900 гг. до н. э.). — УЗ ЛГУ, 192 (1956), стр. 21—52; ср. Webster. Op. cit., стр. 3 и 136—158.

На протяжении трех с половиной веков гомеровского периода социально-экономические отношения Эллады радикально изменились. Лучше всего эти изменения прослеживаются на примере одной и той же, притом многочисленной группы источников — находок из могильника афинского Керамика. Здесь среди нескольких сотен ранних захоронений Керамика фактически не встречается могил с богатым инвентарем, полностью отсутствуют какие-либо предметы импорта. Зато среди погребений того же Керамика, датированных VIII веком, выделяется большая группа богатых захоронений с десятками дорогих сосудов и украшений. Погребальный инвентарь свидетельствует об относительно высоком развитии местного ремесла и о возобновлении связей со странами Востока. Очевидно, экономические и социальные отношения в Афинах радикально изменились за эти столетия. Те же тенденции наблюдаются и в других эллинских обществах.

Различие между началом и концом гомеровского периода важно иметь в виду при исследовании проблемы перехода от микенского к гомеровскому обществу. Как в западной, так и в советской литературе эта проблема вызывала в свое время оживленные споры. Около 40 лет назад Д. Дж. Хогарт заметил, что техника производства сосудов геометрического стиля мало в чем уступает технике микенских гончаров, и на этом основании пришел к выводу об отсутствии регресса во время перехода от бронзы к железу. У нас Б. Л. Богаевский и его сторонники, исходя из тезиса о прямолинейности исторического процесса, изображали гомеровское общество как ступень развития, во всех отношениях более высокую, чем ахейские общества II тысячелетия.

Другие ученые настолько преувеличивали разрыв между микенской и последующими культурами, что отрицали даже греческое происхождение ахейцев. Так, например, Вл. Георгиев еще в 1950 г. утверждал, что «эллинизация Эгейской области и обособление греческих диалектов произошли в течение четырех веков, в XII—VIII вв. до н. э.»³ и что «ахейцы, данайцы и аргейцы II тысячелетия до н. э. не были греками»⁴. Подобных взглядов придерживались и некоторые другие ученые. Дж. Форсдаик в 1956 г. заявлял, что «ахейцы Гомера это иной народ, чем микенцы, ассимилировавшие в XVI и XV вв. до н. э. высокую материальную культуру Крита»⁵. Все же Форсдаик считает гомеровских ахейцев греками.

Ныне вопрос об этнической принадлежности микенцев оконча-

---

³ Вл. Георгиев. История Эгейского мира во II тысячелетии до н. э. в свете минойских надписей. — ВДИ, 1950, № 4, стр. 63. Впоследствии он согласился с развращенной критикой А. И. Тюменева.

⁴ Там же, стр. 64.

⁵ J. Forsdyke. Op. cit., стр. 84. Этих «ахейцев» автор относит к XIII—XII вв. до н. э.

тельно решен расшифровкой пилосских и кносских надписей, составленных на одном из диалектов греческого языка. Этническое родство между обитателями Эллады во II и в I тысячелетиях не вызывает ни малейших сомнений. Тем острее зато стоит вопрос о разрыве и преемственности между микенским и гомеровским периодами. Вопрос этот имеет важное методологическое значение ⁶.

Вправе ли мы вообще говорить о регрессе в экономике и социальных отношениях Эллады на рубеже двух тысячелетий? Из тезиса о прогрессивном развитии человечества отнюдь не следует, что история нигде и никогда не знала переходящего регресса. Анализируя международное положение во время первой мировой войны, Ленин писал о возможности регресса в Европе: «Это невероятно. Но это *не* невозможно, ибо представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недиалектично, ненаучно, теоретически неверно» ⁷. Очевидно, и в нашем случае неуместно оперировать общими рассуждениями о прямолинейности развития тех или иных обществ. Исторический процесс идет не по прямой, а по спирали, и силы прогресса пролагают себе путь через зигзаги конкретного хода событий. Необходимо исходить из конкретного сравнения уровней микенского и непосредственно сменявшего его обществ.

Сопоставление элементов преемственности и разрыва между эллинскими обществами до и после переселения дорян приводит к следующим выводам. Важнейшим сдвигом, обеспечившим впоследствии ускоренное движение вперед, был переход к употреблению железа. Микенские общества фактически не пользовались изделиями из этого металла. Список предметов из железа (повидимому, метеоритного) в центрах микенской культуры насчитывает немногим больше десятка наименований, причем все это предметы роскоши (кольца, подвески и другие украшения) ⁸. Древнейшие следы плавки железной руды в Греции обнаружены в Мальти-Дорионе в Мессении в самом конце ПЭ III периода ⁹; по мнению некоторых археологов, эти железные шлаки относятся уже к послемикенскому времени. Зато уже в субмикенский период в некрополях Саламина, Керамика и в других местах найдены не только кольца, но и наконечники копий, кинжалы, ножи и даже мечи из железа. Древнейшие в эллинском мире железные

---

⁶ В интересной статье Ф. Папазоглу «К вопросу о преемственности общественного строя в микенской и гомеровской Греции» (ВДИ, 1961, № 1, стр. 23—41) своевременно и правильно, на мой взгляд, ставится вопрос о резком различии в социальной структуре этих обществ. Однако вряд ли можно согласиться с заключительным положением Ф. Папазоглу, что история Греции начинается с Гомера. Микенские общества были не менее греческими, чем общества классической Эллады.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 6.

⁸ H. L. Logier. Op. cit., стр. 111.

⁹ Б. Л. Богачевский. Мальти-Дориоп. — ВДИ, 1939, № 4, стр. 129.

инструменты (топоры, тесла, долота и др.) были обнаружены во Врокастро (Крит) в слоях, современных Саламинскому некрополю. В материковой же Греции железный инструмент появился еще позже. Два-три десятилетия назад принято было связывать появление железа в Греции с приходом дорян. Их победу над ахейскими царствами Пелопоннеса объясняли даже не только применением нового металла, но и тем, что железо у дорян «было доступно как вождям, так и рядовым воинам»¹⁰. Таким образом, ко времени перехода от микенского к гомеровскому периоду можно отнести только начало постепенного распространения железа, которое лишь впоследствии дало ощутимые результаты как в ремесле, так и в земледелии. Энгельс, подчеркивая величайшую «революционную» роль железных орудий производства, одновременно предостерегал: «Все это не сразу; первое железо бывало часто еще мягче бронзы»¹¹.

Что касается творцов микенских ремесленных изделий, они явно делятся на две группы. Часть ремесленников, главным образом гончары, обслуживала рядовое население; вторая, меньшая и более квалифицированная, работала на дворцовые хозяйства. Судьбы этих групп были различны. Вторая исчезла вместе с дворцами. В отношении первой группы можно прийти к выводу, что техника ремесленного производства продолжала оставаться на том же уровне. Сосуды протогеометрического стиля по качеству глины, обжига и т. д., как полагают специалисты, не уступают рядовой керамике предыдущего периода. Что же касается различий в художественной росписи ваз, то здесь субъективность восприятия играет слишком большую роль, чтобы на этом основании можно было строить выводы об уровне производства.

Вряд ли есть основания говорить о регрессе, во всяком случае серьезном, и в земледелии. В этом плане можно сослаться, пожалуй, только на разрушение ирригационной системы в районе Копандского озера. Разумеется, этнические передвижения сопровождалась разрушениями. Однако техника сельскохозяйственного производства вряд ли претерпела серьезный ущерб. В частности, нет никаких данных о том, что не пострадавшая во время переселения Аттика чем-либо отличалась по уровню сельскохозяйственного производства от областей, занятых пришельцами.

Итак, в начале гомеровского периода произошел сдвиг в использовании железа, а ремесло, рассчитанное на рядового потребителя, и, видимо, сельскохозяйственное производство сохранили

---

¹⁰ Дж. Томсон. Исследования..., т. I, стр. 23. Ныне археологи склонны считать, что техника использования железа пришла в Грецию не с севера, а с востока, по-видимому, из Малой Азии через хеттов. Причины успеха дорян, видимо, лежат не в их происхождении в технике, а прежде всего в слабости социальной базы ахейских царств.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 163.

технический уровень предыдущего периода. Этим исчерпывается все, чем можно аргументировать непрерывность экономического развития.

В других областях экономики и социальных отношений общества Эллады XI—X вв. выглядят более примитивными, чем микенские. Прежде всего обращает на себя внимание значительный регресс в торговле, особенно внешней. Микенские общества поддерживали оживленные торговые сношения не только со своими многочисленными колониями вплоть до Угарита, но и с Египтом, не говоря уже о западном и южном побережьях Малой Азии. Теперь все внешние связи материковой Эллады оказались полностью прерванными на три столетия (с XII до IX в.). Далекие колонии частично погибли, частично прозябали в отрыве от основных центров эллинского мира. Разрыв оказался не только полным, но и внезапным. Кругозор эллинов сразу сузился в лучшем случае до границ Эгейского бассейна. От прежних времен, когда микенские моряки бороздили воды всего Восточного Средиземноморья, в гомеровских поэмах сохранились лишь смутные воспоминания.

Причиной разрыва связей Греции с Востоком были широкие этнические передвижения, в результате которых погибли не только микенские центры, но и держава хеттов, и которые докатились даже до далеского Египта. Следствием переселений была трехсотлетняя изоляция эллинского мира, что не могло не отбросить материковую Грецию далеко вспять.

Не менее показательны столь же быстрое исчезновение микенских дворцов и их культуры. В этом плане особенно важен не столько факт разрушения дворцов Микен и Пилоса, сколько захоронение сохранившегося Тиринфского дворца и, возможно, существовавшего дворца микенского времени на афинском Акрополе. Следовательно, дело было не в самом акте разрушения, а в коренном несоответствии дворцового уклада новым условиям жизни. Вместе с дворцами, купольными гробницами, сетью вымощенных дорог кануло в прошлое и высокое искусство строительства такого рода сооружений, их оборудования и украшения.

Несколько лет назад В. Ф. Олбрайт предположил¹², что в ранний железный век в Греции долгое время сохранялась слоговая письменность и дворцовые сооружения микенского типа. Эта гипотеза, поскольку речь шла о дворцах, обосновывалась только общим соображением, что востоковеды привыкли ко всякого рода сюрпризам в процессе археологических раскопок. Однако для Греции неожиданности вроде открытия микенских дворцов, датируемых, скажем, X в., явно невозможны. Центры культуры этого времени достаточно хорошо известны, они неоднократно и

¹² W. F. A l b r i g h t. Some Oriental Glosses on the Homeric Problem. — AJA, 54 (1950), № 3, стр. 165 сл.

тщательно раскапывались. Главное в том, что вся картина социально-экономических отношений начальной фазы собственно гомеровского периода не оставляет места для сильной централизованной власти, представители которой пребывали бы в постулируемых Олбрайтом дворцах.

Не менее ярким свидетельством определенного регресса является исчезновение линейного письма Б. В упомянутой статье Олбрайт правильно заметил, что генетическая связь между кипрским силлабарием классической эпохи и минойско-микенской письменностью неопровержимо доказывает существование слоговой письменности на Кипре и в течение тех пяти веков, от которых не сохранилось письменных памятников. Дозволен ли по аналогии вывод о существовании письменности в то время и на территории материковой Греции? Думается, что такое умозаключение, по крайней мере в настоящее время, не обосновано.

В отличие от Кипра, где были найдены две единственные в своем роде длинные надписи неинвентарного порядка, записанные знаками кипро-минойского силлабария, и где имелись надписи на амфорных ручках и на вазах, сделанные тем же письмом¹³, линейное письмо Б в Пилосе использовалось, насколько можно судить, только для нужд центральной администрации государственного аппарата. С гибелью аппарата управления исчезла и письменность, потребность в которой отпала. На далеком Кипре, не затронутом переселением дорян и не утратившем в такой степени, как континентальная Греция, связей с Востоком, положение было иное. Кипро-минойская письменность была шире распространена, чем линейное письмо Б. Как бы то ни было, нельзя считать просто случайностью отсутствие в материковой Европе памятников письменности на протяжении всего гомеровского периода.

Как сами эллины расценивали переход от микенского к гомеровскому обществу? В их смутных воспоминаниях время Троянской войны рисовалось как эпоха героев-полубогов, вершивших дела, непосильные для современников Гомера или Гесиода. Развалины киклопических стен, и во II в. н. э. производившие впечатление на Павсания, еще сильнее действовали на воображение эллинов доклассического времени, не знакомых вплоть до VII в. с искусством возведения каменных построек.

Мысль о вырождении современников отчетливо проявляется в рассказе Гесиода о пяти поколениях человечества (OD, 109—201). Обычно в античной традиции речь идет о четырех веках: золотом, серебряном, бронзовом и железном. Однако Гесиод между третьим и современным ему последним веком вставил поколение *ἀνδρῶν ἠρώων θεῶν γένος* (OD, 159). Притом, вопреки идее о

¹³ Наличие такого рода надписей, естественно, свидетельствует о довольно широком распространении письменности. См. С. Ф. А. S c h a c f e r. Enkomi.— AJA, 52(1948), стр. 168.

последовательном вырождении, поэт считает поколение героев более справедливым и вообще лучшим, чем предыдущее. Гибель этого поколения обуславливается не присущими ему пороками, а волей судьбы. Тем больше горечи вкладывает Гесиод в характеристику своих современников. Во всем богатом литературном наследии античности трудно найти более резкое противопоставление отцов и детей, чем в OD, 182—201. Беотийский поэт не только осознавал, но и глубоко переживал упадок своего поколения в сравнении с веком героев, который в его представлении связывается со временем похода под Троию, а микенская эпоха казалась полной блеска в сопоставлении с жалкой современностью.

Таким образом, во внешних связях, в архитектуре, художественном ремесле и письменности культура микенских обществ во многом превосходила уровень развития ее преемников. Это объясняется главным образом тем, что первые были обществами классовыми.

Микенские и пилосские властители олицетворяли государственную власть. Микенский акрополь отнюдь не был местом спасения беглецов из соседних селений на случай нападения врагов. Он был центром оторванной от народа и стоявшей над ним государственной власти. Как ни толковать памятники линейного письма Б, само его использование дворцовой административной свидетельствует о наличии не просто государственного, но даже бюрократического аппарата. После падения ахейских царств Пелопоннеса гибнет письменность, разрушаются дворцы, исчезает государство.

Было ли классовым и гомеровское общество? Как известно, Энгельс, анализируя гомеровские поэмы, не нашел в них признаков существования государственного аппарата и классового общества. Думается, что этот его вывод и при нынешнем уровне знаний остается в силе. Когда в 1940 г. советские историки пришли к выводу о классовом характере микенских обществ, они опирались на совокупность таких фактов, как существование дворцов, письменности, сети дорог, значительного имущественного расслоения, твердо засвидетельствованных для микенской эпохи. К этим фактам можно ныне добавить еще наличие громоздкого бюрократического аппарата и большого количества рабынь и рабов в Пилосе. Все эти явления полностью исчезают после переселения дорян.

Классы и государство Эллады I тысячелетия не являются прямыми продолжателями микенских, которые, во всяком случае на материке Европы, исчезли после переселения дорян. Отправным пунктом дальнейшего развития стали те социально-экономические отношения, которые сложились не до, а после великих этнических передвижений. Естественно полагать, что прошел некоторый, притом достаточно долгий промежуток времени, пока эти новые отношения не созрели до такого уровня, чтобы государство здесь возникло вновь, на сей раз уже в форме полиса.

Следует все-таки оговорить, что регресс проявился по-разному в различных областях эллинского мира. Наиболее заметен он, естественно, в метрополии микенской культуры, на Пелопоннесе. Периферия микенского мира меньше или почти совсем не ощутила последствий дорийского завоевания, а восточная окраина сохранила и некоторые связи с культурными центрами Переднего Востока.

В этой связи особенно интересны итоги раскопок на Кипре. Несмотря на то, что выдающиеся памятники культуры бронзы во второй половине прошлого и даже в начале текущего века были хищнически разграблены сначала Л. ди Чеснолой, а затем английскими властями¹⁴, все же многолетние раскопки различных городов Кипра, предпринятые Шведской кипрской экспедицией¹⁵, а после войны Ш. Ф. А. Шеффером, твердо установили наиболее характерные черты исторических судеб Кипра в древности. В интересующее нас время местные греческие поселения отличались рядом особенностей в сравнении с другими эллинскими общинами. Кипр наряду с Атикой избежал дорийского завоевания, а его изоляция от стран Переднего Востока была слабее и короче. Процесс упадка микенской культуры проходил тут более гладко и без вмешательства извне. Здесь сохранилась вплоть до классического периода слоговая письменность, прямо восходящая к кипро-минойской. Как отмечает Дж. Хилл¹⁶, «местная керамика с геометрическими узорами... комбинирует формы микенских и туземных сосудов, а древнейшие погребения железного века в Лапифе соответствуют микенским образцам». Наконец, на Кипре сохранился на протяжении всего анализируемого нами времени институт царской власти, восходящий непосредственно к микенскому периоду.

Тем не менее все исследователи единогласно отмечают, что переход к кипро-геометрическому (КГ) периоду был временем упадка,

---

¹⁴ См. А. А. Захаров. Эгейский мир в свете новейших исследований. Пг., 1924, стр. 98 сл. Коллекция Чеснолы хранится в нью-йоркском Метрополитен-Музее; а сам он после завершения дипломатической деятельности был директором этого музея. Ценнейшие находки англичан на Кипре продавались на аукционах и всячески разбазаривались. См. об этом подробнее: S. Casson. *Cyprus dans l'antiquité*. Paris. 1939, стр. 29 сл. Характеризуя археологическую деятельность английских властей Кипра, Кэссон пишет (указ. соч., стр. 31): «Мы почти вынуждены прийти к выводу, что непосредственные пресмычки Чеснолы на острове сделали столько же для разрушения древностей, сколько для их сохранения».

¹⁵ Результаты их работ опубликованы в капитальном, к сожалению незаконченном, четырехтомном издании: «The Swedish Cyprus Expedition» (в дальнейшем — SCE), т. I—IV. Stockholm., 1934—1948. Из последнего обобщающего тома появилась, насколько мне известно, только часть вторая: E. Gjerstad. *The Cypro-geometric, Cypro-archaic and Cypro-classical periods*. Stockholm, 1948.

¹⁶ G. Hill. *A history of Cyprus*, т. I. Cambridge, 1940, стр. 84.

начавшимся уже около 1200 г. до н. э.¹⁷ Уже в XII в. прекращается ввоз микенских ваз, прерываются связи с материковой Элладой, резко падает количество украшений в погребениях. Этот процесс усиливается после падения Микен. Кэссон характеризует весь КГ период¹⁸ как «эру нищеты и упадка. Кипр не в меньшей степени, чем сама Греция, прошел длительный и тяжелый период темных веков, когда сохранились лишь редкие следы культуры и процветания». Гьерстад¹⁹ отмечает впервые для КГ I периода (1050—950 гг.) сближение материальной культуры кипрских ахейцев и туземцев, падение количества золотых изделий, разрыв контактов с внешним миром и в качестве итога «постепенный упадок жизнеспособности микенско-греческого населения».

Таким образом, ни близость к странам Переднего Востока, ни непрерывность института царской власти, ни, наконец, сохранение прежнего этнического состава не могли предотвратить упадок микенской культуры на Кипре. Тем более разрушительны были последствия крупных переселений на других эллинских территориях.

К сожалению, теперь еще нет возможности воссоздать хотя бы относительно полную картину экономического состояния всего эллинского мира в начале гомеровского периода. Письменные источники почти отсутствуют, а археология дает достаточный материал только для некоторых местностей. Поэтому в дальнейшем мы рассмотрим социально-экономическое развитие главным образом Аттики и Кипра в XI—начале VIII в. до н. э.

---

¹⁷ G. Hill. Op. cit., стр. 35 сл.

¹⁸ S. Casson. Op. cit., стр. 86.

¹⁹ SCE, IV, 2, стр. 434 сл.

Глава 2.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭЛЛАДЕ ГОМЕРОВСКОГО ПЕРИОДА

§ 1. Афины и Кипр в XI—X вв. до н. э.

Экономика Греции XI—VIII вв. до сих пор не была предметом специального исторического исследования. Литературные источники дают слишком мало материала для такого рода трудов, а археологические памятники были чересчур скудны и разрознены, чтобы служить основой для исторических обобщений. Положение несколько изменилось к лучшему только в последние годы благодаря новым раскопкам, прежде всего в Афинах. Хотя и теперь еще нет материала для широких выводов, все-таки уже имеется достаточное количество данных для характеристики экономического развития отдельных эллинских общин гомеровского периода.

Археологические памятники гомеровского времени несравнимо скуднее, чем микенские. Тут мы не встретим ничего, напоминающего монументальные постройки ахейских дворцов; здесь нет и в помине погребений, подобных роскошным гробницам микенской знати. Находки гомеровского времени, особенно его первого субпериода, происходят только из некрополей, инвентарь которых напоминает содержимое могил рядового элладского населения. Столь же характерно отсутствие предметов импорта, часто встречающихся в микенский период.

На первом месте по количеству и значению материала стоит капитальная публикация находок из афинского Керамика¹, датироваемых временем с XII по VIII в. Это издание, три тома которого относятся непосредственно к гомеровскому периоду, дает достаточно четкую, а главное, непрерывную и надежную картину

---

¹ «Kerameikos, Ergebnisse der Ausgrabungen», т. I. Die Nekropolen des 12. bis 10. Jahrhunderts. Berlin, 1939; т. IV. Neufunde aus der Nekropole des 11. und 10. Jahrhunderts. Berlin, 1943; т. V, ч. 1. Die Nekropole des 10. bis 8. Jahrhunderts, Berlin, 1954.

экономической эволюции Афин². Насчитывающий около 250 погребений могильник Керамика впервые заполняет лакуну между обильными памятниками микенского периода и довольно многочисленными археологическими находками времени Великой колонизации.

Раскопки Керамика велись в субмикенском (конец XII — начало XI в.) и геометрическом (IX—VIII вв.) некрополях. Наиболее обильно, более чем сотней могил, представлен *субмикенский* период. Внимание археологов прежде всего обратила на себя строгая планировка кладбища. Захоронения строго параллельны и расположены на равном расстоянии друг от друга; в каждой могиле по одному скелету. Все это находит полную аналогию в несколько более раннем некрополе на Саламине, представленном также сотней погребений. В. Крайкер (Кер., I, стр. 6 сл.) делает отсюда вывод о высоком уровне организованности афинского общества.

Инвентарь захоронений скуден. Он состоит обычно из сосуда для оливкового масла, кувшина, кубка, изредка еще одного-двух сосудов. Подавляющее большинство находок составляет керамика. Остальные предметы личного обихода — это украшения (булавки, фибулы, кольца, браслеты, заколки для волос). Оружия в субмикенских могилах не обнаружено. И здесь налицо аналогия с инвентарем Саламинского некрополя.

Среди захоронений трудно встретить следы значительного имущественного расслоения. Наиболее богат инвентарь могилы № 108 (Кер., I, стр. 47 сл.), где найдено 20 колец, в том числе одно железное, 13 бронзовых фибул, бронзовый же браслет с жемчужиной, стеклянная пуговица и четыре амфориска. Значительно скромнее инвентарь могил №№ 27, 42, 46, 47, 52 и 70. Содержимое их мало чем отличается друг от друга. Список особенно ценных вещей субмикенского времени из Керамика ограничивается пятью золотыми тонкими спиральными заколками для волос, небольшим фрагментом женского украшения из слоновой кости в могиле № 47 (Кер., I, стр. 88) и упомянутой жемчужиной. Всего лишь в четырех субмикенских погребениях обнаружены железные кольца, хотя кольца из бронзы встречаются в них достаточно часто. Очевидно, железо в ту пору было еще редким и ценным металлом. Впервые железные лезвия кинжалов и ножей и наконечники копий появляются в XI в. (Кер. I, стр. 173).

Все это показывает, что в Афинах на рубеже XII и XI вв. до н. э. фактически отсутствовало имущественное расслоение. Материальное положение родовой знати вряд ли существенно отличалось от положения рядовых афинян. Если судить по данным некрополя Керамика, афинское общество жило в усло-

---

² См. К. М. Колобова. Древний город Афины и его памятники. Л., 1961, стр. 22—38.

виях экономической изоляции от внешнего мира. Среди сотен субмикенских сосудов Керамика всего лишь четыре изготовлены не из обычной аттической глины и предположительно привезены извне (Кер., I, стр. 52).

Этим археологическим свидетельствам, казалось бы, противоречат сообщения античных писателей, прежде всего Фукидида (I, 2, 5—6). Дважды подчеркивая скудость аттической почвы (λεπτόγειον и οὐχ ἰκανὴς οὖρα), Фукидид явно в связи с переселением дорян говорит, что наиболее могущественные (δυνατώτατοι) лица бежали тогда в Аттику. Сообщение Фукидида находит подтверждение в неоднократных упоминаниях Геродота о Кодре (I, 147; V, 65 и 76; IX, 97; ср. Paus., II, 18,9). Согласно устойчивой традиции, большая часть знатных афинских родов, в том числе и такие, как Писистратиды и Аликмеопиды (Paus., II, 18,8), были потомками выходцев из Пилоса. Им приписывали не только быстрый захват царской власти в Афинах, но и основание Милета (Paus., VII, 2, 1—4). Возможно, что эта традиция частично восходит к реальным фактам бегства знатных родов из Пилоса в Афины и в Малую Азию.

Между тем субмикенские погребения Керамика не дают следов существования богатой знати в Афинах. Быть может, это противоречие следует объяснить тем, что массовая иммиграция в Афины имела место в начале не XII, а XI века уже после отражения второго нападения дорян на Аттику.

В упомянутом свидетельстве Фукидида обращает на себя внимание еще один момент. Объясняя причины отражения нашествия дорян, Фукидид подчеркивает прежде всего то обстоятельство, что иммигранты в Аттику сразу же значительно увеличили население Афин. Страбон (XIV, 1, 3) говорит о «множестве пилосцев», отправившихся с Мелантом (отцом Кодра) из Пилоса в Афины. Очевидно, из Пилоса выселилась в Афины не только знать, но и представители рядового населения.

Погребений *протогеометрического* периода найдено в Керамике 58, т. е. вдвое меньше, чем субмикенских³. Несмотря на это, их инвентарь не менее обилен и вполне достаточен для некоторых важных выводов. Протогеометрические сосуды находят и во многих других областях Эллады.

Для протогеометрических погребений характерен переход к кремации. Число труположений в самой Аттике ничтожно. Три случая кремации в могилах предшествующего субмикенского периода (Кер., I, стр. 219) издатель приписывал иммигрантам, питавшим надежды возвратиться на родину, но для протогеометрических погребений такая интерпретация невозможна.

³ Результаты раскопок опубликованы Крайкером (Кер., I, стр. 89—131 и 138—161) и Кюблером (т. I, стр. 180—221 и т. IV). Находки первого охватывают начало, а второго — середину и конец протогеометрического периода (конец XI и весь X в. до н. э.).

Инвентарь десятка самых ранних протогеометрических погребений все еще скуден. И здесь отсутствуют украшения; зато отпосылительно много железа (два меча, два кинжала, нож и две фибулы). Предметы из бронзы ограничиваются только тремя наконечниками копий. Все же замена бронзы железом не была прямой процессом. Так, например, субмикенские фибулы изготовлялись из бронзы. В ранних протогеометрических погребениях встречаются и бронзовые, и железные фибулы с бронзовой шляпкой. В дальнейшем преобладают железные фибулы. Однако в поздних протогеометрических, а затем и в геометрических слоях заметен возврат к бронзовым фибулам⁴. Но в отличие от фибул и частично келец протогеометрические мечи, кинжалы и пожи повсеместно делаются из железа.

Следует обратить внимание также на прогресс в гончарном деле. Десборо⁵ отмечает для Афин «решительное улучшение качества ваз. Хорошее тесто, обычно светло-коричневого цвета, содержит мало примесей. Сформованные на круге сосуды покрывались тонким слоем ангоба, благодаря чему после обжига выглядели как отполированные... В последующем обжиг производился при повышенной температуре».

Инвентарь полутора десятков более поздних протогеометрических погребений, опубликованных К. Кюблером (Ker., I), немногим отличается от описанных выше. Здесь наконечники копий уже железные; две спиральные заколки изготовлены из золотой проволоки. В общем же количество украшений сильно уступает даже субмикенским погребениям.

Значительно обильнее находки из трех десятков погребений, опубликованных в Ker., IV. При не изменившемся количестве оружия поразительно обилие и разнообразие ремесленных изделий мирного назначения. Наряду со многими железными и бронзовыми фибулами и золотыми спиралями появляется инструмент из железа (долото и, видимо, тесло в могиле № 40). Найдены также бронзовая чаша, бронзовые и глиняные статуэтки или игрушки. Часто встречаются пряслица. То же обилие и в керамике (амфоры, кувшины, чашки, тарелочки и т. д.). Тут, очевидно, сказались уже новые технические достижения. К середине X в. уровень развития производительных сил был несомненно выше, чем веком раньше.

Подъем ощущается не только в применении железа или в техническом прогрессе гончарного дела, но и в повышении социального веса ремесла. Показательно появление обычая класть орудия труда в погребения. К упомянутой находке из могилы № 40 в Керамике можно добавить интересную находку Блегена на агоре⁶.

⁴ V. R. d'A. Desborough. *Protogeometric Pottery*. Oxford, 1952, стр. 310 (в дальнейшем — PP).

⁵ PP, стр. 119.

⁶ C. W. Blegen. *Two Athenian Grave Groups of about 900 B. C.* — «Hesperia», XXI (1952), № 4, стр. 279—294.

В погребении XXVII он обнаружил меч, два наконечника копий, два ножа, топор, долото (или тесло), нечто вроде удила и точильный брусок. Все это (кроме бруска, разумеется) сделано из железа. Это погребение датируется рубежом между прото- и раннегеометрическими периодами. Похороненный здесь ремесленник был, очевидно, и воином.

Обычай класть мечи в погребения был неизвестен в субмикенское время. Он современен кремации и, по-видимому, связан с нею. Крайкер (Ker., I, стр. 172) обращает внимание на то, что мужчины-участники похоронных процессий всегда изображаются на геометрических сосудах вооруженными. Меч — признак принадлежности к слою свободных⁷.

В последней группе погребений впервые прослеживается имущественное расслоение, сопутствовавшее подъему производства. Наряду с погребениями без инвентаря, кроме одного-двух сосудов (например, №№ 23, 27, 31, 35 и 36), некоторые, как № 40 и особенно 48 (Ker., IV, стр. 41 и 44 слл.), поражают своей роскошью. В последнем, самом богатом погребении найдены: бронзовая чаша, 80 глиняных бусин, 21 пряслице, несколько железных и бронзовых фибул, какое-то украшение из бронзы, две глиняные статуэтки, 14 различных глиняных сосудов и девять маленьких чашек, вероятно для тризы⁸. Кроме этого женского погребения следующие два самых богатых (№№ 40 и XXVII) принадлежат, очевидно, ремесленникам. Все эти погребения датируются самым концом протогеометрического периода. Таким образом, во второй половине X в. можно отметить начало заметного имущественного расслоения в Афинах. Процесс этот мог быть значительно ускорен притоком ахейских эмигрантов из Пелопоннеса⁹.

В протогеометрических слоях Афин не найдено предметов импорта. Только в отношении одного-двух наиболее поздних сосудов и украшений Кюблер (Ker., IV, стр. 30) указывает на кипрские или итальянские параллели. Не обнаружено в Афинах даже керамики из других эллинских местностей.

Зато раскопки вне Аттики доставили некоторое количество посуды как протогеометрической афинской, так и местной, нахо-

---

⁷ Вряд ли отсюда следует вывод: «Новый подъем опирался на широкий слой господ (Herrenschicht)», как это под воздействием гитлеровской идеологии писал Крайкер (Ker., I, стр. 172 сл.). Для этого требовалось бы прежде всего доказать, что в Афинах существовал в то время «слой подчиненных». Нет также оснований характеризовать протогеометрические Афины по образцу государства франков после Великого переселения народов (Ker., I, стр. 166, прим. 3 и стр. 168, прим. 4).

⁸ Посуда в погребении № 48 отличается некоторым своеобразием. Часть авалогий в орнаменте ведет к Кипру, происхождение других мотивов неизвестно. Полагают, что это погребение принадлежит семье иммигрантов.

⁹ T. V. L. Webster. Op. cit., стр. 140.

дившейся под воздействием афинской керамики. обстоятельный анализ всех соответствующих данных был произведен Десборо.

Он отмечает, что вне Афин обнаружено лишь два афинских субмикенских сосуда¹⁰. Обе находки в значительной мере случайны. Изоляция Афин от внешнего мира, согласно Десборо, продолжается до середины X в. до н. э. В этой части его выводы подтверждают данные находок Керамика.

Однако для конца протогеометрического периода Десборо нашел во многих местностях Эллады сосуды несомненно аттического производства или находящиеся под явным воздействием аттического протогеометрического стиля. К одному району, проявляющему определенное единство керамики, Десборо относит побережье Фессалии, Скирос и Северные Киклады. В этом районе аттическая посуда найдена в Теотоку, Капакли, Кардиани, Мармариани, Галосе, Ферах, Скиросе, Андросе и Ренее. В этих и некоторых других пунктах найдено довольно много местной лепной керамики, подражающей афинским образцам. В Средней Греции афинская керамика или подражания ей обнаружены в Фивах, Орхомене, Вранеси и Дельфах. На Пелопоннесе воздействие аттического протогеометрического стиля ощущали Тиринф, Микены, Асина и до некоторой степени район Коринфа. Сюда же следует причислить и Эгину. Наконец, из более отдаленных местностей Десборо обнаружил протогеометрические афинские сосуды или подражания им на Косе, Лесбосе, в Смирне и Кноссе.

Некоторые частные выводы Десборо, быть может, недостаточно убедительны. Все же подавляющее большинство включенных в его указатель местностей¹¹, несомненно, испытывало воздействие Афин и поддерживало с ними прямые или косвенные связи.

Вряд ли есть основания говорить вслед за Десборо о «возрождении греческой торговли»¹². Ведь кроме колонизации и торговли, вполне вероятны иные формы контактов (подарки, переселение мастеров и т. д.), благодаря которым афинская протогеометрическая керамика могла найти пути в другие эллинские общины¹³. К тому же аттические сосуды в каждой из перечисленных местностей насчитываются единицами. Наконец, отсутствие предметов

¹⁰ РР, стр. 148, табл. 21 f и стр. 219.

¹¹ РР, стр. 315—328.

¹² РР, стр. 299 сл. В этом плане интересны замечания Бартоу-Брауна (T. В u r t o n - В r o w n. The Coming of Iron to Greece. London, 1954, стр. 42, прим. 1). Хотя он и сводит все связи фактически к миграциям, но правильно указывает на преувеличенные роли торговли в работах многих современных археологов.

¹³ См. также: Chr. C l a i r m o n t. Greek Pottery from the Near East.— «*Verytos*», XI (1955), стр. 90, прим. 1. Клермон указывает, например, что находки среднемикенской керамики в районе Файюма не следует расценивать как показатель торговых связей, ибо в строительстве пирамиды в Хавара участвовали критские мастера. Равным образом наличие полусотни, возможно, северосирийских сосудов в гробницах I династии в Египте свидетельствует не о торговых, а о каких-то дипломатических контактах.

импорта в Афинах также говорит против предположения о широком развитии афинской торговли.

Тем не менее Десборо, думается, прав в том, что на вторую половину X в. приходится возобновление внутриэллинских связей, прерванных на полтора столетия. Ведущая роль в этом принадлежала Афинам. По общему мнению, только в Аттике прослеживается прямая преемственность между субмикенским и протогеометрическим стилем¹⁴.

В этом контексте стоит напомнить о внутренних причинах возобновления внешних связей Афин, прослеженного выше по данным некрополя в Керамике. Думается, что развитие производительных сил, технические усовершенствования в гончарном ремесле и предопределили большую популярность афинской керамики в эллинском мире.

Немалую роль в распространении аттических сосудов протогеометрического стиля сыграло, очевидно, и миграционное движение в Ионию, датируемое в античной традиции двумя поколениями после «возвращения Гераклидов». Поток колонистов в Ионию шел через Афины, а это создавало предпосылки для возобновления прерванных на долгое время связей¹⁵.

Некоторое представление об объеме связей между Грецией и Востоком в первой половине I тысячелетия до н. э. дает составленный Клермоном каталог находок греческой керамики на Ближнем Востоке. Составитель считает, что в раннее время греческие изделия покупались на Востоке только греческими колонистами (Навкратис и Дафна). Для веков, предшествовавших чернофигурному стилю, Клермон обнаружил 95 находок греческой керамики в восточных странах. Из них на протогеометрические сосуды приходится только три предмета (Ниневия, Хама и Иерусалим). Не исключено, что они могли быть и местного происхождения. Пять находок (четыре в Мегиддо, одна в Мемфисе) Клермон определяет как керамику геометрического стиля. Итак, на четыре столетия (с XI по VIII в.) приходится восемь фрагментов эллинской керамики для всех ближневосточных стран. Зато к VII в. до н. э. в каталоге Клермона относится уже 87 находок. Очевидно, ни протогеометрическая, ни геометрическая керамика не получили распространения за границами эллинского мира.

Поэтому представляется совершенно нереальным упомянутое выше предположение Олбрайта о существовании не раскопанных

¹⁴ Критике этого положения много места уделяет Бартош-Браун (указ. соч., стр. 217 сл.), считающий, что протогеометрический стиль импортирован в бассейн Эгейды иммигрантами из Азии. Десборо, действительно, почти не касается вопроса о кипрской керамике (а шведские раскопки 30-х годов вскрыли здесь немало протогеометрических погребений). Нельзя, однако, не согласиться с тем, что в бассейне Эгейды протогеометрический стиль появляется впервые в Афинах и уже отсюда воздействует на иные эллинские центры.

¹⁵ T. V. L. Webster. Op. cit., стр. 140 сл.

еще царских дворцов послемикенского времени. Ведущая роль Афин в производстве протогеометрической керамики не дает возможности полагать, что такие дворцы могли существовать в каких-то иных эллинских общинах.

Как уже отмечалось, единственное исключение мог бы представлять Кипр. Здесь шведская экспедиция раскопала не только некрополи, но и жилые помещения; тем не менее нигде не обнаружено крупных построек, дающих основание допускать хотя бы возможность существования дворцов микенского или близкого ему типа. Строительное искусство в КГ I периоде, аналогично материковой архитектуре, полностью деградировало. Гьерстад дает сводку раскопанных шведами архитектурных сооружений¹⁶. Ко всему КГ периоду относятся три святилища (Айя Ирини, Идалион, Айос Яковос) и остатки жилых домов (Китион, Бамбула и Курион). Все эти строения воздвигнуты самым примитивным образом. Два святилища — просто огороженные теменосы с алтарями внутри оград. Притом теменос в Идалионе расположен на акрополе, следовательно, в центре поселения. Только третье святилище (Айос Яковос) представляет собой небольшую часовню со стенами из кирпича-сырца. Стены жилых помещений также состоят из кирпича-сырца на фундаменте из гальки. Единственный раскопанный шведами царский дворец (Вуни) был начат постройкой уже в VI в. до н. э.

Между тем на Кипре сохранилась на протяжении всех этих столетий царская власть. Об этом свидетельствуют уникальные для эллинского мира находки нескольких изумительных скипетров¹⁷, невольно напоминающих гомеровское выражение *σκήπτουχοι βασιλῆες*. Скипетр из коллекции Чеснолы датируется микенским, из Амаунта — геометрическим, а из Никозии — раннеархаическим временем. Итак, институт царской власти твердо засвидетельствован на Кипре для времени вплоть до VI в. до н. э. Следовательно, отсутствие следов дворцовой архитектуры вряд ли можно считать случайным.

Что можно сказать о рабстве в XI—X вв. до н. э.? В микенский период, как мы видели, основная масса рабов работала в дворцовых хозяйствах. Гибель последних предопределила исчезновение этой категории рабов. На примере Керамика мы убедились в отсутствии имущественного расслоения в субмикенских и раннепротогеометрических слоях. Начавшийся в середине X в. подъем ремесленного производства не мог привести сразу же к широкому использованию труда рабов афинскими гончарами. Количество аттической керамики в других областях Эллады невелико. В каждой из указанных Десборо местностей речь идет об единичных сосудах. Собранные Клермоном данные показывают, что и в

¹⁶ SCE, IV, 2, стр. 1—47.

¹⁷ См. Casson. Op. cit., стр. 81 слл. и табл. V

геометрическое время греческая керамика фактически не вывозилась в страны Ближнего Востока. Для той поры невозможно производство на вывоз ни для Афин, ни, тем более, для других эллинских общин. Имеющиеся археологические данные говорят против возможности широкого распространения рабства.

Единственным исключением и здесь является Кипр, который недаром был назван заповедником всякого рода пережитков, начиная чуть ли не с неолита (Кэссон). При раскопках окрестностей Лапифа шведские археологи обнаружили своеобразное кладбище в Кастрос. В некрополе вскрыто 29 камерных погребений микенского типа. Каждое из них состояло из врубленной в склон холма камеры с дромосом. По размерам и камеры, и дромосы значительно уступали аналогичным микенским сооружениям. В каждой камере найдено от одного до четырех скелетов. Женские отличались обилием драгоценностей. В могиле № 417¹⁸ рядом с останками женщины были обнаружены бронзовая чаша, гребень из слоновой кости, ряд предметов из золота (два перстня, четыре ссърги, четыре тонких пластинок со вдавленными рисунками) и свыше сотни различных сосудов из глины и камня. Инвентарь ряда других погребений мало чем уступает перечисленному выше.

Очевидно, некрополь в Кастрос значительно богаче, чем современные ему протогеометрические погребения Керамика. На Кипре сказывалось еще процветание микенского времени. Только в поздних кипрских погребениях уменьшается число ценных вещей, вторично используются заброшенные камеры и т. д.

В четырех могилах некрополя Кастрос (№№ 412, 417, 420 и 422) в дромосах, следовательно вне собственно погребения, обнаружено от одного до трех скелетов без каких-либо погребальных приношений. Все они зарыты под поверхностью дромоса в ямах. Шведские археологи полагают, что скелеты в дромосах принадлежали рабам, убитым во время похорон их хозяев¹⁹.

В некоторых погребениях своеобразно местонахождение останков рабов. Так, в камере № 417 найдены останки мужчины и женщины, а скелет раба расположен под дверью из дромоса в камеру так, что череп раба находился снаружи. Гьерстад предполагает, что раб-привратник должен был и после смерти охранять покой своих хозяев. Особый интерес представляют обстоятельства захоронения рабов в № 422²⁰. В камере погребен мужчина, вооруженный железным копьем. Полностью отсутствует керамика. Под поверхностью дромоса обнаружено углубление с лежащими один на другом тремя скелетами. Расположение костяка верхнего из них позволило заключить, что жертва перед убиением была связана по рукам и по ногам. В дромосе того же погребения найдена

¹⁸ SCE, I, стр. 226 слл.

¹⁹ SCE, I, стр. 218, 228, 236 и 243 сл.; ср. SCE, IV, 2, стр. 42 и 433 сл.

²⁰ SCE, I, стр. 241 сл.

каменная плита с выемкой посредине. Полагают, что она служила жертвенным столом.

Кем могли быть жертвы этого ритуального обряда? Очевидно, как и в микенских погребениях (см. выше, стр. 135 сл.), это были рабы, в крайнем случае военнопленные. Последнее все же менее вероятно. «Привратник» из погребения № 417 не мог быть военнопленным. Поэтому имеются все основания присоединиться к мнению Гьерстада и считать доказанным для данной кипрской общины ритуальное убийство рабов во время похорон их господ.

Лапиф и Куррион упоминаются в литературе в качестве «центров микенско-греческой цивилизации на Кипре»²¹. По всей вероятности, обычай убийства рабов был принесен на Кипр микенскими переселенцами из Арголиды. Погребения в Кастрос датируются достаточно точно по керамике. Из интересующих нас погребений № 417 и 420 относятся в начале КГ IА периода (конец XI в.), № 412 — к концу КГ IВ периода (начало X в.), а № 422 — к концу КГ IIIВ периода (VII в. до н. э.). Данный обычай удерживался, очевидно, на Кипре в течение нескольких веков — уже в послемикенское время. Аналогичное захоронение раба Гьерстад предполагает и для погребения № 10 в Вуни²², датированного VI в. до н. э.

В античной традиции сохранилось несколько свидетельств Овидия, Страбона, Лактанция и других авторов о человеческих жертвоприношениях на Кипре²³. Современные исследователи считали такую жестокость несвойственной грекам и приписывали ее восточным варварам, в частности финикийцам. Однако наблюдение Цупды показывает, что корни кипрского обычая уходят в Микены. Ответственность за жестокость падает не на греков или финикийцев, а на институт рабства, при котором раб теряет личные качества человека и превращается в объект собственности, которым, как и любой иной вещью, вполне можно снабдить его господина в загробной жизни.

Данные некрополя в Кастрос подтверждают аналогичные находки из камерных гробниц Арголиды. Ныне вряд ли можно утверждать, как это делает в своей последней книге Милонас, что мы имеем здесь дело с редким, спорадическим явлением. Эти данные показывают, что не только в микенское, но и в собственно гомеровское время, даже вплоть до VI в. до н. э. существовали эллинские общины, в которых практиковались ритуальные убийства рабов. Кроме того, данные некрополя в Кастрос в сочетании с арголидскими свидетельствами впервые позволяют вполне надежно определить рабский статус только по археологическим источникам. Наконец, кипрские раскопки впервые засвидетельствовали

²¹ SCE, IV, 2, стр. 431.

²² SCR, IV, 2, стр. 42.

²³ См. об этом подробнее: G. H i l l. Указ. соч., стр. 64 сл.

непосредственным образом существование рабства в эллинских обществах начала I тысячелетия до н. э. До сих пор мы могли только постулировать существование рабства в эту эпоху, ныне оно доказано.

§ 2. Афины в IX — начале VIII в. и дворцы гомеровских басилеев

В анализируемый отрезок времени Афины начинают терять свое исключительное положение, достигнутое во второй половине X в., но все же основная масса наших источников и для этого субпериода относится к ним. Данные V тома «Керамика»²⁴ вплотную примыкают к рассмотренным выше материалам и указывают на последовательную линию развития.

Издатель тома К. Кюблер опубликовал находки из погребений конца X — VIII в. Общее их число (100) почти вдвое превосходит количество протогеометрических могил того же некрополя. Среди датированных погребений примерно 60% принадлежит к VIII, 30% — к IX и 10% ко второй половине X в. до н. э.

Способ захоронения — смешанный: 41 трупосожжение и 59 трупоположений. В X и IX вв. кремация еще безраздельно господствует, но с начала VIII в. происходит решительный переход к трупоположению (Ker., V, 1, стр. 36 сл.). Кюблер объясняет изменения в погребальном ритуале тем, что знатные афиняне постепенно перенимали старые обычаи рядового крестьянского населения Аттики. Возврату к трупоположению сопутствует увеличение количества лепной керамики в погребениях. Последнее обстоятельство свидетельствует в пользу выдвинутого Кюблером объяснения.

Инвентарь погребений лишь немногим отличается от предыдущего времени. Все же можно отметить кое-какие изменения. Прежде всего, заметнее становится имущественное расслоение. Наряду с немногими погребениями, лишенными инвентаря (№ 60—62, 84) и не поддающимися датировке, имеется большая группа могил со скудным инвентарем (№ 8—11, 24—37, 54, 60—68, 77—85, 90—100). Правда, бедные могилы встречались и в протогеометрическом некрополе, однако там их было значительно меньше. Появление столь значительного числа могил со скудным инвентарем, думается, отражает существование определенной прослойки малоимущего населения. Притом большая часть перечисленных погребений датируется концом анализируемого субпериода.

Наряду с этим встречаются в большем количестве, чем раньше, погребения с обильным инвентарем. Это № 3 (рубеж X и IX вв.), 41 (середина IX в.), 13 (конец IX в.), 50 (середина VIII в.),

²⁴ «Kerameikos. Ergebnisse der Ausgrabungen», т. V, ч. 1; K. K ü b l e r. Die Nekropole des 10. bis 8. Jahrhunderts. Berlin, 1954.

47 и 58 (оба — третья четверть VIII в.). В № 3 найдены три канфара, три калафа, четыре чашки и много другой посуды. В № 41 обнаружены три сосуда, две булавки из железа и золота, три золотых кольца, девять бронзовых фибул, частично составленных в цепочки, бронзовая чаша, пластинка из слоновой(?) кости. В № 13 обнаружены 13 глиняных сосудов, бронзовая чаша, две золотых пластинки с выдавленным орнаментом, меч, нож, гвоздь и скобы из железа. В № 50 — семь сосудов, две корзинки, пять игрушек (все из глины), золотая пластинка и железный нож. Последнее погребение принадлежало, очевидно, мальчику из знатной семьи. Число богатых погребений возрастает примерно с середины VIII в.

Обильно представлена керамика всех фаз геометрического стиля. Разнообразятся формы и виды сосудов, повышается качество их отделки. Аттическая керамика геометрического стиля обнаружена на Делосе, Фере, Крите, Кипре, Косе, Эгине, Самосе, Сифносе и даже в Италии и Сицилии (Кег., V, 1, стр. 2, прим. 13). Правда, и здесь речь идет о считанных находках.

Несколько уменьшается количество оружия. С середины X в. уже не встречаются ни умбоны щитов, ни наконечники стрел, ни кинжалы. Если в могилах XI и первой половины X в. найдено в общей сложности четыре меча, три ножа, три наконечника копий, то для последующих двух столетий соответствующие цифры составляют три, семь и четыре. А ведь число поздних погребений почти вдвое больше (Кег., V, 1, стр. 197 сл.). Падение количества оружия издатель объясняет стабилизацией условий жизни в стране. Численность других железных изделий остается на том же уровне. К ним принадлежат десяток булавок, три фибулы, гвоздь и более десятка скоб и колец, которыми скреплялись носилки для покойников.

Зато заметно увеличивается количество изделий из бронзы. Найдено 10 чаш, которыми прикрывались погребальные урны, три котла, 10 фибул, пряжка и несколько булавок. Преобладание бронзы, возможно, объясняется ее стойкостью в отношении коррозии. От железных фибул сохранились лишь жалкие остатки, бронзовые дошли до нас в прекрасном состоянии. Техника обработки бронзовой проволоки живо напоминает микенскую и субмикенскую. Браслеты, являющиеся подражанием древним украшениям, найдены в слоях VIII в. не только в Керамике, но и на Агоре.

В поздних слоях впервые появляются предметы из свинца (котлы и крышки к ним). В погребениях Керамика свинец встречается значительно чаще, чем в других некрополях VIII в. (Кег., V, 1, стр. 207).

Количество золотых изделий остается на прежнем уровне. По мнению Кюблера (Кег., V, 1, стр. 183), распространение золота даже напоминает микенское время. Такая оценка несколько преувеличена, так как в некрополе X—VIII вв. найдено в общей

сложности пять золотых колец (X и середина IX в.), семь золотых лент-диадем со вдавленным орнаментом (вторая половина IX и VIII в.) и две золотых булавки. В сводке золотых и серебряных изделий, найденных на протяжении всего гомеровского периода в Греции (Кег., V, 1, стр. 184 сл.), большинство находок падает на VIII век. Очевидно, масштабы распространения золота во многом уступают микенскому времени. Это свидетельствует об относительно слабых еще экономических связях со странами Востока. Все же налицо сдвиг в сравнении с протогеометрическими погребениями. Техника производства золотых украшений поразительно напоминает микенскую.

Итак, во многих отношениях — в формах, видах, частично и орнаменте керамических изделий, затем в технике производства бронзовых и особенно золотых украшений, наконец, в похоронных обрядах — наблюдается, после полуторавекового перерыва, возврат к микенским или субмикенским образцам. Самый факт возрождения микенских традиций не вызывает сомнения. Кюблер (Кег., V, 1, стр. 183) полагает, что возвращение к микенской технике объясняется грабежом старых погребений в поисках скрытых там богатств. Это неубедительно. Доказательств такого рода грабежей и хищений именно для анализируемого времени, разумеется, нет. К тому же хищениями не объяснить возврата от кремации к труположению. Между тем это — явления явно одного и того же порядка. Если отказ от кремации объясняется живучестью коренных местных традиций, то не в них ли следует искать и причину восстановления традиций микенского ремесла?

Возрождение микенских традиций влекло за собой и совершенствование ремесленной техники. Выше уже отмечалось улучшение качества отделки керамики. Качество золотых колец намного выше, чем в субмикенских находках. Изображения, выдавленные на золотых лентах, поражают не только тонкостью наблюдений художника, но и мастерством технического исполнения. Каменные штампы для указанных лент появились не ранее IX в. В том же столетии афинские мастера вновь освоили забытое одно время искусство сочетания металлов. В этом плане представляют интерес булавки из могилы № 41 (табл. 159). Остов одной из них сделан из железа, но вся она вплоть до самого острия покрыта тонкой золотой фольгой с геометрическим орнаментом. Высоких технических навыков требовало нанесение четких контуров кораблей и тунцов на пластинчатые фибулы.

Выше отмечалось, что афинская протогеометрическая керамика выходит за пределы Аттики во второй половине X в. В дальнейшем междуэллинические связи усиливаются и расширяются. Об этом свидетельствуют часто появляющиеся на вазах, фибулах и различных других предметах изображения кораблей. Мы видим здесь не только корабли разных типов, но и целые морские сражения (Кег., V, 1, стр. 175 сл., прим. 165).

В анализируемый период впервые появляются предметы, везенные с Востока. К ним относится бронзовая чаша из могилы № 42 (табл. 162) с изображениями пар быков, львов и горных козлов. В одном из погребений Элвсина (IX в.) найдены египетские скарабеи (Кег., V, 1, стр. 205, прим. 216). Очевидно, с Востока привезена и слоновая кость для треугольной пластинки, датированной рубежом X и IX вв. Для этого времени такая находка является исключением. Однако в дипилонских погребениях третьей четверти VIII в. найдено пять статуэток, вырезанных из слоновой кости²⁵. На связи с районом Прибалтики указывают, правда довольно редкие, находки предметов из янтаря (птичка — Кег., V, 1, табл. 161).

Наряду с этим даже на предметах местного аттического производства ощущается влияние иностранных, главным образом восточных, образцов. Выше отмечалось, что в могильнике Керамика обнаружено семь золотых диадем со вдавленным орнаментом восточного типа. В Аттике найдено более 30 украшений такого типа. Эта серия начинается в погребениях зрелого геометрического стиля. Узоры на ранних диадемах заимствованы из Сирии, но на поздних появляются греческие мотивы. Вместо львов и пантер изображены уже кони, люди и даже кентавры. Полагают, что ранние образцы серии изготовлялись на ввозных штампах, а позднее греческие мастера освоили производство штампов на месте²⁶. Переднеазиатские серьги цилиндрической формы преобразуются эллинскими мастерами в серповидные пластинки с подвешенными металлическими шариками. Все это свидетельствует о контактах со странами Востока. Первоначальные образцы таких украшений могли попадать в Элладу через финикийцев. Невольно припоминается то место из «Одиссеи», где Евмей рассказывает о похищении его финикийскими торговцами. К «тысячам безделушек» (*ἀθύρματα* — Od., XV, 416)²⁷, которыми торговали финикийцы, принадлежали и золотые украшения, подобные найденным в Керамике.

К какому времени можно отнести такие контакты, если судить по находкам Керамика и вообще Аттики? Вплоть до конца X в. Афины не имели связей со странами Востока. Редкие восточные изделия появляются здесь лишь в следующем столетии. Число их несколько увеличивается на протяжении VIII в., особенно в его середине. Одновременно афинские мастера начинают перерабатывать чужеземные образцы применительно ко вкусам местных

²⁵ См. F. M a t z. *Geschichte der griechischen Kunst*, т. I. Frankfurt a/M, 1950, стр. 75 сл., табл. 28. По его мнению, эти изображавшие какое-то женское божество статуэтки напоминают переднеазиатские образцы, но исполнены, несомненно, греческим мастером.

²⁶ Там же, стр. 92, со ссылкой на W. R e i c h e l. *Griechisches Goldrelief*, 1942, стр. 6 слл., табл. 1—3 (мне недоступна).

²⁷ См. G. G e r m a i n. *Genèse de l'Odyssee. Le fantastique et le sacré*. Paris, 1954, стр. 446, прим. 7.

потребителей. Дальнейшим развитием этой тенденции является весь ориентализирующий стиль, приходящийся на конец VIII и на VII в. С начала Великой колонизации посещение иноземными торговцами греческих вод должно было сильно пойти на убыль. События, аналогичные сценам, описанным в «Одиссее», больше всего соответствуют времени с начала IX по начало VIII столетия. Резко враждебный тон автора поэмы по отношению к финикийцам (Od., XIV, 288 сл.; XV, 416) позволяет отнести указанные места к концу IX — началу VIII в.

Выше уже отмечалось наличие имущественного расслоения. Не менее отчетливо прослеживаются и черты расслоения социального. О них ярко свидетельствуют прежде всего типичные для диллонских сосудов, но встречающиеся и на поздних вазах Керамика изображения сцен похоронного ритуала. В центре рисунка обычно помещены носилки, поддерживаемые четырьмя носильщиками, или катафалк на четырех ножках. Спереди и сзади изображены вереницы мужчин, участвовавших в выносе тела. Иногда под катафалком художник помещал фигурки плакальщиц²⁸. Эти рисунки невольно ассоциируются с законом Солона (Plut., Sol., 21), запрещавшим плакальщицам оплакивать посторонних. На могилах знатных лиц устанавливались монументальные сосуды. Примером может здесь служить громадный (высота 1,3 м) позднегеометрический кратер (Ker., табл. 10), на стенках которого в два ряда воспроизведены сцены похорон какого-то знатного афинянина. По всей окружности кратера тянется вереница колесниц, по-видимому, обезжавших могилу. На них стоят во всеоружии воины. Между колесницами художником изображены всадники и пехотинцы со щитами. Пышные шествия, состязания, жертвоприношения и тризны стоили немало. Упомянутый закон Солона был издан для пресечения излишней пышности похорон. Кюблер отмечает также, что кладбище Керамика располагалось вдоль священной дороги на Элевсин, причем наиболее богатые погребения (очевидно, принадлежавшие родовой знати) были размещены вдоль дороги. По мере удаления от дороги инвентарь погребений становится все беднее.

О значительном социальном весе знати свидетельствует также обилие изображений коней и колесниц на предметах из Керамика. Такие рисунки часто встречаются на разных сосудах (там же, табл. 20, 37, 79, 87, 110 и 141), а фигурки коней на крышках пиксид и даже амфор (табл. 36, 54, 60 и 67). Кроме того, найдено окол. десятка глиняных игрушек, изображающих коней (табл. 142 — 144). Подавляющее большинство изображений коня датируется VIII в. Говоря о них, Кюблер ограничивается замечанием, что конь связан с культом мертвых. Это действительно так, однако

²⁸ F. M a t z. Op. cit., табл. 15.

столь же несомненно, что культ коня поддерживался в Греции прежде всего в аристократических кругах. Распространение культа коня и изображения множества колесниц неоспоримо доказывают большой общественный вес родовой знати в Аттике VIII в. Таким образом, данные Керамика конкретизируют соображения более поздней античной традиции.

Имеем ли мы право судить по материалам Керамика об общественных отношениях во всей Аттике? Думается, что да. Данные из афинской Агоры, Элевсина и других местностей Аттики прекрасно дополняют комплексные свидетельства Керамика. Последние подтверждаются и скудными крохами письменной традиции. Рациональное зерно преданий о замене царской власти пожизненным, десятилетним, а потом годичным архонтатом (традиционная дата установления последнего — 684/83 г. до н. э.), несомненно, отражает процесс усиления родовой знати как осознавшей свой общественный вес социальной группы. Поздние слои могильника в Керамике наглядно иллюстрируют одну из начальных стадий того исторического процесса, который закончился тем, что «полития была у них во всех отношениях олигархической; и находились в порабощении бедняки у богатых, и сами они, и дети, и жены» (Arist., Ath. pol., 2,2).

В общеисторическом плане данные Керамика использовались, насколько мне известно, только сторонниками расистских концепций²⁹. Между тем данные могильников Керамика, благодаря их обилию, непрерывной последовательности на протяжении пяти столетий и полноте материала, действительно позволяют если не решить, то поставить ряд важных общеисторических вопросов. Одним из них является вопрос о месте Аттики в социально-экономическом развитии эллинского мира в течение этих столетий. Если рассматривать памятники Керамика в этом плане, то окажется, прежде всего, что регресс в Афинах принял значительно меньшие размеры, чем в других центрах микенской культуры. Фактически только Афины и далекие кипрские общины смогли избежать разрушительных последствий дорийского завоевания. Возможно, благодаря этому Афины уже в середине X в., раньше других эллинских обществ, возобновили контакты с побережьем Фессалии и с Кикладами. Здесь, наряду с центральным для этого района положением Афин, сыграли свою роль микенские традиции. На дальнейшее развитие Афин в IX в. влияли в основном внутренние факторы; не последним из них было сознательное подражание традициям микенского ремесла. Можно полагать, что Афины в ту пору сохраняли свое первенствующее значение в почти

²⁹ В книге Матца (1950 г.) и в несколько меньшей мере в V томе публикации Керамика (1954 г.) памятники материальной культуры этого некрополя интерпретируются как проявление чистой индогерманской культуры в противовес микенской, разложившейся под влиянием средиземноморского населения.

лишенном контактов с Востоком греческом мире. Такое состояние меняется только в VIII в. В это время в Афинах все еще продолжается подъем ремесла, усиливаются внешние связи, впервые ощущается влияние Востока, обогащается родовая знать и усиливается ее общественное значение. Однако значительно большие возможности получили теперь греческие общины, которые были теснее связаны с передневосточными странами (Кипр, Родос) или имели непосредственные торговые связи с глубинными районами Малой Азии (прибрежные малоазийские полисы). В результате в первой половине VIII в. наметилось относительное, а со второй половины того же столетия и абсолютное отставание Афин, которое усиливается в следующем веке. Афины остаются в стороне от колонизации и почти не затронуты ее непосредственными результатами. Попытка установить тиранию в Афинах в VII в. произошла с опозданием и закончилась неудачей. Афины теряют Саламин, с опозданием начинают чеканить монету.

Здесь заняло бы слишком много места рассмотрение социально-экономических процессов в различных областях Эллады на протяжении VIII в. К тому же эти явления в последние годы стали обстоятельно изучаться в нашей литературе³⁰. Достаточно указать, что до конца IX в. ни в одной греческой общине экономическое развитие не продвинулось дальше, чем в Афинах. Этот вывод имеет большое значение в связи с поисками конкретно-исторических прообразов хозяйств гомеровских басилеев. Если бы удалось доказать, что такие хозяйства существовали в гомеровский период, можно было бы попытаться приурочить к ним и сообщения эпоса о рабах. В противном случае придется считать, что сведения об ойкосах басилеев восходят к смутным реминисценциям микенского времени.

Из обзора памятников Керамика вполне очевидно следует вывод, что в Афинах вплоть до конца IX в. вряд ли могло существовать царское хозяйство типа гомеровского. От афинского двора микенского времени сохранились лишь основания двух колонн под фундаментом, видимо, Гекатомпедона. Согласно Л. Холленду, мегарон дворца использовался в качестве пританея до VI в. до н. э.³¹ Однако и Холленд не нашел никаких следов дворцового хозяйства в Афинах. Ничто среди обильных памятников Керамика вплоть до начала VIII в. не указывает на столь значительное имущественное расслоение, как засвидетельствованное поэмами для гомеровского общества. Хотя изображение похо-

³⁰ Из важных новых трудов советских историков здесь надо в первую очередь указать на монографию К. М. Колобовой «Из истории раннегреческого общества (О. Родос IX—VII вв. до н. э.)» (Л., 1951). См. также: А. И. Д о в а т у р. Аграрный Милет.— ВДИ, 1955, № 1 стр. 27—30.

³¹ О. В г о н е е r. Athens in the Late Bronze Age.—«Antiquity», XXX (1956), № 1, стр. 9; ср. L. H o l l a n d. The Hall of the Athenian Kings.— AJA, 43(1939), № 2, стр. 289—298; ср. AJA, 1924, № 2, стр. 162 слл.

ронных обрядов на геометрических сосудах живо напоминает, например, описание состязаний после смерти Патрокла ³², все же комплекс памятников Керамика плохо согласуется с рассказом поэта об ойкосе Одиссея или Алкиноя. Мало реально также возможность обнаружить в Афинах в процессе дальнейших раскопок следы такого дворца для интересующего нас периода. Раскопки и здесь ведутся много десятилетий в самых различных местах, и все они дают для этого периода одну и ту же картину социально-экономических отношений.

Прежде чем рассматривать вопрос о реальности существования прообразов дворцов гомеровских базилеев в других областях Элады, нам придется обратиться к данным об Ионии. Ключ к окончательному решению вопроса о том, существовали ли в гомеровское время такие дворцы или же они должны быть отнесены к микенскому периоду, можно найти, разумеется, не в Афинах и не на Кипре, а там, где были оформлены «Илиада» и «Одиссея», — в районе малоазийского побережья. К сожалению, раскопки здесь развернулись только в последнем десятилетии, а их предварительные результаты далеки еще от требуемой полноты.

Данные археологических работ по интересующему нас вопросу могут быть сведены к следующим положениям. Установлено, что в некоторых центрах Ионии имелись греческие колонии уже в микенское время. К ним принадлежат Милет и Самос, возможно, Колофон и Хиос. Древнейшими, датируемыми XIV в., поселениями являются Милет и Колофон. В других городах Ионии открыты повсеместно сосуды геометрического, кое-где даже протогеометрического стиля; следовательно, они были заселены эллинами, по крайней мере с конца X в. ³³ Непрерывное существование эллинских поселений с конца II тысячелетия засвидетельствовано в районе западного побережья Малой Азии для Милета, Герайона и Тигани на Самосе, Эмпорио на Хиосе и Смирны. Засвидетельствованные античной традицией после «возвращения Гераклидов» миграции из материковой Греции усилили эллинские элементы, сохранившиеся в местных микенских колониях, и привели к основанию новых поселений (Магнезия на Меандре, Пигелы, Эфес, Теос, Клазомены, Фокея). Находки как микенского, так и раннегомеровского времени в Ионии и на прилегающих к ней островах сводятся главным образом к фрагментам керамики. Открытия камерной гробницы на Самосе и купольной в Колофоне недостаточно для широких выводов.

³² Ср. В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики. М., 1953, стр. 66.

³³ После войны англо-турецкая археологическая экспедиция нашла в Смирне несколько развалин домов середины IX в., а под ними фрагменты местной одноцветной керамики и аттическую протогеометрическую посуду середины X в.; см. JHS, LXXII (1952), стр. 104. В 1955 г. немецкие археологи, возобновившие раскопки в Милете, обнаружили протогеометрическую и геометрическую керамику, см. «Anatolian studies», VII (1957), стр. 24 сл.

Довольно обильная традиция о первых веках существования греческих поселений в Ионии сохранилась главным образом у Страбона и Павсания³⁴. Ее данные проливают свет на время и обстоятельства основания колоний, на взаимоотношения колонистов с метрополиями и туземцами. Однако свидетельства литературных источников о социальных отношениях в Ионии времени до конца IX в. скудны и также не дают прямых данных о существовании здесь дворцов типа ойкоса Одиссея.

Зато в античной традиции сохранилось немало сведений о существовании царской власти в греческих городах Малой Азии и прилегающих островов. Наиболее ранние свидетельства о малоазиатских басилеях связываются с бегством потомков Агамемнона в Эолиду. Считалось, что сын Ореста Пенфил положил начало заселению Лесбоса эолийцами (Paus., III, 2, 1), а династия Пенфилидов долго правила на Лесбосе (вплоть до начала VII в.). Уже с Лесбоса потомки переселенцев заняли Эолиду под водительством сначала сына, а затем внука Пенфила. Институт царской власти засвидетельствован и в Киме. Согласно Плутарху (Mor., 291 f — 292a), местные басилеи находились под строгим контролем аристократической буле³⁵. Здесь царская власть продержалась вплоть до начала чеканки монеты (Roll., IX, 83).

В древнегреческой традиции сохранились сведения о древнейшей истории Колофона. Соответствующие данные представляют тем больший интерес, что Колофон был одним из городов, притязавших на звание родины Гомера; притом здесь почти не производились археологические раскопки³⁶. Поэтому все наши сведения о древнейшей истории Колофона основаны на античной традиции. Что же сообщают о нем древние авторы, начиная с самых ранних? Родом из Колофона был один из ранних греческих поэтов Мимнерм. Согласно Гесихию и Свиде, его акмэ совпала с 37-й олимпиадой. Следовательно, он творил в третьей четверти VII в. В одной из элегий (фр. 12 и 12A Dichtl) поэт повествует о времени, когда его предки, покинув Нелеев град Пилос, прибыли в Колофон и в дальнейшем захватили эолийскую Смирну. Другую версию того же события передает Страбон (XIV, 1, 4). Вероятно, о том же рассказывает и Геродот (I, 150). Если это так, то еще до захвата Смирны в Колофоне происходили какие-то серьезные социальные потрясения, ибо «часть колофонян в результате восстания (στάσις) потерпела поражение и была изгнана с родины». Согласно Фукидиду (V, 2, 2), колония колофонян находилась на

³⁴ Обстоятельный анализ традиции о переселении в Ионию дан в кн.: М. В. S a k e l l a g i o u. La migration grecque en Ionie. Athènes, 1958.

³⁵ А. Р. В u g n. Op. cit., стр. 188.

³⁶ Единственная известная мне попытка раскопок этого города принималась лишь в 1922 г. американским археологом Хетти Гольдман (AJA, 1923, стр. 67 сл.; см. «The Aegean and the Near East. Studies... Hetty Goldman». N. Y., 1956, стр. VII).

Халкидике. Аристотель (Polit., 1290 b) определяет государственный строй Колофона в древности (τὸ καλαίον) как недемократический, ибо большинство граждан города были богачами. Страбон (XIV, 1, 28) сообщает, что колофоняне некогда обладали большим флотом и сильной конницей. Цитируемая им пословица τὸν Κολοφῶν' ἐπέθρε также древнего происхождения, так как связана со временем преобладания конницы в военном деле.

Все приведенные выше сообщения относятся к периоду, предшествовавшему завоеванию Колофона Лидией, по-видимому, около 660 г. до н. э. Так получается несколько весьма важных отправных пунктов в древнейшей истории Колофона. Господство знати, преобладание конницы, богатство города, социальная борьба, вероятно между знатью и демосом, изгнание первой, завоевание близлежащей Смирны, вывод колонии на Халкидику — вся эта традиция лишена противоречий и в общем соответствует закономерностям исторического развития ранних греческих полисов. Здесь может вызвать некоторое сомнение только ранняя датировка этих событий. Однако сомнения в значительной мере рассеиваются фактом лидийского завоевания; вряд ли возможно предполагать, что после него политическая борьба в Колофоне развивалась без помех.

Более скудны данные традиции о Магнесии на Меандре. Известно, что и магнетяне обладали сильной конницей. Согласно Аристотелю (Pol., 1289b), государственный строй в Магнесии был олигархическим именно по этой причине. Феогнид дважды (603 и 1103) осуждает надменность (ὑβρις) магнетян, приведшую их к гибели так же, как и колофонян.

В Милете институт царской власти существовал во всяком случае со времени ойкиста Нелея, сына Кодра (Her., I, 147; Strab., XIV, 1, 6; Paus., VII, 2, 2). Последний царь из династии Нелеидов Леодамант был убит (Nik. Dam., FGH, 90F, 52) около 700 г. до н. э., после чего в Милете царская власть уже не восстанавливалась.

В Эфесе царская власть, согласно Страбону (XIV, 1, 3), была установлена Андроклом, сыном Кодра. Потомки Андрокла сохранили некоторые почетные функции вплоть до времени Страбона. Как и в других малоазийских полисах, в Эфесе царская власть сменилась тиранией (Suid., s. v. Πυθαγόρας Ἐφέσιος)³⁷.

Во всех указанных городах прослеживаются следующие общие моменты. Во главе переселенцев стоят представители царских родов. Ойкисты колоний становятся царями и основоположниками местных династий. Усиление аристократии повсеместно ведет к ограничению, а затем во многих городах и к отмене института басилеев. В VIII в. этот процесс близится к завершению во всей Ионии. Там, где, как, например, в Эфесе или в Киме Эолий-

³⁷ См. RE, s. v. Androkleidai, стлб. 2146.

ской, царский титул еще сохраняется, функции царя ограничиваются главным образом религиозной сферой точно так же, как это раньше происходило в Аттике.

Согласно традиции, в Афинах отмена царской власти и переход к пожизненному архонтату произошли вскоре после смерти Кодра при его сыне Медонте или внуке Акасте уже в середине XI в., а пожизненный архонтат был сменен десятилетним 300 лет спустя³⁸. На эти три столетия падает отмена царской власти и в Ионии.

В процессе исторического развития Греции прерогативы царской власти постепенно ограничиваются. Ее объем был наибольшим в микенский период с его роскошными дворцами и разветвленным бюрократическим государственным аппаратом. Переход к гомеровскому периоду был ознаменован быстрым крушением всей раннеклассовой дворцовой системы и соответственным уменьшением роли царьков, фактически племенных вождей. С этим, быть может, связано и исчезновение титулов ванаки и лавагета, чье место занимают бацилеи, которые в пилосских документах выступают не как носители верховной власти, а в качестве местных администраторов — деревенских старшин. Затем последовало дальнейшее постепенное ограничение функций бацилеев вплоть до фактической замены их власти правлением аристократической верхушки общества.

Этому процессу сопутствовало превращение акрополей, которые раньше были царскими резиденциями, в центры религиозного культа божеств-покровителей той или иной общины. Место царских дворцов занимают храмы. Соответственно этому центрами городской жизни в Малой Азии были не дворцы, а святилища (Посейдона в Панионии, Деметры в Микале, Артемиды в Эфесе, Аполлона Дидимского в Милете и т. д.). И это обстоятельство свидетельствует против существования (во всяком случае длительного) царских дворцов в Ионии.

При современном уровне археологических работ в Малой Азии еще нельзя окончательно решить, существовали ли на ее западном побережье какие-нибудь прообразы дворцов гомеровских бацилеев. Такая возможность не исключается полностью, но кажется маловероятной.

Некоторый свет на вопрос о прототипах дворцов гомеровских бацилеев могут пролить данные о греческой архитектуре послемикенского времени. В предыдущем параграфе мы уже частично касались этого вопроса на кипрском материале; целесообразно рассмотреть его в более широком плане.

Размеры и планировка дома Одиссея устанавливаются в общих чертах с достаточной для наших целей полнотой по рассеянным то тут, то там замечаниям поэта. Центральной частью дома был мега-

³⁸ Т. В. L. Webster. Op. cit., стр. 142 сл.

рон, в котором могли с удобством разместиться около сотни человек. Вся сцена расправы Одиссея с женихами Пенелопы в XXII песни представляется возможной лишь при том условии, что, кроме небольшой двери, ведущей в коридор и кладовые (*ὄροσθήρη*), из мегарона был только один выход, удерживавшийся героем поэмы. Кроме того, в доме должны были быть комнаты хозяев, их взрослых и подрастающих детей, помещения для Евриклеи и полусотни рабынь, а также определенное количество всяких подсобных помещений, кладовых и т. д. В женской половине дома находился мезонин-опочивальня Пенелопы. Внешний вид дома описан в Od., XVII, 266 слл. Дом был окружен стеной с друстворчатыми воротами.

Вопрос о дворцах гомеровских басилеев обстоятельно исследовался в специальной литературе. Много споров, не совсем утихших вплоть до наших дней, вызывала необходимость найти какую-то археологическую параллель этим дворцам. В послевоенной литературе представительницей одной из крайних точек зрения выступила Лоример, которая посвятила этому вопросу особую главу своей монографии³⁹. Несмотря на принимаемую ею датировку поэм концом VIII — началом VII в., она признает, что соответствующие всем требованиям эпоса «зданию известны в Греции только для одного-единственного периода (ПЭ III); именно того периода, на который предположительно приходится действие «Одиссеи»⁴⁰. Действительно, в литературе неоднократно, вплоть до начала раскопок дворца в Пилосе, подчеркивалось, что действие многих песен «Одиссеи» может быть прекрасно локализовано в тириинфском дворце.

Вслед за мегароном в Тириинфе были обнаружены мегароны в других дворцах микенского времени. Они были найдены в самих Микенах, на афинском акрополе и в других местах. В JHS⁴¹ опубликованы сведения о раскопках частного дома в Микенах, имеющего мегарон с *ὄροσθήρη* в боковой стене. Наконец, раскопки Блегена в Пилосе вскрыли дворец, который во многих отношениях более близок к описанному в эпосе, чем даже дворец в Тириинфе.

Блеген сообщил⁴² интересные данные об этом дворце. Его мегарон, длиной 10⁴³ и шириной 7 м, имел четыре несущие колонны и, вероятно, очаг в центре зала; у входа было специальное помещение для привратника. Стены мегарона, как в Тириинфе, покрыты фресками. Двери двустворчатые, как в «Одиссее». На

³⁹ H. L. Lorimer. Op. cit., гл. VII, стр. 406—451.

⁴⁰ Ibid., стр. 407.

⁴¹ JHS; XXI (1951), стр. 203 сл.

⁴² AJA, 61 (1957), № 2, стр. 129 и табл. 39.

⁴³ Во время раскопок 1959 г. Блеген пришел к выводу, что мегарон пилосского дворца был длиннее, чем предполагалось ранее. — AJA, 64 (1960), № 2, стр. 154.

стене позади царского трона были изображены грифоны и львы. Мегарон с трех сторон окружен хозяйственными и жилыми помещениями, в том числе и кладовой, где хранилось часть табличек линейного письма Б. Во внутреннем дворе пилосского дворца находился особый флигель, живо напоминающий спальню Одиссея. Во флигель можно было попасть только через мегарон. Вместе с тем пилосский дворец по своим размерам значительно уступает тирифскому. Таким образом, ослабевает основное возражение противников отождествления дома Одиссея с одним из микенских дворцов, подчеркивавших, что дворцы в эпосе намного меньше микенских.

Раскопки слоев гомеровского периода велись главным образом в некрополях, в меньшей мере — в храмах. Последние датируются временем не раньше конца IX в. (храмы Артемиды Орфии и Спарте, Герайон на Самосе). Святыни Геры в Аргосе и Перахоре относятся даже к VIII в. Поэтому данные о строительном деле для этих столетий исключительно скудны. По общему мнению, архитектура храмов лишь немногим отличалась от архитектуры жилых помещений. В Перахоре найдено несколько votивных глиняных изображений храма или дома ⁴⁴. Дома на этих моделях весьма скромны и состоят из одного-двух помещений. Только в последние годы обнаружены были следы нескольких домов протогеометрического и геометрического времени в Афинах, на Самосе и в Смирне ⁴⁵. Ранние постройки, овальные в плане, не имеют ничего подобного мегарону. В VII в. встречаются уже настоящие мегароны с очагами, колоннами и портиком, но все же без комплекса помещений, характерного для микенских и гомеровских дворцов. Таким образом, дошедшие до нас скудные данные о строительном деле гомеровского периода имеют мало общего с описанием дома Одиссея у Гомера.

Вряд ли это можно приписать простой случайности. На протяжении интересующих нас столетий строительное дело вообще находилось на низком уровне. Это подтверждается всем имеющимся в нашем распоряжении материалом, в частности техникой строительства храмов. Поэтому возможность найти в будущем следы каких-либо крупных построек гомеровского периода невелика.

В общем весьма осторожная и сдержанная в отношении всякого рода гипотез Лоример считает все же ⁴⁶, что где-то на малоазийском побережье должны были существовать в IX—VIII вв. прообразы дома Одиссея. Свое предположение она мотивирует следующими соображениями. Составной лук Одиссея, сыгравший столь большую роль в сцене расправы с женами, стал известен

⁴⁴ H. L. Logier. Op. cit., табл. 32; ср. Matz. Op. cit., стр. 94, табл. 42.

⁴⁵ Краткое описание этих построек см. в упомянутой выше книге Майрса (стр. 167 сл). Там же указания на новую литературу вопроса.

⁴⁶ H. L. Logier. Op. cit., стр. 425 и 430.

эллинам не раньше VIII в. Расположение помещений в доме героя предполагается знакомым слушателям рапсода. Наконец, в Приене в слоях конца эллинистического периода был раскопан дом, одно из помещений которого похоже на мегарон. На этом основании Лоример делает вывод о непрерывности архитектурной традиции от микенского вплоть до эллинистического времени.

Эти аргументы все же не кажутся убедительными. План дома в Приене ⁴⁷ далек от описываемого в эпосе. Большая комната этого дома не похожа на мегарон. Ее размер (50 м²) лишь немногим больше площади каждой из двух других больших комнат (по 35 м²). В ней отсутствуют такие элементы мегарона, как очаг и несущие колонны. Фактически единственное, что напоминает в ней мегарон, это наличие входного вестибюля с портиком, соответствующего гомеровской αἴθουσα. Этого, разумеется, недостаточно даже для того, чтобы считать данную комнату мегароном, не говоря уже о том, чтобы уподоблять приенский дом дому Одиссея в эпосе. Постулируемое знакомство слушателей рапсода с планировкой места действия не обязательно. Наиболее весомо соображение Лоример о позднем знакомстве греков с составным луком. Однако этот довод может оказаться решающим только для датировки времени оформления «Одиссеи», а никак не для описания самого дома. Совпадение вплоть до мельчайших подробностей планировки дома Одиссея и, например, пилосского дворца, не может быть приписано случаю. Такого же мнения придерживаются и новые исследователи этого вопроса ⁴⁸.

Все вышеизложенное не означает, что дом героя поэмы ничем не отличался от реально существовавших микенских дворцов. Речь до сих пор шла только о размерах дворца и его планировке. Что же касается других архитектурных элементов, здесь нетрудно заметить немало различий. В эпосе нет упоминания о фресках, столь характерных для Тиринфа, Микен и Пилоса. Пол дома Одиссея, по-видимому, земляной. Сам дом, вероятно, представлялся поэту построенным из дерева, а не камня. Поэтому приходится полагать, что образцом для автора поэмы могли служить только воспоминания о дворцах ахейских басилеев, а не реально существовавшие дворцы гомеровского периода.

Принятие этого вывода, очевидно, имеет решающее значение для ответа на вопрос, можно ли приурочить к гомеровскому времени существование царских хозяйств столь больших размеров, как описанные в эпосе. Если признать, что описание дворца Одиссея, взятого как целое, не соответствует историческим условиям времени создания гомеровских поэм, тогда придется также отказаться от

⁴⁷ H. L. Lorimer. Op. cit., стр. 410.

⁴⁸ См. J. B é r a r d. Le plan du palais d'Ulysse d'après l'Odyssee. — REG, 67 (1954), стр. 1 сл.; см. также замечания D. H. Gray в кн.: M u r e s. Op. cit., стр. 170.

наиболее важного соображения в пользу значительного распространения рабства в царских хозяйствах того периода. Весь комплекс рассмотренных нами археологических данных неизбежно приводит нас к выводу о крайне малой вероятности реального существования прообразов крупных царских оikosов в гомеровское время. Мы не нашли их следов ни в Афинах, ни в других подвергавшихся раскопкам эллинских центрах.

Заимствованные из окружавшей действительности штрихи, а иногда и отдельные образы позволяли певцу вдохнуть подобие жизни в относящиеся к давно минувшей эпохе представления о мощных царских дворцах и связанных с ними хозяйствах. Автор «Одиссеи», несомненно, стремился воспеть не современные ему, а ушедшие в далекое прошлое явления. Он мог это делать лишь в меру своих ограниченных, но вовсе не ничтожных возможностей. Вряд ли правильно полагать, как это делает, например, Финли⁴⁹, что поэт просто преувеличивал в несколько раз богатства современных ему басилеев. Как показывает пример с архитектурой дома Одиссея, дело обстоит здесь значительно сложнее. Очевидно, поэт располагал немалым количеством таких сведений о микенском периоде, которые он не мог почерпнуть из своего непосредственного окружения. Попытаться отделить, поскольку речь идет о рабстве, те из них, которые относятся к микенской поре, и те, которые можно считать современными поэту, — основная задача следующих глав этой книги.

---

⁴⁹ M. I. Finley. The World of Odysseus². London, 1956, стр. 160 сл.

Глава 3.

ГОМЕРОВСКИЕ ТЕРМИНЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ РАБОВ

Обзор современного состояния гомеровского вопроса не входит в задачу данного исследования¹. Здесь все же необходимо остановиться на одной, важной для дальнейших суждений стороне этого вопроса: на оценке соотношения микенских и современных Гомеру элементов в эпосе. Разграничение этих двух групп имеет первостепенное значение для историка. В конце предыдущей главы была сделана попытка локализовать во времени и пространстве ойкосы эпических басилеев, причем мы установили, что их единственно возможным прообразом могли быть только микенские дворцы. Теперь вопрос о соотношении ранних и поздних напластований в эпосе может быть поставлен в более широкой плоскости, в частности и в отношении гомеровских терминов, обозначающих рабов.

Накопление археологических материалов дало неоценимое орудие для датировки гомеровских реалий. Материальная культура микенского мира резко отличалась от последующей. Коль скоро описанный в «Илиаде» (X, 261—265) шлем из кабаньих клыков находили лишь в микенских — и долгое время только в ранних — слоях, считалось несомненным, что описание этого шлема восходит к раннему микенскому времени. Аналогичная, весьма кропотливая работа была проделана в отношении других предметов вооружения героев «Илиады»². Оказалось, что колесницы, большие прямоугольные щиты, бронзовые шлемы и копья относятся к микенскому времени, в то время как круглые щиты, другие объекты гоплитского вооружения и дротики датируются гомеровским периодом. Последующие находки несколько изменили

¹ Обстоятельный обзор новой литературы по этому вопросу см. в вводной и первой главах кн.: Н. Л. Сахарный. Илиада. Разыскания в области смысла и стиля гомеровской поэмы. Архангельск, 1957, стр. 3—43. Систематический анализ наиболее важных новых трудов в этой области дан Д. Грей в заключительных главах кн.: J. L. M у r e s. Homer and his critics. London, 1958, стр. 223—294.

² Систематический обзор предметов гомеровского вооружения и их археологических параллелей был сделан Лоример (указ. соч., стр. 132—335).

указанные положения. Так, например, шлем из кабаньих клыков, пластинки которого были найдены в прошлом веке в шахтовых гробницах Микен (XVI в.), вполне отчетливо изображен на статуэтке из слоновой кости, найденной на Делосе и датируемой концом XIV — началом XIII в.³; с другой стороны, поножи, считавшиеся одной из частей гоплитского снаряжения, обнаружены в слоях XII в. Эти и подобные им находки не опровергли, а уточнили выводы археологов.

Неоднократно предпринимались всевозможные попытки отнести данные гомеровских поэм к какому-то одному определенному периоду греческой истории. Их пытались датировать в целом как относящиеся либо к микенскому, либо к гомеровскому, либо наконец, к переходному периоду. Однако все такого рода попытки оканчивались неудачей, так как оказывалось невозможным приурочить к одному и тому же обществу бронзу и железо, колесницы и гоплитскую фалангу, царские дворцы и кремацию⁴.

Расшифровка линейного письма Б открыла новые богатые возможности для датировки свидетельств эпоса. Пилосские таблички как археологические памятники позволяют точно датировать микенским временем многие из гомеровских реалий⁵. Если памятники материальной культуры по необходимости не дают прямых данных в пользу той или иной датировки свидетельств эпоса о социальных отношениях, то микенская эпиграфика способна во мно. ом восполнить этот досадный пробел, либо подтверждая данные Гомера и тем самым датируя их микенским периодом, либо отрицая их и заставляя их отнести к последующему времени. Наиболее ярким примером может служить изменение общественной роли басилеев в эпосе по сравнению с микенским Пилосом. Разумеется, дифференциация социальных отношений в эпосе представляет значительно большие трудности, чем датировка гомеровских свидетельств о предметах материальной культуры.

Сопоставление отдельных свидетельств эпоса с точно датированными археологическими памятниками еще раз показало, что в эпосе невозможно выделить большие ранние или поздние куски. Процесс творчества поэта не сводился к механическому соединению различных и разновременных малых песен, а был значительно сложнее. Гомеровские аэды исполняли свои произведения, не меняя их содержания и используя хранившийся в песенном наследии богатый фонд формул, обращений и эпитетов.

Значение этого фонда для устного эпического творчества прекрасно показали исследования Мильмана Парри о традиционных эпитетах в гомеровской метрике. Его наблюдения над устным творчеством сербских народных сказителей показали, что послед-

³ ВСН, 71—72 (1946 и 1947), стр. 148 сл.

⁴ Д. Н. Ггау, см.: М у г е s. Op. cit., стр. 178, 188 и 288.

⁵ С. Я. Л у р ь е. Крито-микенские надписи и Гомер. — ВДИ, 1956, № 4, стр. 3—12.

ние располагают большим, но строго ограниченным запасом эпитетов, которые применяются в зависимости главным образом от метрического расположения слова. Применив это наблюдение к гомеровскому эпосу, Парри подсчитал, что в первых 25 строках «Илиады» и «Одиссеи» встречаются соответственно 29 и 34 стандартных выражения, повторяющихся довольно часто в других местах поэм. Согласно его же подсчетам, в «Илиаде» к Ахиллу применяется 36 различных эпитетов, причем ни один из них с точки зрения метрики не совпадает с другим. Таким образом, сказитель (или поэт) располагал определенным запасом эпитетов, которыми он пользовался в зависимости от требования метрики, но не повторял буквально полученный им от предшественников текст. Речь может идти лишь о заимствовании общей канвы того или иного эпизода. Наличие такого стандартного фонда выражений может быть до некоторой степени прослежено и в относящейся к рабам терминологии эпоса.

Эта особенность гомеровских поэм, равно как выводы из анализа археологических памятников, заставляет отказаться от изображения гомеровского мира как единого, реального во всех подробностях исторического целого, вынуждая исследователя всякий раз ставить перед собой намного более трудную, но неизбежную задачу датировки тех или иных свидетельств эпоса.

Среди новых работ заслуживает внимания упомянутая небольшая книга М. И. Финли «Мир Одиссея»⁶. Отказавшись от рассмотрения «гомеровского вопроса», Финли стремится охарактеризовать социально-экономические отношения гомеровского общества, взятого как единое целое. Приняв в качестве эталона для микенского времени данные пиловских табличек линейного письма Б, Финли приходит к выводу о «коренном различии между микенским и эпическим миром». Общее в этих двух обществах сводится лишь к «языку и нескольким богам с подобными именами» (там же, стр. 160 сл.). По его мнению, социально-экономические отношения гомеровского общества наиболее соответствуют историческим условиям Элады в X—IX вв. до н. э.⁷

Предлагаемая Финли интерпретация мира Одиссея весьма близка к характеристике гомеровского общества, принятой в наших учебниках. Однако основная трудность состоит в том, что археологические данные, относящиеся к X—IX вв. до н. э., далеко не во всем соответствуют свидетельствам эпоса. Мы уже имели возможность убедиться в этом на примере Аттики и Ионии. Между тем Финли даже не задумывается над тем, в какой степени привлекаемые им свидетельства эпоса подтверждаются данными раско-

⁶ M. I. Finley. The World of Odysseus², London, 1956.

⁷ Подробнее критическое изложение взгляда Финли на гомеровское рабство см. в статье: W. Beringer. Zu den Begriffen für «Skla ven» und «Unfreie» bei Homer.— «Historia», X (1961), вып. 3, стр. 265—268 сл.

пок. Поэтому и после его исследования остается открытым вопрос, насколько ойкосы гомеровских басилеев соответствуют конкретно-исторической действительности Эллады X—IX вв. до н. э. Для положительного ответа на этот вопрос нужны не умозаключения о возможности существования такого рода социально-экономических отношений, как полагает Финли, но сопоставление свидетельств эпоса с соответствующими фактическими данными, полученными из других источников.

К тому же, выводу Финли резко противоречат: идея общности эллинского мира, выразившаяся в общеэллинском походе под Трою, гегемония Микен, некоторые формы зависимости басилеев от Агамемнона и т. д. Все это, не говоря уже о сохранившихся в эпосе воспоминаниях о битвах на колесницах, больших щитах, вооружении из бронзы и т. д., никак не согласуется с тезисом об отсутствии каких-либо черт сходства гомеровского общества с микенским. Картина социально-экономических отношений в эпосе значительно сложнее и многограннее, чем это представлено в «Мире Одиссея». Очевидно, в распоряжении творцов поэм сохранились какие-то данные о жизни их далеких предшественников. Признание этого факта проявляется, между прочим, и в изменении отношения исследователей к «Каталогу кораблей». В последнее время ученые все более склонны считать эту часть «Илиады» восходящей к какому-то перечню времени похода под Трою⁸.

В зависимости от такого или иного решения вопроса о локализации во времени ойкосов гомеровских басилеев необходимо было рассматривать и вопрос о рабстве. К сожалению, никто не попытался как-то дифференцировать соответствующие свидетельства во времени. Да и вообще вопрос этот не пользовался вниманием исследователей. В воистину безбрежном море литературы по гомероведению можно указать лишь на четыре работы (Рихарда, Микнат и две статьи Берингера), посвященные специально рабству. Две первые отделены друг от друга целым столетием.

Вышедшая в 1851 г. небольшая диссертация В. Рихарда⁹ дает мало интересного для наших дней. Автор собрал сведения эпоса о рабах, но не подверг их ни малейшему критическому анализу.

Взгляды Гизелы Микнат¹⁰ во многом показательны для трудов майнцской серии. В согласии с их общей тенденцией Микнат не склонна преуменьшать число рабов и роль рабского труда в древности. Она далека также от идеализации патриар-

⁸ См. M y r e s. Op. cit., стр. 273 сл., там же библиография вопроса.

⁹ W. R i c h a r d. De servis apud Homerum. Berolini, 1851.

¹⁰ G. M i c k n a t. Studien zur Kriegsgefangenschaft und zur Sklaverei in der griechischen Geschichte, 1. Teil: Homer, 1954. Рецензию на ее работу см. в ВДИ (1956, № 2, стр. 107—111).

хального рабства и неоднократно подчеркивает, что судьба рядовых рабынь была неизмеримо тяжелее, чем участь знатных пленниц (стр. 7 и 43, особенно прим. 2).

Согласно Микнат, в «Илиаде» отражены два различных периода ранней эволюции эллинского города и его взаимоотношений с внешним миром. Эти периоды, как подчеркивает автор, не связаны с микенскими и гомеровскими слоями в поэмах. Оба они относятся к эпическому «теперь».

Первый период, приурочиваемый к началу колонизации Малой Азии, характеризуется повсеместными миграциями. Завоеватели убивали все мужское население, сами же селились в захваченных городах и женились на женах и дочерях побежденных. К этому периоду относятся, по мнению Микнат, упоминания о наложницах Ахиллеса, Агамемнона, даже Нестора и других героев «Илиады». Сюда же следует отнести постоянные призывы троянцев защищать город, жен и малых детей.

Второй период датируется временем жизни поэта. Он характеризуется следующим образом: «Теперь город стоит против города... Предметом грабежа являются уже не женщины, а скот и другое имущество... После завоевания город не заселяется, а пустеет. Победитель забирает с собой имущество; женщины используются дома в качестве рабынь, так как греческий город-государство рано начинает испытывать нужду в помощи несвободных. Щадят и детей, так как они должны работать» (стр. 46 сл.). К этому периоду Микнат относит разговор Гектора с Андромахой, значительную часть XXIV песни «Илиады», поединок между Менелаем и Парисом и другие места. Важным критерием в отнесении свидетельств поэмы к тому или иному периоду Микнат считает наличие или отсутствие упоминаний о детях. Гибель детей относится ею безоговорочно к первому периоду.

Общей чертой для обоих периодов является убийство мужчин и пленение женщин побежденного города, однако в более позднее время некоторое количество плененных мужчин оставляется в живых для выкупа или же, в редчайших случаях, для продажи во внешний мир, где уже существовал спрос на рабов-мужчин (стр. 47). Микнат отрицает возможность купли-продажи рабов в эллинских обществах времени «Илиады». Она пишет: «...Продажа пленных имеет в качестве предпосылки покупное рабство, о котором в «Илиаде» не говорится» (стр. 37). В специальном экскурсе о покупном рабстве она все же признает, что «если в «Илиаде» нет еще работорговли в собственном смысле слова, то в «Одиссее» она несомненно является одним из факторов, определяющих весь жизненный уклад» (стр. 53).

Попытка Микнат выделить разновременные слои в первой гомеровской поэме, принимая в качестве критерия судьбу поработченного населения, заслуживает внимания. Но ее общие выводы вызывают много сомнений.

Прежде всего, Микнат ограничилась изучением фактически только «Илиады». Данные второй гомеровской поэмы используются ею лишь попутно, главным образом в экскурсах.

С этим обстоятельством связано другое. Решение проблемы гомеровского рабства неразрывно связано с вопросом об использовании рабского труда. В этом плане основной материал дает не «Илиада», а «Одиссея». Между тем Микнат даже не ставит вопроса о характере хозяйств гомеровских басилеев, в которых использовался труд пленных женщин. В силу всех этих обстоятельств изучение рабства фактически оказалось подчиненным исследованию не столько даже положения военнопленных, сколько обстоятельств их пленения.

Но и в этой области выводы Микнат далеко не полны. Порабощение военнопленных было в гомеровское время важнейшим источником рабства, но не единственным. Отрицание работорговли в «Илиаде» не вполне соответствует свидетельствам этой поэмы, не говоря уже об «Одиссее». Так, сидонянок, привезенных Парисом из Финикии (II, VI, 289—291), Микнат считает без какого-либо обоснования плененными (стр. 57 и 31, прим. 3). Она считает непоказательным свидетельство «Илиады» (XXI, 40) о продаже Ахиллесом сына Приама на Лемнос. В угоду концепции она отбрасывает упоминание в II, VII, 475 о продаже Евнею наряду со скотом и военнопленных. Все это ставит под сомнение надежность ее общих выводов.

Главная ценность исследования Микнат состоит в важной подборке свидетельств литературных источников о рабстве, в широком использовании схолий, иногда в остроумной и свежей интерпретации некоторых, казалось бы, давно уже полностью ясных мест «Илиады».

Третья работа о гомеровском рабстве имеет несколько своеобразный характер. В. Берингер, по-видимому, тоже принадлежащий к числу учеников И. Фогта, опубликовал часть своей диссертации¹¹, посвященную анализу термина *δουλοσύνη*¹². Автор статьи считает, что анализируемые им слова вовсе не означают, как это принято полагать, «терпеть рабскую долю»¹³. По его мнению *ἀνέχεσθαι* (с род. пад.) в эпосе обозначает «воздерживаться», а *δουλοσύνη* — внебрачные половые сношения рабынь. Поэтому Берингер полагает, что это слово должно быть поставлено не в винительном, а в родительном падеже.

¹¹ W. Beringer. Studien zum Bild vom unfreien Menschen in der griechischen Literatur von den Anfängen bis zum Ende des klassischen Dramas (Dissert.). Tübingen, 1956. К сожалению, эта работа оказалась мне недоступной.

¹² W. Beringer. Die ursprüngliche Bedeutung von *δουλοσύνην/ς ἀνέχεσθαι* in *Odyssee* 22, 423. «Athenaeum», XXX, (1960), № 1—2, стр. 65—97.

¹³ В переводе В. А. Жуковского «отправлять службу».

Основным аргументом в пользу такого понимания указанного места является, естественно, то обстоятельство, что термин *δοῦλος* отсутствует в эпосе, а оба контекста *δοῦλη* указывают не столько на рабский статус, сколько на половую связь рабынь с их господами¹⁴. Берингер, очевидно, считает оба этих момента не случайными. Но, как уже отмечалось выше (стр. 173), широкое применение термина до-е-го в пилюсских текстах и некоторые другие соображения заставляют все же предполагать случайным отсутствием слова *δοῦλος* у Гомера.

Вторая¹⁵ статья Берингера посвящена в основном анализу социального положения группы лиц, обозначаемых в эпосе как *δμῶες* и *δμῶαί*. В ней Берингер с полным основанием выступает против расплывчатого, хотя и принятого в литературе, термина «патриархальное рабство», указывая (стр. 259) на его внутреннюю противоречивость: с одной стороны, господин «обладал неограниченной и произвольной властью над своими рабами», а с другой — «отношение к рабам было гуманным и мягким». В целом он характеризует изучаемую им категорию лиц (стр. 284) как «определенную группу внутри общества..., отношение к ним знатных землевладельцев и князьков могло быть очень жестким, но не было самовольным». Таким образом, Берингер склонен усматривать в *δμῶες/δμῶαί* членов гражданской общины, защищаемых законом» (стр. 286) и располагающих некоторой, правда, ограниченной, правоспособностью. Несмотря на наше коренное расхождение с Берингером в понимании социального положения гомеровских *δμῶες*, надо сказать, что его исследование является ценным вкладом в изучение гомеровского рабства. В дальнейшем мы еще возвратимся к анализу отдельных положений Микнат и Берингера.

* * *

Анализ терминов, которыми в эпосе обозначаются рабы¹⁶, позволяет глубже понять своеобразие «гомеровского» рабства и помогает определить его место в истории рабовладения в целом.

В отличие от классической эпохи, когда для определения рабов употреблялись в основном три термина: *δοῦλος*, *οἰκέτης* и *ἀνδράποδος*, «Илиада» и «Одиссея» пользуются специфическими терминами для обозначения рабов и вообще зависимого населения. Интересно и показательное само по себе полное изменение «рабской» терминологии на протяжении всего лишь двух-трех столетий

¹⁴ К этому моменту я указывал еще в 1952 г. (ВДИ, 1952, № 2, стр. 44), сравнивая гомеровское *δοῦλη* с *παιλαγίς*.

¹⁵ W. B e r i n g e r. Zu den Begriffen..., стр. 259—291.

¹⁶ В данной и частично следующей главах использован переработанный и расширенный текст статьи «Об историческом месте гомеровского рабства» (ВДИ, 1952, № 2, стр. 42—53).

ний, при сохранении почти всего основного словарного фонда эпоса на последующих этапах развития греческого языка. На этом вопросе мы остановимся несколько ниже.

Обозначения рабов в эпосе привлекали к себе некоторое внимание исследователей. Однако они, за исключением В. Берингера, останавливались на этом вопросе лишь попутно, ограничиваясь перечислением и очень краткой, к тому же не всегда правильной, характеристикой отдельных терминов. Например: «Рабы или рабыни обычно называются δμῶες. Это выражение первоначально означало людей, покоренных силой оружия, и поэтому может относиться и к крепостным (Hörige). Дважды встречается δούλη... Довольно часто рабы называются οἰκῆες, домочадцами, домашними. Это тоже более широкое понятие, в которое могут войти и крепостные и свободные»¹⁷. Столь же кратко касается этого вопроса и Уэстерман: «Гомеровское обозначение „раба“ — δμῶς, fem. plur. δμῶαί. Обычное греческое слово δούλος появляется только дважды в «Илиаде» и «Одиссее». Δμῶες в качестве рабов четко противопоставлены ἀμφίπολοι: свободным слугам в Od., IX, 206; однако основные значения этих двух терминов не соблюдаются точно эпическими писателями»¹⁸. В советской литературе вопроса о терминологии рабов касался Е. Г. Кагаров, который писал: «...Рабы у Гомера имеют следующие названия: δούλοι, δμῶες οἰκῆες. В терминологии этой возможно установить следующее различие: δούλοι от глагола δέω означало вольнонаемников (? — Я. Л.), насильственно обращенных в холопов путем принудительного завладения трудом фета (? — Я. Л.), δμῶες от глагола δαμάω — наиболее употребительное слово для обозначения раба вообще, но первоначально относившееся лишь к военнопленным; что же касается до οἰκῆες, то в большинстве случаев слово это обозначало домашних, дворовых людей, челядь»¹⁹.

Основные термины для определения рабов у Гомера и Гесиода — δμῶς и δμῶή (δμῶή). Наряду с ними в дошедшем до нас тексте поэм встречаются δούλη и ἀνδράποδες (ἀνδράποδον), которые, как и δμῶες, применяются исключительно к рабам. Кроме того, лица несомненно рабского состояния довольно часто определяются словами οἰκῆες, γυναικες, ἀμφίπολοι и παλλακίς. Не вполне ясно, к какой категории относится δρῆστήρ.

Обратим внимание сначала на то, насколько употребительны в эпосе названия рабов, характерные для классического времени. Прежде всего, показательное отсутствие²⁰ основного термина δούλος,

¹⁷ G. Busolt und H. Swoboda. Griechische Staatskunde. Berlin—München, 1920—1926, стр. 170; ср. стр. 137 и 273.

¹⁸ W. I. Westermann. Slave Systems..., стр. 2.

¹⁹ Е. Г. Кагаров. Общественный строй греков гомеровской эпохи.— «Советская этнография», 1937, № 4, стр. 54.

²⁰ Вызывает удивление, что Е. Г. Кагаров в приведенной выше цитате дает в применении к эпосу определение слова δούλος, которое вообще у Гомера не встречается.

который в классическое время обозначает наиболее общее понятие «раб». Правда, в эпосе изредка употребляются слова, родственные этому термину, как, например, *δοῦλη* (II, III, 409; Od., IV, 12), прилагательное *δοῦλιος* в трижды встречающемся выражении *δοῦλιον ἤμαρ* (II., VI, 463; Od., XIV, 340; XVII, 323), или равнозначное ему *δοῦλειος* (Od., XXIV, 252), а также *δουλοσύνη* (Od., XXII, 423). Однако все термины этой группы встречаются в эпосе лишь в единичных случаях, а иногда, как будет показано ниже, в относящихся к более позднему времени строках.

Важно отметить, что *δοῦλη* в эпосе применяется в специфических контекстах. В «Илиаде» оно встречается в обращении Елены, с возмущением говорящей Афродите: «Будешь женой ему (Парису. — Я. Л.) или даже наложницей (*δοῦλην*) только» (III, 409). В «Одиссее» говорится о Мегапенте, сыне Менелая, родившемся от «рабыни» (*ἐκ δοῦλης*). Таким образом, в обоих контекстах *δοῦλη*, противопоставлено законной супруге (*ἄλοχος*)²¹. Схолиасты (к Od., IV, 12) отмечают, что это слово в эпосе не равнозначно классической *ἑσράκαινα*. Последней у Гомера соответствует *δμωή* а не *δοῦλη*. Если судить по указанным местам, то к значению гомеровского термина больше всего приближается *καλλαχίς* «наложница» с той только разницей, что *κα* последней говорится как о купленной (*ὠνητή* — Od., XIV, 202 сл.). В выражении *δοῦλιον ἤμαρ* речь идет, очевидно, снова не столько о состоянии рабства, как о рубеже между свободой и рабством в общем смысле слова — неволей²².

В столь же общем смысле следует понимать *δοῦλειον* ... *εἶδος* (рабский вид) в обращении Одиссея к Лаэрту (Od., XXIV, 252). Речь здесь идет об униженности, присущей людям, стоящим на социальной лестнице ниже, чем свободные. Единственный случай, когда слово, производное от этого корня, казалось бы, имеет несколько «производственный» оттенок, встречается в рассказе Евриклен (Od., XXII, 421 сл., цит. ниже, на стр. 263). Но и здесь *δουλοσύνην ἀνέχουσα*²³ обозначает лишь примирение с рабской судьбой²⁴.

²¹ W. V e r i n g e r. «Athenaeum», стр. 83 сл.

²² Герсхей так и определяет это выражение: *αἰχμαλωσίας ἡμέρα* — день плена.

²³ Смысл этого выражения не совсем соответствует переводу В. А. Жуковского «отправлять службу». Значительно лучше перевод В. В. Вересаева «нести рабскую долю». В данном контексте оно аналогично выражению в II., XXIV, 518 (*πολλὰ καὶ ἄνυχσο*).

²⁴ Берингер (указ. соч., стр. 70 сл.), уделивший много внимания анализу контекстов *ἀνέχουσα* в эпосе, убедительно подчеркивает наличие в нем элемента активности, заключенного как в приставке *ἀνα-*, так и формах действительного залога этого глагола. Поэтому и в данном месте, кажется подразумевается не пассивное подчинение рабской доле, а преодоление естественного сопротивления со стороны любого человека тяжелой участи рабства. Такое толкование значительно отличается от понимания этого места Берин-

Вывод, напрашивающийся из приведенных мест эпоса таков: группа слов, производных от *δοῦλος*, связана прежде всего с самим фактом лишения свободы и имсет уничижительный оттенок. Слова этой группы встречаются в эпосе лишь изредка; основное слово в нем отсутствует, а *δοῦλη* имеет специфический оттенок. Поэтому слова этой группы не могут считаться показательными для гомеровского рабства в целом.

Второй термин классического времени *ἀνδράποδος* (*ἀνδράποδος*)²⁵ встречается единственный раз в II., VII, 475. В этом месте говорится о торговле греков, находящихся под Троей, с Евнеем, сыном Ясона с Лемноса. В дошедшем до нас тексте отмечается, что ахейцы платили Евнею «медью... железом, кожами или рабами». Строка 475-я была еще в древности сочтена послегомеровской интерполяцией всеми тремя александрийскими критиками: Аристархом, Зенодотом и Аристофаном²⁶. *Ἀνδράποδος* не встречается ни у лириков, ни у Гесиода.

Учитывая, что в начальный период данный термин, как об этом свидетельствует этимология, обозначал военнопленных, продаваемых в рабство, и принимая во внимание, что у Гомера говорится о многих случаях продажи военнопленных, отсутствие этого термина в эпосе нельзя признать случайным. Очевидно, эта строка действительно является интерполяцией²⁷. Самый ранний несомненный случай применения этого слова (*ἀνδραποδωνίη*) можно отметить для конца VI в. до н. э. в Кизике (SIG³, 4). Здесь он связан с пошлиной на работорговлю.

Итак, два из трех основных терминов классического времени фактически не применялись в гомеровское время к основной массе рабов и рабынь. Несколько по-иному обстоит дело с термином *οἰκέτης*. Это слово и в классическую пору, во всяком случае у Геродота, обозначало не только рабов, но вообще членов семьи — «домочадцев». У Гомера *οἰκέτης* не встречается. Однако несколько раз применяется равнозначное ему в обоих оттенках *οἰκέως*. Гесикий определял его (s. v. *οἰκῆας*) следующим образом: «Все относящиеся к роду (*γένος*): и рабы (*δοῦλους*) и все находящиеся

гером, усматривающим в *δοῦλοσύνη* только недозволенные половые сношения одиссеевых рабынь с женихами Пенелопы. Бернгартовской интерпретации этого места полностью противоречит не только последующее значение *δοῦλοσύνη* в классической Греции, но и семантика прилагательного *δοῦλος* в эпосе (*δοῦλον ἦμαρ*).

²⁵ В принятом тексте «Илиады» имеется форма *ἀνδραπόδεσσι* (дательный падеж множественного числа от *ἀνδράποδος*). Аристарх предложил изменить ее на *ἀνδραπόδοισι* (дат. множ. от *ἀνδράποδος*).

²⁶ G. M. Bolling. The athetized lines of the Iliad. Baltimore, 1944, стр. 105. Ср. P. Mazon. Introduction à l'Iliade. Paris, 1942, стр. 31.

²⁷ В качестве дополнительного соображения александрийские критики указывали также на чрезмерное обилие в указанном контексте слова *ἄλλος*. В трех строках оно встречается пять раз.

в доме»²⁸. Действительно, в эпосе имеются контексты, где οἰκέω, никоим образом нельзя переводить «раб». Так, например, в II., VI, 365 сл., Гектор говорит Елене:

«Я же отправлюсь домой и на малое время останусь,
Чтобы увидеть домашних, жену дорогу и сына»²⁹.
(οἰκήτας ἄλοχόν τε φίλην καὶ νήπιον υἱόν).

Очевидно, в данном контексте под οἰκήτας понимаются члены семьи, прежде всего Андромаха и Астианакс. В II., V, 413 говорится, что, узнав о гибели Диомеда, его жена разбудит φίλος οἰκήτας. Оба места в «Илиаде» заставляют понимать под οἰκήτας во всяком случае не одних только рабов, но всех членов семьи.

Однако в «Одиссее» οἰκέος во многих случаях означает слуг и даже рабов. Евмей, согласно Od., XIV, 4, принадлежал к числу οἰκήτων οὓς κτήσατο δῖος Ὀδυσσεύς («которых приобрел благородный Одиссей»). Цитируемое выражение параллельно обороту δμῶν, οὓς μοι λήισατο δῖος Ὀδυσσεύς (Od., I, 398)³⁰. Таким образом, οἰκέος здесь несомненно имеет значение «раб». Тот же Евмей в других местах «Одиссеи» неоднократно называется δμῶς. В той же песне Евмей говорит о надежде получить дом, клер и красивую жену — все, что благорасположенный господин дает своему рабу (οἰκήτι — Od., XIV, 64). В Od., IV, 245 Елена рассказывает Телемаху о том, как Одиссей, одетый в лохмотья, уподобившись рабу (οἰκήτι εἰσικός), пробрался в осажденную Троию. В двух последних местах (Od., XVI, 303 и XVII, 533) под этим термином могут подразумеваться и свободные домочадцы, и рабы, находящиеся в доме хозяина.

Мы исчерпали все случаи применения в эпосе терминов, которыми обычно характеризуются в классическую эпоху рабы. Анализ подтверждает выдвинутое раньше положение о коренном различии между терминологией гомеровского и последующего времени. Слова, определяющие рабов классического времени, лишь изредка встречаются в эпосе. В свою очередь и «рабская» терминология эпоса, как мы увидим в дальнейшем, исчезает в последующее время. Это касается прежде всего слова οἰκέος³¹. К числу устаревших слов, вышедших, несмотря на большую популярность эпоса, из употребления вскоре после Гомера, принадлежали термины δμῶς (δμῶή)³² и ἀμφίπολος, требующие более

²⁸ Аналогично определяют его Поллукс (III, 82) и Свида, s. v.

²⁹ Здесь и дальше стихи из гомеровских поэм в переводе В. В. Вересаева.

³⁰ В отношении Евмея, купленного (Od., XV, 483) Лазартом, нельзя было применить глагол λήισμα — грабить, уводить добычу; ср. II., XVIII, 28.

³¹ Данный термин, кроме поэм Гомера, встречается часто еще в Гортинской надписи и в виде анахронизма у трагиков; ср. Liddell — Scott, s. v.

³² М. Финли (M. I. Finley. The World of Odysseus, стр. 55) указывает, что термин δμῶς «после Гомера и Гесиода никогда не появляется в литературе, кроме некоторых случаев сознательной архаизации, как у Софокла и

детального изучения. В применении к рабам каждый из этих терминов встречается значительно чаще, чем все прочие названия, вместе взятые.

Как правило, термин *δμῶς* употребляется во множественном числе. Из общего числа 35 случаев³³ — лишь дважды в единственном (*Od.*, IV, 736, и XXIV, 257) и дважды в двойственном (*Od.*, XXI, 244 и XXII, 114). Гесихий и Свида определяют его словом *δοῦλος*³⁴. В словаре Папе *δμῶς* переводится как «раб» с уточнением: «...означало сначала человека, побежденного в бсю и обращенного в раба (*Od.*, I, 398). В последующем — вообще раба, вне зависимости от способа приобретения»³⁵. Замечание Папе правильно — оно подтверждается хотя бы сопоставлением строк *Od.*, I, 398 с *Od.*, XIV, 4. В двух аналогичных строках *δμῶν* сочетается с *λήισατο*, а *οἰκίῳν* с *κτεράτο*. Характерно, что *δμῶς* только раз встречается в «Илиаде»³⁶, но несколько десятков раз в «Одиссее». Такое соотношение не случайно, так как *δμῶή* встречается в «Илиаде» в 11 случаях. По-видимому, почти полное отсутствие термина *δμῶς* в «Илиаде» связано с тем, что пленных мужчин первоначально убивали, в то время как женщин уже обращали в рабство. Единственная строка, где *δμῶς* встречается в «Илиаде» (XIX, 333), представляет собой дублет строки VII, 225 (ср. XIX, 526) «Одиссее». В несколько более поздней «Одиссее», как это подчеркнула Микнат, отражено время, когда в рабство обращались и пленные мужчины. Кроме того, появились не только взятые в плен, но и купленные рабы.

Несмотря на достаточно четкую «рабскую» терминологию эпоса, все же иногда и заведомо купленные, а не захваченные в плен рабы называются *δμῶες*. Так, Евриклея, несомненно купленная Лаэртом (*Od.*, I, 430), называется *δμῶή* (там же, 435 и др.). Так же и Евмей, купленный Лаэртом (*Od.*, XV, 483), обычно определяется как *δμῶς* (*Od.*, XIV и XV *passim*), а дважды как *οἰκεῦς* (*Od.*, XIV, 4 и 64). Все-таки, поскольку речь идет об источниках получения *δμῶες*, в основе их порабощения лежало внешнеэкономическое принуждение — обращение в рабство военно-

---

Еврипида». Еще более решительно заявляет Берингер (указ. соч., стр. 88), что *δμῶαί* никогда не встречается в прозе. В общем замечание это правильно, но слишком категорично. В качестве примера применения термина *δμῶή* даже в IV в. без особых архаизирующих тенденций можно все же указать хотя бы на Xen., *Cyr.*, V, 1,6.

³³ II., XIX, 333; *Od.*, I, 398; IV, 644 и 736; VI, 69 и 71; VII, 225; IX, 206; XI, 190 и 431; XIV, 59, 80 и 399; XV, 376 и 379; XVI, 140 и 305; XVII, 299, 320, 389, 402 и 422; XVIII, 417; XIX, 78 и 526; XX, 298 и 325; XXI, 240 и 244; XXII, 114; XXIV, 210, 213, 219, 223 и 257.

³⁴ Hesychius, s. v. *δμῶες*; Suid., s. vv. *δμῶς*, *δμῶις*.

³⁵ W. Pape, s. v. *δμῶς*; ср. Liddell—Scott, s. v.; см. также ВДИ, 1951, № 2, стр. 51.

³⁶ XIX, 333: *κτεῖναι, ἐμὴν, δμῶας τε καὶ ὕψεφες μέγα δῶμα* — «наше владенье, рабов и с высокою кровлею дом наш».

пленных и пиратство. Не случайно ведь и название пиратов в классическое время *λησταί* восходит к гомеровскому *ληϊζομαι*. Однако в «Одиссее» появляются уже и купленные *δμῶες*. На ранний, внеэкономический способ приобретения рабов указывает и происхождение термина *δμῶς*, восходящего, согласно лексикографам, к глаголу *δάμνημι* — *δαμάω* (одолевать, покорять)³⁷.

Интересно встречающееся в «Одиссее» не вполне ясное по своему значению выражение *δμῶες ἀναγκάσιοι* (Od., XXIV, 210). В словарях, по аналогии с *ἦμαρ ἀναγκάσιον*, это понятие переводится обычно как рабы-военнопленные³⁸. Пожалуй, более правильно все же понимать это выражение, вслед за схолиастом, как *ὑπερώδεις* («необходимые»). В пользу такого понимания свидетельствует весь контекст, в котором идет речь о труде и быте рабов Лаэрта.

Встречающийся только раз в эпосе *ὑποδμῶς* (Od., IV, 386) определяет зависимость Протея от Посейдона и может обозначать не только раба, но и слугу.

Не вполне ясно социальное положение лиц, обозначаемых термином *δρηστήρ*, *δρηστειρα* (Od., XVI, 248; XVIII, 76; XX, 160; X, 349 и XIX, 345)³⁹. Эти слова, восходящие к глаголу *δράω*, встречаются только в «Одиссее» и исчезают в классическое время. По-видимому, лица, обозначенные этими терминами, входили в число слуг и служанок — как рабов, так и свободных. Их социальное положение, судя по контексту, несколько выше, чем обычных рабов. В XVI, 248 полусотне женихов из Дулихия сопутствуют шесть *δρηστίδες*. Очевидно, их социальное положение аналогично положению глашатая Медонта из стк. 252-й. Они колют дрова в XX, 160 и влекут нищего Ира на бой с Одиссеем в XVIII, 76. В X, 349 и XIX, 345 упоминаются в одном и том же выражении *δῶμα κάτα δρηστειραι*; в первом случае под ними подразумеваются *ἀμφίπολοι* Кирки, во втором — молодые *δμῶαι* Пенелопы. В обоих случаях они, очевидно, были рабынями. Что касается мужчин, уверенности в их рабском состоянии нет. Категорическое утверждение Рихтера, считающего *δρηστίδες* несомненными рабами, вряд ли оправдано⁴⁰.

³⁷ Г. Глотц указывает, что «слово, обычно определяющее рабов (*δμῶς*, *δμῶή*), означает домочадцев, как позже *οἰκέος* и *famulus*» (G. Glotz. *Le travail dans la Grèce ancienne*. Paris, 1924, стр. 25). Ср. также: *Verling* с г. *Op. cit.*, стр. 87. Вряд ли это предположение, навеянное общими установками французского ученого, восходящими к Фюстель де-Куланжу, можно считать вполне правильным. Ведь в эпосе встречаются, несомненно, родственные с *δμῶς* слова *δμησίς*, *δμηστειρα*, *Δμητῶρ*, восходящие по смыслу к *δαμάω*, а не к *δόμος*; ср. схолий Аристоники к Od., IV, 644 (ср. ВДИ, 1951, № 2, стр. 51).

³⁸ *Zwangsknechte, Kriegsgefangene*. — C. C a p e l l e. *Vollständiges Wörterbuch über die Gedichte des Homeros und der Homeriden*. Leipzig, 1889, s. v.

³⁹ R. J. C u n l i f f e. *A lexicon of the Homeric dialect*. London, 1924, s. vv.

⁴⁰ W. R i c h t e r. *Op. cit.*, стр. 17.

Основной термин, который в эпосе применяется к рабьям и только к ним, — $\delta\mu\omega\acute{\eta}$ ⁴¹. Этим словом очень часто пользуется Гомер; оно встречается в эпосе всегда только во множ. числе, часто в связи с последующим $\gamma\upsilon\nu\alpha\acute{\iota}\kappa\epsilon\varsigma$. В классическую эпоху оно очень редко употребляется в прозе. Число рабьнь, обозначаемых термином $\delta\mu\omega\acute{\iota}$, не говоря уже о несомненных рабьях, называемых $\gamma\upsilon\nu\alpha\acute{\iota}\kappa\epsilon\varsigma$ и $\acute{\alpha}\mu\phi\acute{\iota}\pi\omicron\lambda\omicron\iota$, значительно превышает число рабов-мужчин. $\Delta\mu\omega\acute{\eta}$, по нашим подсчетам, упоминается 46 раз в «Одиссее» и 11 раз в «Илиаде»; $\delta\mu\omega\acute{\varsigma}$ — соответственно — 34 и 1⁴². Аргументация Микнат, считающей, что в «Илиаде» последний термин вообще отсутствует, не кажется достаточно убедительной⁴³. Числовое соотношение несколько изменится после вычета эпических дублетов. Строки с термином $\delta\mu\omega\acute{\varsigma}$ полностью повторяются в трех вариантах в общей сложности 9 раз⁴⁴. Четыре варианта строк с $\delta\mu\omega\acute{\iota}$ повторяются в 10 случаях⁴⁵. Таким образом, общее соотношение встречаемости $\delta\mu\omega\acute{\varsigma}$ и $\delta\mu\omega\acute{\eta}$ в эпосе за вычетом полных дублетов = 29 : 51. Такое соотношение вряд ли случайно. В «Одиссее» не раз недвусмысленно говорится об участии семей побжденных: сыновьям грозит смерть, а женщинам — жене и дочерям — продажа в рабство. С еще большей силой, как убедительно показала Г. Микнат, та же мысль проводится и в «Илиаде»: она ярко выражена в словах Приама (II., XXII, 62):

«Гибнущих видеть сынов, дочерей, увлекаемых в рабство»,

Оба конкретных указания на число рабьнь (50) также касаются $\delta\mu\omega\acute{\iota}$ (Od., VII, 103 и XXII, 422).

⁴¹ Этот термин встречается 11 раз в «Илиаде» (VI, 323, 375 и 376; IX, 477 и 658; XVIII, 28; XXII, 449; XXIII, 550; XXIV, 582, 587 и 643). В «Одиссее» он употребляется значительно чаще, всего 46 раз (I, 147 и 435; II, 412; III, 428; IV, 49, 296, 682 и 719; V, 199; VI, 99 и 307; VII, 103; VIII, 433 и 454; XIII, 66; XV, 25, 93 и 461; XVI, 108 и 336; XVII, 34, 88, 493 и 505; XVIII, 311 и 313; XIX, 25, 45, 60, 82, 121, 154 и 400; XX, 122, 139, 147 и 318; XXII, 37, 396, 422, 427, 441, 456, 458, и 484; XXIII, 132).

⁴² В двух случаях сомнительно, идет ли речь о рабах или рабьях (Od., XIX, 121 и 526). Первый из них мы отнесли к женщинам, так как сцena разыгрывается внутри дома Одиссея; второй отнесен к мужчинам. Хотя эту фразу произносит Пенелопа, однако данная строка представляет собой дублет II., XIX, 333 и Od., VII, 225, где владельцами рабов являются мужчины.

⁴³ Микнат (указ. соч., стр. 58) считает, что в II., XIX, 333 (= Od., VII, 225 и XIX, 526) вместо $\delta\mu\omega\acute{\varsigma}$ те следует читать $\delta\mu\omega\acute{\iota}$ те, нными словами она полагает, что здесь речь идет не о рабах, а о рабьях. Единственный ее аргумент тот, что «Ахиллес, в конце концов, вместе с другим добром добывает женщин, а не мужчин». Таким образом, предлагаемое сю исправление текста связано с общей ее концепцией. Аристархово чтение этой строки ($\delta\mu\omega\acute{\varsigma}$ те) вряд ли может быть поколеблено; ср. В e r i n g e r. Zu den Begriffen..., стр. 269, прим. 58.

⁴⁴ 1) Od., XVII, 422 = XIX, 78; 2) Od., VII, 225 = XIX, 526 = II., XIX, 333; 3) Od., XVII, 402 = XVIII, 417 = XX, 298 = XX, 325.

⁴⁵ 1) II., XXIV, 587 = Od., IV, 49 = VIII, 454 = XVII, 88; 2) II., IX, 658 = XXIV, 643; 3) Od., XVI, 108 = XX, 318; 4) Od., XXII, 441 = XXII, 458.

Уместны ли сомнения в том, что под *δμῶες* и *δμωαί* подразумевались именно рабы и только рабы.

Рабский статус лиц, обозначенных этими терминами, склонен оспаривать Берингер. Он правильно выступает против тезиса о *произволе* эпического господина по отношению к его *δμῶες*. Действительно, поведение господ по отношению к их рабам и рабыням определялось сложившейся на протяжении веков практикой и нормами социального быта. Аналогичные, хотя и несколько отличающиеся, нормы в отношениях между рабовладельцами и рабами существовали и в классическую пору. Основное отличие для времени эпоса состояло, думается, все же не в мягкости или, наоборот, жесткости этих норм, а в отсутствии их законодательного оформления. Отсутствие государственного аппарата не оставляет места для весьма характерного утверждения Берингера: «Согласно эпосу, власть господина над его рабынями ограничена законом»⁴⁶. О каком законодательстве может идти речь для гомеровского эпоса? Не случайно Берингер не в состоянии найти никаких следов таких законов в тексте поэм.

Из прослеживаемого местами в эпосе противопоставления *ἐλεύθερος* — *δοῦλος* Берингер склонен прийти к выводу, что бесправными рабами для поэта были *δοῦλοι*, в то время как *δμῶες* все же входили в состав «народа»⁴⁷, и, следовательно, в какой-то степени обладали свободой. Однако и в этом плане никаких реальных атрибутов их свободы в эпосе не найти. Их характер как вида имуществва не подлежит, на наш взгляд, ни малейшему сомнению.

В II., XXIII, 549 сл. *δμωαί* перечислены наравне с золотом и медью, скотом и лошадьми. О *δμῶες* и *δμωαί* говорится в эпосе как об объектах грабежа (II., XVIII, 28 и Od., I, 398), покупки (Od., XIV, 115 и др.), передачи в наследство (Od., IV, 736) и т. д. В контексте *φῆτες τε δμῶές τε* (Od., IV, 644) они противопоставлены фетам как люди несвободные. Так, это место интерпретирует и схолиаст (...*δμῶες δὲ αὐτοὶ οἱ δοῦλοι παρὰ τὸ δεδμησθαι*).

У Господа под *δμῶες* иногда подразумевается, правда, правда, не только рабы, но вообще домочадцы⁴⁸, аналогично некоторым случаям словоупотребления *οἰκέται* у Геродота. И в гомеровском эпосе есть одно место, где понимание *δμῶες* как рабов встречает трудности. Это Od., XI, 431 сл., где Агамемнон заявляет о своем желании вернуться из царства теней домой к детям и домочадцам (*ἀσπίσιος παίδεσσιν ἰδὲ δμῶεσσιν ἐμοῖσιν οἴκαδ' ἐλεύσεσθαι*). Трудно полагать, что владыка Микен жаждал вернуться на землю, чтобы повидать своих рабов⁴⁹. Здесь надо иметь в виду, что

⁴⁶ W. Beringer. Zu den Begriffen..., стр. 286.

⁴⁷ Ibid., стр. 290.

⁴⁸ См. Я. А. Ленцман. Последгомеровский эпос..., стр. 63 сл.

⁴⁹ В Od., VII, 225 Одиссей заявляет, что готов погибнуть, только бы повидать *πῆσιν ἐμῶν, δμῶάς τε καὶ ὕφερες μέγα δῶμλ*. На первый взгляд могло бы показаться, что и здесь *δμῶες* обязательно обозначает домочадцев,

Nékuia представляет собой одну из самых поздних частей «Одиссеи». Возможно, поэтому словоупотребление анализируемого термина здесь близко к гесиодовскому.

Вопрос о патриархальности гомеровского рабства будет особо разобран ниже. В данной связи важно отметить, что после Гомера термин *δμῶς* утратил свой чисто рабский характер. Это было связано не только с общим изменением терминологии, относившейся к рабам, но в какой-то степени отражало перемены в положении рабов.

Нам осталось рассмотреть еще два слова, которые часто применяются для определения лиц рабского состояния: *γυναῖκες* и *ἀμφίπολοι*. Первое из них часто встречается и у Гомера, и позже; оно может относиться к свободным, равно как и к рабыням. Однако во множественном числе оно приобретает несколько уничижительный оттенок и обычно применяется к пленным и рабыням. Очень часто встречается в эпосе выражение *δμῶαί γυναῖκες* (II., VI, 323; IX, 477; Od., VII, 103; XIII, 66; XVI, 108; XXII, 37 и 396) и параллельное ему *ἀμφίπολοι γυναῖκες* (Od., IV, 751; VII, 235; XVI, 413 и др.). Приведенные в табл. 2 (см. стр. 244) около ста случаев применения слова *γυνή* в эпосе охватывают лишь те контексты, где речь идет о рабынях, служанках или плененных женщинах. Они не могут служить показателем существования еще одной большой категории рабынь, так как это слово иногда сочетается с *δμῶαί* и *ἀμφίπολοι*; тем не менее контексты с *γυναῖκες* все же дают некоторое дополнительное число упоминаний о рабынях в сравнении с указанным ранее. Так, например, *γυνή ταμίη* (Od., III, 479) — ключница Нестора, укладывавшая продовольствие в повозку Телемаха, рабыня, хотя и не названа *δμῶή*. Семь опытных в рукоделье женщин, которых Агамемнон предлагает Ахиллу (II., IX, 128 и др.), тоже называются просто *γυναῖκες*, но это, вне всякого сомнения, рабыни. Рабыней также является женщина (*γυνή*) «в работах многих искусная», предназначенная Ахиллесом для побежденного участника состязаний в честь Патрокла (II., XXIII, 704 сл., ср. там же, 263 сл.). Столь же несомненен рабский статус *γυναῖκες*, противопоставляемых *δμῶες ἄνδρες* в Od., XVI, 304 сл. Таким образом, количество упоминаний о рабынях значительно больше, чем вдвое превосходит число упоминаний о рабах.

Что касается *ἀμφίπολος*, то этот гомеровский термин равным образом означает служанок, горничных, но более приближенных к хозяйке дома, чем во многом безликая масса рабынь. Они выступают в эпосе в качестве спутниц или подруг Пенелопы, Навсикаи,

---

как в анализируемом месте из *Nékuia*. Однако это не совсем так. Дело в том, что Od., VII, 225 дублируется в II., XIX, 333 и Od., XIX, 526. В «Иллиаде» Ахиллес перечисляет свое имущество; такое же впечатление остается и от данного места в «Одиссее». Это прекрасно показал во второй своей статье Берингер (указ., соч., стр. 273).

Елены и других членов семейств басилеев⁵⁰. В отношении ἀμφίπολοι поэт значительно чаще применяет такие эпитеты, как «белорукие» (λευκώλονοι — Od., VI, 239; XVIII, 198), «пышноволосяе» εὐπλόκαμοι — Od., VI, 198 и 238) и другие, обычно прилагающиеся к богиням и свободным женщинам. Только в двух случаях они отнесены к δμῶαί (II., XXII, 449 и Od., XIX, 60). Если слово δμῶαί встречается в эпосе только во множественном, то слово ἀμφίπολος и в единственном числе (например, ἀμφίπολος ταμίη — II., XXIV, 302; γρηῖς ἀμφίπολος — Od., I, 191; ср. I, 335 и IV, 133). В последнем из указанных мест ἀμφίπολος названа даже по имени; наконец, этот термин многократно выступает в эпических сравнениях. Таковы различия в словоупотреблении этих двух терминов.

Однако, с другой стороны, есть и случаи, когда разные термины относятся, несомненно, к одним и тем же лицам. На два из них, как указывалось, обратил внимание Канлиф. Здесь можно добавить еще несколько примеров. Так, в II., VI, 323 сл., говорится:

Ἄργεΐῃ δ' Ἑλένη μετ' ἄρα δμῶῃσι γυναιξίν
 ἦστο καὶ ἀμφίπολοισι περικλυτὰ ἔργα κέλευεν
 («Там же сидела Елена аргивская в кругу домашних
 Жен-рукодельниц и славные им назначала работы»).

Речь здесь идет об одних и тех же рукодельницах, но называются они по-разному. В II., XXII, 442 Андромаха, обращаясь к служанкам, называет их ἀμφίπολοι, а семью строками дальше поэт определяет тех же служанок как δμῶαί (ср. там же, 461). Ἀμφίπολοι Аргеты (Od., VII, 235), несомненно, входили в число 50 δμῶαί (там же, 103 сл.). Количество таких случаев — замены одного термина другим в эпосе — можно было бы значительно увеличить.

В связи с этим уместен вопрос, прилагается ли термин ἀμφίπολοι только к рабыням или к свободным женщинам тоже? Ни в одном из многих десятков свидетельств об ἀμφίπολοι нет указаний на их свободный статус. Они, несомненно, отличаются от массы безымянных δμῶαί; об этом свидетельствуют и эпитеты, и постоянно подчеркиваемая близость к хозяевам. Однако, как мы видели, одни и те же женщины или группы женщин в эпосе попеременно называются то одним, то другим термином. Это относится,

⁵⁰ R. J. Cunliffe, s. v., определяет это понятие следующим образом: «Служанка, компаньонка или камеристка, с трудом отличается от δμῶῃ. Эти слова иногда применяются без различия (ср. Od., VI, 52 с 307 и 84 с 99). Однако в Od., XXII, 483 сл., ἀμφίπολοι, по-видимому, — личные спутницы, а δμῶαί — прочие служанки». Краткое определение функции ἀμφίπολος дает Селевк у Афиная (VI, 267 с): ἀμφίπολον δὲ τὴν περὶ τὴν δέσποιναν θεράλαιναν. Так как данный термин лишь изредка применяется в послегомеровское время, определение Селевка полностью относится к гомеровским ἀμφίπολοι.

в частности, к ключницам. В представлении поэта ἀμφίπολοι были рабынями, но приближенными к господам. По роду занятий они немногим отличались от обычных рабынь. Они так же ткали и пряли, подавали воду для омовений, натирали купающихся маслом, как это делали и δμῶαί. Единственное их функциональное отличие состоит в том, что они постоянно сопровождали Пенелопу, Навсикаю или Андромаху. Создается впечатление, что представительниц одной и той же социальной группы поэт часто называет то δμῶαί, то ἀμφίπολοι, в зависимости от того, какую роль они в данный момент играют в его повествовании. Только в одном месте (Od., XXII, 483 сл.) под ἀμφίπολοι явно подразумевается группа женщин, отличная от δμῶαί. Здесь Одиссей через Евриклею поручает Пенелопе прийти σὺν ἀμφίπολοισι γυναῖξιν, а всем δμῶαί приказывает взяться за работу по дому. С другой стороны, противопоставление в Od., IX, 206 (οὐδέ τις... δμῶων οὐδ' ἀμφίπολων) рабов-мужчин служанкам явно указывает на то, что статус последних мало чем отличался от статуса δμῶες.

Родственным этому термину является θαλαμηπόλος — «горничная», только дважды встречающийся в эпосе (Od., VII, 8; XXIII, 293).

Проанализированные нами термины можно свести в следующие две таблицы:

Таблица 1

Число упоминаний «рабских» терминов классического времени

	«Илли- ада»	«Одис- сея»	Ито- го
δοῦλη	1	1	2
δούλιος (δοῦλιος)	1	3	4
δουλοσύνη	—	1	1
οἰκέας (как раб)	2	5	7
ἀνδράποδον	1	—	1

Таблица 2

Число упоминаний гомеровских «рабских» терминов

	«Илли- ада»	«Одис- сея»	Ито- го
δμῶς	1	34	35
δμῶή	11	46	57
γυνή (как рабыня)	31	65	96
ἀμφίπολος	13	61	74

Учитывая, что в эпосе совершенно не встречается δοῦλος, что οἰκέας обозначает не только рабов, но иногда заведомо свободных членов семьи и что строка с ἀνδράποδον, вероятно, интерполирована, можно считать доказанным тезис об отсутствии соответствующих терминов классического времени в эпосе. Это положение становится еще более очевидным, если учесть данные второй таблицы.

Уже количественное соотношение терминов второй и первой таблиц показывает, что эпос пользуется специфической, чуждой

классическому времени «рабской» терминологией. Это заслуживает тем большего внимания, что основной словарный фонд гомеровских поэм почти полностью вошел в состав позднейшего греческого языка. Объяснить отсутствие более поздних терминов в эпосе и одновременно фактическое исчезновение гомеровских терминов в последующее время можно, на мой взгляд, только предположив, что смена «рабской» терминологии обусловлена разрывом в развитии самого рабства.

По-видимому, от гомеровского рабовладения, как оно отражено в эпосе, не ведет прямая линия развития к рабовладению архаического и классического времени. Отмирание старой терминологии отражает в той или иной степени отмирание старых форм рабства; появление и распространение новых терминов свидетельствует об изменении самого характера рабовладения.

В данном случае речь идет не о чем-то внезапном, а о постепенном, длившемся столетия процессе. Для того чтобы ранее господствовавшая «рабская» терминология исчезла и уступила место новой, требовались века и уж во всяком случае значительно больший исторический срок, чем тот, который имел место между VIII в. — предположительным временем оформления эпоса — и VII—VI вв., когда зарождалось новое античное рабство. В то же время наличие среди традиционных эпических «рабских» терминов небольшой группы слов классического периода означает, что оформление гомеровских поэм происходило в условиях зарождения и начального развития каких-то новых форм рабства. Очевидно, «гомеровское» рабство не представляет собой исторически цельного и единого явления.

Вывод, к которому мы пришли здесь на основании терминологического анализа гомеровских поэм, соответствует итогам исследования археологических данных, относящихся к гомеровскому периоду. Для этого периода нельзя было обнаружить реального существования ни царских дворцов, ни крупных царских хозяйств, в которых работали бы многие десятки рабынь и рабов. Очевидно, рабство, изображенное в гомеровских поэмах, не отражает в целом реальных социальных отношений ни X—IX вв. до н. э., как полагает Финли, ни VIII или даже начала VII вв., как мы часто читаем в зарубежной и советской литературе. Следовательно, картина рабства по данным гомеровских поэм, если она представляет собой нечто цельное, должна отражать реальные отношения микенского периода или соответствовать представлениям автора поэм об уровне развития рабства за несколько сот лет до его времени. Но насколько цельна и едина картина рабства в эпосе?

Глава 4.

РАЗНОВРЕМЕННОСТЬ СВИДЕТЕЛЬСТВ «ОДИССЕИ» О РАБАХ

Попытки выделить разновременные наслоения в эпосе, в частности в «Одиссее», как известно, предпринимались многократно, причем применялись самые различные филологические, литературоведческие и археологические критерии. Нельзя сказать, что эти попытки увенчались полным успехом. В зависимости от выбора основного критерия получались разные, иногда противоречащие друг другу результаты. В значительной мере именно неудачи представителей аналитической школы предопределили в новейшей историографии сближение взглядов умеренных унитариев и аналитиков. Все же многое ныне считается твердо установленным. Так, признано, что значительная часть Νέχοι:α и вся XXIV песнь принадлежат к поздним частям «Одиссеи»¹, что в эпических сравнениях в большей мере отражена окружающая поэта действительность, а упоминания о финикийцах и о связях с Сицилией относятся к VIII в. до н. э.² Все это дает основание попытаться выделить среди свидетельств «Одиссеи» о рабах более позднюю группу. Такая попытка, естественно, может иметь только сугубо предварительный характер, но все же кажется методически оправданной.

Присмотримся прежде всего к распределению основных «рабских» терминов по песням «Одиссеи». В приводимую на следующей странице табл. 3 включены три основных гомеровских термина. Не включены сюда *ῥυπαίηδες*, так как последние обычно встречаются в сочетании с другими терминами, обозначающими рабство. Из данных таблицы напрашиваются следующие выводы. Прежде всего, 60% упоминаний о рабах приходится на первую группу, состоящую из семи (I, IV, VI, VII, XVII, XIX и XXII) песней поэмы. О рабах здесь говорится в приложении к Итаке, Спарте и Схерии. Затем, 27% свидетельств имеется в дальнейшей второй группе, состоящей из шести песней, где анализируемые термины

¹ D. Page. The Homeric Odyssey. Oxford., 1955, стр. 82 и 101 сл.

² H. L. Lorimer. Op. cit., стр. 65.

Распределение основных «рабских» терминов по песням «Одиссея»

Песнь	δρῶες	δρῶαί	ἀρτίπολοι	Всего	Песнь	δρῶες	δρῶαί	ἀρτίπολοι	Всего
I	1	2	6	9	XIV	3	—	—	3
II	—	1	—	1	XV	2	3	1	6
III	—	1	—	1	XVI	2	2	2	6
IV	2	4	4	10	XVII	5	4	2	11
V	—	1	—	1	XVIII	1	2	4	7
VI	2	2	17	21	XIX	2	7	5	14
VII	1	1	7	9	XX	2	4	—	6
VIII	—	2	—	2	XXI	2	—	5	7
IX	1	—	1	2	XXII	1	8	1	10
X	—	—	2	2	XXIII	—	1	2	3
XI	2	—	—	2	XXIV	5	—	1	6
XII	—	—	1	1					
XIII	—	1	—	1	Итого	34	46	61	141

встречаются по шесть-семь раз (XV, XVI, XVIII, XX, XXI и XXIV песни). Здесь ареной действия является Итака. Наконец, в третьей группе (остальные 11 песней), следовательно, почти на половину всей поэмы, остается всего лишь около 13% всех случаев употребления наших терминов.

В таблице, учитывающей все случаи встречаемости указанных терминов, не могли быть отдельно указаны эпические повторения, особенно частые в первых двух группах песней. Тем не менее столь большая неравномерность не может быть делом простого случая. Поэт, как это давно было замечено, много говорит о рабах лишь тогда, когда переносит действие во дворцы басилеев.

Правильность указанного наблюдения станет еще более наглядной, если сгруппировать наши термины не по песням «Одиссея», а по хозяйствам, к которым они относятся (см. табл. 4).

Итак, из общего количества 144 анализируемых терминов 131 случай связан с царскими хозяйствами. К анализу этой основной массы свидетельств мы перейдем во втором параграфе. Здесь же целесообразно остановиться на тех упоминаниях о рабах, которые не связаны с оikosами басилеев.

§ 1. Данные о рабстве гомеровского времени

Если трактовать «Одиссею» как единое целое, табл. 4 не оставляет сомнений в том, что поэт не представлял себе без рабов не только дворцы басилеев, но и дома богатых людей. Об этом равно

Распределение основных «рабских» терминов по отдельным хозяйствам

Дом	δρῶες	δρῶαι	ἀρτίπολοι	δοῦλη	οἰκέως	Всего
Одиссея	25	35	28	—	2	90
Менелая	—	3	3	1	—	7
Алкиноя	2	6	24	—	—	32
Нестора	—	1	—	—	—	1
Агамемнона	1	—	—	—	—	1
Лаэрта	5	—	2	—	—	7
Марона	1	—	1	—	—	2
Калипсо	—	1	—	—	—	1
Кирки	—	—	3	—	—	3
Итого	34	46	61	1	2	144

свидетельствуют третья группа песней из табл. 3 и последние строки табл. 4. Устная традиция, несомненно, должна была сыграть большую роль в сообщениях, относящихся к ойкасам басылеев, чем в описаниях домов богачей, где поэт чувствовал себя значительно свободнее. В этом убеждает характер контекстов.

Упоминания о рабах и рабынях во многих местах включены в состав эпических повторений, носящих застывший, стандартный характер. Такие упоминания, разумеется, нельзя рассматривать как свидетельства современной поэту действительности. Иное дело случайные, но зато тем более показательные места.

Качественное различие между трафаретными и случайными свидетельствами о рабах наиболее ярко выступает в следующем примере. В «Одиссее» шесть раз повторяется без каких-либо изменений комплекс из пяти, а иногда и более строк, в котором описывается явно древний, освященный незапамятной стариной, ритуал приема гостей. Рабыня (ἀρτίπολος)³ приносит воду в прекрасном золотом сосуде, ставит рядом гладко оструганный стол. Ключница, разумеется почтенная, кладет на него хлеб и разные припасы из кладовой. Весь этот отрывок в застывшей форме переходит из песни в песнь и не может расцениваться как отражение возникшего только во времена жизни поэта обычая. Кстати сказать, и при анализе археологических материалов мы видели, сколь скудны золотые предметы в находках послемикенского времени. Не случайно все шесть повторений этого отрывка приурочены к приему гостей в царских дворцах и нахо-

³ Od., I, 136; IV, 52; VII, 172; X, 368; XV, 135; XVII, 91.

дятся в тех песнях, где чаще встречаются «рабские» термины⁴. Шестикратное упоминание в этих местах об ἀμφίπολος невозможно расценивать как доказательство реального существования такого рода рабынь, скажем, в VIII в. до н. э. Видимо, они перекочевали в дошедший до нас текст гомеровских поэм из значительно более древних эпических сказаний точно так же, как переходили из одной песни «Одиссеи» в другую.

Методически это наблюдение существенно, так как дублиеты строк и даже больших отрывков занимают много места в поэмах. Из примерно 28 тыс. строк обеих поэм повторяются буквально или с минимальными изменениями 5612⁵. Притом здесь учтены повторения размером не менее чем в одну строку.

Примерно то же можно сказать и о «рабских» терминах. Если ограничиться одной «Одиссеей», полные дублиеты с δμῶες дают 23%, с δμῶαι — 18% от общего числа упоминаний каждого термина. Кроме указанных в предыдущем примечании дублиетов с омовением путников, термин ἀμφίπολος повторяется пятикратно во фразе εἰς ὑπερῶν ἀναβάσα σὺν ἀμφίπολοις γυναιξίν (I, 362=IV, 751=760=XVII, 49=XIX, 602), трижды в I, 335=XVIII, 211=XXI, 66, два раза в I, 357=XXI, 351. Таким образом, для этого термина процент дублиетов равен 26. Не случаен больший процент повторяемости третьего из наших терминов, связанного с представлениями о пышности жизни во дворцах. Обычно дублиеты, особенно многократные или входящие в большие повторяющиеся контексты, представляют собой плод длительного отбора, производившегося поколениями аэдов и входившего в их общий стихотворный фонд. Поэтому их относят к более ранним слоям эпоса.

Совсем иное впечатление создают те места «Одиссеи», где о рабах говорится лишь изредка, особенно когда действие происходит вне территории царского хозяйства. В этом плане наиболее показательны упоминание о рабах в IX песни. Одиссей говорит здесь об изумительном вине, полученном им в дар от жреца Марона из Исмара. Марон изображается богатым человеком. Он дарит герою поэмы семь талантов золота, серебряный кратер и 12 амфор божественного напитка, о котором не ведал οὐδέ τις... δμῶων οὐδ' ἀμφίπολων (IX, 205 сл.), кроме самого хозяина, его супруги и ключницы. Приведенный контекст встречается единственный раз в эпосе. Речь не идет о дворце какого-то басилея, да и сам Марон в эпосе больше не встречается. Упоминание о рабах вызвано лишь стремлением подчеркнуть ценные вкусовые качест-

⁴ Единственным исключением является X, 368, где действие происходит у Кирки, следовательно не в царском дворце. Именно этот дублет отсутствует в некоторых рукописях поэмы. См. G. M. S a l h o u n. *Homeric repetitions*. Berkeley, 1933, стр. 9, прим. 31.

⁵ Ср. D. P a g e. *Op. cit.*, стр. 71 и прим. 18.

ва вина. Поэтому можно с большой долей правдоподобия предположить, что анализируемые нами термины попали в текст поэмы лишь благодаря тому, что поэт не представлял себе домов богачей без рабов и рабынь. Точно такой же, на наш взгляд, случайный характер имеет и рассмотренное выше место из *Nékyia* (XI, 431), где речь идет о *διδῶες* Агамемнона. И здесь упоминание рабов не диктовалось необходимостью, а контекст не встречается больше в эпосе.

В начале главы отмечалось, что последняя песнь «Одиссеи» представляет собой одну из наиболее поздних частей эпоса. Уже античные гомероведы Аристарх и Аристофан полагали, что «Одиссея» оканчивалась некогда строкой XXIII, 296. Выводы Пейджа в отношении поздней датировки заключительной части поэмы⁶ звучат весьма убедительно. Особенно это относится к эпизоду встречи Одиссея с Лаэртом (XXIV, 205—411). Я не уверен, что Пейдж прав, датируя этот эпизод временем не раньше VI в. до н. э.⁷ Во всяком случае приводимый им материал не дает достаточных оснований для такого вывода. Однако расхождение этого отрывка с остальным текстом гомеровских поэм действительно весьма велико.

На протяжении двухсот строк этого эпизода пять раз встречается термин *διδῶς* и один раз *ἀμφίπολος*. Притом здесь речь не идет о царском дворце; поэт постоянно подчеркивает скромный образ жизни Лаэрта. Второй термин (XXIV, 366; ср. I, 191) является эпитетом старухи сикелийки, которая обслуживала Лаэрта и его домочадцев. Словоупотребление отличается здесь от принятого в других песнях поэмы. Функции этой рабыни не похожи на занятия обычных *ἀμφίπολοι*, которые, как правило, сопровождают госпожу дома. Сикелийка является единственной рабыней в хозяйстве Лаэрта; она — мать шести сыновей раба Долия, готовит пищу, да и вообще ведет все домашнее хозяйство. Очевидно, в приложении к ней эпитет *ἀμφίπολος* далек от своего обычного смысла и по существу родствен основному значению соответствующего глагола, например *ἐρχατον ἀμφιπόλοισιν* (XXIV, 244 сл. и 257) — «ухаживать за садом»⁸.

Сикелы выступают в «Одиссее» в качестве людей, связанных с работорговлей (XX, 383). Археологическими данными прослеживаются некоторые связи между Сицилией и эллиским миром и в микенское время. Однако впоследствии эти связи разрываются так же, как со странами Востока; возобновляются они только на рубеже IX и VIII вв. до н. э. Описание сикелийской

⁶ D. Page. Op. cit., гл. V.

⁷ Ibid., стр. 102.

⁸ *Ἀμφιπόλοισιν* не встречается в «Илиаде»; в «Одиссее», кроме указанных двух мест, он вкладывается в уста Пенелопы в двух четырехстрочных дублетах (XVIII, 251 слл. и XIX, 124 слл.) в том же примерно значении.

работорговли в XX песни, очевидно, не может быть отнесено ни к микенскому периоду, ни к непосредственно следовавшим за ним векам. Ее приурочивают ко времени перед самым началом Великой колонизации⁹.

В сравнении с другими песнями «Одиссеи» в этом эпизоде характерно изменение тона по отношению к Лаэрту. Только здесь говорится, что и он был басилеем (XXIV, 378). Изображение его усадьбы несколько отличается от описания в I песни. В начале поэмы (I, 189 сл.) он — старик, одиноко живущий со старухой рабыней, а в XXIV, 208 сл. вокруг усадьбы Лаэрта находится несколько хижин, где обитают его рабы.

Не менее интересно в той же XXIV песни и своеобразное словоупотребление *δμῶς*. Встретившись с Лаэртом, Одиссей обращается к нему с вопросом: *τέθ' δμῶς εἰς ἀνδρῶν; τέθ' ἔργατον ἀμφοτέβεος* («Раб ли ты кого-то из мужей? За чьим садом ухаживаешь?») — XXIV, 257). Это — один из двух случаев единственного числа *δμῶς*; в эпосе. Второй случай (IV, 736) относится к рабу Пенелопию Долию, возможно тому же, который работал на участке Лаэрта. Эту, так сказать, индивидуализацию *δμῶς*, думается, можно связать с новыми веяниями в отношении к рабам. На мой взгляд, она как-то связана со словоупотреблением того же термина в XI песни, где под ним понимаются домочадцы. Использование рабов для ухода за садом также представляет собой новый момент для эпоса.

Взаимоотношения между Лаэртом и его рабами часто изображаются в западной литературе как образец дружественных патриархальных отношений, где почти полностью стираются различия между господами и рабами. Исследователи забывают обычно о том, что поэт в этих местах нигде не говорит о благоденствии рабов, а, напротив, стремится подчеркнуть бедственное положение самого Лаэрта. Только ради этого автор «Одиссеи» многократно уподобляет престарелого отца своего героя рабу. В Νέχοια (XI, 188 сл.) рассказывается, что Лаэрт зимой спит, как его рабы, у огня, располагая лишь убогой одеждой (ср. Od., XVI, 140 сл.). При встрече с отцом Одиссей заявляет, что Лаэрту не приличествует иметь нечто «рабское» (*δοῦλειον* — XXIV, 252) в своем облике. Последнее слово кроме этого места встречается в эпосе только в выражении *δοῦλιον ἦμαρ*. Наконец, в той же песни мы впервые находим (также в применении к рабам Лаэрта) выражение *δμῶς ἀναρχαῖοι*. Схолласт (к XXIV, 210) объяснял его как *ἀργυρώνητοι* в отличие от обычных *δμῶς*, захваченных силой оружия. Однако такая интерпретация вряд ли правильна. Ведь Месавлий, Евмей и Евриклея тоже куплены, но к ним это выражение не относится. К тому же вряд ли у обедневшего

⁹ См. T. J. Dunbabin. The Western Greeks. Oxford, 1948, стр. 1 сл.

Лаэрта предполагалась возможность покупать рабов. Думается, что прав был Евстафий, толковавший ἀναχαιοί как χρεῖσθεις — «полезные»¹⁰.

До сих пор рассматривались только свидетельства, взятые из более поздних частей «Одиссеи». Как легко было убедиться на многих примерах, значение «рабских» терминов и их применение здесь несколько отличается от обычного в эпосе. Есть основания полагать, что в этих отличиях нашли какос-то отражение новые, не восходящие к микенскому времени черты положения рабов.

Попытаемся выделить еще одну группу более поздних свидетельств о рабах из тех мест, где говорится о финикийцах и вообще о морском разбое и работорговле. При рассмотрении памятников афинского Керамика уже отмечалось, что вплоть до середины X в. до н. э. эллинские общины были полностью изолированы от внешнего мира, что предметы восточного происхождения стали появляться в Эгее и в материковой Элладе фактически только в IX в. и что начало ориентализирующего влияния прослеживается в греческом ремесле не раньше VIII в. Отсюда следует вывод, что отношения между эллинами и финикийцами вряд ли могли обостриться раньше начала Великой колонизации.

Финикийцы называются в эпосе Φοίνικας и Σιδόνιοι. В литературе уже обращали внимание на то, что преобладание Сидона относится ко II тысячелетию и что с точки зрения обстановки гомеровского времени более уместным было бы именовать их не сидонянами, а тирянами. Но, хотя термин «сидоняне» и восходит к микенскому периоду, самые свидетельства эпоса о финикийцах невозможно отнести к столь отдаленному времени. Во второй половине II тысячелетия господство на море в восточном Средиземноморье принадлежало критянам, а затем микенцам. Между тем, и данные гомеровских поэм, и топонимика Эгейского бассейна неоспоримо доказывают, что некогда финикийцы преобладали в этом районе.

В «Илиаде» о сидонянах говорится дважды. В одном месте (VI, 289 слл.) сообщается о многоцветных пеплосах Елены, изготовленных рабынями, которых Александр привез из Сидона. В другом (XXIII, 741 слл.) Ахиллес назначает в качестве приза в соревнованиях серебряный кратер, не имеющий равных по красоте, «ибо его сделали искусные в ремесле (πολυδαίδαλοι) сидоняне»... Кратер этот был подарен финикийскими мореплавателями Тоанту Лемносскому. Кроме того, в «Илиаде» несколько раз упоминается пурпурная краска (φοῖνιξ) и собственное имя Φοῖνιξ. Все это говорит, по крайней мере, о sporadических связях между эллинами и финикийцами, причем активная роль, несомненно, принадлежала последним.

В «Одиссее» отношение к финикийцам резко меняется. Только в IV, 615 слл. (=XV, 115 слл.), где Менелай обещает Телемаху

¹⁰ Ср. выше, стр. 239, прим. 38.

подарить кратер, полученный в дар от сидонского царя Фаидима, можно заметить мотивы, знакомые нам по «Илиаде». Но кратер этот изготовлен уже не финикийцами, а самим Гефестом. Кто знает, не сыграло ли в «божественном» происхождении кубка свою роль уязвленное самолюбие греческих мастеров?

В совсем иной роли выступают финикийцы в центральных песнях «Одиссеи». Они здесь уже не мастера-ремесленники, а торговцы. Едва ступив на родную землю, герой поэмы рассказывает Афине вымышленную историю о том, как он, стремясь поскорее добраться до Пилоса или Элиды, попал на финикийский корабль (XIII, 272 сл.). Мореплаватели обманом завладели его имуществом и, бросив его на острове, отправились к себе на родину. О финикийском купце, посетившем Египет и пригласившем его в Финикию, Одиссеей рассказывает и Евмей. Купец оказался «искусным обманщиком, мошенником» (τρώκτης — XIV, 289 — последний эпитет применяется в эпосе только по отношению к финикийцам — здесь и в XV, 416). Одиссея собирался продать в рабство в Ливию и взять за него громадную плату (ὡς παράσειε καὶ ἄσπετον ὄνον ἔλοτο — XIV, 297; это выражение встречается в местах, где речь идет о продаже в рабство). В свою очередь и Евмей обстоятельно рассказывает (XV, 415 слл.) о том, как мошенники-финикийцы, привезя на черном корабле множество безделушек, в течение целого года получали много всякого добра от жителей его родины и, в конце концов, похитив его вместе с рабыней финикияночкой, продали за дорогую цену Лаэрту (там же, 483). В этом отрывке поэт характеризует финикийцев как обманщиков (там же, 419).

То, что рассказ Одиссея излагается поэтом как вымышленный, несколько не ослабляет типичности его подробностей. Вымысел, чтобы ему поверили, должен быть правдоподобным. Мы видели, как недавнее восхищение мастерством финикийских ремесленников быстро уступает место возмущению практикой финикийских торговцев. Это было вызвано не в последнюю очередь похищением мирных жителей. В этом отразились не смутные reminiscences микенского времени, а повседневная практика скорее всего конца IX — начала VIII в.

Если приведенные соображения правильны, тогда можно отнести к этому времени данные «Одиссеи» о финикийской работорговле. Выше отмечалось, что «Илиада» знает лишь считанные случаи продажи пленных в рабство. Зато в «Одиссее» впервые появляется качественно новая группа — покупные рабы и рабыни¹¹. Возможно, различие между покупными и добытыми силой оружия рабами ощущалось уже во время составления поэмы. Думается, что в связи с этим обстоятельством в формуле Od., I, 398 (ср. II,

¹¹ См. G. Mickn at. Op. cit., стр. 51—55; ср.: W. Beringer. Zu den Begriffen..., стр. 271.

XVIII, 28) λήσαστο меняется на более соответствующее духу времени κτήσαστο (Od., XIV, 4). По-видимому, здесь находятся самые истоки письменной традиции о работорговле, которой суждено было сыграть столь серьезную роль в последующие века греческой истории. Согласно традиции, первыми эллинами, которые пользовались покупными рабами, были хиосцы (Athen., VI, 266 e—f). Феопомп относит начало покупного рабства на Хиосе ко времени вслед за переселением дорян (там же, 265 b—c).

При сопоставлении данных о порабощении жителей покоренных городов со свидетельствами о продаже похищенных людей бросается в глаза один момент. Первые, несмотря на заметные усилия поэта как-то конкретизировать описание, сухи, почти безжизненны. Вторые, как правило, поданы со многими подробностями и более красочно, хотя и здесь иногда встречается стандартное словоупотребление.

В начале I тысячелетия до н. э. стоимость рабов была, по-видимому, весьма велика. Поэт постоянно подчеркивает продажу «за высокую цену». Появляются определенные — чуть ли не технические — выражения, связанные с работорговлей. Греки выступают не только как объект работорговли, но и в качестве покупателей рабов. Очевидно, в эллином мире уже возникла потребность в рабской рабочей силе. Греческие покупатели особенно ценили рабынь-финикиянок, опытных во всяких рукоделиях. Это относится как к рабыням Елены (Il., VI, 289 слл.), так и к рабыне отца Евмея (XV, 418).

По всей видимости, одновременны с предыдущей группой свидетельства и сообщения «Одиссея» о тафийцах. У них был куплен Евмеем раб Месавлий (XIV, 452). Упомянутая финикиянка попала к отцу Евмея также от тафийских пиратов (XV, 427), похитивших ее в Финикии. Тафийцы вместе с отцом одного из женихов Пенелопы, Антиноя, ограбили союзных Итаке феспротов (XVI, 425).

К свидетельствам о пиратской деятельности финикийцев и тафийцев тесно примыкают многочисленные рассказы о грабительских набегах самих эллинов. Они подразделяются на три группы. К первой примыкают сообщения о пограничных стычках. К их числу принадлежит, например, воспоминание Нестора о конфликте между жителями Пилоса и элейцами (Il., XI, 670 слл.). Спор возник из-за уведённых коров. Пилосцы захватили, по словам рассказчика, несколько сот стад крупного и мелкого скота вместе с их пастухами (там же, 697; ср. Od., XXI, 19). И скот, и пастухи были разделены между победителями. Такие пограничные конфликты с угоном скота и рабов, а возможно, и порабощением свободных постоянно встречались и в классическую пору. Вряд ли, однако, они могли играть существенную роль в развитии рабовладения. Возможности бегства на родину были уж очень велики.

Во вторую группу входят частые сообщения о разрушении целых городов и поголовном порабощении женщин и малолетних детей. Такого рода описаний множество в «Илиаде»; встречаются они и в рассказе Одиссея о странствованиях после разрушения Трои (например, IX, 40 сл.). Однако эти описания, как отмечалось выше, бесцветны; в эпосе они тесно связаны с Троянским походом и никак не согласуются со всем тем, что нам известно об эллинском мире в X—IX вв. до н. э.

Несколько реальнее выглядит третья группа повествований «Одиссея»: о морских набегах греков на соседние страны. Примером здесь может служить один из вымышленных рассказов Одиссея. Герой этого рассказа, сын купленной наложницы (XIV, 202 сл.), девять раз (там же, 230) принимал участие в грабительских морских набегах на далекие страны вплоть до Египта. Одному из женихов Одиссея говорит, что в Египте он был продан в рабство прибывшему туда царю Кипра Дметору (XVII, 442).

Но, пожалуй, пагляднее любых перечислений обычный в эпосе вопрос, задаваемый чужеземцам ¹²:

«Странники, кто вы? Откуда плывете дорогою влажной?
Едете ль вы по делам, иль блуждаете в море бесцельно,
Как поступают обычно разбойники, рыская всюду,
Жизнью прагая своею и беды неся чужеземцам?»

Хотя повторение одной и той же, притом достаточно длинной, эпической формулы обычно заставляет датировать ее максимально ранним временем, данное обращение согласуется с обстановкой не только микенского периода. Морской разбой был повседневным явлением и в VIII в., что убедительно засвидетельствовано и точно датированными изображениями на вазах геометрического стиля.

К тому же времени, очевидно, можно отнести свидетельства об организованной работорговле, правда местного значения, на Итаке. Мы уже касались работорговли сикелов (Od., XX, 382 сл.). С нею перекликаются угрозы Мелантия Евмею (XVII, 249 сл.) и Антиноя Иру (XVIII, 84 сл.).

Таким образом, датируя свидетельства эпоса о финикийцах, тафийцах и вообще о пиратах, временем не раньше рубежа IX—VIII вв., мы можем получить для этого времени немало данных о хищении свободных, продаже их в рабство и о высокой стоимости покупных рабов. В этой группе сообщений не ощущается количественное различие между мужчинами и женщинами.

---

¹² Его задает Нестор Телемаху, Полифем Одиссею и Аполлон критским купцам — Od., III, 71—74 = IX, 252—255 = h. Apoll. Pyth., 274—277.

При подсчете некоторый количественный — возможно, все же случайный — перевес останется даже на стороне сильного пола¹³. Это, очевидно, противоречит принятому в литературе мнению о значительном численном преобладании рабынь над рабами в гомеровское время.

Указанное мнение сложилось не в результате скрупулезного изучения данных о рабах в эпосе, но на основании сообщений, во-первых, об уходе в рабство жительниц покоренных городов и, во-вторых, о наличии в домах Алкиноя и Одиссея по 50 рабынь. Исходя из первого соображения Г. Микнат выдвинула свою концепцию о двух эпических периодах (см. выше, стр. 231). В действительности эти сообщения — главным образом «Илиады» — о массовом разрушении множества городов, об убиении мужчин и пленении женщин в результате крупных морских экспедиций находятся в явном противоречии со всеми известными нам как из литературы, так и по археологическим данным фактами из истории эллинского мира в X и IX вв. до н. э. Где, непосредственно перед началом Великой колонизации и даже после нее, можно локализовать таких «разрушителей городов», как завоевавший 23 многоядных города Ахиллес (II, IX, 328 сл.), Одиссей и другие?

Вероятно, их не было и в XII в., но живший четырьмя столетиями позже поэт мог приписывать героям Троянской войны такие подвиги, которые были невозможны в его время. Со своей точки зрения поэт последовательно населял дворцы локализуемых в микенской эпохе басилеев многими десятками рабынь, заимствуемых не из окружающей его действительности, а из смутных представлений о роскоши древних героев. Сведения о реально существовавшем рабстве кануна и начала колонизации можно почерпнуть из эпоса не с помощью искусственного оживления дворцов басилеев, но лишь кропотливо выделяя из гомеровских поэм актуальные во время их составления черты реальной жизни. Эти черты можно найти не столько в описаниях дворцовых хозяйств, локализуемых самим поэтом в давно минувшем прошлом, а в попутных, случайных — и поэтому тем более весомых — свидетельствах о морском грабеже, работорговле и т. д.

Некоторые выводы (правда, отрицательного порядка) о фактическом уровне распространения рабства в гомеровское время можно сделать из эпических сравнений. Принято считать (и это правильно), что в такого рода сравнениях поэт чувствовал себя менее связанным песенным наследием. Если присмотреться к

---

¹³ Жепщины — 3 случая (Евриклея — I, 431; наложница — XIV, 202 сл.; финикиянка — XV, 428 сл.). Мужчины — 5 случаев (Евмей — XV, 483; Одиссей в Египте — XIV, 297 и XVII, 442; угрозы продажи Евмея — XVII, 249 сл., Ира — XVIII, 84 сл.). Без указания пола — 2 случая (XIV, 4 и XX, 382 сл.).

сравнениям социально-экономического характера и к примыкающим к ним авторским замечаниям, то можно увидеть, что здесь имеется немало сведений о трудовых процессах, о тяжелой жизни свободной бедноты, но почти полностью отсутствуют данные о рабах. Думается, что это не простая случайность.

В самом деле, если даже ограничиться одной «Илиадой», (где сравнений больше, чем в «Одиссее») — мы обнаружим в них: прядильницу шерсти (III, 387), которая еще в Спарте очень любила Елену; меонийку или кариянку (IV, 144), красящую пурпуром слоновую кость для конских нащечников; пряжу (XII, 433), взвешивающую шерсть на весах, «чтобы добыть для детей небольшую плату»; плотников (XIII, 390 и XXIII, 713), рубящих корабельный лес в горах или строящих дома; ткачиху, работающую у станка (XXIII, 760 сл.), пастуха (XXIII, 845) и т. п. Среди всех перечисленных лиц только пряжу Елены следует считать несомненной рабыней.

Та же закономерность наблюдается и в «Одиссее». В примерах, свободно выбираемых для сравнений, поэт постоянно говорит о бедняках или нищих, когда, казалось бы, явно напрашивались сравнения с рабами. Например, в знаменитом месте из XI песни дух Ахиллеса предпочитает работать пахарем (*ἐπάρουρος* — XI, 489) у бедняка-крестьянина, чем царствовать над душами мертвых. Одиссей заявляет Евмею (XV, 343): «Нет для смертных хуже несчастья, чем бродяжничество». А между тем в обеих поэмах *δοῦλιον ἦμαρ* считается худшим злом для свободного человека. Напрашивается вывод, что поэт имел возможность лично видеть обедневших свободных, выбитых из привычных условий родового быта и не находивших себе нигде постоянного пристанища, в то время как о тяжелой рабской доле он знал главным образом понаслышке из старых сказаний. Обычное объяснение, что рабам жилось лучше, чем обедневшим свободным, кажется несостоятельным и потому, что *δοῦλιον ἦμαρ* представляется самым ужасным несчастьем, и потому, что доля рабов изображена в поэмах далеко не в радужных красках.

Для проверки нашего вывода можно привлечь еще один критерий — цены на рабов. Соответствующие данные далеко не полны, но обладают неоценимым преимуществом; о них говорится лишь мимоходом, что делает их менее зависимыми от влияния эпической традиции.

Из десяти случаев продажи в рабство в «Одиссее» лишь в одном указывается цена рабыни — 20 быков (I, 431). В II, XXIII, 705 ахейцы оценивают в 4 быка рабыню, обещанную Ахиллесом борцу, побежденному в состязании. Сюда можно было бы с натяжкой добавить слова Приамова сына Ликаона (II, XXI, 79), что он заплатил сотню быков (*ἑκατόμβουλον*) за освобождение из плена. Вот все случаи, когда в гомеровском эпосе указывается, казалось бы, точная цена рабынь или пленных.

В действительности, однако, эта точность весьма относительна. Сотни быков представляется поэту чем-то неизмеримо большим. Так, в II., II, 449 описывается эгида Афины, имевшая сто золотых кистей, каждая из которых стоила сотню быков. При обмене Главка и Диомеда доспехами

Зевс... Кросион у Главка рассудок похитил:
Он Диомеду Тидиду на медный доспех — золотой свой,
Стоящий сотню быков, обменял на цепающийся в девять

(II., VI, 234 слл.)

Здесь можно еще также отметить, что *ἐκατόμβη* в эпосе обозначает жертвоприношение иногда в 12 быков (II., VI, 93 и 115), а раз даже 50 баранов (II., XXIII, 146). Сумма выкупа за Ликаона в результате обмена оказывается эквивалентной стоимости упомянутого выше финикийского кратера.

Не только *ἐκατόμ-*, но и *ἑξήσαβιοῦς* выглядит скорее как круглое число, чем как точное определение. Число *ἑξήσα* в эпосе соответствует скорее нашему «два десятка», чем «двадцать». Слово *ἑξήσαβιοῦς* встречается лишь еще раз в Od., XXII, 57, где один из женихов предлагает Одиссею в порядке возмещения ущерба по два десятка быков от каждого из обидчиков.

Лаэрт купил Евриклею очень молодой. Поэт подчеркивает, что, опасаясь ревности жены, Лаэрт никогда не приближался к юной рабыне. Следовательно, вряд ли красота Евриклеи повлияла на ее высокую стоимость. При покупке не могли играть какой-либо роли и ее деловые качества; она могла быть назначена домоправительницей (*ταμίη*) уже в зрелом возрасте; обычный эпитет домоправительниц *γρηῶς*¹⁴. В эпосе трижды, правда в дублетах, указываются имена ее отца и деда, что свидетельствует о свободном происхождении Евриклен, но никак не может служить объяснением ее высокой цены как рабыни. Евриклея, по видимому, была куплена Лаэртом непосредственно у своего отца; в противном случае поэт вряд ли умолчал бы о ее злключениях.

В качестве более реального указания на стоимость рабыни может послужить *ἑξήσαβιοῦς*. Контекст и некоторые другие свидетельства в эпосе позволяют до некоторой степени определить относительную величину этой суммы. В II., XXIII, 705 рабыня определяется как «опытная во многих рукоделиях (*πολλὰ ἔργα*)». Это значительно повышало ее ценность. Она была предназначена побежденному в состязании. Победителю присуждался котел-треножник стоимостью в 12 быков (там же, 703). В наиболее важном виде состязаний, в беге на колесницах, первым призом была объявлена «рабыня, превосходная мастерица (*ἀμύμονα ἔργα ἰδυῖα*)» и,

¹⁴ Кроме старухи Евриклен в «Одиссее» говорится о старой ключнице Евриноме (XVIII, 169 сл.; ср. 185).

кроме того, большой треножник емкостью в 22 меры (там же, 263 сл.). Для сравнения стоит указать, что четвертый приз в том же состязании равнялся двум талантам золота. Очевидно, высококвалифицированная рабыня, предназначенная победителю в беге на колесницах, стоила значительно дороже, чем четыре быка. В некоторых специфических случаях рабыни могли представлять и значительно большую ценность. Так, в II., VIII, 290 сл. Агамемнон, восхитенный ратными подвигами Тевкра, предлагает ему на выбор треножник, пару коней вместе с колесницей или красавицу-рабыню. Во многих случаях, говоря о рабынях, поэт подчеркивает их искусство в работах. К указанным выше местам можно добавить еще обещание семи таких рабынь Агамемноном Ахиллесу (II., IX, 128 = там же, 270 и 638 = XIX, 245), и четырех якобы полученных в дар Одиссеем (Od., XXIV, 278; ср. также XV, 418).

Замечания о ценах на рабынь позволяют прийти к следующим довольно убогим выводам. Несмотря на обилие упоминаний о продаже или дарении рабынь, поэт, как правило, не называет их цену, хотя всегда подчеркивает их высокую стоимость. Из трех случаев, где цена указана, мало-мальски реален лишь один: в четыре быка оценивалась рабыня средней квалификации.

В общем и эти данные оставляют то же впечатление о слабом еще развитии работорговли и рабства. Налицо та же, отмеченная уже раньше, диспропорция между обилием упоминаний о случаях продажи в рабство или перехода рабынь из рук в руки и скудостью реальных бытовых подробностей. Поэт, видимо, описывает рабовладельческие хозяйства басилеев, имея реально перед глазами лишь начало нового, качественно отличного от микенского рабства.

Это впечатление подтверждается дублетом Od., XVII, 422 и XIX, 78, где герой поэмы ссылается на бывшее у него когда-то «бесчисленное множество рабов (δμῶες μάλα μῆριον)». Разумеется, эти μάλα μῆριον столь же далеки от реальной жизни VIII в. до н. э. как ἐσχοσάβοια от действительных цен на рабов. Однако стоящие рядом строки (XVII, 423 = XIX, 79) показывают, что поэту труд рабов представляется уже важнейшим условием для роскошной жизни не только басилеев, но вообще богатого человека. В ответах Антиною и Меланто Одиссеей, все еще в облике нищего, заявляет, что и у него было когда-то множество рабов и многое другое, «благодаря чему люди живут хорошо и зовутся богачами» (οἰσίν τ'εὖ ζῶσσι καὶ ἀφνειοὶ καλεῖνται). В греческой литературе это, как метко подметил польский филолог Т. Синко, «наиболее раннее признание того факта, что богачи хорошо живут благодаря труду рабов»¹⁵.

¹⁵ Т. Синко. Zarys historii literatury greckiej, т. I. Warszawa, 1959, стр. 29.

Из сказанного напрашиваются следующие выводы: 1) свидетельства «Одиссеи» о рабах подразделяются на две группы: а) связанные с царскими хозяйствами и б) не относящиеся к ним; 2) вторая группа относительно невелика; 3) свидетельства этой группы более реалистичны, хотя и они не изобилуют конкретными подробностями; 4) в этих свидетельствах прослеживаются некоторые черты зарождающихся новых рабовладельческих отношений; 5) если в «Илиаде» главный источник рабства — война, то в «Одиссее» — это пиратство и связанная с ним работорговля; 6) почти полное отсутствие рабов в сравнениях свидетельствует о незначительном еще развитии рабства во время жизни поэта.

§ 2. Рабы в хозяйствах басилеев

В предыдущем параграфе рассматривались главным образом те гомеровские свидетельства о рабах, которые не относились непосредственно к царским хозяйствам. В этой группе легче обнаружить следы более поздних явлений. Нами было отмечено осязаемое различие между реалистическими чертами в этих свидетельствах и кое-какими схематическими, во многом дублетными сообщениями об ойкосах басилеев. Тем не менее невозможно механически рассечь ткань гомеровского повествования, исходя из того критерия, что все данные об ойкосах басилеев являются реминисценциями микенского периода, а все остальное представляет собой отражение современной поэту жизни.

Неоднократные попытки разграничить ранние и поздние слои эпоса посредством сопоставления гомеровских реалий с точно датированными археологическими памятниками показали всю безнадёжность такого рода любовой атаки. В качестве примера достаточно напомнить, что знаменитое описание шлема из кабаньих клыков (II, X, 262 сл.) включено в «Долонию», по общему мнению одну из самых поздних частей поэмы. Как археологи, так и филологи давно уже пришли к выводу, что в обеих поэмах ранние и поздние элементы переплелись до такой степени, что механически их разделить невозможно.

Поэтому уже а priori нельзя полагать, что все описания быта рабов в царских хозяйствах обязательно восходят к микенскому периоду. Вероятно, и в этой группе свидетельств мы встретим причудливое сплетение равноновременных элементов, разграничить которые очень трудно, а прийти к неоспоримым результатам далеко не всегда возможно.

Вот пример того, сколь ошибочно относить все упоминания о рабах в царских хозяйствах к незапамятной старине. В III песни рассказывается о том, как Телемах в поисках пропавшего отца прибывает к Нестору. Поэту, несомненно, было известно, что

Пилос являлся одним из центров микенской культуры; однако он был в то время настолько основательно разрушен, что в античности вообще неизвестно было место обитания легендарного старца¹⁶. Быть может, поэтому быт обитателей Пилоса, как он изображен в «Одиссее», ближе всего к окружающей поэта жизни. Не случайно, по-видимому, и то, что на хозяйство Нестора приходится лишь одно упоминание о *δμῶαι* (III, 428), а прочие термины полностью отсутствуют. В Пилосе все обычные функции работ выполняются свободными. Освященную воду для омовений подает не традиционная *ἀμφίπολος*, а Арег, сын Нестора (стк. 440). Это обстоятельство можно было бы с некоторой натяжкой объяснить особым ритуалом заклания жертвенного животного, но несколько дальше (стк. 464) дочь Нестора Поликаста обмывает и натирает оливковым маслом Телемаха (что в последующей традиции привело эту пару даже к браку). В эпосе формула *λοῦσεν καὶ ὑρίσεν ἐλαίῳ* повсеместно относится к рабыням¹⁷. Сыновья старца сами запрягают коней и правят повозкой (стк. 483). На следующий день после приезда Телемаха Нестор, едва проснувшись, но уже со скипетром в руках, приказывает сыновьям (стк. 418 слл.): одному бежать за жертвенной телкой, другому — на корабль Телемаха, третьему — к златоискуснику Лаэрку. Единственный раз появляющиеся здесь рабыни должны лишь готовить пищу, принести скамьи и воду. Ко всему этому дом пилосского басилея не характеризуется стандартным в такого рода местах определением *ἰφσφερὲς μὲγα δόμα*. Любой из указанных моментов, взятый в отдельности, можно было бы приписать простой случайности; однако вместе взятые они заставляют предполагать сознательное стремление подчеркнуть скромный образ жизни обитателей дворца Нестора.

Это впечатление еще более усиливается, когда в следующей песни «Одиссеи» всячески подчеркивается великолепие дворца Менелая. О прибытии Телемаха и Писипстрата Менелая докладывает проворный слуга (*ἑρῶλεω* — IV, 23). Другие проворные слуги распрягают коней, увозят повозку и вводят гостей в «божественный дом» (стк. 43). Обилие драгоценных металлов, слоновой кости и прочих предметов роскоши так необычно для Телемаха, что ему кажется, будто он очутился чуть ли не на Олимпе. А ведь юноша вырос в царском дворце! Для того чтобы как-то объяснить все это великолепие, поэт заставляет Менелая рассказывать о происхождении его сокровищ из Кипра, Финикии, Египта, даже от эфиопов и из Ливии (стк. 83 слл.). Очевидно, в представлении поэта эллиские басилеи жили довольно убого даже в героическую пору. Не удивительно, что все те функции,

¹⁶ См. ЯКМГ, стр. 189 слл.

¹⁷ Ср. *δμῶαι* в II., XXIV, 587; Od., IV, 49; VIII, 454 и XVII, 88; *ἀμφίπολος* в Od., X, 364 и XXIV, 366.

которые у Нестора выполняли свободные. в Спарте принадлежат рабыням. Очевидно, поэт не менее сознательно сгущал краски и в описании дворца Менелая.

Окончательно доказывают слабое знакомство поэта с реальной жизнью ахейских вельмож введущие ныне Блегеном роскоши. Раскапываемый им дворец Нестора по размерам и роскоши, пожалуй, превосходит дворец в Микенах. Надписи засвидетельствовали существование в Пилосе значительного дворцового хозяйства и крупного административного центра. Все это как небо от земли отличается от описания в «Одиссее». Кроме отсутствия реальных знаний, по-видимому, сыграла свою роль тенденция противопоставить с максимальной резкостью две крайности: Пилос и Спарту.

В литературе обычно ограничиваются характеристикой хозяйства Нестора как архаичного в сравнении с современными поэту царскими ойкосами. Такая характеристика далека от точности. Облик геренийского всадника в «Илиаде» символизирует не отсталость, а мудрость, естественно связанную с накопленным жизненным опытом. Что же касается картины пилосского хозяйства в «Одиссее», она, на наш взгляд, отражает не далекое прошлое, — точно так же как дворец Менелая не символизирует настоящего, — а включает в себя кое-какие черты современной поэту действительности. Только эту современность следует искать не в передовых, а в отсталых районах Эллады, еще не затронутых начавшимся хозяйственным переворотом. Ничтожно малое число рабынь, полное отсутствие рабов, исполнение хозяйственных функций в царском доме свободными *κῆρυκες* или *κοῦροι* (III, 338 сл.), иногда младшими членами царской семьи, — все эти черты полностью соответствуют античным свидетельствам об образе жизни фокейцев или локров (Тимей у Athen., VI, 264 с), или же у хиосцев до начала работорговли (Николай Перипатетик, там же, 266 *ἰσὺν πολλῶν αὐτοῦργῶν ὄντων κατὰ τὰς διακονίας*).

Несколько замечаний о количестве рабынь и рабов в ойкосах бацилеев¹⁸. В домах Алкиноя и Одиссея было по 50 рабынь (VII, 103 и XXII, 421). Приведенное число, как уже не раз отмечали, само по себе, несомненно, округлено. Выше показана ненадежность эпических «точных» цифр даже в масштабе двух десятков. Однако вопрос не в том, округлено ли число *πεντήκοντα δμωαί γυναικες*, а в том, преувеличено ли оно и насколько с точки зрения и действительности VIII в., и представлений поэта о героическом прошлом. Взятые в этом плане оба указанных места, несмотря на совпадение чисел, резко отличаются друг от друга. Сопоставление их важно для нашей темы.

Контекст рассказа о феаках явно преследует цель подчеркнуть прежде всего их баснословное богатство. Удивление Одиссея при

¹⁸ Ср. Beringer. Zu den Begriffen..., стр. 274, прим. 72.

виде дворца Алкиноя поэт описывает почти в тех же словах, что и восхищение Телемаха в Спарте (ср. хотя бы Od., VII, 84 сл. и IV, 45 сл.). Но так как многоопытного скитальца Одиссея удивить значительно труднее, чем впервые покинувшего родину Телемаха, поэт не скупится на краски, чтобы изобразить в полном блеске баснословное богатство феаков. Вот почему здесь появляются даже стены из бронзы, притом не только наружные, но и внутренние, золотые двери, золотые и серебряные собаки, выкованные самим Гефестом, и т. д. В тропном зале поэт помещает золотые же статуи с зажженными факелами в руках (VII, 100 сл.). И вот непосредственно за этим нагромождением всечуждых чудес, которые должны были ошеломить слушателей из захолустной в то время Эллады, следует рассказ о дворцовых рабынях.

Естественно полагать, что и здесь замысел автора остается прежним. Его повествование о пятидесяти рабынях, из которых одни мелют зерно, другие ткут и прядут, несомненно продолжает ту же тенденцию изображать жизнь у феаков в самых ярких красках. Недаром ведь, закончив описание труда рабынь, поэт замечает, что мастерство жен феаков в ткацком деле не уступает искусству их мужей в кораблевождении (VII, 108 сл.). Притом сама Афина одарила жительниц Схерии способностями к рукоделию и здравым рассудком. Последующее описание сада Алкиноя выдержано в том же духе.

Весь контекст рассказа показывает, что число 50 рабынь являлось в глазах поэта чем-то совершенно необычным для его современников и должно было поразить их воображение не менее, чем прочие перечисляемые здесь чудеса. В этой связи стоит напомнить, что максимальная концентрация гомеровских терминов, обозначающих рабов, приходится как раз на две песни «Одиссеи», посвященные пребыванию героя у феаков (см. выше, стр. 247). Преобладание ἀμφίπολο: ярко иллюстрирует тенденцию поэта к изображению в пышных красках образа жизни Алкиноя и его семьи.

По-иному выглядит контекст упоминания о 50 рабынях в Итаке. Беседа Одиссея с Евриклеей происходит в мегароне сразу после сцены убийства женихов. Одиссей, стоящий среди трупов, подобен льву, растерзанному быка и только что насытившемуся добычей (XXII, 402 сл.). Теперь предстоит расправа с неверными рабынями; поэтому его интересует лишь одно: кто из них нанес ущерб его чести и кто сохранил верность. Именно на этот вопрос отвечает Евриклея (XXII, 421 сл.):

πεντήκοντά τοί εἰσιν ἐνὶ μεγάροισι γυναῖκες
 θυγαῖ' τὰς μὲν τ' ἔργα διδάξαμεν ἐργάζεσθαι,
 εἰρήϊά τε ξαίνειν καὶ δουλοσύνην ἀνεχεσθαι
 τῶν δώδεκα πᾶσαι ἀναιδείης ἐπέβησαν,

(«Пятьдесят здесь в доме женщины-рабынь. Одних мы научили выполнять работы, чесать шерсть и примиряться с рабской долей. Из них двенадцать совсем попрали стыд»).

Поэт здесь ни в малейшей степени не заинтересован ни в преувеличении, ни, напротив, в преуменьшении количества рабынь. Важно лишь соотношение числа преданных и неверных рабынь. Функции рабынь почти не дифференцируются; логический акцент в ответе Евриклен лежит на словах *δουλοσύνην ἀνέχουσαι*.

Учитывая сказанное выше о численности рабынь во дворце Алкиноя, можно думать, что и здесь нет отражения какой-либо реальности. Спрашивается, откуда и здесь появилось число 50? О том, что оно не случайно, можно судить хотя бы по двум отрывкам из XX песни. Еврикля утром приказывает трем группам рабынь: одним — навести порядок дома, полить и подмести пол, накрыть покрывалами скамьи; другим — вытереть все столы губками и вымыть посуду, третьим — идти к источнику по воду. Последних, по словам поэта, было двадцать (XX, 158). В тот же день утром Одиссей слышит голос одной из двенадцати рабынь, работавших на мельнице (XX, 107). Очевидно, эта дюжина не входила в состав тех трех групп, к которым обращалась Еврикля.

Таким образом, первые две группы рабынь, согласно поэту, насчитывали бы менее двух десятков человек.

Кроме того, в доме Одиссея постоянно пребывало множество женихов. В XVI, 247 слл. Телемах насчитывает их в общей сложности 108 человек. Для обслуживания такой массы гостей и домашних требовалось никак не менее полусотни рабынь.

Таким образом, число 50 рабынь в XXII, 421, будучи округленным, все же не завышено. Его требует та обстановка, в которую поставлен дом базилея Итаки. Другое дело, что это число не соответствовало реально-исторической обстановке VIII в. Это следует и из описания дворца Алкиноя.

Что касается рабов-мужчин, то «Одиссея», как известно, не дает прямых числовых данных. Однако их количество не могло быть ничтожным, как утверждает, например, Уэстерман. Ведь в поэме рабы-мужчины упоминаются немпогим реже, чем рабыни (см. выше, стр. 244).

Правда, рабы-мужчины заняты неравномерно в разных отраслях производства. Например, мы почти ничего не знаем об их работе в земледелии. Единственный случайный намек на это дает эпизод с Аргосом (XVII, 297 сл.); здесь *διῶες* вывозят кучи навоза со скотного двора на большой царский участок (*τέμενος μέγας*). Исключение составляет только садоводство, притом в поздней части поэмы. В саду Лаэрта за плодовыми деревьями ухаживает *δίως* Долий и другие рабы. Возможно, что об уходе за тем

же садом говорит и Пенелопа (IV, 737). В других местах, где говорится о земледелии, — а их немало, — речь идет всегда о свободных людях: либо о крестьянах, обрабатывающих свои участки, либо о фетах. По-видимому, основные сельскохозяйственные работы в самом деле выполнялись свободными¹⁹.

С другой стороны, скотоводство — отрасль хозяйства не менее важная, чем земледелие, — почти полностью обслуживается рабами. В хозяйстве Одиссея нам известны по именам три раба, которые были старшими пастухами. Это прежде всего Евмей, многократно величаемый в «Одиссее» почетным титулом *ἄρχαμος ἀνδρῶν* (XIV, 22; XV, 351 = 389 = XVI, 36). Под его началом было еще четыре свинопаса; кроме того, он имел купленного за свой счет раба Месавлия (Od., XIV, 449 сл.). Второй старший пастух — козовод Мелантий; ему сопутствуют два пастуха в XVII, 214 и XX, 175. Наконец, третий старший пастух Одиссея — это *ἐπιβούκολος* Филойтий, такой же *ἄρχαμος ἀνδρῶν* (XX, 185), как Евмей. Рабский статус Мелантия несомненен, так как он является братом *δμῶν* Меланто; он сын раба Долия. Одиссей, расправившись с женихами, обращается с Мелантием как со своей собственностью. Филойтия, как и Евмея, Одиссей обещает фактически отпустить на волю и включить в состав семьи. В XXI, 209 сл. Филойтий наряду с Евмеем называется *δμῶς*.

Кроме трех старших рабов, Одиссей имел немало других, тоже занятых в скотоводстве. По словам Евмея (XIV, 99—104), Одиссей имел по 12 стад крупного рогатого скота, овец, коз и свиней на материке и еще 11 козьих стад на самой Итаке. Вместе с 12 стадами, находившимися под присмотром Евмея, это дает в общей сложности 71 стадо. Если считать, что на каждую дюжину стад требовалось, как у Евмея, четверо пастухов с одним старшим, мы получим, что в хозяйстве Одиссея должно было быть занято 30 скотоводов. Правда, крупный рогатый скот пасли не только рабы, но и наемные пастухи (*ξείνοι* — Od., XIV, 102). Соотношение свободных и рабов среди пастухов нам не известно.

Кроме скотоводства, мужчины-рабы заняты в «Одиссее» также некоторыми домашними работами. Одни колют дрова, запрягают лошадей (VI, 69) и выполняют кое-какие аналогичные работы. Из IV, 644 можно заключить, что *δμῶες* иногда использовались и в качестве гребцов.

---

¹⁹ И. М. Тронский в статье «Проблемы гомеровского эноса» к переводу «Илиады» (М.—Л., «Academia», 1935) замечает (стр. 48): «Примитивность земледельческой техники и малые размеры земельных наделов создавали условия, при которых постоянное содержание несвободной рабочей силы представлялось менее выгодным, чем временный наем батрака на страдную пору». В характеристике гомеровского рабства у Глотца (G. G l o t z et R. C o h e n. Histoire Grecque, т. 1⁴. Paris, 1948, стр. 138) говорится, что в эносе рабы-мужчины работают на полях (что не находит подтверждения в источниках) и стерсгут скот.

Итак, согласно представлениям поэта, в хозяйстве Одиссея было, видимо, около 30 рабов (садоводов, пастухов и прочих). Рабы употреблялись реже, чем рабыни просто потому, что последние находились в самом доме или в непосредственной близости к нему, в то время как рабы-мужчины работали в разных местах. Об этом прямо говорит Телемах, когда Одиссеей предлагает проверить, кто из рабов и рабынь оказался неверным (XVI, 318 сл.).

С точки зрения последующего развития рабства в Элладе вплоть до второй половины V в. такое число рабов в одном, даже царском, хозяйстве представляется невероятным. Оно никак не согласуется со всей дошедшей до нас массой письменных сведений об экономике и образе жизни эллинских общин в первой половине I тысячелетия до н. э. Однако, если отправляться только от гомеровского эпоса, взятого как целое, вывод о большой численности рабов в ойкосах бацилеев представляется неоспоримым. На это вполне правильно указал С. И. Ковалев в одной из своих ранних работ. Он писал в 1933 г.: «Прежде всего нужно констатировать широкое развитие рабства в Греции для сравнительно очень ранних эпох..., его значение во всяком случае не следует преуменьшать. Учитывая момент неизбежного поэтического преувеличения и «округления» цифр, считаясь с элементами «патриархальности» в отношении к рабам, мы, тем не менее, не можем не признать, что рабство в сущности уже начинает проникать весь строй гомеровского общества»²⁰.

Где же выход из явного противоречия между несомненно значительным развитием рабства в эпосе и отсутствием данных о каком-либо существенном значении рабства на протяжении нескольких веков как до, так и после создания гомеровских поэм? Попытки многих западных ученых всячески подорвать значение свидетельств «Одиссеи» предпринимались с прозрачной тенденцией как-то отстоять мейеровско-уэстермановскую концепцию. Эти попытки находятся в резком противоречии со свидетельствами Гомера.

На поставленный здесь вопрос автор данных строк пытался в 1952 г., еще до расшифровки линейного письма Б, ответить таким образом, что реально-исторический прообраз хозяйств гомеровских бацилеев следует искать в микенских царских хозяйствах. Такой ответ казался в то время единственно возможным.

Ныне положение изменилось. Вне зависимости от степени обоснованности отдельных элементов расшифровки Вентриса — Чадвика наличие значительного количества рабов в дворцовых хозяйствах микенского периода не подлежит сомнению. Число микенских рабов значительно превышало количества, указываемые в

---

²⁰ С. И. К о в а л е в. О основных проблемах рабовладельческой формации. — ИГАИМК, вып. 64, стр. 7.

гомеровских поэмах. Резкое насильственное уничтожение центров ахейской культуры привело к быстрому исчезновению дворцовых хозяйств и связанного с ними рабства. С другой стороны, анализ свидетельств эпоса о рабах явно показывает, что в процессе своего творчества поэт не повторял механически текст дошедших до него песен, а перерабатывал их. В частности, среди свидетельств «Одиссеи» о рабах имеются данные, которые невозможно отнести к микенскому периоду.

Все это заставляет предположить, что описание царских хозяйств в эпосе не отражает полностью ни микенских, ни гомеровских отношений. Отдельные элементы таких описаний восходят либо к окружающей поэта действительности, либо к дошедшей до него традиции. Но из этих реальных элементов двух разных эпох автор «Одиссеи» нарисовал не соответствовавшую ни тому, ни другому периоду картину.

Такая гипотеза, думается, дает ответ на вопрос, почему в источниках последующего времени — в «Гомеровских гимнах», у Геснода, у лириков, вплоть до Геродота, — о рабах говорится относительно мало, во всяком случае значительно меньше, чем в гомеровских поэмах²¹. Она же, на наш взгляд, лучшим образом объясняет исчезновение гомеровских и появление новых «рабских» терминов. Наконец, она объясняет, почему в античной традиции существовала упорная тенденция относить начало покупного рабства, а иногда и рабства вообще к относительно позднему времени.

В самом деле, все древние авторы, как-либо касавшиеся этого вопроса, отмечают, что институт рабовладения появился у греков довольно поздно, что они долгое время не знали рабства. Притом эта пора относится, по мнению древних, не к событиям, описанным в эпосе, а к последующему времени.

У Геродота (VI, 137) говорится, что, когда в Аттике жили еще пеласги, «по воду к Девяти Ключам всегда ходили дочери афинян, так как все это время не было еще рабов ни у них, ни у прочих эллинов (οὐ γὰρ εἶναι τοῦτον τὸν χρόνον σφίσι καὶ οὐδὲ τοῖσι ἄλλοισι Ἑλλήσι οἰκέτας)». Переселение пеласгов из Беотии в Аттику Страбон (IX, 2, 3) датирует двумя поколениями после Троянской войны (ср. Thuc., I, 12). Описываемый у Геродота конфликт между афинянами и пеласгами должен был происходить уже после дорийского переселения. Отметим, что Геродот говорит об отсутствии рабов не только у афинян, но и вообще у эллинов.

Вопрос о времени появления рабства в Элладе занимает довольно много места в VI книге сочинения Афиней, который приводит подборку высказываний авторов классической эпохи.

²¹ См. Я. А. Лейцман. Послегомеровский эпос..., стр. 63 сл.

Ферекрат (V в.) говорит (Athen., VI, 263 b): «Ведь тогда не было ни у кого рабов, ни Манета, ни Секиды²², но женщины сами должны были исполнять все домашние работы». В другом месте (VI, 267 e) Афиней со ссылками на Кратина, Кратета и других представителей Древней комедии заявляет, что «в старое время» не пользовались рабами. Ту же мысль высказывал и Тимей (там же, 264 e; ср. все же 272 a—b): «У эллинов в древнее время не было принято пользоваться услугами купленных рабов». Афиней, рассказывая о продаже хисцев Митридатом в рабство, подчеркивает (VI, 266 e—f): «Таким образом, хисцев справедливо наказало божество за то, что они первые стали пользоваться покупными рабами (*ᾠρετοῖς ἀνδραπόδοις*)». Начало купного рабства на Хиосе вряд ли можно отнести ко времени до VII в.

Характер приведенных здесь высказываний древних авторов различен. Некоторых из них, в частности комедиографов, интересует не столько само явление, сколько ситуация, возникающая в мире, лишенном рабов. Зато другие писатели обращают внимание на относительно недавнее введение института рабства в Элладе и убедительно доказывают это отсутствием рабов у живших по старинке эллинов. Несомненно, рабовладение относительно медленно развивалось на протяжении первых трех веков I тысячелетия, а ускорение темпов его развития может быть отнесено лишь к VII—VI вв. до н. э.

Таким образом, и устойчивость античной традиции свидетельствует о невозможности существования крупных рабовладельческих хозяйств базилеев во время составления гомеровских поэм.

§ 3. О патриархальности гомеровского рабства

До сих пор мы пытались выделить разновременные напластования в свидетельствах «Одиссеи» о рабстве. Наши усилия привели лишь к частичным результатам. Такое положение вызвано, думается, не ошибочностью методики исследования, а самим характером эпического творчества, где новое и старое, реальное и воображаемое переплелись друг с другом в неразрывное целое. Еще и еще раз приходится напомнить, что поэт был далек от механического соединения «малых песен». Надо согласиться с Фшпили, отметившим, что величие Гомера, как это ни парадоксально звучит, наиболее ярко проявилось в мастерстве «сшивания» дошедшего до нас эпического наследия. Это заставляет обратить внимание на ряд таких явлений, которые невозможно отнести с полной уверенностью к одному из двух выделенных выше напластований.

---

²² Манет и Секида — имена рабов, встречающиеся в афинской комедии. Впоследствии стали нарицательными.

Наиболее важное и притом сложное из этих явлений — вопрос о характере гомеровского рабства, взятого как единое целое. «Гомеровское рабство» представляет собой одно из основных социально-экономических понятий в истории древнего мира. Рабство в древности принято подразделять на две основные разновидности: патриархальное, или домашнее, и античное. В качестве эталона для первой разновидности всегда принималось рабство гомеровское или библейское, между которыми без достаточных оснований ставился знак равенства. Такой подход характерен, в частности, и для концепции Уэстермана, который склонен придавать гомеровскому рабству особенно всеобъемлющее значение, считая его основные черты характерными для многих отсталых районов Элады вплоть до II в. до н. э.

Между тем ни ветхозаветное, ни гомеровское рабство не представляют собой чего-то единого и цельного. Даже если ограничиться только первыми двумя книгами Пятикнижия, то и в них описание рабства иудеев в Египте абсолютно не похоже на изображение быта рабов в семье Авраама. Здесь по сути дела две разные формы рабства. То же можно сказать и о гомеровском рабстве: оно выглядит единым лишь издали. При более близком рассмотрении это, казалось бы, типичнейшее примитивное рабство вдруг обретает черты, присущие, как правило, развитым рабовладельческим обществам, имеющим за собой длительное классовое прошлое. К этим чертам стоит присмотреться поближе.

Прежде всего, заслуживает внимания расслоение среди самих рабов. Рассматривая вопрос о численности рабов-мужчин в ойкосах базилеев, мы обратили уже внимание на существование группы старших рабов, которые иногда называются высокопарно *ἄρχαιοι ἀνδρῶν*, эпитетом, прилагаемым обычно к гомеровским базилеям. Рабы-мужчины в «Одиссее» достаточно четко подразделяются на две группы, среди которых первая играет роль начальников, а вторая — подчиненных.

Аналогичная, но несколько более сложная дифференциация имеет место и среди рабынь. Безымянной и безликой массе *δμοαὶ* (напомним, что этот термин встречается только во множ. числе) противостоят рабыни, приближенные к господам, пользующиеся их доверием и живущие их интересами. Из представительниц этой группы названы поименно: Евриклея, Евринома (XVII, 495; XVIII, 169; XIX, 96 сл.; XXIII, 293), Евримедуса (VII, 8), Акторида (XXIII, 228), Фило (IV, 133), Гипподамия и Автоноя (XVIII, 182). Кроме того, из общей массы выделяются некоторыми индивидуализированными чертами не названные по именам другие рабыни. К их числу можно отнести сикелийку Лаэрты, старуху-пряжу Елены из «Илиады», могольщицу зерна в доме Одиссея и некоторых других. Мы не говорим здесь о большом числе часто упоминаемых *δμοαὶ* в «Илиаде», как Брисеида, Хрисеида, Гекамеда и др. Последние, правда, являются рабынями, но рассматриваются

поэтом скорее как потенциальные, чем реальные рабыни, фактически — это временные, лагерные жены героев «Илиады»²³.

Взаимоотношения между старшими и рядовыми рабынями, насколько можно судить по скудным намекам, выглядят довольно натянутыми. Если ограничиться просмотром одних только тех мест, где «добрая старая няня» Телемаха говорит о других рабынях или обращается к ним, она предстанет перед нами в далеко не обычном освещении. Евриклея постоянно наущничает на других рабынь. В сцене узничания Одиссея она без какого-либо нажима, даже без вопроса с его стороны обещает перечислить рабынь, порочащих его доброе имя. Такая готовность смущает самого Одиссея, и он довольно резко отвечает: «Зачем ты о них рассказываешь? Тебе это не приличествует» (XIX, 500). На протяжении всей поэмы Евриклея ни разу не замолвит доброго слова за своих товарок, но постоянно погоняет их.

Функции Евриклеи в эпосе определяются словами *σχοτός* и *ταμίη*. Содержание первого из них не требует объяснений. Телемах в XXII, 396 говорит о ней, как о «σχοτός над рабынями в нашем доме». В данном контексте этому слову больше всего соответствует русское «надсмотрщица». Второй термин, как уже отмечалось, обозначает ключницу или домоправительницу. В эпосе он применяется, видимо, только к рабыням, состарившимся в господском доме как Евриклея или Евринома (*γρηῖς* — XVIII, 185). В отличие от других гомеровских терминов, вышедших из употребления в классическую пору, функции и название *ταμίη* сохранились и в дальнейшем. О них сообщает, например, Ксенофонт (Оес., IX, 11). В силу своего доверенного положения ключницы пользовались особыми правами; не следует распространять их привилегии на всю массу обычных рабынь. В частности, особыми, сугубо личными моментами объясняются нежные отношения между Телемахом и Евриклеей (I, 434 сл. и XV, 25). К числу таких доверенных рабынь принадлежали и *θαλαμηπόλοι*: Евримедуса и Евринома. Последняя, впрочем, чаще называется *ταμίη*. Наконец, к этой группе принадлежит и Акторида — единственная рабыня, знавшая тайну устройства ложа Одиссея.

Быт рядовых рабынь резко отличался от условий жизни лиц, приближенных к господам. Ведь обычные рабыни находились в подчинении не только у своих господ, но, что значительно хуже, и у надсмотрщиц. Тяжесть труда рабынь лучше всего видна в сцене помола зерна (XX, 105 сл.). У жерновов прилежно трудились двенадцать рабынь. Каждая из них имела свой определенный урок. Почти все спали после ночной работы; лишь одна продолжала из последних сил (*ἀφαιροτάτη*) молотить. Она молит Зевса, чтобы женихи, из-за которых она изнемогает от тяжелого труда (*οἱ δὲ μοι καμάτῳ θυμολαγρεῖ γούνατ' ἔλυσαν* — там же, 118), обедали.

²³ О них подробно пишут Микнат и Берингер.

ныне последний раз в их жизни. В данном случае гнев рабыни направлен против обидчиков Одиссея, и потому поэт с сочувствием описывает ее страдания. Вряд ли рабыня чувствовала себя лучше, если бы она выбивалась из сил не ради назойливых гостей, а ради своих хозяев. Следует все же отметить, что и в классическую эпоху работа на мельницах считалась одной из самых тяжелых. Рабов посылали туда в виде наказания²⁴.

Расслоение среди рабов и рабынь, наличие среди них привилегированной верхушки, враждебно относившейся к подчиненным, урочная система — все эти моменты трудно согласуются с принятой как в экономической, так и в исторической литературе схемой патриархального рабства. Эти черты встречаются в древности достаточно часто в развитых рабовладельческих обществах, но для рабства патриархального они звучат как анахронизм.

Все сказанное вовсе не означает, что в гомеровском рабстве отсутствуют черты патриархальности в том смысле, в каком принято понимать этот термин в литературе. Такие черты, разумеется, существуют, и о них речь пойдет несколько ниже. В данной связи важно было лишь подчеркнуть, что рабство в эпосе представляет собой значительно более сложную, многогранную и, главное, противоречивую картину, чем это выглядит в абстрактной схеме, резко противопоставляющей патриархальное рабство античному.

В чем конкретно проявляется патриархальная сторона гомеровского рабства. Обычно, отвечая на этот вопрос, указывают на три момента: 1) экономическая самостоятельность некоторых рабов; 2) отсутствие четких различий между рабами и свободными; 3) мягкое отношение к рабам и преданность последних их хозяевам.

В качестве единственного примера экономической самостоятельности рабов напрашивается все тот же «божественный свинопас». В самом деле, Евмей полностью самостоятелен экономически. Он располагает собственными (правда, неизвестно откуда взявшимися) средствами, которые позволили ему даже купить себе личного раба Месавлия без ведома Пенелопы и Лаэрта (XIV, 450 сл.). Он по собственному усмотрению распоряжается подчиненными ему пастухами и скотом. Единственная конкретно известная форма зависимости Евмея — это обязанность регулярно поставлять свиней на господский двор. Очевидно, в таком же положении, как Евмей, должны были находиться и другие старшие пастухи. Напомним еще раз, что Телемах считал невозможным немедленно испытать верность рабов-мужчин, так как последние находились в разных местах (*κατὰ σταδίου* — XVI, 318).

---

²⁴ Большое количество примеров из литературных источников собрано было в свое время М. С. Куторгой (указ. соч., т. 1, стр. 187—193).

Однако такой самостоятельностью могли пользоваться лишь старшие рабы, и только скотоводы. Участь рядовых пастухов несравнимо хуже, чем Евмея. Кстати сказать, и в классическую эпоху рабам-пастухам (например, сицилийским накануне рабских восстаний) всегда жилось лучше, чем их товарищам по классу. Отсутствие повседневного контроля и необходимость вооружать пастухов для охраны скота вынуждали рабовладельцев предоставлять таким рабам относительную самостоятельность. Следовательно, делать на основании свидетельств эпоса об Евмее какие-либо общие выводы о характере патриархального рабства было бы преждевременным.

Трудно сказать, заимствовано ли описание быта Евмея из реальной жизни. Рабы в древности всегда использовались в скотоводстве в несколько большей степени, чем в земледелии. Кроме намека на участие финикийцев в продаже Евмея в рабство, во всем его рассказе трудно найти какое-либо указание на события, датируемые, например, VIII в. до н. э. Сюжет рассказа о царском сыне, терпящем всяческие злоключения и попадающем в рабство, — типично фольклорный; ср. хотя бы судьбу тоже скотовода Иосифа из Книги Бытия. Положение Евмея в «Одиссее», насколько можно проследить, аналогично положению пастуха Таламаты из пилосской надписи Ae 108 и др. Все же рискованно утверждать, что образ Евмея несомненно восходит к реминисценциям микенского периода.

В отношении второго момента патриархальности — отсутствия четких различий между рабами и свободными — в эпосе заметна та же двойственность. С одной стороны, над побежденными всегда висит угроза порабощения (δοῦλιον ἦμαρ), что, между прочим, свидетельствует и об осознании глубочайшей пропасти между рабами и свободными и о понимании того, что высшим благом для человека является свобода. С другой стороны, свободные и рабы часто выполняют одни и те же работы. Госпожи прядут, ткнут и даже стирают белье совместно с рабынями; сыновья Нестора запрягают коней; в «Илиаде» соратники героев ἐταῖροι и φεράλοτες наряду с рабынями (IX, 658; XXIV, 643) стелют постели гостям.

Выше уже отмечалось, что в поздних песнях «Одиссеи» термин δμῶες теряет свой чисто рабский характер и приобретает иногда значение «домочадцы». Вот еще два примера. В XIX, 45 Одиссей заявляет Телемаху, что он останется, чтобы поволновать рабынь и Пенелопу (ἔφρα κ'ἔτι δμῶας καὶ μητέρα σὴν ἐρεθίζω)²⁵. Здесь рабыни и Пенелопа поставлены фактически на равный уровень. В другом месте Телемах предлагает одному из женихов

²⁵ К этому месту и, в частности, к пониманию глагола ἐρεθίζω см.: Ph. Wb. H a r s h. Penelope and Odysseus in *Odyssey*, XIX.— *AJPh*, LXXI (1950), № 1, стр. 9.

подарить что-нибудь переодетому еще странником Одиссею и заявляет (XVII, 401 сл.), что этим тот не обидит ни Пенелопу, ни кого-либо из домочадцев (*μή τις τιν' ἄλλον δμῶων*). Оба этих места свидетельствуют об отсутствии резкой грани между свободными и рабами в мире героев «Одиссеи».

В третьей главе отмечалось, что эпитеты *ἀμφίπολοι* мало чем отличаются от эпитетов свободных женщин и даже богинь, а в двух случаях такие определения, как *λευκώλενοι* (Od., XIX, 60) и *εὐπλόκαμοι* (II, XII, 449) употребляются даже в применении к *δμοσί*. К этим примерам можно еще добавить *δῖος* и *δία*, которые иногда применяются по отношению к Евмею и Евриклее. Правда, эти эпитеты далеко не всегда имеют значение «божественный»; в эпосе они прилагаются не только к богам, но и к морю, земле, рекам, ахейцам, пеласгам и т. д. Поэтому вряд ли правильно переводить эти термины в приложении, например, к Евмею напыщенным «богоравный». В данном случае более уместно «благородный» или даже просто «прекрасный». Но здесь в словоупотреблении подобных эпитетов действительно стирается различие между рабами и свободными. Все же и здесь надо учитывать, что в глазах поэта Евмей не обычный раб, а царский сын, волей рока попавший в рабство. К рядовым рабам и рабыням такие эпитеты не применяются.

Что касается третьего признака патриархальности, то мы можем наблюдать ту же двойственность. Совместная жизнь, примерно тот же круг исполняемых работ сами собой предопределили несколько более мягкое, чем в классическую эпоху, обращение господ. Тем не менее конкретных проявлений такого отношения мы находим в эпосе немного. К их числу, кроме замечания о том, что Лэарт уважал юную Евриклею наравне с супругой (*ἴσα... τίεν* — I, 432), можно присоединить, пожалуй, еще воспоминание Евмея о его совместном воспитании вместе с сестрой Одиссея Ктименой, причем жена Лэарта «лишь чуть-чуть меня меньше любила» (XV, 365), чем собственную дочь. Первое из указанных мест расценивается поэтом как нечто, выходящее из нормы и требующее специального пояснения. Воспоминания же Евмея, как мы увидим и в дальнейшем, выдержаны в столь слащавом тоне, что поэту изменило здесь присущее ему чувство меры. Евмей до такой степени «восхищен» Одиссеем, что опасается не встретить больше такого дружественного повелителя даже в случае возвращения на родину, к отцу и матери (XIV, 138 сл.). Это совершенно не согласуется со всем миром чувств гомеровских героев, ценивших свободу как величайшее благо.

Несколько более реалистичны сообщения, относящиеся к Меланто, которая представляет собой как бы антипод Евриклеи. Она отличается молодостью и красотой (*καλλιπάρηρος* — XVIII, 321). По словам поэта, Пенелопа хорошо относилась к Меланто, когда та была еще девочкой, дарила ей игрушки (там же, 323).

Затем Меланто полюбила одного из «многобуйных» женихов, Евримаха. Ее конфликт с Одиссеем начинается с того, что последний, еще под видом странника, отправляет вечером рабынь из мегарона к Пенелопе. Возмущенная вмешательством постороннего человека, Меланто предлагает ему самому пойти ночевать куда-нибудь в кузницу. Одиссей добивается своего лишь при помощи угрозы пожаловаться Телемаху, который «на месте изрубит ее на куски» (там же, 339). Второе столкновение Одиссея с Меланто происходит в покоях Пенелопы, куда он был приглашен (XIX, 65 сл.). Она язвительно замечает, что ему нечего волочиться за женщинами по ночам. Тогда Пенелопа обращается к рабыне (*ἀμφίπολος* — там же, 90) со словами «нахалка, наглая сука (*θαλασλήη, κόρον ἀδέεος*)», и напоминает, что Меланто знала о приглашении сюда странника самой хозяйкой. В конце концов, Меланто постигает та же участь, что других неверных рабынь.

С точки зрения гомеровской морали вина Меланто состоит в следующем: во-первых, — и это главное, — она осмелилась полюбить врага своей госпожи; во-вторых, своим выпадом против Одиссея она в какой-то мере осудила распоряжение Пенелопы. Поэт не приводит ни одного случая, когда бы Меланто слушалась Пенелопы или даже Евриклеи. Подобный поступок, очевидно, кажется ему вообще невозможным. Таким образом, осуждение Меланто основано на мнении, что рабыня, притом доморожденная, является не человеческим существом со свойственными всем людям желаниями, а объектом собственности, лишенным малейших прав на какую бы то ни было самостоятельность.

В литературе жестокость героя поэмы обычно оправдывают ссылкой на то, что Одиссей не мягче поступил и с женихами. Вряд ли эта аналогия вполне оправдана. Женихи стоят на той же ступени социальной лестницы, что сам Одиссей. Они даже включены в число лиц, называемых *басилеями* (I, 394), и потому представляют для него вполне реальную угрозу. Борьба с сотней социально равноценных противников — действительно один из наиболее героических подвигов героя. Одиссей побеждает их в тяжком бою. Все эти соображения не играют никакой роли в отношении к рабыням и Мелантию; недаром расправа над ними производится руками не самого Одиссея, а его подчиненных; личное вмешательство в данном случае могло бы только унижить героя поэмы. Такой образ мышления предполагает глубоко укorenившееся презрение к рабам.

Что касается самого акта расправы, то и здесь явно ощущается отношение к рабам как к объекту собственности, которой владелец может распоряжаться по своему усмотрению. То, что эта собственность в данном случае состоит из людей, не имеет значения. Между тем даже в классическую пору право рабовладельца на жизнь раба все же подвергалось некоторым существенным ограничениям.

Свидетельства «Одиссеи» о рабах весьма интересны и тем, что в них отчетливо прослеживаются зародыши идеологии рабов. На первый взгляд это могло бы казаться невозможным. Ведь герои эпоса действуют в условиях первобытнообщинного строя, когда отсутствуют не только государственный аппарат, но и классовое деление общества. Как же в условиях отсутствия класса рабов можно говорить о зарождении идеологии рабов? Наличие последней, казалось бы, логически предполагает существование класса не только в себе, но и для себя. И все-таки, благодаря то ли наблюдательности поэта, то ли гениальному проникновению во внутренний мир своих героев, автор поэмы кое-где вполне отчетливо указывает на существование элементов такой идеологии. Притом в отличие от отмеченных выше многих анахронизмов мысли и чувства рабов описаны поэтом в полном согласии с исторической реальностью.

В качестве основного, так сказать, идеолога рабов, как определенной социальной прослойки, естественно, выступает Евмей. Он изображен вообще как человек, склонный к отвлеченным рассуждениям и обобщениям; поэтому ему приписывается ряд общих замечаний о рабах как таковых. Трудно сказать, делал ли поэт это сознательно. Однако тот факт, что высказывания о рабах вложены в уста раба же, позволяет предполагать сознательное стремление автора поэмы описать думы рабов, так сказать, изнутри, а не извне. Это значительно увеличивает ценность такого рода высказываний.

Уже при первой встрече с Одиссеем Евмей замечает (XIV, 57 сл.): «Все чужеземцы и нищие — от Зевса. Наше даяние им, хоть и мало, но мило. Ибо таков долг рабов (ἡ γὰρ δμῶων δίκη), всегда беспокоящихся, когда властвуют молодые хозяева». Таким образом, сердечный прием путника, казалось бы, не требующий никакой особой мотивировки, вырастает в устах Евмея в священный долг (δίκη) рабов, болезненно переживающих отсутствие своих старых хозяев. В представлении поэта сознательность раба заключается прежде всего в том, чтобы заботиться о своих господах еще больше, чем свободные члены семьи. Сплетение двух диаметрально противоположных начал: осознание себя рабами в качестве особой социальной группы и безграничная преданность господину — характерная черта облика Евмея в поэме.

Угощая Одиссея поросенком, Евмей замечает (там же, 80 сл.): «Чужестранец, отдавай теперь поросятины, пищи рабов» (τὰ τὲ δμῶεσσιν πῆρεστ:). В отличие от жирной свинины, предназначенной для женихов, мясо поросят питались, согласно «Одиссее», рабы. Несомненно, это не было обычной пищей рабов в античную пору. Невольно создается впечатление, что поэт во что бы то ни стало приписывает Евмею стремление максимально разграничить и даже противопоставить быт рабов образу жизни господ.

В следующей песни Евмей вновь высказывает общие соображения о рабах (XV, 376 сл.): «А рабы очень любят поговорить с самой госпожой и узнать обо всем, с ней поесть и попить, а потом унести какую-нибудь мелочь в поле; все это радует душу рабов (ἑρῶν ἀεὶ διόβασιν ἰαίνει)». Приведенный текст похож на совет, как рабовладельцам надлежит обращаться с преданными им рабами. Однако, учитывая сказанное об Евмее, здесь позволительно видеть и иное — а именно выражение желаний рабов как определенной социальной группы, требующей к себе человеческого отношения.

После всего сказанного не вызывает удивления, что и знаменитое изречение о нерадивости рабов (XVII, 320 сл.) также приписывается Евмею. В устах раба особенно интересно звучит упрек в том, что они не желают выполнять свои повинности (ἐναίσχμα ἐργάζεσθαι) без понуждения. Здесь же впервые, еще до Гесиода, высказывается мысль, что доблесть человека заключена в труде.

Евмей выступает в качестве представителя рабов и перед женихами. В частности, он порицает Антиноя (там же, 388 сл.) за то, что тот хуже прочих женихов относился к рабам Одиссея²⁶.

Ценность всех указанных свидетельств состоит прежде всего в том, что в них впервые рабы представлены, так сказать, изнутри и что здесь показан процесс становления их как социальной группы с едиными, пусть даже неправильно понятыми, своими интересами и стремлениями. Особенно интересно отметить, как зарождается пассивный протест против тяжести бытия рабов и как выдвигаются первые их требования к представителям знати. От поэмы типа «Одиссеи» мы не вправе ожидать большего.

В исторической и особенно в юридической литературе не раз отмечалось, что гомеровский мир не знал еще института вольноотпущенничества. Евмей (XIV, 62 сл.) представляет себе в качестве высшей награды за долголетнее рабство не отпуск на волю, а получение от господина «дома, клера и красивой жены (οἶκόν τε κλῆρὸν τε εὐμορφὸν τε γυναῖκα)». Примерно то же обещает Одиссей в XXI, 214 сл. Евмею и Филойтию после победы над женихами. Правда, он добавляет к этому обещанию еще и то, что они станут товарищами и сородичами (ἐτάρω τε κασιγνήτω τε) Телемаха. Однако он не обещает им свободу. Очевидно, с точки зрения поэта то, что обещал Одиссей, представляло собой значительно большую ценность, чем во многом иллюзорная в те времена свобода для раба, лишённого кровнородственных связей, на которые он мог бы в случае нужды опереться. При отсутствии твердо установленных юридических норм отпуск на волю мог,

²⁶ Аналогичное представление о рабах Одиссея, взятых как нечто единое, ощущается также в обращении Телемаха к тому же Антиною (там же, 402; ср. XX, 296 сл.).

очевидно, происходить только в той форме, о которой мечтает Евмей и какую обещает ему Одиссей.

Если во многих связанных с рабством местах «Одиссеи» мы вынуждены были отметить двойственность, а иногда и противоречивость изложения, восходящую, в конце концов, к тому, что гомеровский эпос не отражает какой-то одной определенной исторической реальности, то в отношении элементов идеологии рабов и отпуска их на волю можно признать адекватность описаний в поэмах конкретно-исторической обстановке VIII в. до н. э. Здесь поэт, по-видимому, был меньше связан традицией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В первой части этой книги мы стремились проследить эволюцию взглядов на древнегреческое рабство в историографии от Юма до наших дней. При таком диапазоне во времени, несмотря на неизбежные лакуны и необходимость останавливаться лишь на общих концепциях отдельных ученых, более выпукло выступают основные тенденции развития историографии и смена господствующих в ней направлений. Как легко мог убедиться читатель, вплоть до конца прошлого века все без исключения ученые считали рабство наиболее характерной чертой социальной структуры античных обществ. Ни в многочисленности рабов, ни в их тяжелой участи эти исследователи не сомневались. Классовый рабовладельческий характер античных обществ был для них очевиден. Наиболее характерным выразителем этих господствовавших в прошлом веке взглядов на античное рабство был Валлон.

Два доклада Эд. Мейера ознаменовали появление новой концепции, которой суждено было господствовать в буржуазной историографии на протяжении полувека. В плане оценки рабства эта концепция нашла законченную форму в трудах Уэстермана. Ее приверженцы полагали, что рабство достигало значительных размеров лишь в немногих обществах древности, притом только на краткие отрезки времени. Эти ученые стремились преуменьшить разрыв между рабами и свободными, идеализировали положение рабов и без оснований заявляли, что условия быта малочисленных привилегированных демосиев относятся ко всему классу рабов. Отсюда неизбежно следовало отрицание основного классового антагонизма древности. Концепция рабства в трактовке Мейера — Уэстермана рисовала классическую древность как общества, не знавшие классовых антагонизмов, как оазисы идиллических взаимоотношений между рабами и рабовладельцами. Если взгляды Валлона и его современников в общем характерны для историографии периода восходящего капитализма, то концепции последующих ученых тесно связаны с идеологическими тенденциями времени империализма.

В послевоенные годы возникли и усиливаются новые тенденции в западной историографии. Впервые появилась группа марк-

системных исследователей античности. В критических рецензиях на последнюю книгу Уэстермана, в трудах майнцской серии и в исследованиях Финли заметна резкая реакция против почти безраздельно господствовавшей в буржуазной историографии системы взглядов на рабство. Причины такой реакции различны. Концепция Уэстермана, отбрасывающая ряд неопровержимых свидетельств античных авторов как «сентиментальные» и явно неправильно толкующая многие другие источники, не могла не встретить возражений некоторых ученых, даже близких Уэстерману по своему мировоззрению. Возражения инициатора майнцской серии Фогта были вызваны тем, что в современной западной литературе отсутствовал какой-либо интерес к рабству, игравшему столь существенную роль в классической древности. Наконец, и прогрессивные ученые капиталистических стран, естественно, не склонны игнорировать рабовладельческий характер античной культуры и преуменьшать классовые противоречия в обществах древнего мира.

В советской историографии полностью признается рабовладельческий характер античных обществ, наличие классового антагонизма между рабами и рабовладельцами и подчеркивается значение борьбы рабов. К сожалению, в нашей науке до сих пор не предпринималось основательного монографического исследования проблемы античного рабства. В этом отношении наши античники во многом отстали от востоковедов. Несмотря на обилие фактического материала и наличие серьезных работ по частным вопросам, у нас все еще нет систематического изложения истории античного рабства.

Центральная тема второй части данной книги — рабство в Пилосе. Надписи не только подтверждают классовый характер пилосского общества, но и показывают, каким образом многочисленные рабы использовались в различных отраслях производства.

Пилосская разновидность рабства характеризуется следующими чертами. Основная масса рабов состояла из женщин, организованных в отряды, составлявшие, по-видимому, по признаку выполняемой работы, и находилась вместе с детьми на довольствии у дворца. Подросшие сыновья рабынь сгруппированы в особые отряды. Рабыни и их сыновья распределены по нескольким местностям пилосского государства. Кроме того, некоторое число рабов находилось во владении частных лиц: знатных людей, жрецов и ремесленников. Наличие прослойки «божьих рабов», арендовавших землю наравне со свободной беднотой, и смешанные браки свидетельствуют о существовании в Пилосе промежуточных групп между рабами и свободными.

Заговоривший благодаря расшифровке надписей эллинский мир II тысячелетия до н. э. имеет много черт, роднящих его с привычным миром гомеровских героев. Однако наряду с этими чертами, подтверждающими правильность расшифровки Вентриса,

исследователь сразу же наталкивается на явления, которые не находят параллелей в эпосе.

Общественные отношения Пилоса не представляли собой чего-то исключительного для того времени. Единство материальной культуры микенского мира несколько меньше, а, пожалуй, даже больше, чем культуры времени геометрического стиля. Все микенские дворцы были резиденциями ахейских правителей и центрами управления своей округи. Все они, очевидно, обслуживались однотипно организованной рабочей силой. Различия здесь в количестве, а не в качестве.

Отличительным признаком микенской культуры были дворцы и административно-экономические комплексы — дворцовые хозяйства. Такое название не только наиболее четко отражает специфику этих обществ, но и отграничивает их от последующих греческих и от более или менее современных им теократических обществ Востока. Во всей последующей истории Эллады не найти ничего подобного дворцовым хозяйствам микенского времени, их организации, отчетности, письменности. Эти хозяйства столь же чужды экономике полисов классического времени, как линейная письменность далека от алфавитного письма.

Разумеется, связи между микенским и гомеровским обществом не ограничиваются только языком и именами нескольких богов, как полагает Финли. Микенская культура передала последующим поколениям немало достижений в технике производства. Разрыв произошел из-за исчезновения дворцов и всей связанной с ними культуры. Этим — и только этим — был обусловлен возврат от раннеклассового к первобытнообщинному строю на рубеже II и I тысячелетий в Пелопоннесе. Признание этого важнейшего факта заставляет с величайшей осторожностью относиться к любым попыткам толковать социальные институты Пилоса, исходя из аналогий с более поздними греческими обществами, да к тому же не только архаического, но и классического времени. Такой метод вполне применим к языковым явлениям, где изменения медленны. Иное дело общественные учреждения, относящиеся к различным социальным структурам с интервалом от пятисот до тысячи лет. Выводы «по аналогии» вызывают тем большую настороженность, что некоторые ученые пытаются объяснить особенности общественного устройства пилосского государства чуть ли не имманентными качествами индоевропейской расы (Палмер).

В противовес сопоставлениям с классическими полисами значительно более плодотворно сравнение микенских дворцовых хозяйств с ближневосточными царскими и храмовыми хозяйствами. И в одних, и в других письменность использовалась главным образом для нужд административного учета, сконцентрированного во дворцах. Рабочая сила последних состояла из организованных по отрядам рабынь и рабов. Дворцы располагали значительным числом ремесленников, работавших на принадлежавшем дворцам

сырье. Разумеется, экономика Пилоса не базировалась на искусственном орошении; однако ведь и в Угарите, Алалахе и других переднеазиатских царствах ирригация не играла такой роли, как в Двуречье или Египте. И тем не менее там повсюду существовали крупные царские хозяйства. Микенские дворцы были меньше ближневосточных, да и ахейские царьки обладали меньшей властью, чем их восточные собратья. Однако экономический строй всех классовых обществ Восточного Средиземноморья II тысячелетия был однотипным. При дальнейшем изучении линейной письменности, несомненно, удастся установить конкретные особенности микенских дворцовых хозяйств, однако это — особенности внутри однотипных хозяйственных организмов.

Итак, рабовладельческие общества того времени во многом характеризовались более или менее одинаковой социально-экономической структурой, чуждой обществам античного мира. Особенности этой структуры — преобладание дворцовых, царских или храмовых экономических комплексов — объяснимы, на наш взгляд, лишь одним: они выросли непосредственно из общинно-родовых хозяйств. Очевидно, при достигнутом тогда уровне экономического развития раннерабовладельческие отношения просто не могли формироваться на базе частной собственности, условия для распространения которой возникли только с использованием в производстве железа.

Хотя существование в Пилосе дворцового хозяйства, обслуживаемого отрядами рабынь и рабов, нисколько не противоречит комплексам памятников Микен и других ахейских дворцов, тем не менее оно оказалось неожиданностью для некоторых эллинистов. Им казалось невозможным, чтобы крупные рабовладельческие хозяйства могли существовать в столь далекие от классической поры времена. Поэтому предпринимались попытки по-иному интерпретировать данные пилосского архива. В отрядах, упомянутых в табличках групп Aa, Ab и Ad, хотели видеть либо группы беженок из занятых врагами районов пилосского царства (Трич), либо отряды частновладельческих рабынь, неизвестно почему учитывавшиеся государственной администрацией (Лурье). Такая интерпретация, стремящаяся втиснуть свидетельства пилосских текстов в рамки привычных представлений о раннегреческой истории, ведет к недооценке катастрофы, постигшей микенский мир во время переселения дорян.

Проблема перехода от микенской к гомеровской культуре принадлежит к числу важнейших в истории Греции. В марксистской литературе общепринято положение о классовом характере микенских обществ и в то же время считается установленным, что в начале I тысячелетия греки жили в условиях родового строя. Отсюда неизбежно следует вывод, что на переломе II и I тысячелетий Эллада сделала шаг назад, проявившийся в возврате к первобытнообщинному строю. Однако методологически важный

вопрос о конкретно-исторических формах этого регресса вплоть до самого последнего времени (за исключением статьи Папазоглу) не ставился в литературе.

Самый факт регресса неоспорим. Погибли дворцы, опыт зодчества был утрачен, исчезло художественное ремесло, прекратились связи с внешним миром, была забыта письменность. Чуть ли не мгновенно и почти без следа исчезли все те элементы микенской культуры, которые позволяли характеризовать ахейские общества как классовые. Катастрофа, постигшая микенские общества, несмотря на меньшие размеры, вполне сопоставима с падением античной культуры после Великого переселения народов. И здесь, и там ростки нового, прогрессивного сначала лишь медленно пробивали себе путь среди осколков старого мира.

Возможность и, думается, причина регресса лежала в узости социальной базы микенских обществ. Дворцы были лишь небольшими островками в море родовых поселений. Классовые отношения формировались только в непосредственной дворцовой округе. Именно это предопределило быстрый разгром верхушечной культуры при сохранении техники производства и условий быта рядового населения. Иными словами, гомеровское общество унаследовало не микенскую культуру в целом, а культуру рядового населения микенского времени. Только здесь наблюдается преемственность и в экономике, и в социальном строе.

Весьма характерно, что регресс имел место даже в тех греческих обществах, которые либо не испытали нашествия дорян, либо отразили его (Кипр и Аттика). Эти районы находились на периферии микенского мира, в них слабее чувствовалось воздействие ее центров. После падения последних ахейская культура на периферии постепенно хирела, а условия жизни в Аттике и на Кипре все более уподоблялись условиям жизни других эллинских племен. Различия заметны главным образом в постепенности и длительности процесса. Ни на Кипре, ни в Аттике не было насильственной ломки старого и сохранились кое-какие элементы старой техники. Благодаря этому, между прочим, сохранилась и видоизмененная слоговая письменность на Кипре.

Гибель дворцовой культуры, естественно, повлекла за собой исчезновение прежних рабовладельческих отношений. Новые формы рабства в I тысячелетии зародились на иной основе, а развитие рабства пошло по новому пути.

Гомеровский период (XI — первая половина VIII в.) долго был самым темным периодом истории Эллады, и в этом (но только в этом) смысле он заслуживал названия Dark Age. Если микенский период был хорошо известен благодаря обилию археологических памятников, а время колонизации и становления полисов относительно неплохо документировано и археологическими памятниками, и письменной традицией, то единственным источником сведений о всем гомеровском периоде долгое время остава-

лись лишь «Илиада» и «Одиссея», да еще крохи устной традиции, записанной многими веками позже событий, о которых шла речь. Казалось бы, что отсутствие других источников с избытком покрывается гомеровским эпосом. Однако такое впечатление было бы ошибочным. Что касается социально-экономических отношений, даже теперь иногда не вполне ясно, что из эпоса относить к микенскому, а что к гомеровскому периодам. Положение значительно улучшилось лишь с 30-х годов благодаря главным образом систематическим раскопкам афинского Керамика.

Керамик впервые дал непрерывный и притом достаточно обильный материал для всех веков гомеровского периода, что позволило включить в единые рамки имевшиеся уже разрозненные и скудные археологические памятники. На базе памятников Керамика в гомеровском периоде намечаются два достаточно четких субпериода. Первый (до конца X в.) отличается минимальным имущественным расслоением и отсутствием связей часто даже с соседними эллинскими общинами. Для второго (до середины VIII в.) показательно ускорение темпов экономического развития, подъем ремесленного производства, усиление внутриэллинских связей и первые контакты со странами Востока. На этом фоне прогрессирует имущественное и социальное расслоение, усиливается родовая знать. На рубеже двух субпериодов Афины — ведущий центр гончарного производства не только материковой, но и островной Греции.

Аналогичны судьбы эллинских поселений на Кипре. И здесь вначале наступил упадок, несмотря на отсутствие вторжений дорян. Благодаря финикийской колонизации на Кипре быстрее, чем в Афинах, возобновляются связи с Востоком. По-видимому, на Кипре возникла в IX в. греческая алфавитная письменность. В кипрских эллинских обществах долгое время сохранялся институт относительно сильной царской власти.

Если отвлечься от до сих пор слабо изученных эллинских поселений на западном побережье Малой Азии, имеющиеся ныне археологические памятники из различных районов эллинского мира позволяют сделать вывод, что вплоть до рубежа IX и VIII вв. ни одна греческая община не опередила в своем экономическом развитии ни Аттику, ни тем более Кипр. Этот вывод имеет большое значение для суждения о развитии рабства в это время.

На Кипре и в Афинах больше, чем в других греческих центрах, сохранились микенские традиции. Тем показательнее, что и здесь был полностью утрачен опыт микенского зодчества. Для всего гомеровского периода нигде в Элладе не обнаружено следов крупных построек. Начало нового храмового строительства датируется концом IX в., а первые образцы новой архитектуры выглядят невзрачными в сравнении с микенскими постройками. Длительные поиски археологических прообразов дворцов гомеровских басилеев неизменно ведут в микенское время. Из всех

известных науке строительных объектов древней Греции плану дома Одиссея ближе всего соответствует план тиринфского и пилосского дворцов.

Археологические данные из слоев XI—VIII вв. не подтверждают свидетельств «Одиссеи» об ойкосах басилеев. Согласно поэту, у Одиссея было довольно крупное хозяйство, использовавшее труд десятков рабынь и рабов, располагавшее многими жилыми помещениями, обладавшее десятками стад, способное прокормить не менее двухсот человек. В трудах не только экономистов, но и историков эти ойкосы трактуются как конкретно-исторические реальности, даже как отправной пункт экономической эволюции античности.

Бюхеровская концепция развития народного хозяйства неоднократно критиковалась за выбор критерия периодизации и за недооценку роли товарных отношений в древности. Однако до сих пор не высказывались сомнения в правильности отправного пункта бюхеровской схемы — крупных царских хозяйств, относимых к гомеровскому периоду. Между тем соответствующий археологический материал не дает и намека на их реальное существование в Греции I тысячелетия.

Вплоть до накопления археологических памятников из районов Ионии и Эолиды нельзя окончательно решить, существовал ли реальный прототип хозяйства Одиссея в первой четверти I тысячелетия, но и теперь уже не подлежит сомнению, что царские хозяйства не были повсеместным явлением в Элладе; следовательно, нельзя в них усматривать отправной пункт дальнейшего развития. Их отдаленным историческим прообразом могли быть только дворцовые хозяйства микенского времени, являвшиеся последним звеном эволюции, прерванной в конце II тысячелетия. Дальнейшее развитие отправлялось не от дворцовых хозяйств, но от уцелевших от разгрома поселений рядового населения.

Убежденность в реальности начального пункта бюхеровской схемы основывалась на предположении, что поэт лично наблюдал такого рода царские хозяйства. Такой вывод не необходим. Штрихи окружающей поэта действительности вкраплены в рассказ, ядро которого относится к далекой старине. Датировать ли оформление поэм концом IX или серединой VII в., — в этих границах ныне колеблются датировки ученых, — все равно мир героев эпоса далек от современной поэту действительности. Автор (или авторы) поэм стремился воссоздать не окружающую среду, а героическое прошлое, хотя окружающая среда и влияла на его (или их) представление о прошлом. Однако описание хозяйства Одиссея, взятого как целое, и тесно с ним связанный рассказ о женихах Пенелопы — одна из центральных тем поэмы; их невозможно считать всего лишь штрихом современной поэту действительности. О том, что нельзя считать ойкос Одиссея реальностью

гомеровского времени, свидетельствует также бесследное исчезновение таких ойкосов во всей последующей греческой истории.

Выдвинутое положение, разумеется, не отрицает самого института царской власти в Греции начала I тысячелетия. Он надежно засвидетельствован традицией, и ему не противоречит археологический материал. Однако ни по структуре, ни по размерам хозяйства царьков раннегреческих общин не могли быть подобны ойкосу Одиссея: и масштаб, и весь уклад реально существовавших в то время царских хозяйств походили скорее на дом Нестора из III песни «Одиссея».

Автор этих строк лет десять назад обратил внимание на то, что применение труда рабов в «Одиссее» значительно превосходит все то, что нам известно о последующем рабстве в ранней Греции. У Гесиода *δαμῶες* скорее домочадцы, чем подлинные рабы. В приписываемых Гомеру гимнах и эпиграммах, во фрагментах Гесиода и у лириков лишь изредка речь идет о рабах, притом контексты не свидетельствуют о широком распространении рабства. Только у Солона вновь говорится весомо о рабстве. Это нельзя считать делом случая.

К тому же и традиция упорно настаивает на относительно позднем возникновении рабства в Элладе. Это относится ко всей подборке свидетельств у Афиней (в частности, о покупном рабстве на Хиосе), к сообщению Геродота, что афиняне и прочие эллины долго не имели рабов, и т. д. С точки зрения традиции все эти свидетельства относятся ко времени после Троянской войны, следовательно, после времени действия «Одиссея». Разрыв между «рабской» терминологией эпоса и терминами классического времени равным образом свидетельствует о достаточно значительном интервале во времени между ними. Приурочивая хозяйства гомеровских басилеев ко времени жизни поэта, мы вынуждены были бы признать еще один разрыв в развитии рабства и под конец гомеровского периода. Для этого нет достаточных оснований. Рабство, почти полностью исчезнувшее вместе с падением дворцовых хозяйств, стало возникать заново и медленно, но непрерывно развивалось с начала I тысячелетия вплоть до классического времени.

Некоторые данные для разграничения свидетельств эпоса о рабах на ранние и поздние могут быть получены из терминологического анализа. Все «рабские» термины эпоса четко подразделяются на две группы: на специфически эпические (*δαμῶς*, *δαμῶή*, *δαμῖππος*), которые фактически исчезают в последующей литературе, и на термины, принятые и в классическую пору. Термины первой группы встречаются десятки раз каждый, прочие — лишь в единичных случаях. Слова второй группы позволяют искать в их контекстах штрихи современной поэту жизни. Все же терминологических критериев недостаточно для выделения относительно поздних свидетельств о рабах. Встречающееся один раз *δοῦλο*

σούη (Od., XXII, 423) находится в контексте, где речь идет о δμῶσι.

Более надежен анализ застывших традиционных контекстов тех или иных терминов. Очевидно, «рабские» термины, входящие в состав эпических повторений, принадлежат к более ранним слоям поэм и, наоборот, необычное словоупотребление свидетельствует о принадлежности к поздним слоям. Если из трех с половиной десятков случаев термин δμῶς всего лишь дважды встречается в единственном и два раза в двойственном числе, это, естественно, заставляет задуматься, не отражает ли такое необычное словоупотребление какого-нибудь нового явления, восходящего не к песенному наследию, а к самому поэту.

Кроме терминологических критериев напрашиваются некоторые другие. Естественно ожидать, что поздние свидетельства о рабах находятся в самых молодых частях «Одиссеи». Такими, по общему мнению, являются XXIV песнь и часть Νέκυια. Случайные замечания, а иногда и общие суждения о рабстве, не будучи непосредственно связаны со всем ходом эпического повествования, скорее могут выражать личный опыт поэта. Обильные сообщения о финикийской и тафийской работорговле не могут относиться ко времени талассократии Микен. В этих сообщениях отражено реально существовавшее положение кануна, возможно начала Великой колонизации.

Некоторые из перечисленных здесь критериев субъективны, поэтому необходима сугубая осторожность в их применении. К счастью, в сомнительных случаях они часто совпадают; так δμῶς в единственном числе связан с хозяйством Лаэрта, описание которого относится к явно поздним частям «Одиссеи».

Данные о рабстве по более поздним слоям эпоса сводятся примерно к следующему. Рабство достигло уже определенного уровня развития; труд рабов использовался в таких хозяйствах, как у Лаэрта. Количество рабов считалось важнейшим признаком богатства. Поставляли их главным образом чужеземцы. Работорговля была тесно связана с пиратством. Внутренние источники рабства (доморожденное и продажа детей родителями) играли незначительную роль. Отношения между рабовладельцами и рабами характеризовались патриархальностью нравов. Господа не гнушались выполнять работы рабов. В некоторых местах поэмы словоупотребление δμῶς ближе к геснодовскому. Поэт резко отрицательно относился к порабощению свободных; потеря свободы — величайшее несчастье, которое боги посылают человеку.

Основная масса упоминаний о рабах связана с ойкосами ба-силеев. «Рабские» термины встречаются в 11 песнях «Одиссеи» от одного до трех раз, зато в семи песнях — по девять и больше раз. В последних о рабах речь идет всякий раз в связи с царскими хозяйствами, пышность и богатство которых неизменно связывается с обилием рабов.

В «Одиссее» говорится более или менее подробно о четырех царских хозяйствах (Одиссея, Алкиноя, Менелая и Нестора). Два описания явно нереалистичны. Приведя Телемаха в Спарту, поэт не щадит красок, чтобы как можно ярче изобразить роскошь, окружающую Менелая, противопоставляя ее скромному быту пилосского патриарха. Богатство Менелая столь необычно для Эллады того времени, что поэт объясняет его исключительной удачей в далеких морских путешествиях. Тот же прием применен в описании дворца в Схерии. Роскошь дворца Алкиноя, которая должна поразить даже многоопытного Одиссея, поэт изображает в таких преувеличенно ярких красках, что рисуемая им картина лишена каких-либо черт реальности. Лишь в описании домов Одиссея и Нестора можно, думается, найти отражение исторической действительности, либо наблюдавшейся самим поэтом, либо почерпнутой из песенного наследия.

В «Одиссее» хозяйствам Алкиноя и Одиссея приписывается по 50 рабынь. Самый характер описания дворца Алкиноя заставляет полагать, что это число не могло соответствовать реальным условиям гомеровского времени. Зато в применении к хозяйству Одиссея число 50 рабынь вполне соответствует всему укладу жизни этого дома, как он описан в поэме. Примерно тако: о количества требовало число обслуживаемых этим хозяйством лиц, а также объем выполняемых рабынями работ. По-видимому, численность рабов Одиссеева дома соответствовала представлениям поэта о микенских дворцах.

В противовес трем остальным хозяйствам Нестора — и это подчеркнуто поэтом — обходится без рабов; даже омовение Телемаха — дело не рабыни, а дочери пилосского старца. Все обязанности рабынь в Пилосе исполняются свободными. Если описание дома Нестора и выдержано в архаизирующих тонах, то все же оно кажется значительно более близким реальной действительности, чем изображения ойкоса Одиссея.

В самом деле, крупное царское хозяйство, согласно эпосу, обладает чуть ли не сотней рабынь и рабов. Рабский труд широко используется не только в службе по дому, но и в одной из основных отраслей хозяйства — скотоводстве. Рабыни заняты не только обслуживанием хозяев и гостей, но и изготовлением одежды и помолом зерна. Рабы стерегут многочисленные стада. Существует целая прослойка старших, приближенных к господам рабов и рабынь (ключницы, старшие пастухи и др.). Самостоятельность их довольно велика: Евмей покупает собственного раба. В то же время практически отсутствует отпуск на волю. Согласно «Одиссее», идеал раба — это клочок земли и собственная семья.

В качестве основного источника рабства в «Одиссее» и особенно в «Илиаде» выдвигается война и пиратские набеги. Этот источник мог играть серьезную роль во время преобладания Микен, особенно при таких событиях, как Троянская война. В начале

гомеровского периода в условиях изоляции эллинского мира этот источник несомненно иссяк. Пограничные конфликты могли его заметить лишь в самой незначительной степени. Нет основания постулировать большое количество иноплеменных рабов в Элладе до начала колонизации.

Сообщения эпоса об организации царских хозяйств во многом отличаются от данных пилооского архива. Ойкосы гомеровских басидеев во много раз меньше, чем микенские дворцы. Рабы насчитываются в них не сотнями, а десятками. Нет характерного для Пилоса деления на рабочие отряды. Отсутствует письменность. Очевидно, в народной памяти сохранился лишь самый факт существования микенских царских хозяйств и туманные воспоминания о широком применении труда рабов.

Гомеровское рабство принято считать эталоном патриархального рабства. В действительности оно представляет собой весьма сложное историческое явление, в котором плотно сплелись реальные элементы нового со смутными реминисценциями о далеком историческом прошлом. Его невозможно считать типичным образцом патриархального рабства, характерным для обществ, находящихся на стадии разложения первобытнообщинного строя, так как в поэмах Гомера смешаны разновременные элементы: одни из них должны быть отнесены к раннеклассовому, другие к доклассовому обществу. Лишь последовательное разграничение этих элементов сможет создать надежную основу для характеристики реально существовавшего рабства в Греции IX—VIII вв. до н. э.

ПРИЛОЖЕНИЯ

УКАЗАТЕЛИ*

I. СВИДЕТЕЛЬСТВА О РАБАХ В ИСТОЧНИКАХ

Пилосские надписи**

А. ТЕРМИНЫ

do-e-ra
te-o-jo **Eb** 347, 1; 416, 1; 464, 1;
498, 1; 858, 1; 866, 2; 886, 1; 900, 1;
905, 1; **Ec** 411, p; **En** 74, 4, 8, 13,
18, 22, 24; 609, 6, 8, 17; 659, 5; **Ео** 160,
2, 4; 173, 2; 211, 3, 5; 224, 7; 247, 3, 4;
276, 3, 5, 7; 444, 4, 6; **Ep** 212, 1, 4, 5, 6,
9; 539, 1, 2, 4, 5, 6; 617, 12, 15, 16, 17;
704, 2; 705, 1, 6, 10
проч. **Ае** 303; **Ан** 607, 3, 5, 6, 7;
En 609, 16; **Ео** 224, 6
сомнит. **Ае** 110; **Eb** 502, 1; 859, 1;
916, 1; **En** 659, 16; **Ео** 281, 2; **Ep** 617, 20
do-e-ro
te-o-jo **Eb** 156, 1; 169, 1; 838, 1; 884, 1;
885, 1; 890, 1; 913, 1; 915, 1; 1174, 1;
En 74, 5, 6, 7, 9, 14, 15, 17; 609, 7,
12, 13, 14; 659, 3, 6, 10, 13, 19; **Ео**
211, 4; 224, 2, 3, 4; 247, 2, 5, 6; 269,
p; 276, 4, 6, 8; 351, 2; 444, 2, 5; 471,
2; **Ep** 212, 2, 3, 7, 8, 10; 539, 3; 617,
9; 705, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9
проч. **Ае** 26; **Ан** 607, 2, 5; **Сн** 1287,
6, 7; **Eb** 847, 1; 1176, 1; 1187,
1; 1188, 1; **Ep** 539, 7, 8, 9, 10, 11,
12; **Es** 644, 6; 650, 5, 6; 703, 1;
Jn 310, 11; 431, 11; 706, об. 1; 750, 13
сомнит. **Eb** 835, 1; 872, 1; 898, 1; 1186,
1; **Ep** 617, 19; **Jn** 413, 7
do-e-ro-i **Fn** 50, 11, 12, 13, 14; 324, 27;
867, 4

Б. ИМЕНА

1. Рабов

ai-ki-wa-ro **Es** 644, 5; 650, 5; 653, 1
a₂-ra-ka-wo **Сн** 1287, 7
du-ni-jo (t) **Eb** 169, 1; **Ep** 705, 3
e-do-mo-ne-u (t) **En** 609, 13; **Ео** 224, 3
e-ko-to (t) **Eb** 913, 1; **En** 74, 7, 17;
Ео 247, 2; 276, 6; **Ep** 212, 3; 705, 8
e-ni-to-wo **Eb** 1187, 1; **Ep** 539, 10
e-ri-wo-ko (t) **Ep** 212, 2
e-sa-ro (t) **En** 609, 14; **Ео** 224, 4; **Ep**
705, 4
e-u-ru-wo-ta(t) **Eb** 156, 1; **Ep** 617, 9
e-65-to (t) **Eb** 74, 9; 609, 7; **Ео** 211, 4;
276, 8
i-na (t) **Eb** 885, 1; **Ep** 539, 3
ka-ra-pa₃-so (t) **En** 659, 19; **Ео** 269, p
ka-ra-u-da-ro (t) **Eb** 838, 1; **Ep** 705, 5
ka-ta-no (t) **Eb** 890, 1; **Ep** 705, 2
ka-wa-do-ro (t) **Ep** 212, 7
ko-sa-ma-to (t) **Eb** 915, 1; **Ep** 212, 8
ku-63-so (t) **En** 74, 14; **Ео** 247, 5
me-re-u **Ep** 539, 7
mu-ti-ri-ko **Сн** 1287, 6
o-re-a₂ (t) **Ep** 750, 7
pu-[...]da-ka **Ep** 539, 9
pu-ko-wo (t) **Ep** 705, 9
ra-su-ro (t) **Ep** 1174, 1; **En** 659, 3;
Ео 444, 2; **Ep** 212, 10
so-u-ro (t) **En** 609, 12; **Ео** 224, 2
ta-ra₂-to(t) **En** 74, 15; 659, 6, 10, 13;

* Указатели составлены Т. А. Каулиной.

** Принятые сокращения: p — ребро; (t) — te-o-jo.

Ео 247,6 (ta-ra-to); 351, 2; 444, 5;
471,2
te-se-u(t) En 74, 5; Ео 276, 4
te-te-re-u Eb 1176, 1; Ep 539, 8
to-wa-te-u Eb 1188, 1; Ep 539, 11
wi-wo-wo-i-jo Ep 539, 12

2. Рабынь

ai-wa-ja (t) En 74, 22; Ео 160, 2
e-pa-na-sa-ti (t) En 74, 13; Ео 247,4
(i-pa-sa-na-ti); Ep 212, 5
e-ra-ta-ra En 609, 16; Ео 224, 6
e-ri-ti-ja (t) Eb 1440; Ep 539, 2
i-do-me-ne-ja (t) Eb 498,1; Ep 212, 9
i-ni-ja(t) En 609, 6; Ео 211, 3
ko-pi-na(t) Ep 617, 15
ko-ri-si-ja(t) Eb 347, 1; En 74, 18,
24; Ео 160, 4; 247, 3; Ep 212, 4
ma-ra₃-wa (t) Eb 866, 2; Ep 705, 1
ma-79 (t) En 74, 8; Ео 276, 7
mi-ra (t) Eb 905, 1; En 74, 4; Ео 276, 3;
Ep 617, 16
mu-ti-ri-(t) Eb 858,1 (mu-ti); Ep 212, 6
pi-ro-na (t) Ep 539,1
po-so-re-ja (t) En 609, 17; Ео 173, 2;
224, 7; Ep 539, 4, 5, 617, 12
qe-ri-te (t) Eb 900, 1; Ep 617, 17
re-ka(t) Eb 886,1; Ep 212,1
si-ma (t) En 609,8; 211, 5
ta-ra-mi-ka (t) Eb 464,1; Ep 705, 10
te-pa₂-ja (t) Ep 539, 6
to-ro-ja (t) En 705, 6
tu-ri-ja-ti (t) En 659, 5; Ео 444, 4, 6
u-wa-mi-ja (t) Eb 416, 1; Ep 704, 2

3. Пол неизвестен

i-ra-ta (t) En 659, 16; Ео 281,2
ma-re-ku-na (t) En 74,6; Ео 276, 5
l-ra-so (t) Ep 617,20

4. Владелец рабов*

a-pi-me-de-o Ea 1187,1; 1188,1; Ep
539, 10, 11, 12
a-pi-[...] Fn 50, 13
a-te-mi-to Es 650, 5
de-ko-to-jo Jn 413, 7
di-u-ja Cn 1287, 6
di-wi-ja An 607, 5
e-qe-si-jo Eb 847, 1
e-qe-ta-i An 607, 3
e-u-we-to-ro Jn 750, 13
i-je-re-ja Ae 303; Eb 1176, 1; En 609,
16; Ео 224, 6; Ep 539, 7, 8

i-wa-ka-o Jn 310, 11
ka-pa-ti-ja Ae 110 (ka-ra-wi-po-ro-jo);
Ep 539, 9
ke-re-ta-o Cn 1287, 7
ke-we-to-jo Jn 310, 11
ko-ru-da-ro-jo Ae 26
nui-jo-pa₂ Fn 50, 12; 867, 4
pa-_{qo}-si-jo Jn 310, 11
po-ro-u-te-wo Jn 310, 11
qe-[ta-ko]-jo Jn 431, 11
l-ru-po-to-re-mo-jo Fn 324, 27
te-o-jo см. do-e-ro и do-c-ra
we-da-ne-wo Es 644, 6; 650, 6; 703, 1
l-wo-[Eb 981 (?); Fn 50, 14
85-(to)-ja-te-wo Fu 50,11

В. НАЗВАНИЯ ОТРИДОВ И МЕСТ ИХ ПРЕБЫВАНИЯ (AA, AB, AD)

a-da-ra-te-ja Aa 785; Ab 388
a-ke-ti-ra₂ Aa 815; Ab 564; 1099 (?)
a-ke-ti-ra₂-o Ad 290; 666
a-ke-ti-ri-ja Aa 85; 717
a-pi-_{qo}-ro Aa 804; Ad 690
a-pu-ko-wo-ko Ab 210; Ad 671
a-pu-ne-we Ad 684, p
a-ra-ka-te-ja Aa 89; 240
a-ra-ka-te-ja-o Ad 677
a-ra-te-ja-o Ad 380
a-te-re-wi-ja Aa 779, p
a-64-ja Aa 701; Ab 515
a-64-ja-o Ad 315; 326
da-mi-ni-ja Ad 697
da-[...] Aa 96
e-ke-ro-_{qo}-no Aa 777; Ab 563; 1109;
Ad 854
e-ko-ro-_{qo}-no-qe Ad 691
e-pi-ja-ta-ni-ja Ad 687
e-pi-jo-ta-na Aa 95
e-pi-ko-e Ad 672
e-pi-ko-o Aa 94
e-re-ta-o Ad 684, p
e-re-[...] Ad 697
e-u-de-we-ro Aa 772; Ab 379; Ad 670
e-wi-ri-pi-ja Aa 60
i-te-ja-o Ad 684
[...] -ja Ad 1014
ka-pa-ra₂-de Ad 679
ka-pa-ra₂-do Aa 788
ka-ru-ti-je-ja-jo-qe Ad 671
ke-e Aa 93; Ad 295
ke-re-za Aa 762; 807; Ab 217; 586;
Ad 318; 686
ki-ma-ra Aa 63
ki-ma-ra-o Ad 668

* В указатель включены имена частных рабовладельцев, должностных лиц и божеств, собственностью которых числились рабы.

ki-ni-di-ja Aa 792; Ab 189
 ki-ni-di-ja-o Ad 683
 ki-si-wt-ja Aa 770; Ab 194
 ki-si-wi-ja-o Ad 675
 ko-ri-to Aa 921
 ko-ro-ki-ja Aa 354; Ab 372
 ko-ro-ki-ja-o Ad 680
 ku-te-ra₃ Aa 506; Ab 562
 ku-te-ra-o Ad 390; 679
 me-ki-to-ki-ri-ta Ab 575
 me-ki-to-ri-ta-o Ad 955
 me-re-ti-ra₂ Ab 789
 me-re-ti-ra₂-o Ad 308
 me-re-ti-ri-ja Aa 62
 me-ta-pa Aa 752; 779; Ab 355
 mi-ra-ti-ja Aa 798; 1180; Ab 573
 mi-ra-ti-ja-o Ad 380; 689
 mi-ra-ti-ra Ab 382
 ne-we-wi-ja Aa 695; Ab 560
 ne-wc-wi-ja-o Ad 357
 ne-wo-pe-o Aa 786; Ab 554; Ad 688
 no-ri-wo-ko Aa 98
 no-ri-wo-ko-jo Ad 669
 [...]o Ad 700
 o-nu-ke-ja Ab 194
 o-nu-ke-ja-o Ad 675
 o-pi-ro-qo Aa 777; Ab 899; Ad 691
 o-ti-ra₂ Ab 417
 o-ti-ra₂-o Ad 663
 o-ti-ri-ja Aa 313
 o-wi-to-no; Aa 775; Ab 277; Ad 685
 pa-ke-te-ja Aa 662; Ab 745; 746
 pa-ke-te-ja-o-qe Ad 671
 pa-wo-ko[#] Aa 795; Ab 558
 pa-wo-ko-qe Ad 691
 pe-ki-ti-ra₂ Ab 578
 pe-ki-ti-ra₂-o Ad 694; 891 (?)
 pi-we-re Aa 1182
 po-to-ro-wa-pi Aa 76; Ad 678
 pu-ro Aa 61; 1180; Ab 186; 189; 190;
 217; 356; 372; 388; 417; 515;
 553; 555; 558; 560, 562; 563, 564;
 573; 575; 578; 586; 789; 899; 1100;
 Ad 315; 318; 380; 390; 664; 666;
 667; 674; 675; 676; 677; 679; 680;
 683; 684; 686; 689; 690; 691
 ra-mi-ni-ja Ab 186
 ra-pi-ti-ra₂ Ab 555
 ra-qi-ti-ra₂ Ab 356
 ra-qi-ti-ra₂-o Ad 667
 ra-u-ra-ti-jo Ad 664
 ra-wi-ja-ja Aa 807; Ab 586
 ra-wi-ja-ja-o Ad 686
 re-u-ko-to-ro Ad 290; 308; 326; 668;
 669
 re-wo-to-ro-ko-wo Aa 783; Ab 553;
 Ad 676
 ri-ne-ja Ab 745; 746
 ri-ne-ja-o Ad 295; 326; 664; 670;
 672; 678; 687; 697
 ro-u-so Aa 717; 798; Ab 386; 1099
 te-pe-ja-o Ad 921
 ti-nwa-si-ja Aa 669; Ab 190
 ti-nwa-ti-ja-o Ad 684
 to-sa-me-ja-o Ad 685
 we-wo-si-je-ja Aa 762; Ab 217
 we-we-si-je-ja-o Ad 318
 wi-ja-da-ra Ad 142
 ze-pu-ra₂ Aa 61
 ze-pu-ra₂-o Ad 664

«Илиада» и «Одиссея»

А. ГРЕЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ *

ἀμφίπολος

ед. ч. II., VI, 372, 399; XXIV, 302, 304;
Od., I, 136, 191, 335; IV, 52, 133;
 VI, 115, 116; VII, 172; X, 368,
 XV, 135; XVI, 152; XVII, 91;
 XVIII, 214; XIX, 90; XXI, 66;
 XXIII, 227; XXIV, 366
 мн. ч. II., III, 143, 422; VI, 286, 324,
 491, 498; XVIII, 417; XXII, 442,
 461; **Od.**, I, 331, 357, 362; IV,
 751, 760; VI, 18, 52, 80, 84, 109,
 198, 199, 209, 217, 218, 238, 239,
 246, 260, 320; VII, 232, 235, 290,
 300, 304, 335; IX, 206; X, 348;

XII, 18; XVI, 413; XVII, 49
 XVIII, 198, 207, 303; XIX
 317, 514, 601, 602; XXI, 8, 61
 351, 356; XXII, 483; XXIII,
 366.

ἀνδράποδον II., VII, 475

ἀνὴρ **Od.**, XVI, 305.

γυνή

илепсные II., I, 348, 429; II, 226;
 VIII, 165; XI, 366, 594, 664; XI,
 638; XVI, 831; XIX, 286, 301;
 XX, 193; **Od.**, III, 154; XIV, 264;
 XVII, 433

даримые II., VIII, 291; IX, 128,
 130, 139, 270, 281; XIX, 195,
 245, 280; XXII, 164; XXIII,

* Для слов γυνή и ἀνὴρ в указатель включены ссылки только на те места, где говорится о рабах. Вопросительный знак в скобках означает сомнение в том, идет ли в данном месте речь о рабах.

261, 263, 512, 704; **Od.**, XXIV, 278.
рабыня II., IV, 141 (?); VI, 289, 323; IX, 477; XXII, 514; **Od.**: I, 362; II, 108; IV, 751, 760; VI, 52, 80; VII, 97(?), 103, 235, 300; XIII, 66; XV, 76, 417; XVI, 108, 304, 316, 413; XVII, 49, 75(?), 319, 505; XVIII, 186, 340; XIX, 16, 67, 87, 344, 370, 490, 497, 602; XX, 6, 105, 107, 161, 318; XXI, 8, 235, 356; XXII, 37, 151, 158, 313, 395, 417, 421, 427, 431, 434, 437, 446, 483, 496; XXIII, 21, 143, 298, 364; XXIV, 144, 211.
δρωή II., VI, 323, 375, 376; IX, 477, 658; XVIII, 28; XXII, 449; XXIII, 550; XXIV, 582, 587, 643; **Od.**, I, 147, 435; II, 412; III, 428; IV, 49, 296, 682, 719; V, 199; VI, 99, 307; VII, 103; VIII, 433, 454; XIII, 66; XV, 25, 93, 461; XVI, 108, 336; XVII, 34, 88, 493, 505; XVIII, 311, 313; XIX, 25, 45, 60, 82, 121, 154, 490; XX, 122, 139, 147, 318; XXII, 37, 396, 422, 427, 441, 456, 458, 484; XXIII, 132
δρώς
ед. ч. **Od.**, IV, 736; XXIV, 257
дв. ч. **Od.**, XXI, 244; XXII, 114
мн. ч. II., XIX, 333; **Od.**, I, 138; IV, 644; VI, 69, 71; VII, 225; XI, 206; XI, 190, 431; XIV, 59, 80, 399; XV, 376, 379; XVI, 104, 305; XVII, 299, 320, 389, 402, 422; XVIII, 417; XIX, 78, 526; XX, 298, 325; XXI, 210; XXIV, 210, 213, 219, 223
δούλειος **Od.**, XXIV, 252
δούλη II., III, 409; **Od.**, IV, 12
δούλιος II., VI, 463; **Od.**, XIV, 340, XVII, 323
δουλοσύνη **Od.**, XXII, 423
δρηστέρα **Od.**, X, 349; XIX, 345
δρηστήρ **Od.**, XVI, 248; XVIII, 76; XX, 160
δρηστοςόνη **Od.**, XV, 321
θαλαμηπόλος **Od.**, VII, 8; XXIII, 293
οικεός
домочадец II., V, 413; VI, 366
раб **Od.**, IV, 245; XIV, 4, 64; XVI, 303(?); XVII, 533(?)
παλλακίς II., IX, 449, 452; **Od.**, XIV, 203

ταμίη II., VI, 381, 390; XXIV, 302; **Od.**, I, 139; II, 345; III, 392 (?), 479; IV, 55; VII, 166, 175; VIII, 449; IX, 207; X, 371; XV, 138; XVI, 152; XVII, 94, 259, 495; XVIII, 169; XIX, 96; XXIII, 154
ὑποδωμός **Od.**, IV, 386
ὑποδρηστήρ **Od.**, XV, 330 (?)

Б. ИМЕНА РАБОВ И РАБЫНЬ

Автояга **Od.**, XVIII, 182
Акторида **Od.**, XXIII, 228
Бриссида II., I, 184, 323, 336, 346; II, 689; IX, 106; XIX, 246, 261; 282; XXIV, 676
Гекамедя II., XI, 624; XIV, 6
Гипподамия **Od.**, XVIII, 182
Долий **Od.**, IV, 735; XVII, 212; XVIII, 322; XXII, 159; XXIV, 222, 387, 397, 409, 411, 492, 497, 498
Евмей **Od.**, XIV, 55, 165, 360, 440, 442, 462, 507; XV, 307, 325, 341, 381, 486; XVI, 7, 8, 60, 69, 135, 156, 461, 464; XVII, 199, 264, 272, 305, 306, 311, 380, 508, 512, 543, 561, 576, 579; XX, 169, 238; XXI, 80, 82, 203, 234; XXII, 157, 194, 279
Евриклея **Od.**, I, 429; II, 347, 361; IV, 742; XVII, 31; XIX, 15, 21, 357, 401, 491; XX, 128, 134, 148; XXI, 380, 381; XXII, 391, 394, 419, 480, 485, 492; XXIII, 25, 39, 69, 177
Евримедуса **Od.**, VII, 8
Евринома **Od.**, XVII, 495; XVIII, 164, 169, 178; XIX, 96, 97; XX, 4; XXIII, 154, 289, 293
Климена II., III, 144
Мелантий **Od.**, XVII, 212, 247, 369; XX, 255; XXI, 175, 176, 181, 265; XXII, 135, 142, 152, 159, 161, 182, 195, 474
Меланто **Od.**, XVIII, 321; XIX, 65
Месавлий **Od.**, XIV, 449, 455
Фило **Od.**, IV, 125, 133
Филойтий **Od.**, XX, 185, 254; XXI, 240, 388; XXII, 359
Хриссида II., I, 111, 143, 182, 310, 369, 439
Этра II., III, 144

II. УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ

Надписи линейного письма Б

- Aa** 60—151; 60—98—146; 61—146;
 62—154; 76—150, 151; 89—147,
 154; 93—151; 94—151; 95—150;
 240—153, 154; 240—1182—146;
 506—150; 662—146; 695—146;
 717—146, 150, 151; 752—146,
 151; 762—146; 772—151; 775—
 151; 779—146, 151; 783—154;
 785—147; 786—151; 788—155;
 792—154, 155, 158; 798—146,
 147, 150, 151, 154; 804—154; 807—
 146, 188; 863—147; 987—147;
 1180—146, 147, 154; 1182—150
Ab 186—154, 188; 189—147, 154,
 155, 158; 194—147, 148; 210—
 148; 277—147, 148, 151; 355—
 148, 151; 356 + 1049—147; 372—
 147; 379—147, 148, 151; 382—
 148, 154; 553—154; 554—148,
 151; 555—154, 163; 560—146;
 562—150; 573—150, 154; 578—
 147, 154; 586—188; 745—146—
 148, 154, 159; 746—146—148,
 154, 159; 789—154; 899—147;
 1099—148; 1582—148
Ac 1277—160, 161
Ad 308—159; 315—159; 357—146,
 151, 157, 158; 663—151, 159;
 664—159; 666—157; 671—146,
 157; 674—158; 679—157; 681—
 158; 683—158; 685—159; 689—
 151; 690—157; 694—151, 158;
 697—150, 159; 700—158; 854—
 159; 891—151, 159; 921—159;
 955—151, 159; 1014—158
Ae 26—171, 174; 110—171, 174;
 303—153, 171, 174, 182
Ak 611—158; 624—158; 627—158;
 824—158, 163, 185
An 292—146, 150, 153, 155, 158;
 607—153, 171, 175, 176, 181, 188;
 610—150, 151
Ca 895—114
Ce 665—151
Cn 608—151; 1287—171, 177
Ea 309—166, 167
Eb 156—171; 169—171; 347—171;
 416—171; 464—171, 177; 498—
 171; 502—171; 636—171; 835—
 171; 838—171; 847—171, 178;
 858—171; 859—171; 866—171;
 872—171; 884—171; 885—171;
 886—171; 890—171; 898—171;
 900—171; 905—171; 913—171;
 915—171; 916—171; 976—171;
 1174—171; 1176—171; 1186—171;
 1187—171; 1188—171
Ec 411—171, 178, 187
En 74—171, 179, 180; 609—171, 179,
 180; 659—171, 180
Eo 160—171, 179—181; 170—179;
 173—171; 211—171, 180, 182;
 224—171, 179, 180; 247—171, 180;
 269—171; 276—171, 180; 278—
 166, 167; 281—171; 351—171;
 444—171, 180; 471—171
Ep 212—171, 180; 539—171, 180,
 182; 617—166, 167, 171; 617+
 1121+1131—180; 704—171, 174,
 181; 705—171, 177, 180
Er 312—166, 167, 178; 880—166, 167
Es 644—171, 182, 183; 650—139,
 171, 182, 183; 653—183; 703—171,
 183
Fg 253—149
Fn 50—171, 183, 184; 324—171, 183,
 184; 867—171, 183, 184
Jn 310—171, 184; 413—171, 184;
 431—171; 431+433—184; 706—
 171, 184; 750—171, 184; 829—151,
 174
Kn 02—139
Ta 641—114, 118, 119
Tn 316—153, 182
Vn 19—151; 20—151
Wa 114—139

Древние авторы

- Aristoph.** Pax — 72; Plut. —
 16, 72; Ran. — 72; Vesp. — 72
Aristot. Ath. pol. — 31, 95;
 2, 2—217; Polit., 1289b — 221;
 1290b — 221
Athen., VI 262b — 268d — 13;
 263b — 268; 264c — 262; 264e —
 268; 265b—c — 254; 266c —
 14, 251, 268; 266f — 251, 262, 268;
 267c — 243; 267e — 259, 268;
 271b — 273d — 13; 272a — 268;
 272b—12, 268; 272c — 12, 14, 41
Dem., XX, 31 сл. — 25; XXV, 65—
 43; XLII, 5—25

Diod., XI, 62—42; XIII, 33—42
Herod., I, 1—135; 57—126;
 147—204, 224; 150—220; V, 65—
 204; 76—204; VI, 137—267; VIII,
 105—14; IX, 97—204
Hesiod. Opera et dies, 109 слл.—
 198; 159 слл.—198; 182 слл.—199
Homerg. II., II, 449—258; 591 слл.—
 152; III, 387—257; 409—173,
 235; IV, 52—133; 128—259; 141—
 257; 270—259; 638—259; V, 413—
 237; VI, 93—258; 115—258;
 155 слл.—142; 194—143; 234 слл.—
 258; 289 слл.—232, 252, 254; 323—
 240, 242, 243; 365 сл.—237;
 375 сл.—240; 455—173; 463—
 173, 235; VII, 475—232, 236;
 VIII, 290 сл.—259; IX, 128—
 242; 328 сл.—256; 477—242;
 658—240, 272; X, 262 слл.—
 227, 260; XI, 670 сл.—254; 697—
 254; XII, 433—257; XIII, 390—
 257; XV, 418—254; XVI, 831—
 173; 836—173; XVIII, 28—237,
 240, 241, 254; XIX, 245—259;
 333—238, 240, 242; XX, 193—
 173; XXI, 40—232; 79—257; XXII,
 62—240; 442—243; 449—240, 243,
 273; XXIII, 146—258; 175 сл.—
 135; 263 сл.—242, 258; 549 сл.—
 240, 241; 703 слл.—242, 257,
 258; 713—257; 741 сл.—252;
 760 сл.—257; 845 сл.—257;
 XXIV, 302—243; 518—235; 582—
 240; 587—240, 261; 643—240, 272
Od. I., 136—248; 147—240; 189 сл.—
 251; 191—243, 250; 335—249;
 357—249; 362—249; 394—274;
 398—237, 238, 241, 253; 430—238;
 431—256, 257; 432—273; 434 сл.—
 270; 435—238, 240; II, 412—240;
 III 71—74—255; 338 сл.—262;
 418 слл.—261; 428—240, 261;
 440—261; 464—261; 479—242;
 483—261; IV, 12—173, 235; 23—
 261; 43—261; 45 сл.—262; 49—
 240, 261; 52—248; 83—261; 133—
 243, 269; 245—237; 296—240;
 386—239; 615 слл.—252; 644—
 238, 239, 241, 265; 682—240;
 719—240; 736—238, 241, 251;
 737—265; 751—242, 249; 760—
 249; V, 199—240; VI, 52—243,
 69—238, 265; 71—238; 84—243;
 99—240, 243; 198—243; 238—
 243; 239—243; 307—240, 243;
 VII, 8—244, 269; 80—133; 81—
 218; 84 сл.—262; 100 сл.—263;
 103—156, 240, 242, 243, 262; 104 сл.—
 154; 108 сл.—263; 172—248; 225—
 238, 240—242; 235—234, 243;
 VIII, 390—168; 433—240; 454—
 240, 261; IX, 40 сл.—255; 205—
 249; 206—234, 238, 244, 249;
 252 слл.—255; X, 349—239; 364—
 261; 368—248, 249; XI, 188 слл.—
 251; 190—238; 431—238, 241,
 242, 250; 489—257; XIII, 66—
 240, 242; 272 сл.—253; XIV, 2—
 256; 4—237, 238, 254; 22—265;
 57 сл.—275; 59—238; 62 сл.—
 276; 64—237, 238; 80 сл.—238,
 275; 99 слл.—265; 102—265;
 115—241; 138 сл.—273; 202
 сл.—235, 255, 256; 230—255;
 288—216; 289—216, 253; 297—
 253, 256; 340—173, 235; 399—
 238; 449 сл.—265; 450 сл.—271;
 452—254; XV, 25—240, 270;
 93—240; 115 слл.—252; 135—248;
 343—257; 351—265; 365—273;
 376—238, 276; 379—238; 389—
 265; 415—253; 416—215, 216,
 253; 418—259; 419—253; 427—
 254; 428 сл.—256; 461—240;
 483—237, 238, 253, 256; XVI, 36—
 265; 108—240, 242; 140 сл.—
 238, 251; 247 слл.—264; 248—
 239; 303—237; 304—242; 305—
 238, 242; 318—271; 336—240;
 413—242; 425—254; XVII, 34—
 240; 49—249; 88—240, 261; 91—
 248; 214—265; 249 сл.—255, 256;
 266 слл.—223; 297 сл.—264; 299—
 238; 320 сл.—238, 276; 323—
 173, 235; 388 сл.—238, 276; 401—
 273; 402—238, 240, 272, 276;
 422—236, 240, 259; 423—259;
 442—255, 256; 493—240; 495—
 269; 505—240; 533—237; XVIII,
 76—239; 84 сл.—255, 256; 169
 сл.—258, 269; 182—269; 185—
 270; 198—243; 211—249; 251 сл.—
 250; 311—240; 313—240; 316—
 154; 321—273; 323—273; 339—
 274; 417—238, 240; XIX, 25—
 240; 45—240, 272; 60—240, 243,
 273; 65 сл.—274; 78—238, 240,
 259; 79—259; 82—240; 90—273;
 96 сл.—269; 121—240; 124 сл.—
 250; 154—240; 345—239; 490—
 240; 500—270; 526—238, 240,
 242; 602—249; XX, 105 слл.—
 270; 107—154, 264; 118—270;
 122—240; 139—240; 147—240;
 158—264; 160—239; 175—265;

185—265; 296—276; 297—154;
 298—238; 318—240; 325—238,
 240; 382—255, 256; 383—250,
 255, 256; XXI, 19—254; 66—249;
 209—265; 210—238, 265; 214 сл.—
 276; 244—238; 351—249; XXII,
 37—240, 242; 57—258; 114—238;
 396—240, 242, 270; 402 сл.—265;
 421 слл.—156, 173, 235, 240, 262,
 263, 285; 423—286; 427—240; 441—
 240; 456—240; 458—240; 483—243,
 244; 484—240, 243, 244; XXIII,
 132—240; 228—269; 293—244,
 269; 296—250; XXIV, 205 слл.—
 250; 208 сл.—251, 210—238,
 239, 251; 213—238; 219—238;
 223—238; 244 сл.—250; 252—
 235, 251; 257—238, 250, 251;
 278—259; 366—250, 261; 378—251
 Hymni Homer.—267; h. Apoll.
 Puth. 274 слл.—255
 Hyperid., fr. 29 (Bl.)—41
 Mimnerm., fr. 12 п 12A
 (Diehl)—220

Nic. Dam. FGH, 90f, 52—221
 Paus. II, 18,8—204; 18,9—204;
 III, 2, 1—220; VII, 2, 1 слл.—
 204; 2,2—221
 Pindar. Olymp., VIII, 30 (schol.)—
 14
 Plut. Nic., 29—42; Sol., 21—246;
 Moral., 291f сл.—220
 Pollux, III, 82—237; IX, 83—220
 Strab., IX, 2, 3,—267; XIV, 1, 3,—
 204, 221; I, 4—220; I, 6—221;
 1,28—221
 Theogn., 603—221; 1103—221
 Thuc., I, 2, 1—126; 2,5—126,
 204; 2,6—204; 10,1—131; 10,2—131;
 12—267; 98,2—42; II, 13, 7—14;
 IV, 16, 1—12; V, 2, 2—221; VII,
 27,5—15, 41; VII, 87, 4—42; VIII,
 40, 2—15
 Xen., Mem., III, 6, 14—14; Oec.,
 IX, 11—270; Vect., II, 6—14; IV,
 14—14, 30, 41; 17—41; 24—15

III. УКАЗАТЕЛЬ ГРЕЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

αἰχμαλωσία 235
 ἀμφιπολείω 250, 251
 ἀμφίπολος 154, 234, 237, 239, 240,
 242—244, 247—250, 261, 263,
 272, 274, 284
 ἀναγκαῖοι 239, 252
 ἀνδράποδον 60, 61, 233, 234, 236, 244,
 268
 ἀνδραποδωνίη 236
 ἀνδράπους 234, 236
 ἀποστασίου δίκη 43
 ἀργυρώνητοι 251
 γρηῖς 243, 258, 270
 γυνή 234, 240, 242—244, 246, 249,
 262, 263
 δμῆσις 239
 δμῆτειρα 239
 Δμῆτωρ 239
 δμῶή 168, 233—235, 237, 238, 240,
 242—244, 247—249, 261, 262, 272,
 284, 285
 δμῶις 238
 δμῶς 233, 234, 237—242, 244, 247—
 251, 259, 264, 265, 272, 275, 285, 286

δούλος 172
 δουλεία 175
 δούλη 234—236, 244, 248
 δούλιος (δούλειος) 90, 173, 174,
 235, 236, 244, 251, 257, 272
 δούλος 59—61, 172, 173, 185, 233,
 234, 236, 238, 241, 244
 δουλοσύνη 232, 235, 236, 244, 263,
 264, 285, 286
 δρήστειρα 239
 δρηστήρ 234, 239
 ἐκατόμνη 258
 ἐλεύθερος 59, 68, 241
 ἐπάουρος 257
 ἐπιβούκολος 265
 ἔργα 258
 ἐργάζεσθαι 276
 ἐρεθίζω 272
 εὐπλόκαμοι 273
 θαλαμηπυλος 244, 270
 θεράπεινα 235
 θεράπων 261, 272
 κήρυκες 262
 Κνίδιαι 154

κοῦροι 262
Λάμναι 154
λευκώλενοι 273
λοετροχός 154
Μιλάται 154
Νέκωια 246, 250, 251, 286
ξείνοι 265
οικέτης 59—61, 233, 236, 241
οίκεος 82, 234, 236—239, 244, 248
ὄργανον ἔμψυχον 89
ὄρχαμος 265, 269

παλλακίς 234, 235
ράπτριαι 154
Σιδωνιοι 252
σιτοχός 155
σκοπός, 269
ταμίη 242, 258, 269
τέμενος 264
ὑποδμός 239
Φοίνικες 252
χρειώδεις 252
ωνητος 235, 268

IV. УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Авраам 269
Артонол 269
Агамемнон 96, 98, 220, 231, 241,
242, 250, 259
Аид 80
Айвая 179
Айтион 179
Акаст 222
Акторида 269, 270
Александр — см. Парис
Алкидамант 75
Алкипой 155, 156, 169, 189, 219,
256, 262—264, 286
Алкмеониды 204
Алпатов М. А. 18
Амарута 179
Аменхотеп III 127
Амусия И. Д. 60
Амфимедей 163, 177, 180, 182
Андреев В. 85
Андрокл 221
Андромаха 173, 231, 237, 243, 244
Анозой 158
Антигона 69
Антиной 254, 255, 259, 276
Антифонт 75
Аноллон 187, 222, 255
Ардаион (E. Ardaillon) 77
Арсе 80
Арет 261
Арета 243
Аристарх 236, 240, 250
Аристоник, сын Евмена Пергам-
ского 74
Аристоник, схолиаст 239
Аристотель 13, 14, 67, 221
Аристофан, комедиограф 16, 62, 72,
87

Аристофан Византийский 236, 250
Артемиды 183, 222, 224
Астианакс 237
Афина 253, 258, 263
Афиней 12—16, 18—19, 24, 26, 27,
46, 87, 90, 243, 267, 268, 285
Афродита 235
Ахиллес 229, 231, 240, 242, 252, 256,
257, 259
Баргон-Браун (T. Burton-Brown)
207—208
Бежуньская-Маловист (I. Biezuńska-
Małowist) 67
Бек (A. Boeckh) 15, 16, 18, 24, 25
Беллерофонт 142
Белох (K. J. Beloch) 28, 33, 36, 130
Бемер (Fr. Bömer) 71, 79—81
Бенгтсон (H. Bengtson) 104
Беннетт (E. L. Bennett) 107, 110,
115, 120, 121, 139—141, 145, 146,
149, 153, 155, 157, 167, 170, 171,
175—179, 181, 182
Берингер (W. Beringer) 229, 230,
232—236, 238, 240—242, 253, 262,
270
Берн (A. R. Burn) 33, 105, 220
Бернштейн С. Б. 110
Билиньский (B. Biliński) 67
Блгги (A. J. Beattie) 116—119, 122
Блаватская Т. В. 131
Блаватский В. Д. 58, 64, 219
Блеген (C. W. Blegen) 101, 114,
119, 122, 131—133, 139, 141, 145,
160, 163, 169, 189, 206, 223, 262
Блок (M. Bloch) 82
Богаевский Б. Л. 52, 56, 62, 104,
123, 166, 194, 195

- Бонвар (A. Bonnard) 66, 69, 70
 Боше (L. Beauchet) 34
 Браунинг (R. Browning) 106
 Брисеида 269
 Бузескул В. П. 96, 123
 Бюксеншютц (B. Büchenschütz) 18, 22
 Бюхер (K. Bücher) 22—24, 49, 50
- Ваал 142
 Валлон (H. Wallon) 16—21, 23,
 24, 26, 27, 36, 39, 40, 69, 278
 Вальтер (Walter) 74
 Ванатай 179
 Веданей 183
 Вельовейский (J. Wielowiejski) 68
 Вельскопф (L. Welskopf) 68
 Вентрис (M. Ventris) 58, 98, 106,
 110—120, 122, 124, 137, 139, 145,
 153, 154, 161, 163, 167, 175, 183,
 187, 266, 279, 280
 Вересаев В. В. 235, 237
 Властос Г. 82
 Волгин В. П. 33
- Гарпократисон 43
 Гекамеда 269
 Гектор 173, 185, 231, 237
 Георгиев В. 58, 110—112, 114, 116,
 124, 128, 142, 194
- Гера 224
 Гераклид Понтийский 41
 Гераклиды 105, 130, 208, 219
 Геродот 10, 27, 42, 61, 126, 135,
 157, 204, 220, 236, 241, 267, 285
 Гесиод 41, 62, 198, 199, 236, 237, 241,
 267, 276, 285
 Гесихий 220, 235, 236, 238
 Гефест 253, 263
 Гильгамеш 142
 Гиперид 13, 15, 24, 41, 87
 Гипподамия 269
 Гиппократ 72, 73
 Гиппоник 13, 41
 Главк 258
 Глотц (G. Glotz) 100, 239, 265
 Глускина Л. М. 76
 Гольдман (H. Goldman) 220
 Гомер 62, 94, 98—100, 104, 105,
 127, 133, 142, 167, 194, 195, 198,
 220, 224, 227, 228, 234, 236, 237,
 240, 247, 266, 268, 285, 288
 Гомм (A. W. Gomme) 12, 37
 Гордон (M. L. Gordon) 82
 Горнунг Б. В. 69, 110
 Грей (D. H. Gray) 95, 133, 225, 227,
 228
 Грозный (B. Hrozny) 58, 109—111, 124
 Грот (G. Grote) 66
- Гротефенд (G. F. Grotefend) 118
 Грумах (E. Grumach) 116
 Гьерстад (E. Gjerstad) 200, 209—211
- Данов Хр. 68
 Дедал 103
 Дект 184
 Деметра 26, 222
 Деметрий Фалерский 12, 15
 Демосфен, брат оратора Лисия 15
 Демосфен, оратор 36, 60, 61, 83, 86
 Дениел (J. F. Daniel) 107
 Десборо (V. R. d. A. Desborough)
 205, 207—209
 Десницаля А. В. 110
 Джонс (A. H. M. Jones) 70, 72, 83,
 85, 86, 91
 Дивия 177
 Дилигенский Г. Г. 47, 49, 87
 Дильс (H. Diels) 65
 Даодор 41
 Диомед 237, 258
 Дионис 73
 Дметор 255
 Дмитриев А. Д. 39
 Доватур А. И. 218
 Долий 250, 251, 264, 265
 Доу (S. Dow) 115, 126, 129, 134, 181
 Дьяконов И. М. 155
- Евмей 189, 215, 237, 238, 251, 253—
 257, 265, 271—273, 275, 276, 277, 287
 Евней 232, 236
 Евриклея 223, 235, 238, 244, 251,
 258, 263, 264, 269, 270, 272—274
 Евримах 274
 Евримедуса 269, 270
 Евринома 258, 269, 270
 Еврипид 69, 72, 237
 Евриптолем 184, 189
 Евстафий 252
 Елена 235, 237, 243, 252, 254, 257,
 269
 Ельницкий Л. А. 69
 Еремьян С. Т. 39
- Жебелев С. А. 52, 55
 Жерне (L. Gernet) 66
 Жуковский В. А. 232, 235
- Захаров А. А. 123, 200
 Зевс 80, 173, 258, 270, 275
 Зеек (O. Seeck) 66
 Зельвин К. К. 66, 69
 Зенодот 236
- Иванов Ю. 50
 Ио 135
 Иосиф 272
 Ир 239, 255, 256

- Кагаров Е. Г. 56, 234
 Казакевич Э. Л. 18, 58, 60—62, 84
 Казамашова Л. Н. 54, 58, 59
 Кантор (H. Kantor) 103, 141
 Кариатия 174, 180
 Карштедт (U. Kahrstedt) 74
 Каски (J. L. Caskey) 129
 Кегак 184
 Кефал 36
 Кимон 42
 Кирка 239, 249
 Киселев С. В. 138
 Клермон (Chr. Clairmont) 207—209
 Клисфен 29
 Клитемнестра 135
 Кобер (A. E. Kober) 111, 112
 Ковалев С. И. 49—52, 57, 74, 266
 Кодр 204, 221, 222
 Колобова К. М. 53—59, 98, 133, 193, 203, 218
 Кордатос Г. 66, 69
 Коридан 174, 189
 Крайкер (W. Kraiker) 203, 204, 206
 Кратер 268
 Кратии 268
 Кречмер (P. Kretschmer) 127, 128
 Крюгер О. О. 53, 55, 56, 64
 Ксенюфонт 14, 30, 41, 87, 270
 Ксеркс 27, 157
 Ктесикл 12, 14—16, 21, 24—26
 Ктимиена 273
 Ктисопулос К. Д. 41, 112
 Кулишер И. М. 49
 Кун Н. А. 138
 Курунютис 101
 Курцияс (E. Curtius) 96
 Куторга М. С. 18—20, 22, 36, 59, 271
 Кэссон (S. Casson) 200, 201, 209, 210
 Кюблер (K. Kübler) 204—206, 212—214, 216

 Лактанций 241
 Ланг (M. Lang) 160, 177
 Лауффер (S. Lauffer) 37, 42, 71, 76—81, 87—90, 91
 Лаэрк 261
 Лаэрт 235, 237—239, 250, 251, 253, 258, 264, 269, 271, 273, 286
 Леви-Брюль (H. Levy-Brühl) 82
 Лежен (M. Lejeune) 121, 170, 171, 173, 175, 176, 181, 184
 Лесия В. И. 11, 45, 50, 195
 Лендман Я. А. 58, 59, 62, 67, 69, 110, 241, 267
 Леодамант 221
 Летрони (J.-F. Letronne) 16

 Лешке (Loeschke) 97
 Ликаон 257, 258
 Лисий 15
 Лоример (H. L. Lorimer) 100, 103—105, 128, 130, 195, 223—225, 227, 246
 Лосев А. Ф. 46
 Лотце (D. Lotze) 68, 84
 Лурье С. Я. 56, 58, 109, 111, 113, 115, 116, 118, 124, 146, 148—152, 154, 155, 161—166, 168, 170, 173—176, 178, 180, 181, 183, 184, 228, 281

 Маевский (K. Majewski) 67
 Майрс (J. L. Myres) 95, 133, 224, 225, 227, 228, 230
 Маккавен 75
 Маккензи (Duncan Mac. Kenzie) 122
 Манатт (J. L. Manatt) 97, 132, 135
 Манет 268
 Маринатос С. 132
 Маринович Л. П. 47
 Маркс К. 23, 24, 44, 45, 51, 88, 196
 Марон 249
 Марр Н. Я. 48, 55
 Матц (F. Matz) 99, 129, 137, 215—217, 224
 Машкин Н. А. 74
 Мегалент 235
 Мейер (Ed. Meyer) 18, 28—32, 35, 36, 42, 43, 49, 65, 66, 73, 91, 193, 278
 Медонт, глашатай 239
 Медонт, сын Кодра 222
 Мслаит 204
 Мелантпий 255, 265, 274
 Мсланто 259, 265, 273, 274
 Менандр 72
 Менелай 231, 235, 252, 261, 262, 287
 Месавлий 251, 254, 265, 271
 Микнат (G. Micknat) 71, 76, 230—232, 240, 253, 256, 270
 Милонас Г. 98, 103, 104, 132, 136, 211
 Мимнерм 220
 Митридат 268
 Михаловский (K. Michałowski) 67
 Мшшулин А. В. 16, 17, 51, 54, 58, 74
 Морган (L. Morgan) 45
 Мюллер (W. Müller) 68

 Навская 242, 244
 Нелеиды 221
 Нелей 221
 Нестор 101, 132, 152, 187, 189, 231, 242, 254, 255, 260—262, 272, 285, 287
 Никий 13, 16, 24, 30, 41

- Николай Перппатетик 262
 Нильссон (M. P. Nilsson) 100, 105, 141
- Овидий 211**
 Одиссей 24, 142, 154—156, 163, 169, 173, 189, 219, 220, 222—226, 229, 230, 235, 237, 239—241, 244, 249—251, 253, 255—259, 262—266, 269, 270—277, 284, 285, 287
- Олбрайт (W. F. Albright) 139, 142, 197, 198, 208
 Олива (P. Oliva) 11, 41, 68
 Орест 220
- Павловская А. И. 68
 Павлиний 198, 220
 Палмер (L. R. Palmer) 98, 120—123, 128, 130, 132, 147, 165, 175, 179, 280
- Папазоглу Ф. 195, 282
 Парис 231, 232, 235, 252
 Парри (Parry Milman) 228
 Пасион 36
 Патрокл 135, 173, 219, 242
 Пейдж (D. Page) 246, 249, 250
 Пельман (R. Pöhlmann) 28, 32, 33, 45, 91
- Пендлбери (J. D. S. Pendlebury) 96, 99, 101, 124
 Пеллопа 223, 239, 240, 242, 244, 250, 251, 254, 265, 271—274, 284
- Пенфил 220
 Пенфилиды 220
 Периадр 41
 Перикл 30, 36, 37
 Перисад 52
 Персефона 26
 Перссон (A. Persson) 136
 Петре (Z. Petre) 68
 Петров М. К. 69
 Печирка (J. Pečirka) 68, 69
 Пиррей 179
 Пяндар 14
 Писистрат 261
 Писистратиды 204
 Питри (Fl. Petric) 97
 Пяфия 12
 Платон 65, 67
 Плутарх 220
 Поздесва И. В. 85
 Полибий 68
 Поликаста 261
 Полифем 255
 Поллукс 237
 Посейдон 80, 183, 222, 239
 Приам 232, 240
 Протей 239
 Пятковский (A. Piatkowski) 68
- Рамсес II 142
 Ранович А. Б. 138
 Рихард (W. Richard) 76, 230
 Рихтер (W. Richter) 20, 21, 36, 239
 Розенберг (A. Rosenberg) 74
 Ройш (H. Reusch) 102
 Розлан Ромен 66
 Ростовцев М. И. 48, 91
- Савмак 52
 Сарджент (R. L. Sargent) 13, 15, 21, 27, 35—37, 73
 Сатурн 17
 Сахарный Н. Л. 227
 Свяда 15, 24, 220, 221, 237, 238
 Секида 268
 Селевк 243
 Сент-Круа (G. E. M. de S-le Croix) 71, 86, 87
 Сергеев В. С. 50, 56, 58, 124, 138, 144
 Сильван 79, 80
 Сингалевич С. П. 63, 64
 Синко (T. Sinko) 259
 Сигухот 142
 Соболевский С. И. 62, 72
 Сократ 69
 Солон 20, 29, 62, 63, 216, 284
 Софокл 237
 Спартак 74, 75, 80
 Стаббингс (F. H. Stubbings) 103, 141
 Стаматакис 135
 Старр (Ch. G. Starr) 87, 91
 Страбон 204, 211, 220, 221, 267
 Струве В. В. 51, 53, 55, 124, 156
 Сундвалл (J. Sundvall) 106, 117
- Таламата 272
 Таубеншлаг (R. Taubenschlag) 40
 Тевкр 259
 Телемах 237, 242, 252, 255, 260—264, 266, 270—272, 274, 276, 287
 Тесей 185
 Тямарх 15
 Тимей 12, 262, 268
 Тоант 252
 Товар (A. Tovar) 170, 171
 Тод (M. N. Tod) 41, 42
 Толстов С. П. 138
 Томпсон (E. A. Thompson) 82
 Томсон (G. Thomson) 11, 42, 46, 66, 69, 70, 86, 131, 133, 196
 Трамика 177
 Трич (F. J. Tritsch) 121, 153, 157, 161, 168, 169, 175, 176, 182, 281
 Тронский И. М. 265
 Тутмосиды 127
 Тэйлор (W. Taylour) 103

- Тюменев А. И. 22, 28, 47—50, 52, 55, 56, 91, 110, 111, 115, 123—125, 138, 156, 158, 161, 163—168, 178, 194
- Уиллетс (R. F. Willets) 69, 86
Улликумми 142
Утченко С. Л. 47, 49, 74
Уэбстер (T. B. L. Webster) 121, 138, 140, 142, 143, 146, 167, 179, 193, 206, 208, 222
Уэйс (A. J. B. Wace) 98, 99, 101—104, 127, 132, 135, 136
Уэллес (C. B. Welles) 70
Уэстерман (W. L. Westermann) 13—18, 27, 28, 31, 34, 35, 38—43, 66, 70, 71, 73, 79, 82, 85—91, 234, 264, 269, 278, 279
- Файдам 253
Файнинг 25, 26
Фаррингтон (B. Farrington) 74
Фемислокк 157
Феогнид 41, 221
Феополи 254
Ферекрат 268
Филемонид 13, 41
Фило 269
Филолтий 265, 276
Фиммен (D. Fimmen) 100
Финли (M. I. Finley) 47, 66, 81—86, 88, 91, 92, 226, 229, 230, 237, 245, 268, 278, 279, 280
Фогт (J. Vogt) 66, 71—76, 79, 80, 82, 86, 88, 90—92, 136, 137, 232, 279
Фолькман (H. Volkmann) 71
Форсдайк (J. Forsdyke) 104, 130, 194
Фортуна 80
Френкиан (A. M. Frenkian) 120
Фукидид 14, 15, 41, 42, 78, 126, 131, 204, 221
Фуртвенглер (A. Furtwängler) 97
Фурумарк (A. Furumark) 103, 118, 146, 152, 163, 184
Фюстель де Куланж (N. D. Fustel de Coulanges) 239
- Хазебрек (J. Hasebroeck) 28
Хаммурапи 29
Хатшепсут 127
Хилл (G. Hill) 200, 201, 211
Хогарт (D. G. Hogarth) 194
Холленд (L. Holland) 218
Хремил 16
Хрисеида 269
Христос 96
Хэммонд (N. G. L. Hammond) 86, 87
- Цябарт (E. Ziebarth) 28
Цунда (Chr. Tsountas) 25, 97, 100, 132, 135, 211
- Чадвик (J. Chadwick) 58, 99, 106, 107, 110, 112, 114—117, 119, 120, 137, 139, 140, 152, 154, 161, 163, 167, 187, 266
Чайлд (V. Gordon Child) 85, 130, 131
Чеснола (L. di Cesnola) 200, 209
- Шапо (V. Chapot) 34
Шампольон (F. Champollion) 119
Шахермейр (F. Schachermeyr) 39, 99, 127, 128, 131
Шепунова Т. М. 57, 124, 138
Шеффер (C. F. A. Schaeffer) 198, 200
Шлайфер (R. Schlaifer) 82
Шлиман (H. Schliemann) 96, 97, 99, 123, 135
Шмядт Р. В. 53, 54, 55
Шостакович С. В. 63
Шпрангер (P. P. Spranger) 71
Штаерман Е. М. 79, 81
- Эванс (A. Evans) 96, 98, 99, 101, 102, 104—110, 117, 122, 123
Эванс (J. Evans) 98
Эвн 80
Эйлерс (Eilers) 116
Энгельс Ф. 11, 17, 23, 44—46, 51, 91, 196, 199
Эренброд (L. Ehrenbrod) 67
Эрикни 205
Эсхин 15
Эфрон (H. D. Ephron) 120
Эхелаоп 167, 185
Эхнатон 127
- Юм (D. Hume) 14—16, 24, 278
Юпитер 79
Юсифов Ю. Б. 61
- Ямбул 33
Ясон 236
- Bérard J. 225
Bolling G. M. 236
Broneer O. 133, 218
Busolt G. 234
- Calhoun G. M. 249
Cohen R. 265
Daniel Gl. E. 96
Dikaios P. 107
Dunbabin T. J. 251
Germain G. 215
Gurney O. R. 142

Harsh Ph. Wh. 272
Hatvany L. 61
Jardé A. 12, 25
Karo G. 100
Labarbe J. 70
Laistner M. L. W. 70
Mazon P. 236
Merlingen W. 182

Reichel W. 215
Ruiperez M. S. 182
Sakellariou M. B. 220
Seston W. 70
Smith R. E. 71
Swain J. W. 70
Swoboda H. 234
Verdelis N. M. 132
Winniczuk L. 67

V. ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аболиционизм 17, 21, 22, 39, 90
Аренда рабов ?
Басилей 160, 166, 168, 212, 218, 219,
220, 222, 223, 225, 226, 230, 232,
251, 256, 259, 260, 261, 262, 265,
266, 268, 269, 274, 283—285, 287
Божья раба 177—180, 182, 185, 187
Ванака 167, 178, 222
Военнопленные 42, 61, 76, 184, 211,
232, 234, 236, 238, 239, 242, 257—
см. Пленницы
Войкен 40, 54, 58, 59, 64
Войны рабские 74
Вольноотпущенники 18, 19, 38, 40,
62, 80, 82, 276
Восстания рабов 14, 23, 24, 38,
40, 41, 52—54, 57, 64, 74—76, 79,
80, 89, 90, 279
Гектеморы 54, 55, 63
Герусия 168
Гимнеты 68
«Городская революция» 130, 133
Гортинские законы 50, 54, 58, 59,
176, 237
Дамос 177, 178
Дворцовое (царское) хозяйство
микенского времени 145, 157, 160—
163, 165, 171, 186—189, 196, 209,
225, 268, 280, 281
у Гомера 225, 226, 245, 247, 249, 256,
259, 260, 262, 266, 267, 284—288
Дворцы — см. Алкипой, Менелай,
Нестор, Одиссей
Демосии — см. Рабы государствен-
ные
Жрецы (жрицы) 174, 177, 180, 182,
185, 189, 279
Иеропей 187
Илоты 24, 40, 53, 59, 63, 68, 82, 84
Илотия 16, 40, 56
Источники рабства 20, 188, 260
Иеродулия — см. Рабы храмовые
Клароты 54, 58, 59, 69
Классовая борьба рабов 52, 64, 92
Клер 59, 237
Колоны 29
Коринефоры 68
Крепостная зависимость 20, 21, 29,
40, 50, 53, 54, 56, 69, 82, 84, 85,
179, 234
Лавает 167, 178, 222
Лексикографы 18, 19, 22, 239
Литургия 37, 163, 164
Манумиссии 20, 21, 42, 43, 54, 63,
73, 76, 79
Мариавдины 69
Метекы 12, 15, 19, 20, 35, 62, 80
Мноиты 69
Наложницы 29, 231, 235, 255, 256
Ойкосное хозяйство у Бюхера 23, 24
Освобождение рабов 19, 20, 40, 89—
см. Манумиссии
Певесты 40, 54, 69
Пленницы 188, 231, 232, 242
Пиратство 239, 256, 260
Побеги рабов 54, 59, 71, 73, 76, 89
в Декелею 15, 30, 41, 78
Полеты 77

Полукровки 175, 176, 181
Право убежища 54, 80
Примитивные формы эксплуатации
54, 73

Работоторговля 42, 63, 171, 173, 176,
188, 229, 231, 232, 236, 238, 240,
250, 251, 253—257, 259, 260,
268, 286

Рабский труд 29, 30, 32, 34—40, 42,
46, 47, 49—51, 67, 73, 74, 76,
77, 79, 81, 82, 86, 87, 89, 125, 154,
187, 209, 230, 232, 259, 284, 287,
288

в горном деле 29, 33, 67, 76, 78
в домашнем хозяйстве 16, 35,
37, 42, 59, 60, 61, 86, 156, 210,
211, 239

в Лаврионе 13, 15, 24, 30, 36, 37,
40, 42, 47, 76, 77—79, 81, 86

в ремесле 29, 30, 33, 35—37, 42,
47, 49, 67, 70, 86, 184, 186, 189

в сельском хозяйстве 29, 30, 33,
35—37, 47, 59, 63, 83, 156, 186, 265
в торговле 37, 42

Рабство 11, 12, 14—24, 26—31, 33—
35, 39—44, 49, 51, 53—56, 58—60,
62—64, 66—76, 79, 81—92, 121,
124, 134—136, 156, 161, 165,
171, 173, 174, 185, 187, 189, 209—
212, 226, 230, 232, 235, 238, 240,
245, 255, 256, 259, 260, 266—269,
272, 273, 276, 278, 279, 282, 283,
285, 286

античное 11, 12, 17, 21—24, 28,
31—35, 38, 39, 43, 44, 49, 50—52,
55—57, 64—66, 68, 70—73,
76, 79, 80—82, 84, 86—89, 91, 92,
245, 269, 271, 278, 279

гомеровское 20, 41, 62, 229, 232,
245, 265, 268, 269, 271, 288
—должничество 53, 82, 188

доморождение 188

древнегреческое 11, 12, 18, 22,
30, 32, 35, 50, 53, 55—59, 62,
64, 68, 70, 82, 84, 86, 278

микенское 20, 134, 259, 266

патриархальное 21, 23, 31, 49,
56, 68, 136, 174, 176, 230, 231,
233, 242, 268, 269, 271, 273, 288
покупное 268, 284

Рабы 12—22, 24, 25, 29, 30, 33—39,
41, 42, 47, 49—56, 58—64, 68,
71—75, 77—80, 83—87, 89—92,
110, 123, 235, 257, 259, 166, 174,
186, 210, 211, 218, 227, 229—231,
233—242, 244—254, 256, 259—274,
276—280, 284—288
агенты 62

государственные (демосии) 19, 21,
31, 35, 36, 40—42, 277

дворцовые 181, 185, 186, 188
дети 35, 36, 158, 159, 189
иноплеменники 53, 61, 174, 287
мужчины 15, 24, 156, 189, 231,
240, 244, 264—266, 269, 271

Пироса 144, 160—164, 168, 170,
171, 174—178, 181—189, 199,
209

подростки 164, 189

в птолемеевском Египте 38, 68
в Северном Причерноморье 63
храмовые 35, 40, 79, 80, 174, 177,
180, 182, 185, 189, 278

частновладельческие 13, 31, 40,
41, 58, 162—164, 170, 171, 180—
183, 185, 280

юноши 159, 160

— см. также: аренда, божья раба,
военнопленные, восстания, клас-
совая борьба, побег, стоимость,
статус, численность

Рабыни 123, 135, 148, 152—164,
167—169, 174—176, 181, 184,
186—189, 199, 223, 231, 233—236,
239—246, 248—254, 256—259,
261—266, 269—274, 279—281, 284,
287

«Революция рабов» 52, 55

Рента рабская 90

Ритуал убийства 104, 135, 136, 144,
210, 211

Статус зависимых производителей 54

Статус рабов 24, 26, 34, 76, 84, 86,
153, 154, 168, 173, 211, 233, 241,
265

афинских рабов 24, 31, 55, 82

Статус свободных 42, 82, 157, 243
Стоимость рабов 20, 76, 254, 257, 259

Теменос 162, 166—168, 209

Тереты 162, 178—180

Фсаки 168, 262, 263

Фет 234, 241, 265

Храмовое хозяйство 171, 187

Численность рабов 14, 15, 20, 23,
29, 30, 33, 40, 43, 46, 63, 79, 83,
87—89, 169

в Афинах 12—20, 24—27, 33, 35—
41, 46, 73, 77, 79, 83—85, 86,
88—90

в гомеровском эпосе: 262—266

Эргастерия 42, 70

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВЯ — Вопросы языкознания
ИАИ ОЛЯ — Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИПСИЯ — В. Георгиев. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958.
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
СА — Советская археология
ЯКМГ — С. Я. Лурье. Язык и культура микенской Греции. М. — Л., 1957
АС — Antiquité classique
AHR — American History Review
AJA — American Journal of Archaeology
AJPh — American Journal of Philology
BICS — Bulletin of the Institute of Classical Studies of the University of London
CPh — Classical Philology
CR — Classical Review
Docs — M. Ventris and J. Chadwick. Documents in Mycenaean Greek, Cambridge, 1956.
EHR — The Economic History Review
FGH — F. Jacoby. Die Fragmente der griechischen Historiker. Berlin, 1923 слл
GdA — Ed. Meyer. Geschichte des Altertums. Stuttgart, 1954
JEH — Journal of Economic History
JHS — Journal of Hellenic Studies
MaM — L. R. Palmer. Mycenaean and Minoans. New York, 1962
Minoica — Festschrift zum 80. Geburtstag von J. Sundwall. Berlin, 1958
PaP — Past and Present
PP — V. R. d'A. Desborough. Protoegeometric Pottery. Oxford, 1952
RE — Paulys. Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft
REG — Revue des études grecques
REL — Revue des études latines
SCE — Swedish Cyprus Expedition
WP — F. J. Tritsch. The Women of Pylos. «Mincica», Berlin, 1958

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
-----------------------	---

Часть I

Древнегреческое рабство в новой и новейшей литературе

Глава 1. Историография XIX века	11
Глава 2. От Мейера до Уэстермана	28
Глава 3. Советская историография	44
Глава 4. Борьба течений в современной зарубежной литературе	65

Часть II

Рабовладельческие отношения в микенской Греции

Глава 1. Археологические раскопки и расшифровка линейного письма Б	95
§ 1. Эволюция взглядов на микенскую культуру	95
§ 2. Памятники письменности	106
Глава 2. О некоторых проблемах истории микенской Греции	126
Глава 3. Рабы Пилосского дворца	144
Глава 4. Другие группы пилосских рабов	170

Часть III

Рабство в гомеровской Греции

Глава 1. Проблема регресса в послемикенское время	193
Глава 2. Экономические отношения в Элладе гомеровского периода	202
§ 1. Афины и Кипр в XI—X вв. до н. э.	202
§ 2. Афины в IX — начале VIII в. и дворцы гомеровских басилеев	212
Глава 3. Гомеровские термины, обозначающие рабов	227
Глава 4. Разновременность свидетельств «Одиссеи» о рабах	246
§ 1. Данные о рабстве гомеровского времени	247
§ 2. Рабы в хозяйстве басилеев	260
§ 3. О патриархальности гомеровского рабства	268
Заключении	277

Приложения

Указатели	291
I. Свидетельства о рабах в источниках	291
II. Указатель источников	295
III. Указатель греческих терминов	297
IV. Указатель имен	298
V. Предметный указатель	303
Список сокращений	305

И. А. Ленцман
Рабство в микенской и гомеровской Греции

Утверждено к печати Институтом истории Академии наук СССР

Редактор В. М. Смирин. Редактор Издательства Ф. Н. Арский. Художник Л. Ларский
Технический редактор Т. В. Полякова

РИСО АН СССР № 5993 В. Сдано в набор 2/VIII 1963 г. Подписано к печати 18/X-1963 г.
Формат 60×90^{1/16}. Печ. л. 19,25. Уч.-изд. л. 18,5. Тираж 1500. Т-12138. Изд. № 1163
Тип. зак. 2598.

Цена 1 р. ~~100~~ 38 к

Издательство Академии наук СССР Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства АН СССР Москва, Г-99. Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
8	5 сл.	письма Б.	письма Б
15	21 сл.	весовыми	весомыми
25	12 сл.	занимают	занимает
82	5 сл.	стр. 43	стр. 47
86	16 сл.	стр. 67	стр. 71
89	1 сл.	стр. 74	стр. 78
100	5 сл.	. Список	список
131	21 сл.	городом	«городом»
146	13 сл.	BICS	BICS, 1 (1954),
160	17 сл.	ka-ra-do-ra	ka-ra-do-ro
161	9 сл.	общества.	обществе.
165	17 сл.	стр. 114	стр. 120
165	11 сл.	не	на
167	3 сл.	te-me по	te-me-по
167	8 сл.	стр. 141	стр. 147
170	19 сл.	иными	иных
173	1 сл.	ов	ов
185	22 сл.	ko-wo-me-wi-jo-e	ko-wo me-wi-jo-e
198	10 сл.	VII в.	VIII в.
211	2 сл.	SCR	SCE

Я. А. Ленцманн. Работы в микенской и гомеровской Греции